

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений

ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

ВЫПУСК 14.

Издательство Саратовского университета,
2014

УДК [9+930.26Ъ(470.44)(082)
ББК 63.3(235.54)я43+63.4(23.54)я43
П42

Поволжский край: Междуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов.
П 42 ун-та, 2014. – Вып. 14. – с.

Сборник содержит статьи и сообщения по широкому кругу вопросов истории Поволжья

Для научных работников, аспирантов, учителей школ, гимназий и лицеев, студентов гуманитарных факультетов и институтов, всех интересующихся историей края.

Редакционная коллегия

М. В. Булычев (отв. редактор), А. А. Гуменюк
В. Н. Данилов (отв. редактор), А. А. Герман
П. С. Кабытов, Н. М. Малов, А. С. Скрипкин

УДК [9+930.26Ъ(470.44)(082)
ББК 63.3(235.54)я43+63.4(23.54)я43

С. А. Браташова

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТА УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА

В Саратове, на его юго-восточной окраине, расположен один из уникальных археологических памятников Поволжья – Увекское городище. Уже сам этот факт привлекает внимание к проблеме возраста поселения. К этому вопросу обращались многие исследователи Увека. Так, например, профессор Ф. В. Баллод, проводивший его раскопки в 1919–1920 гг., отмечал, что монеты до татарского времени были найдены на Увеке (II в. до н. э. – IX в. н. э.), Терновском городище (II в. до н. э. – X в. н. э.), Водянском городище (II в. до н. э. – XI в. н. э.). Это, по его мнению, свидетельствовало о том, что эти поселения были построены на месте более древних селений. После опустошительных набегов Тимура Увек и перечисленные выше городища, сообщает Баллод, продолжали существовать, что доказывают найденные здесь русские монеты XV–XVI вв., монеты из Западной Европы XVII в., а также «мордовки», крымские и бухарские монеты¹.

Неудавшаяся попытка сопоставления Увекского городища с античным Гелоном, предпринятая в конце XIX в. Л. Л. Голицыным и С. С. Краснодубровским, оттолкнула многих ученых от исследуемой проблемы. После обнаружения истинного места этого античного поселения была опровергнута гипотеза о расположении Гелена на Увеке, выдвинутая без всяких на то оснований Е. И. Забелиным в 1876 г.², а, следовательно, и отклонен вопрос о возрасте городища. По наиболее массовым находимым материалам возраст Увека чаще всего отсчитывается с начала эпохи Золотой Орды.

Но, несмотря на успехи в открытиях замечательных золотоордынских сооружений, вопрос об античном возрасте городища остался. Сложность его решения связана с нахождением Увекского городища в активной оползневой зоне. Наиболее ранним упоминаниям об «античном» возрасте Увека способствовали сборы артефактов соответствующего времени на размываемых Волгой оползневых отложениях. Прокладка в конце XIX в. в береговой зоне городища путей Рязано-Уральской железной дороги с соответствующими насыпями; затем сооружение противооползневого контрфорса с многотонной отсыпкой каменным «негабаритником» береговой зоны поселения в предвоенное время; заполнение в 1959–1961 гг. Волгоградского водохранилища с затоплением части территории и создание защитных противоабразионных откосов из бетонных плит – все эти инженерные мероприятия сделали подобные сборы практически невозможными.

Сохранились пусть и косвенные, но весомые аргументы в споре об античном (или близком к античному) возрасте поселения. Привлечь к ним внима-

¹ Баллод Ф. В. Приволжские «Помпеи». М.-Пг., 1923. С. 98.

² Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 234–235.

ние стало целью публикации. Если возраст золотоордынского поселения отсчитывается от лаконичных упоминаний о нем в «Книге Марко Поло»: «Собрались да и вышли из Болгара. Пошли они к городу, что был на границе земли западного царя и назывался Укака. Выйдя отсюда, переправились через реку Тигри и семнадцать дней шли пустынею»³ и «Путешествии» Гильома де Рубрука⁴, то возникает естественный вопрос, почему игнорируются аналогичные источники более ранних эпох?

Упоминания о Волге, пусть неотчетливые, встречаются у Геродота и Страбона⁵. В середине II в. н. э. на картах Птолемея появляются первые координаты Волжского бассейна. Использование математического аппарата великим астрономом и географом древнего мира дает основание считать его карты точкой отсчета, базисом процесса изучения научными методами великой реки Восточной Европы. Но на сохранившихся копиях карт Птолемея волжские поселения отсутствуют. Ближайшие города – только по Танаису – Дону (Экзаполис и Набарис). Впервые в географической литературе волжские поселения упомянуты в творческом переводе Птолемеевой географии на арабский язык великого астронома, математика, географа Мухаммада ибн Мусы Хорезми (ок. 783 – ок. 850 гг.).

Основоположник алгебры, популяризатор десятичной позиционной системы записи чисел, способствовавший внедрению индо-арабских цифр, ал-Хорезми был энциклопедически образованным ученым. Известно, что значительный период своей жизни он провел в Багдаде, возглавляя при халифе ал-Мамуне (813–833 гг.) библиотеку «Дома мудрости». В 827 г. ал-Хорезми принимал участие в измерении длины градуса земного меридиана на равнине Синджара. Возможно, карты ал-Хорезми носили название карт ал-Мамуна.

Для исторической географии Поволжья наиболее важен один из сохранившихся фактов его биографии – в конце своей жизни, при халифе ал-Васике (842–847 гг.) ал-Хорезми лично возглавлял экспедицию к хазарам, т. е. на Волгу. Последнее упоминание о нем относится к 847 г. Благодаря его сохранившимся таблицам географических данных стала возможна реконструкция карты Поволжья ал-Хорезми. В таблице приведены данные, касающиеся бассейна р. Волги, параллельно для сравнения даны координаты карт Птолемея⁶.

Великий математик использовал в своих таблицах логичный и простой принцип передачи географической информации, заимствованный у Птолемея, задавая координатами опорные пункты начала и окончания горного массива, изменения направления берега моря или течения реки, нахождения города (систематизация проведена для каждого климата, отдельно идут данные для гор, морей, стран, рек и источников, городов. (см. таблицу).

³ Книга Марко Поло. М., 1956. С. 45.

⁴ Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 118.

⁵ См.: Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 83, 93, 94, 164.

⁶ Выбраны из переведенного Т. М. Калининой текста ал-Хорезми (См.: Калинина Т. М. Сведения ранних арабских ученых Арабского Халифата. М., 1988).

Сравнение ранних географических данных о Поволжье

Клавдий Птолемей			Мухаммад ибн Муса ал Хорезми			Современное название
Название	Долгота	Широта	Название	Долгота	Широта	
Орографическая сеть						
Часть Гиперборейских гор			гора	69°00' 75°30'	42°50' 60°45'	
Часть Гиперборейских гор			гора, соединенная с этой горою	75°30' 107°20'	60°45' 63°20'	Уральские горы
			Гора восточн. истока	89°35' 94°50'	61°00' 61°00'	Уральские горы
Гиппийские горы	74°00' 81°00'	54°00' 52°00'	гора Ифика	73°00' 75°50'	57°00' 53°00'	Ставропольская возвышенность
Александровы столпы	80°00'	51°30'	Два наблюдательных пункта, созданные Зу-л-Карнайном	77°45' 77°15'	56°00' 54°15'	1. Увек (башня); 2. Бельджамен. Оба принадлежат Приволжской возвышенности
Керавийские горы	82°31' 84°00'	49°30' 52°00'	гора Кирманийя	77°15' 79°00'	50°10' 52°00'	Поднятие Иргени
Горы Риммика	90°00' 99°00'	54°00' 57°10'	гора Румика	83°00' 98°25'	57°00' 55°00'	Поднятие Общей Сырт + Ю.Урал
Речная сеть						
Ра			Ра			Волга
Истоки западной	70°00'	61°00'	1. Исток Ра	72°20'	60°30'	Волга
Истоки восточной	90°00'	61°00'	2. Исток реки, впадающей в 1	92°30'	61°00'	Кама
слияние	79°00'	58°30'	Слияние 1 и 2	81°30'	58°30'	Камское устье
Поворот	74°00'	56°00'	Поворот	75°40'	57°30'	Жигули
Поворот	85°00'	54°00'	Башня Зу-л-Карнайна	77°45'	56°00'	Увек
Устье	87°30'	48°50'	Устье	81°10'	49°20'	Устье Волги
Реки из Керавнийских гор			Реки из горы Кирманийя			С возв. Иргени
р. Алонт			1. Исток	78°00'	51°00'	
1. Устье	86°30'	47°40'	1. Устье в море	79°30'	48°30'	
р. Удон			2. Исток	78°40'	51°30'	
2. Устье	87°00'	48°20'	2. Устье в море	80°40'	49°00'	
р. Римм			Река из горы Румика			р. Узень
Исток			Исток	83°00'	57°00'	
Устье в море	91°00'	48°15'	Устье в море	84°00'	50°20'	Устье в оз. Сары-Кумыш

Из данных таблицы явствует, что ал-Хорезми в своей «Книге картины Земли», т. е. географии, не только перевел известную работу Птолемея на арабский язык, но и переработал, дополнил творение выдающегося географа античного мира современными эпохе арабской экспансии на север сведениями, чему способствовала, вероятно, его экспедиция к хазарам в середине IX в.

Сравнение данных этой таблицы позволяет сделать вывод о заметном изменении, уточнении ал-Хорезми данных Птолемея. Появляется отдельный горный массив, с которого начинается восточный приток Ра (р. Кама), изменяется в ряде случаев топонимика. Некоторые опорные точки великим математиком

переосмыслены. Например, если под Александровыми столпами Птолемей явно понимал точечный объект, задаваемый двумя координатами, возможно, действительно какое-то монументальное сооружение, изображенное на его карте *Secunda Asiae tabula continet Sarmatia ipsius*, то у ал-Хорезми это «два наблюдательных пункта, построенных Зу-л-Карнайном», впервые упомянутых в описании гор шестого климата⁷.

Причем, как видно из таблицы, эти пункты находятся весьма далеко друг от друга (почти на два градуса по меридиану), и к ним привязаны изменения направления течения Волги: «Река Ра, начало ее – от горы около Д 72°20' Ш 60°30'. Идет к месту Д 81°30' Ш 58°30', к месту Д 75°40' Ш 57°30'. Идет и ударяется об одну из двух башен, которые построил Зу-л-Карнайн. Течет и впадает в море около Д 81°10' Ш 49°20'»⁸. Следовательно, это могли быть, исходя из наименования, сохранившиеся с античного времени поселения.

Для обоснования приведенной в последнем столбце таблицы современной идентификации объектов переведем указанные ал-Хорезми координаты опорных точек Волги, расположенных ниже точки слияния Камы и Волги в современную метрическую систему для интересующих нас мест поселений, связанных с именем великого Александра Македонского, именуемого на Востоке Зу-л-Карнайн по его двурогому шлему.

В первом приближении ниже Камского устья река Волга имеет меридиональное направление. Длина градуса меридиана, по сообщениям аль Бируни, составляла 75 миль (25 фарсахов). В Арабском халифате применялась вавилонская (персидская) миля протяженностью 1,97554 км. Тогда длина градуса меридиана ($1,97554 \times 75$) = 148,1655 (км.); а меридиональный перепад между Камским и Волжским устьями – 1358,18 км. (ныне считается около 1050 км). Регрессия Каспия (см. рис. 1) во время работ ал-Хорезми в IX в. была довольно значительна (до минус 32 м.), но насколько вероятно, чтобы море отступало за Мангышлакский порог?

И все-таки попробуем воспользоваться данными Ал-Хорезми и спуститься вдоль «волжского» меридиана по опорным точкам реки Ра, представленным в таблице, начиная с верхней (северной) точки – устья Камы, поскольку месторасположение устья Волги в то время было неизвестно (см. рис. 2):

1. Δ_1 (от Камского устья до поворота) = $1^\circ \times 148,1655 = 148,1655$ (км), завершение вблизи современного г. Тольятти;

2. Δ_2 (от поворота до 1-ой башни Зу-л-Карнайна) = $1^\circ 30' \times 148,1655 = 222,248$ (км) - у Увекского городища;

3. Δ_3 (между башнями) = $1^\circ 45' \times 148,1655 = 259,290$ (км) - у Водянского городища;

4. Δ_4 (от 2-ой башни Зу-л-Карнайна до устья Волги) = $4^\circ 55' \times 148,1655 = 794,706$ (км) - в море.

Точность совпадения наименований ал-Хорезми объектов и окончаний первых трех интервалов впечатляет. Первый из них (Δ_1) действительно завершается у «поворота» – начала петли Самарской Луки.

⁷ Калинина Т. М. Указ. соч. С. 40.

⁸ Там же. С. 53–54.

Второй (Δ_2) интервал располагается на Увекском городище, в районе которого была отмечена настолько высокая концентрация античных артефактов. Например, во время дноуглубительных работ в 1919 г. на Увеке были найдены: серебряная парфянская драхма I в. до н. э., монеты Александра Великого, Афинская II в., И. Цимисхия, три серебрянных западно-европейских монеты: Фризия, Гейнриха IV и Саксонского герцогства IX в.⁹. Эти многочисленные находки и породили легенду о Гелоне и послужили основанием для некоторых исследователей выстроить историю Увека с античных времен до Золотой Орды включительно¹⁰. В пользу такой трактовки возраста этого поселения свидетельствуют и существующие варианты перевода названия «Увек». Так, с тюркских наречий оно переводится как «Башня»¹¹, практически также называется один из гиронимов – Увиек¹², Увеша¹³, ближайший приток Волги. Названия же рек, как известно, сохраняются значительно более длительное время по сравнению с другими топонимами.

Третий интервал (Δ_3) оканчивается у Водянского городища, где отмечена повышенная концентрация римских монет (бронзовая монета Траяна Деция, медные монеты Константина I (306–337 гг.), Констанция (337–361 гг.), две медные монеты Криспа, сына Константина I)¹⁴. В разное время здесь были также найдены часть мраморной белой колонны, эллинистическая бронзовая фигурка крылатого зверя, золотая античная серьга, свинцовые греческие торговые пломбы IV–VI вв., которые хранились в Саратовском областном краеведческом музее¹⁵.

Если вспомнить вышеупомянутые монетные интервалы Ф. В. Баллода, приведенные в начале статьи, то «два наблюдательных пункта, построенных Зу-л-Карнайном» логически увязываются с возникшими, вероятно, в античное время поселениями Увек и Бельджамен. Столь точное попадание опорных точек Нижней Волги не могло быть случайным совпадением. Оно доказывает верность выбранной единицы измерений для этого участка карты. Но тем

⁹ *Зайковский Б. В.* Области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII в. включительно // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 43.

¹⁰ См.: *Голицын Л. Л., Краснодубровский С. С.* Увек. Доклады и исследования по археологии и истории Увека. Саратов, 1890; *Баллод Ф. В.* Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды и современные им селения Нижнего Поволжья // *Новый Восток.* 1923. № 3.

¹¹ Движение от переправы Увека на восток позволяло выйти на р. Урал (Яик) и Каргалы кратчайшим путем без преодоления водных преград, а каргалинские рудники были важнейшим источником металла с эпохи бронзы. Далее древний путь вдоль Яика выводил на Южный Урал, в район г. Ирмель. Как показывает геология, этот регион перспективен по добыче цветных, благородных металлов и поныне.

¹² *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768–1769 гг. // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. III. Ч. 1–2. С. 377.

¹³ Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С. 143.

¹⁴ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР // САИ, Г4-4. М., 1961. С. 40.

¹⁵ *Зайковский Б. В.* Указ. соч. С. 49.

большее недоумение вызывает нахождение устья Волги вблизи широты Дербента при сохранении того же масштаба далее. Но, возможно, именно в изменении масштаба карты низовьев Ра и кроется разгадка кода карты.

Академик Б. А. Рыбаков на примере карт XV–XVI вв. убедительно доказал, что ранние карты часто были разномасштабными¹⁶. Поясним эту мысль на некоторых биографических фактах источника. Как известно, ал-Хорезми в зрелые годы жил в Багдаде. В 827 г. (возможно им самим) по повелению халифа ал-Мамуна были проведены работы по измерению длины дуги градуса меридиана. Естественно предположить, что пятилетняя поездка ал-Хорезми в Хазарию в 842 г. могла быть использована им для уточнения некоторых географических координат.

Действительно, прорисовка карты по табличным данным (см. рис. 3) показывает, что заметное смещение устья Волги к югу по сравнению с находящимися к западу и северу от него объектами – не единственное ее противоречие. Сдублированы Ворота ворот – ал Баб ва-л Абваб (один из вариантов значительно смещен к югу), а также показаны два города Барза'а – один из них к западу от устья Волги, другой – вблизи г. Нашава: «начало реки, выходящей из горы, около Д 71°45' Ш 41°30'. Идет к месту Д 71°50' Ш 43°00'. Проходит между Барза'а и Нашава и впадает в море около Д 74°50' Ш 41°45'»¹⁷. Черноморское побережье и населенные пункты Приазовья в целом соответствуют у ал-Хорезми описанию Птолемея¹⁸, в результате чего настолько смещены к северу, что разница широт Камского устья (58°30') и устья Дона (57°10') составляет у Ал-Хорезми всего 1°20'. К тому же сам текст записей, как многократно отмечает ее переводчик Т. М. Калинина, во многих местах не содержит диакритических точек, знаков, выполнен несколько небрежно, с пропусками. Не могла ли быть дошедшая до нас рукопись ал-Хорезми быть лишь черновыми набросками, составляемыми для новой карты?

По таблицам ал-Хорезми можно выделить несколько координатных цифровых массивов, связанных с различными областями: Причерноморской, Прикаспийской, Северной и другими. По карте (см. рис. 3) заметно, что ал-Хорезми при прорисовке седьмого климата столкнулся с той же проблемой, что и в свое время Птолемей – задачей совмещения данных, полученных из независимых источников, с разными точками отсчета и масштабами. По результатам измерений 827 г. ал-Хорезми длина дуги градуса меридиана составила 111,95 км. В то время как переводимый им Птолемей пользовался более ранними результатами измерений у Ракки и Тадмора с длиной дуги в 131,7 км¹⁹.

Ситуацию с расхождениями систем отсчета отметил выдающийся ученый средневековья аль Бируни (973–1048 гг.), уделявший истории геодезии и астрономии много внимания: «значение понятия стадий неизвестно в тех величинах,

¹⁶ См.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974.

¹⁷ Калинина Т. М. Указ. соч. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 18.

¹⁹ Клименко А. В. Древнейшие определения размеров Земли // Развитие методов астрономических исследований. М.-Л., 1979. Вып. 8. С. 80.

которыми мы пользуемся»²⁰. Далее он замечает: «В соответствии со словами Гермеса один градус будет равным 25 фарсахам, что составляет 75 миль, каждая из которых равна четырем тысячам локтей»²¹. Таким образом, анализ данных показывает, что арабские ученые, не зная фактической длины фарсаха «Гермеса», сочли, что речь идет о системе мер, унаследованной арабами от персов. В этой системе мер длина локтя соответствовала 49,3884 см., «обычный» фарсах равнялся 5926,61 м. (0,493884 x 12 тыс.), а миля – 1975,54 м. Отсюда возникает используемая персами и унаследованная от них арабами величина 1°= 148,1655 км.²².

Археологические источники, позволившие сопоставить опорные пункты ал-Хорезми с древними городищами, дают возможность уточнить при этом и использованные системы отсчета.

На Верхней Волге и еще более в бассейне Камы доминируют куфические монеты и сосуды, в основном относящиеся к VI–VII в. н. э.²³, что предполагает использование ранних персидских мер длины.

Ниже устья реки Большой Иргиз наблюдается относительное равновесие между куфическими, римскими и византийскими монетами. Здесь можно отметить зоны концентраций у рек Большой Иргиз, Большой Караман, Увек (Увиек, Увеша), Еруслан, на Водянском городище и на Денежном острове у Мечетного городища²⁴. Эта территория также крайне бедна названиями у ал-Хорезми. Возможно, он и здесь использовал более ранние источники, потому что кроме двух наблюдательных пунктов Зу-л Карнайна, ни одна точка не имеет личного наименования. Поэтому выбранная ранняя персидская система отсчета и была верной для первых трех интервалов.

В Волго-Ахтубинской пойме находился Хазарский каганат, где провел свои пять лет жизни ал-Хорезми. Вероятно, эти годы были посвящены изучению только более обжитой, граничащей с Ираном южной части региона, что нашло отражение в подробном описании Кавказа и Закавказья, Припонтийской и Прикаспийской территорий. Поэтому только для Хазарии ал-Хорезми смог использовать новую, только-только разработанную систему отсчета, не затрагивая территорий буртасов и Волжской Булгарии. Но ценность таблиц Идриси именно в том, что, не имея о Волге выше Хазарии личных впечатлений, он объединил, сохранил и донес до нашего времени сведения более ранних, утраченных к нашему времени, источников.

Вследствие чего, несмотря на скудость топонимики Поволжья, таблицы ал-Хорезми стали значительным шагом в его изучении, а для нашего времени свидетельством о сохранявшихся в средневековые сведениях об «античном» возрасте двух уникальных волжских поселений: Бельджамена (Водянского городища у г. Дубовки Волгоградской области) и Увека (Увекского городища на южной окраине г. Саратова). Таким образом, «карта» ал-Хорезми может стать

²⁰ *Аль-Бируни*. Избранные произведения. Т. 5. Ч. 1. Ташкент, 1973. С. 84.

²¹ *Аль-Бируни*. Избранные произведения. Т. 3. Ташкент, 1966. С. 210.

²² *Клименко А. В.* Указ. соч. С. 75.

²³ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967. С. 75.

²⁴ *Зайковский Б. В.* Указ. соч. С. 43–45.

весомым аргументом в затянувшемся более чем на столетие споре об античном Увекe.

Последние годы глубина археологических раскопок относительно невелика (наиболее глубокий шурф раскопок 2005 г. не смог опуститься глубже четырех метров, так как мешали подпочвенные воды, зависящие в береговой зоне от уровня Волги). В то время как до революции при закладке котлована элеватора на Увекe глубины обследования свободно достигали восьми метров, где, собственно и шел античный горизонт, вероятно, у одной «из двух башен, построенных Зу-л-Карнайном» далеко выдавшегося в Волгу Увекского мыса (см. рис. 4), о который «ударялась» Ра – Волга. Казалось бы, для современного исследователя эмпирическое доказательство истинного возраста Увекского городища практически бесперспективно, несмотря на то, что его определение попутно уточнило бы возраст и всей урбосистемы Саратова, на южной окраине которого оно находится.

Но проведенные в 2002 г. Р. А. Сингатулиным подводные археологические разведки на близлежащей акватории Волгоградского водохранилища показали возможность обходного маневра в исследовании Увекa. В поле зрения подводных камер на глубине около 13 м. помимо классических фрагментов красноглиняной золотоордынской керамики попал также амфороподобный, практически целый сосуд²⁵ с диаметром горла примерно 30 см., высотой 54 ÷ 58 см. (частично ушедший в глинистые отложения под углом около 20°). Продолжение подобной практики, и, в частности, извлечение подобных находок на поверхность, возможно, смогло бы пролить свет на античный этап освоения Увекa. Тем более, что свидетельство столь авторитетного и поныне ученого, каким являлся ал-Хорезми, об «наблюдательных пунктах Зу-л-Карнайна» (тому в средневековье приписывалось большинство античных объектов Востока, как позднее Разину – большинство поволжских городков, утесов, пещер), вероятно, следует принять во внимание при определении возраста крайне сложного в изучении памятника, каким является Увекское городище.

---

²⁵ Сингатулин Р. А. Археологические разведки на территории поселка Увек и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища в 2002 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 71–77.

Приложения

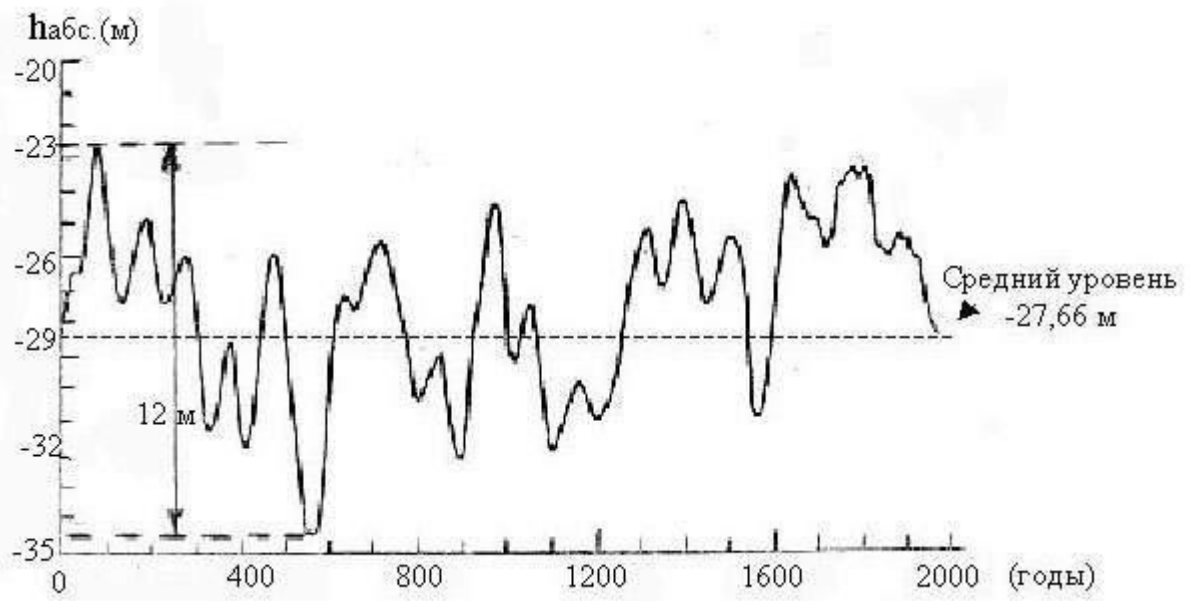

Рис. 1. Колебания уровня Каспия за последние две тысячи лет.

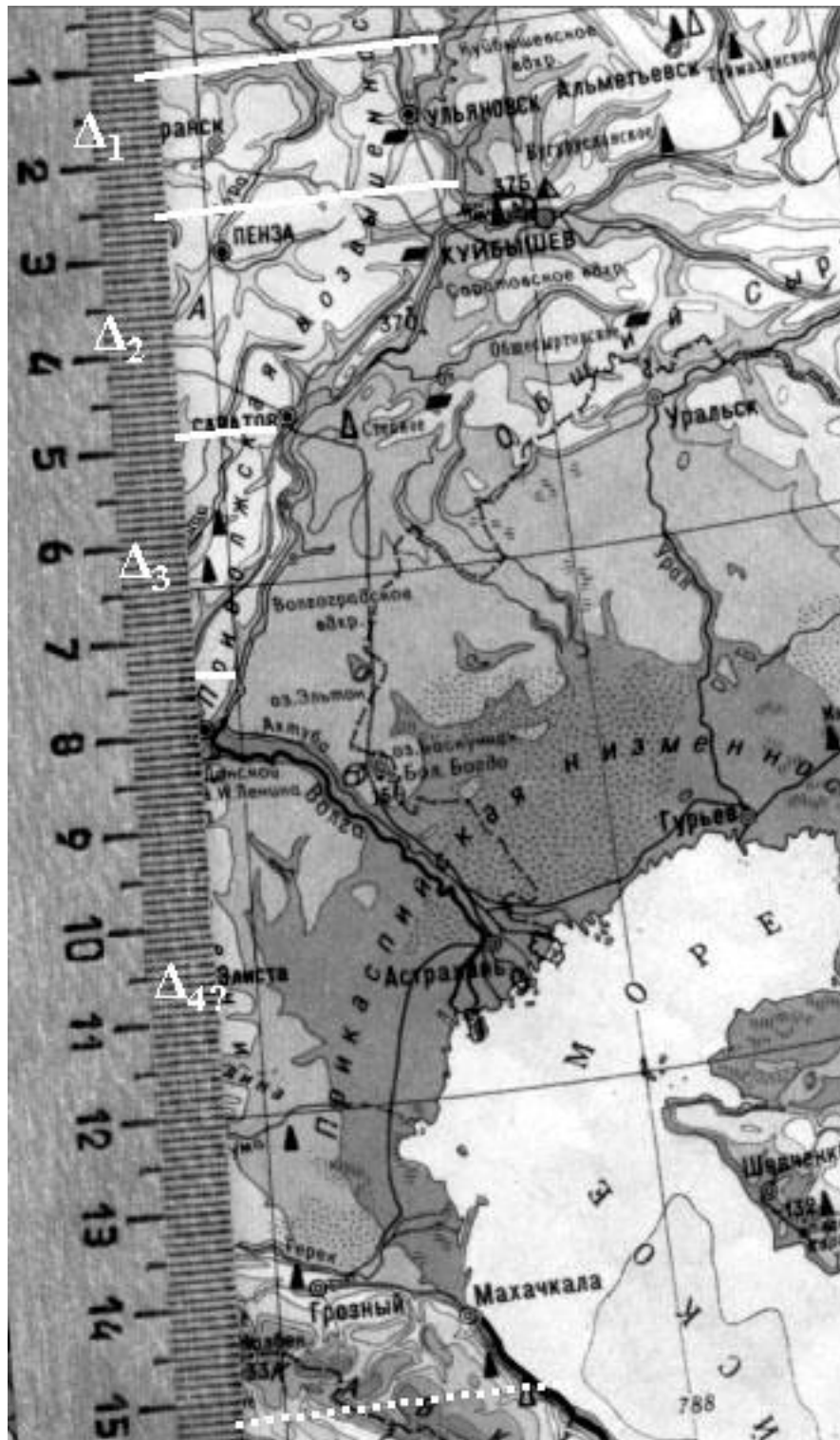

Рис. 2. Фрагмент современной карты Волги с нанесенными интервалами между опорными точками ал-Хорезми. Масштаб 1:10 млн. (в 1 см 100 км.).

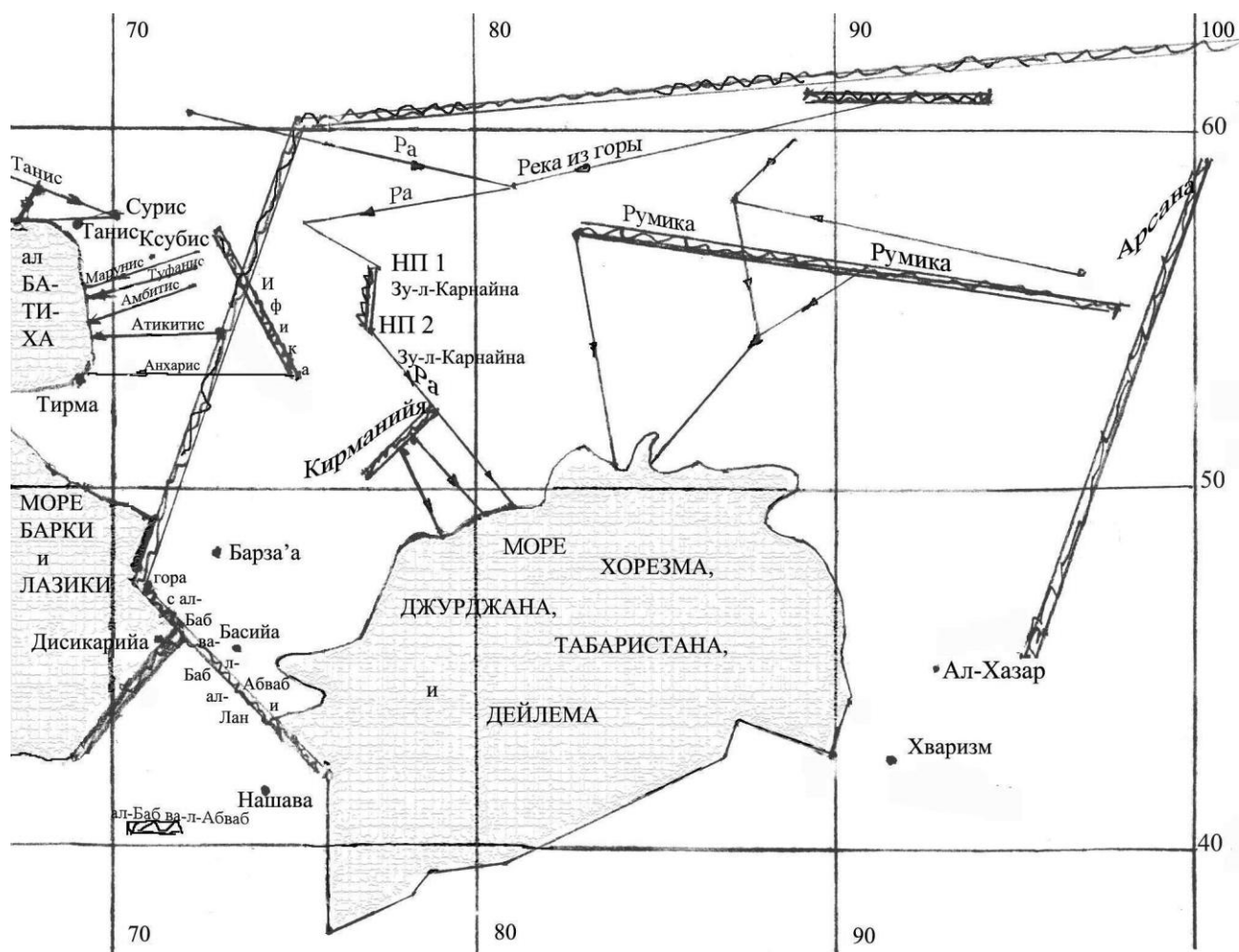

Рис. 3. Реконструкция по координатам ал Хорезми карты Поволжья автором, где волнистой полосой изображены горы; прямыми линиями – реки; стрелкой – направление течения; точками – города; НП 1, 2 – башни Зу-л-Карнайна (наблюдательные пункты, приписываемые Александру Македонскому).

Рис. 4. Космоснимок современного состояния древнего Увекского мыса.

Основание Саратова и «Новая Саратовская летопись» (1590–1599)

120 лет назад (в 1893 г.) саратовскими краеведами Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским была составлена Саратовская летопись. К тому времени уже были опубликованы в Саратове труды об истории родного города А. И. Шахматова (1891) и Ф. Ф. Чекалина (1892), так что эту Саратовскую летопись можно считать квинтэссенцией всего, что известно было к тому времени об истории Саратова¹.

Авторы сами признаются в этом, говоря, что летопись содержит в себе все имеющиеся сведения о событиях, происходивших в Саратове и его окрестностях, это «простой перечневый хронологический указатель исторических известий, составленный на основании найденных в городе писанных и печатных документов и рассказов старожилов»².

В этой Саратовской летописи мы найдем информацию об основателях Саратова князе Г. О. Засекине и стрелецком голове Ф. М. Турове, о времени и месте основания Саратова. В качестве источников авторы приводят запись в Евангелии и сведения из Книги Большого чертежу. Здесь также говорится о походе волжского служилого атамана Микиты Болдыря из только что построенного города Саратова против воровских казаков. Вся эта информация помещена под 1590 г.

За 1591 г. сообщается о Наказе царя астраханским воеводам и о численности волжских казаков, которым предписано иметь сборный пункт Саратовское городище. Эта информация совершенно не к месту на данной странице, она относится к событиям 1614 г.

Сведениями о некоей первой ревизии в 1596 г. (совершенно фантастической), о наличии в Саратове «1596 муж п. душ», а также о воеводе в 1597 г. «на Саратове острове» Иване Григорьевиче Волынском исчерпывается вся информация о Саратове за первые десять лет существования города. Вся эта информация вместе с другими сведениями о городе Царицыне поместилась на двух страницах сборника³.

Таким образом, мы имеем о событиях первых десяти лет существования города следующее:

- а) текст небольшой по объему (всего на двух страницах);
- б) значительная часть этого небольшого текста отведена другому городу (Царицыну);
- в) часть текста, касающаяся Саратова, относится совершенно к другому периоду времени;

¹ Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891; Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892.

² Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 23.

³ Там же. С. 23–24.

г) из оставшейся части текста некоторые сведения являются фантастическими (перепись 1596 г.), а другие довольно спорными (место основания города).

Что же ценного для истории первых десяти лет Саратова мы имеем на этих двух страницах? Очень мало фактического материала, заслуживающего внимания.

С тех пор прошло свыше ста лет, однако ничего нового к истории первого десятилетия существования Саратова историки так и не добавили. И это – несмотря на создание Саратовского университета с его историко-филологическим (историческим) факультетом, несмотря на наличие крупных специалистов по истории России XVI–XVII вв. (одни имена ученых и профессоров С. Н. Чернова, П. Г. Любомирова, Е. Н. Кушевой, Г. Д. Бурдея, И. В. Галактионова, В. А. Осипова, Л. А. Дербова говорят сами за себя). Все исследователи ранней истории Саратова до настоящего времени опираются в своих изысканиях только на труды А. А. Гераклитова, написанные в начале XX в. Сам же А. А. Гераклитов, добавив много ценных сведений, касающихся как первоначального, так и левобережного Саратова, никаких новых фактов из истории Саратова за период с 1590–1599 гг. не привел. Наиболее ценная информация у Гераклитова по истории первоначального Саратова связана с зимовкой в 1600/1601 г. русского и персидского посольств. Поэтому данная статья призвана стать «новой Саратовской летописью», повествующей о событиях первых десяти лет существования города.

Основание Самары (1586), Царицына (1589) и Саратова (1590) имело несколько целей. Прежде всего, это закрепление территории Нижнего Поволжья за Московским государством (укрепление позиций центральной власти в недавно присоединенном регионе). Другой целью являлся контроль со стороны воевод за ногайцами. Необходимо было сковать возможную враждебную деятельность этих кочевников против России, не дать ногайцам соединиться с крымцами, воспрепятствовать переходу ногайцев на правобережье Волги. Гарнизон крепости, которая располагалась на удобном месте переправы через Волгу, мог помешать проникновению небольших ногайских отрядов на правобережье. В случае переправы крупных отрядов кочевников конные саратовские стрельцы применяли эффективные меры противодействия. Кочевники, совершая набег, обычно оставляли свои семьи на луговой стороне (левобережье Волги) практически без охраны. Можно предположить, что конные стрельцы захватывали беззащитные семьи ослушников-ногайцев и приводили их в крепость. Эти заложники служили как бы гарантом того, что молодые ногайские воины будут выполнять указы царя Федора Ивановича и его воевод.

Важной задачей было экономическое освоение края. Новые города, эти административно-военные центры, должны были содействовать подъему экономики региона, главным богатством которого в те годы были соль и рыба. Как справедливо отметил современный исследователь Э. Л. Дубман, после строительства Самары, Царицына и Саратова «для промыслового освоения природ-

ных богатств Понизового Поволжья в конце 1580-х – 1590-х гг. возникли качественно новые, более благоприятные условия»⁴.

Новые крепости (Самара, Саратов, Царицын) должны были стать крупными складами продовольствия. Здесь сосредотачивались необходимые припасы для войск (конных и судовых ратей), двигавшихся к Астрахани. В этих крепостях также складировались материалы для ремонта судов, в том числе строевой лес, который заблаговременно сплавлился с верховьев, парусина, канаты; здесь постоянно наготове находились дежурные речные суда, а также специалисты по их ремонту, кузнецы и плотники. Все это необходимо было охранять, ведь желающих поживиться казенным имуществом было много (кочевники, ватаги рыбаков, казаки и т.д.). Временные летние станицы для охраны в этом регионе уже не устраивали правительство. Предыдущие походы 1554–1556 гг. и 1569 г. к Астрахани показали необходимость устройства таких промежуточных баз на огромном безлюдном тысячеверстном пространстве от Казани до Астрахани.

Также необходимо было обеспечить безопасность торговых и посольских караванов от нападений воровских казаков. Интенсивность движения этих караванов по Волге резко возросла именно во второй половине 1580-х гг. Эта безопасность обычно обеспечивалась двумя путями: сопровождением и охраной судов, а также предварительной расчисткой водного пространства.

Теперь рассмотрим обстановку, которая сложилась в 1580-е гг. в Закавказье и на Ближнем Востоке. Можно проследить прямую связь между событиями, происходившими в этом регионе и основанием Царицына, Саратова и Терского городка именно в это время. Основание Уфы и Самары в большей степени было связано с ногайскими и сибирскими делами. Э. Л. Дубман в своей книге об основателе трех волжских городов князе Г. О. Засекине много внимания уделяет именно ногайским делам, а также нападениям воровских казаков на караваны судов и борьбе правительства и воевод с этими казаками⁵.

Почему вдруг после длительного затишья, которое наблюдалось в 1570-е и начале 1580-х гг., на Волге резко участилось движение судов? Причины такой возросшей интенсивности движения судов по Нижней Волге в конце 1580-х гг. следует искать на Кавказе.

После неудачи в Ливонской войне внешняя политика России в первые годы царствования Федора Ивановича все более и более поворачивалась к странам Востока. Опорным пунктом здесь оставалась Астрахань, куда был отправлен в июле 1586 г. «на княжение» крымский царевич Мурат-Гирей в сопровождении думного дворянина Р. М. Пивова и крупного русского отряда. В октябре 1586 г. Мурат-Гирей уже был в Астрахани⁶. В это же время установились дру-

⁴ Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999. С. 21.

⁵ Дубман Э. Л. Князь Григорий Засекин: Хроника жизни и деятельность строителя волжских городов. Самара, 1995.

⁶ Виноградов А. В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 5. М., 2011. С. 242–287; Беляков А. В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Из-

жественные отношения России с ногаями. При посредничестве того же Мурат-Гирея ногайский хан Урус в том же 1586 г. принес присягу на верность России. По меткому выражению С. М. Соловьева, «утверждение в устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Предкавказье: князья их ссорились друг с другом... и как только увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые – с предложением подданства и таким образом незаметно волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него»⁷.

Астраханским воеводам предписывалось наладить торговые отношения России с Кавказом. Особое внимание уделялось налаживанию дипломатических отношений России с православной Кахетией, куда еще в 1585 г. был отправлен толмач Игнатий Данилов с целью «провесть дорогу» в Грузинскую землю. Исследователь Н. Т. Накашидзе называет Данилова «астраханским стрелецким сотником». А. А. Зимин писал, что И. Данилов вернулся в Астрахань осенью 1586 г. При этом исследователь указывал, что вместе с И. Даниловым прибыли послы грузинского царя Александра – священник Иоаким, старец Кирилл и черкашенин Хуршит, от которых уже 9 октября 1586 г. царь Федор принял грамоту⁸. По-видимому, прибытие грузинских послов в Астрахань состоялось все же не осенью 1586 г., как писал А. А. Зимин, а летом того же года, ведь дорога из Астрахани в Москву занимала не менее двух месяцев. Чтобы прибыть в Москву до 9 октября, послам нужно было отправиться из Астрахани уже к началу августа.

Этот прием грузинских послов 9 октября 1586 г. ознаменовал начало длительного процесса сближения двух стран и имел важные последствия. Грузинские послы заявили, что их царь Александр «со всей головою и всей землею» готов принести присягу России. Уже в апреле 1587 г. русские посланники Р. Биркин и П. Пивов в сопровождении грузинских послов отправились из Москвы в Кахетию, «чтобы царя к вере привести». 28 сентября 1587 г. царь Александр и его приближенные целовали крест на том, что «ему и его детям со всею Иверскою землею быти в государеве жалованье под его царскою рукою». Через год, 13 октября 1588 г. русские послы Р. Биркин и П. Пивов возвратились в Москву в сопровождении грузинского посольства во главе с князем Капланом. Послы привезли крестоцеловальную грамоту царя Александра. Вместе с ними приехали кабардинские князья Куденек Камбулатович и Мамстрюк Темрюкович Черкасские.

Теперь русское правительство должно было заботиться о безопасности своих новых подданных. Астрахань становилась не только основным укреп-

вестия Саратовского университета. 2013. Т. 13. Сер. История, Международные отношения. Вып. 1. С. 92–97.

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. М. 1993. Кн. 3, т. 6. С. 502.

⁸ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 142; Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в 1-й половине XVII в. Тбилиси, 1968. С. 14.

ленным пунктом русских войск на юге, но и базой для дальнейшего наступления на Кавказ. Еще за полгода до прибытия в Москву грузинских и кабардинских послов, т. е. уже весной 1588 г. в Астрахань было направлено войско боярина Ф. М. Троекурова. Летом 1588 г. по пути движения к Астрахани эти отряды встретились на Волге с русскими послами Р. Биркиным и П. Пивовым, а также с грузинскими и кабардинскими послами, которые воочию увидели, что Россия готова защищать своих новых подданных.

Грузинский посланник князь Каплан был отпущен из Москвы на родину в апреле 1589 г. в сопровождении русских послов князя Семена Григорьевича Звенигородского и дьяка Тарха Антонова (забегая вперед, скажем, что эти русские послы при возвращении домой в 1590 г. станут первыми гостями нового города Саратова). В грамоте царю Александру говорилось, что Россия предпринимает экстренные меры для защиты своего нового подданного: на Тереке построен город для обороны Кахетии от шамхала тарковского (набеги дагестанских правителей постоянно угрожали Грузии). Уже в 1589–1590 гг. терский воевода князь Хворостинин занял устье реки Койсы. В это же время строится новый городок на Сунже⁹.

Кабардинские князья Куденек Камбулатович и Мамстрюк Темрюкович Черкасские, прибывшие в Москву в 1588 г., принесли шерть (присягу) царю Федору. Уже в конце 1589 г. в Кабарду был послан Г. Полтев с крупным отрядом стрельцов, который «всю кабардинскую землю под государеву руку привел»¹⁰. Все эти маршруты осуществлялись по Волге мимо недавно построенной Самары. Таким образом, начиная с середины 1580-х гг., наблюдается оживленное движение правительственных судов по Волге к Астрахани. Теперь это не только купцы и рыбаки, занимающиеся летним промыслом, но и отряды государевых служилых людей, а также послы из других стран со своей свитой. Послы всегда везли с собой богатые дары, что не могло не привлечь любителей поживиться за чужой счет. На повестке дня перед русским правительством стал вопрос об обеспечении безопасности этих посольских караванов. Необходимо было полностью исключить грабежи русских, а также иноземных (прежде всего персидских) послов на Волге со стороны воровских казаков, чтобы не допустить крупного международного скандала. Одним из первых иноземных послов, который подвергся казачьему нападению на Волге, был персидский посол Анди бек.

В эти же годы наблюдается резкое усиление влияния Османской империи на Кавказе. Иранский шах Мухаммед Ходабенде в том же 1586 г. потерпел тяжелое поражение в войне с султаном. Турецкие войска захватили Баку, Шемаху и Дербент, турки стали контролировать западное побережье Каспийского моря, турецкий флот появился на Каспии, а в районе Баку развернулось строительство турецких военных судов. В Москве с тревогой узнали, что на Каспии «в турецких городех суды делают, а для судового дела присланы плотники от царя

⁹ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений... С. 144–146; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 261–285;

¹⁰ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений... С. 151.

(султана. – *Я. Р.*) ... В турецких городех меж Дербеня и Баки пристань Ниязово, а на той пристани делают для морского ходу катарг пять и шесть летом для розъездов морских... и возят в тех судах из Баки нефть и наряд и пушечные всякие запасы по турецким городом; а на большой катарге живет по сту по дватцати человек и з гребцы»¹¹. Целая флотилия турецких морских судов (катарг) с артиллерией и десантным отрядом на каждом корабле по 120 воинов представляла определенную угрозу для Астрахани.

Это кратковременное (около 20 лет) пребывание турок в южном Дагестане и Азербайджане имело важные последствия. Шах Ирана вынужден был срочно искать помощи за пределами страны. В Россию в 1587 г. прибыл приближенный шаха Анди бек (по пути на Волге ограбленный воровскими казаками), который от имени шаха Ходабенде предложил царю Федору Ивановичу дружбу и союз против османов. Шах в награду предлагал передать России Баку и Дербент. Для этого русским войскам надо было «всего лишь» отвоевать эти города у турецкого султана¹².

Россию и Иран сближали не только торговые интересы, но и обоюдное стремление не допустить Турцию на Северный Кавказ и в Астрахань. Еще не был забыт турецкий сухопутный поход 1569 г. к Астрахани, а теперь России угрожал комбинированный (сухопутный и морской поход) турок на Астрахань. Русское правительство срочно предпринимает шаги к укреплению обороноспособности этого города. Уже в 1588 г. в Астрахани строится каменная крепость (строители М. Вельяминов и дьяк Дей Губастый). В апреле 1588 г. из Москвы в Астрахань направлены новые войска с целью обороны города от турецких войск («для приходу турецких пашей») во главе с боярином князем Ф.М. Троекуровым¹³.

Строительство нового города Царицына также было связано с активизацией турок на Кавказе. Предыдущий поход османов на Астрахань (1569 г.) был осуществлен из Азова через Переволоку. Как отмечала Е. Н. Кушева, которая связала воедино строительство Терского городка, каменного кремля в Астрахани и Царицына, «в 1589 г. на Волге, на переволоке, был построен Царицын, очевидно, для того, чтобы предотвратить возможность повторения похода турецких войск на Астрахань»¹⁴.

Турецкую угрозу России нельзя сбрасывать со счетов, когда мы говорим о строительстве Царицына, Саратова, Терского городка, новой каменной крепости в Астрахани, а также о начале дипломатических отношений России с Ираном.

¹¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (далее – Памятники...). В 3-х томах. Т. 2: Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества (далее – Труды...). СПб., 1892. Т. 21. С. 5

¹² Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 52–73.

¹³ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 145–146

¹⁴ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 270.

К моменту прибытия персидского посла Анди-бека в Москву (1587 г.) обстановка в Иране изменилась. Старый шах Ходабенде умер, его престол занял молодой Аббас I (май 1587 г.), который решил временно, ценой огромных территориальных уступок, заключить мир с турками, подготовить войска, а в дальнейшем, при более благоприятных условиях, начать новую войну за возвращение утраченных земель на Кавказе и в Ираке. Но в Москве еще ничего не знали об этом. Только в конце 1587 г. в Москву просочились первые сведения о смерти шаха Ходабенде и восшествии на престол шаха Аббаса.

Чтобы выяснить ситуацию в Иране, туда был отправлен в апреле 1588 г. (одновременно с отправкой армии Ф. М. Троекурова в Астрахань) посол Григорий Борисович Васильчиков. Это было фактически первое известное в источниках русское посольство в Иран¹⁵. Г. Б. Васильчиков получил наказ укрепить антиосманские позиции нового шаха Аббаса, убедить его в полной поддержке Ирана со стороны России. Русский посол должен был сообщить шаху, что Россия, не дожидаясь официального заключения союзного русско-иранского договора, уже предпринимает контрмеры против Турции: в Астрахань направляются войска, русская рать также двинулась на Терек, где планируется построить крепость для защиты от крымцев и турок. Посол Г. Б. Васильчиков должен был клятвенно заверить шаха, что русские не допустят прохода турецких войск через Северный Кавказ на территорию Ирана, русские крепости на Тереке станут для турок серьезным препятствием.

Это посольство Г. Б. Васильчикова возвратилось в Москву в декабре 1589 г. в сопровождении шахских посланников Бутак бека и Анди бека. Анди бек и при новом шахе Аббасе оставался весьма влиятельной фигурой. Эти переговоры в Москве в конце 1589 – весной 1590 г., как писал А. А. Зимин, «отличались сдержанностью ввиду изменившейся внешнеполитической обстановки»¹⁶. Анди бек к моменту своего вторичного прибытия в Россию уже знал о намерениях шаха Аббаса заключить мир с Турцией. Этот мир был заключен 21 марта 1590 г. в тот момент, когда иранские послы вели переговоры в Москве. Поэтому особое внимание на переговорах в Москве уделялось не столько военной стороне вопроса, сколько торговле между странами.

Военный союз Ирана с Россией против Турции временно был снят с повестки дня. Правительство Бориса Годунова не собиралось в одиночку воевать с Турцией, даже в союзе с католическими странами Западной Европы, но все же не забыло о Баку, Шемахе, Дербенте и помнило свои обязательства в отношении Грузии. Терские воеводы регулярно осуществляли походы против дагестанских правителей, которые постоянно нападали на Грузию. Терский городок превращается в крупный центр со значительным гарнизоном. Связь с центром страны терские воеводы осуществляли через Астрахань и новые волжские города Царицын, Саратов и Самару.

¹⁵ Подробно о пребывании посольства Г. Б. Васильчикова в Иране см.: *Бушев П. П. История посольств...* С. 73–121.

¹⁶ *Зимин А. А. В канун грозных потрясений...* С. 145, 151.

Таким образом, основание Саратова напрямую связано с политикой России на Северном Кавказе.

Теперь рассмотрим источники, которые сообщают об основании Саратова. Наиболее ранний официальный документ, который упоминает о существовании первоначального Саратова – это «Наказ царя Федора Ивановича» астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину, который был дан в 1591 г. Этот источник хорошо известен саратовским краеведам, он упоминается и в Саратовской летописи. «Наказ», в свою очередь, состоит из нескольких документов. Один из них – это «Память боярину и воеводам князю Ивану Васильевичу Ситцкому с товарищи». В данном документе говорится, что из-за длительной задержки астраханскими воеводами купеческих судов с солью и рыбой, эти суда не успевают в течение одной навигации доплыть до Казани и Нижнего Новгорода. В лучшем случае, купцам приходится зимовать в новых городах Царицыне, Саратове и Самаре, а в худшем – бросать товары на пустынных волжских берегах.

В этом документе читаем: «Да и те торговые люди, которые ездят в Астрахань на соль для своих промыслов, бьют же челом государю по вся годы, что деи их боярин и воевода и дьяк держат в Астрахани долго ж, а по соль их не отпустят, и для того суды их с солью и с рыбою до заморозков вверх не всходят, мерзнут деи на Волге меж Переволоку и Саратова, а иные меж Саратова и Самары, а ближние меж Самары и Казани»¹⁷.

В том же наказе имеется еще две примечательные записи, относящаяся к первым месяцам Саратова и его первым воеводам (челобитная одного из атаманов и донесение саратовского воеводы). Волжский атаман Микита Болдырь «бил челом» за себя и за своих 40 товарищей – казаков, что их «в прошлом де 97 году (1588/1589 г.) громили на Волге Черкасы ... и ранили, и держали его у себя в полону шесть недель, и он от них ушел, да у них же деи он поймал трех человек казаков воров и привел на Переволоку к воеводе ко князю Григорью Засекину, да к Ивану Нащокину». Под «Черкасами» подразумеваются запорожские казаки, которые часто действовали вместе с донскими и волжскими казаками. Нападение этих воровских казаков атамана Бориса Татарина и черкасов на отряд Микиты Болдыря произошло в районе Змеевых гор (район современного Вольска). Вскоре Микита Болдырь повстречал караван, на котором находился воевода князь Г. О. Засекин со своими людьми. Григорий Осипович Засекин в это время направлялся из Самары строить новый город на Переволоке

---

¹⁷ Царский наказ астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину. 1591 г. Акты исторические (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 230. С. 436–437. См. также: Труды Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК). Т. 2., вып. 2. Саратов, 1890. С. 456–457. А. И. Андреев, просматривая данный документ, писал: «Документ ветхий, начало и конец утрачены, недостает также многих средних ставов, сохранилось сорок два сстава». См.: ЛЗАК за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). № 517. С. 339. Странно, что А. И. Андреев при описании этого акта, хранящегося в Археографической комиссии, не указал, что данный наказ был уже опубликован в 1841 г. (в других случаях автор указывал сборники, в которых был опубликован тот или иной документ, хотя значительная часть описанных актов еще не была к тому времени опубликована).

(Царицын). Атаман Болдырь присоединился к отряду Г. О. Засекина, проплыл мимо памятного места своего недавнего погрома и района будущего Саратова, а затем принял участие в строительстве нового города Царицына.

Из этого нового города Царицына воевода Г. О. Засекин в том же 1589 г. отправил «детей боярских Остафья Соловцова, да Ивана Веревкина да Гаврила Левашова» со стрельцами, а также атамана Микиту Болдыря с казаками в район Курдюма, Чардыма и Керешки, которые служили гнездом для воровских казаков атамана Андрюшки Голощапа. Князь Г. О. Засекин, по-видимому, знал, что в ближайшее время ожидается прибытие важных посольских караванов, нападение на которых могло быть чревато крупными международными осложнениями. Поэтому воевода предпринял необходимые меры для расчистки водного пространства. Окрестности будущего Саратова в то время были излюбленным местом обитания многих волжских атаманов. В результате этой экспедиции воровские казаки были разгромлены, а их атаман А. Голощап взят в плен и приведен в новый город Царицын. Далее в своей челобитной атаман Микита Болдырь сообщает важные сведения об основании Саратова: «Да в 98 (7098 г. – 1589/90 г.) же году посылали его из новаго города с Саратова воевода князь Григорей Засекин да Федор Туров с сотником стрельцким с Иваном с Бирюевым для воровских атаманов и казаков, и они деи изымали на Медведице воровского атамана Треню Щеголева и привели на Саратов»¹⁸. Таким образом, к 31 августа 1590 г. (конец 7098 г.) город Саратов уже существовал.

Челобитная Микиты Болдыря – это первое упоминание в актовых материалах о существовании Саратова, о его первых воеводах Григории Засекине и Федоре Турове, а также о составе гарнизона новой крепости. Мы знаем, что в состав гарнизона входили конные стрельцы из Казани, известно имя их командира (сотник Иван Бирюев). Из этого нового города воеводы Засекин и Туров в соответствии с государевым наказом организовали экспедицию для борьбы с воровскими казаками на Волге. В донесении царю Федору Ивановичу саратовский воевода князь Григорий Засекин сообщал, что в состав отряда Ивана Бирюева входили казанские конные стрельцы, а также четыре станицы волжских казаков, которых возглавляли атаманы Микита Болдырь, Офоня Губарь, Трофим Лавринов, Иван Погоняев. Известно, что станица Микиты Болдыря насчитывала 40 казаков.

Таким образом, как отмечал С. С. Краснодубровский, «в 7099 году (1590/1591) Саратов уже являлся административным центром, куда идут государевы распоряжения, т. е. именно тем, что мы называем городом»¹⁹.

В ходе этой новой экспедиции, о которой докладывали царю Федору Ивановичу саратовские воеводы Засекин и Туров, был пойман воровской атаман Треня Щеголев из станицы Саввы Долгого. Правда, самого Савву Долгого поймать не удалось. Воевода писал: «*А Сава Долгой с товарищи у них утек*». Мнение саратовского краеведа В. Н. Семенова, что «*вскоре привели в Саратов*

¹⁸ АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 230. С. 445–446.

¹⁹ Краснодубровский С. С. Год основания Саратова. Речь на торжественном заседании СУАК 12 декабря 1889 г. // Труды СУАК. Т. 2, вып. 2. Саратов, 1890. С. 463.

пойманных атаманов Трелю Щеголева и Савву Долгого», следует признать ошибочным²⁰. По-видимому, эти события происходили в самом начале 7099 г. (в сентябре 1590 г.). Фраза «В нынешнем 99 году писали ко государю из Саратова воевода князь Григорей Засекин да Федор Туров: по государеву наказу посылали они за воровскими казаками...» означает, что в 7099 (1590/1591 г.) донесение Засекина и Турова из Саратова уже было получено в Москве, а не время отправки данного донесения из Саратова, но это не меняет сути дела.

Отметим для себя, что это донесение писали оба воеводы Саратова, Засекин и Туров, следовательно, к моменту отправки данного документа Григорий Осипович Засекин еще находился в Саратове. Хорошо известно, что в 1591 г. в Саратове оставался один Федор Туров, а князь Григорий Засекин убыл из города к новому месту службы. Весной 1591 г. он получил назначение на Кавказ, в недавно построенный Терский городок, поэтому только в 1590 г. Засекин и Туров могли вдвоем писать это донесение. В Книгах разрядных имеется следующая запись о событиях весны 1591 г.: «А на Терек с весны государь послал воевод своих князь Григорья Осиповича Зубка Засекина да князя Петра князь Михайлова сына Шеховсково да голову Ивана Губина»²¹.

Маловероятно, чтобы Григорий Осипович Засекин оставался в Саратове всю зиму 1590/91 г. и из Саратова весной 1591 г. отплыл с новыми войсками на юг, в сторону Астрахани и Терского городка. Скорее всего князь Засекин зимой 1590/91 г. успел побывать в Москве, в Кремле, где подробно ознакомился с непростой обстановкой на Кавказе и получил новые инструкции. Здесь же в Москве ему пришлось вести местнический спор с будущим напарником – вторым воеводой князем П. М. Шеховским (в итоге была дана «безмесная грамота», а спор решено продолжить после завершения «Терской службы»)²².

Следующим источником об основании Саратова можно считать разрядную запись под 7099 г. (сентябрь 1590 – август 1591 г.), в которой записано следующее: «В новом городе на Саратове Острове голова Федор Туров»²³. Исследователи по-разному объясняют словосочетание «Саратов Остров»²⁴, но все сходятся в едином мнении, что фраза «новый город», означает только что построенную крепость, новую по сравнению с построенными ранее крепостями Самарой и Царицыном.

Третьим источником, повествующим о времени основания Саратова, является отрывок неизвестной летописи, обнаруженный в составе рукописного сборника, хранящегося в Государственном историческом музее. Опубликовавший этот летописный отрывок в 1941 г. М. Н. Тихомиров в результате тща-

²⁰ Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 22.

²¹ Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3 / Сост. Л. Ф. Кузьмина, под ред. В. И. Буганова. М., 1987. С. 197.

²² Там же.

²³ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подготовка текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966. С. 436.

²⁴ Подробнее об этом см.: *Оптокова В. И.* Прошлое Саратовского края. Саратов, 1924. С. 42; *Студенцов Н. Н.* Две загадки Саратова. Саратов, 1989.

тельного анализа рукописи и самого текста выяснил, что данный текст написан сторонником царя Бориса Годунова еще до Смуты, примерно в 1602 г., а автор являлся приказным человеком в одном из поволжских городов (Казани или Нижнем Новгороде). Рукописный сборник, в котором помещен данный текст, был подарен в XVII в. старцем Тихоном Казанцем Троицкому монастырю.

Приведем текст этого отрывка, в котором указаны даты строительства ряда поволжских городов: «В 94 году (7094 г. – 1585/86 г. – Я. Р.) поставили на Волге город Самару... Того же году поставили город Уфинской... В лето 7096 повеле поставити в Асторохани град каменной. Того же году поставлен град Царицын на Волге. Того же году пришел из Царяграда Иеремей патриарх в царствующий град Москву, благословил и совершил в патриархи Иева, митрополита Московского. А в 98-м году (7098 г. – 1589/90 г. – Я. Р.) поставлен город Саратов. Того же году поставлен город в Черемисе Цивилской. В 99 году поставлен град в Черемисе Ераньской»²⁵.

Этот летописный отрывок окончательно развеял сомнения скептиков, которые не верили в подлинность записи об основании Саратова, написанной на чистом листе рукописного Евангелия другим почерком. Данную запись можно условно считать еще одним источником об основании Саратова. Скептики же считали, что такую запись в книге конца XVI в. мог оставить любой человек через 100, 200 и 300 лет, подделав скоропись того времени, тем более, что эта книга вскоре исчезла.

Приняв за основу тезис, что Саратов в 1591 г. уже существовал как крепость, в которой находился постоянный стрелецкий гарнизон, а также имелась церковь, которую обслуживали несколько служителей, попытаемся выяснить, кто же мог посещать этот новый город в первые годы его существования. Судя по всему, самыми первыми гостями города были персидские послы Бутак бек и Анди бек, а также гилянский посол Хаджи-Хасан. Ранее уже говорилось, что персидские послы приехали в Россию в 1589 г. вместе с возвратившимся из Ирана первым известным по источникам русским посольством Григория Борисовича Васильчикова. Мятежный правитель иранской провинции Гиляна Ахмед-хан также в 1589 г. отправил в Россию своего посланника Хаджи-Хасана, теперь возвращавшегося на родину. Необходимо учесть, что в те годы Гилян с городами Ленкорань, Энзели и Решт был самой богатой провинцией Ирана. Гилян производил основную массу шелка-сырца – главного товара иранского экспорта.

Бутак бек, Анди бек и Хаджи-Хасан 29 июня 1590 г. выехали из Москвы на родину²⁶. При самых благоприятных погодных условиях плавание по Оке от Коломны до Нижнего Новгорода и далее вниз по Волге через Саратов до Астрахани должно было занимать больше месяца. Обычно продукты в Казани выдавали из расчета плавания по Волге от Казани до Астрахани в течение 4 не-

²⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в.: Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // Исторические записки / Отв. ред. Б. Д. Греков. 1941. Т. 10. С. 93–94.

²⁶ Памятники... Т. 1: Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова // Труды... Т. 20. СПб., 1890. С. 149.

дель. Известен рекордный случай, произошедший через 12 лет (в 1602 г.), когда имперские послы с 11 до 27 мая, в течение 16 дней, сумели добраться из Казани до Астрахани²⁷. Но необходимо учитывать, что дорога от Москвы через Коломну, Рязань, Муром, Нижний Новгород до Казани могла занимать не менее двух недель, да еще нужно принять во внимание, что в крупных городах послы проводили некоторые коммерческие операции.

В источниках не говорится, когда эти послы приехали в Астрахань и когда отплыли из Астрахани в Гилян. Известно лишь, что шахский двор узнал о возвращении послов в Гилян лишь летом 1591 г.²⁸ Возможно, что в Астрахани не было осенью 1590 г. подходящих для плавания по бурному Каспийскому морю гилянских морских судов, на которых послы должны были отплыть в Иран, и послы зазимовали в Астрахани. Не зная даты прибытия в Астрахань, трудно определить, когда иранские послы проплывали мимо Саратова. Можно предположить, что это произошло в августе (сентябре) 1590 г. Именно в это время иранские послы впервые увидели на прежде пустынном берегу Волги, где год назад ничего не было, новую крепость. В Саратове послы сделали кратковременную остановку. Их встречал первый воевода Саратова князь Г. О. Засекин.

Из Казани до Астрахани послов сопровождал стрелецкий голова Дворня Зюзин с крупным отрядом стрельцов. Караван состоял из многих судов. Прежде всего, это было «большое судно с чердаком» (надстройкой в виде каюты) для Бутак-бека и его свиты, на котором также находилось двадцать человек гребцов и двадцать стрельцов для охраны и перемены гребцов. Другое судно, сделанное в Коломне (также «с чердаком»), предназначалось для Анди-бека и Хаджи-Хасана. На нем находилось 16 гребцов и десять стрельцов. Свита послов состояла из 36 чел. Третье судно предназначалось для имущества послов. Было предусмотрено выделить четвертое судно для их имущества, если не хватит места для товаров. В состав каравана также входили два небольших «стружка» для сопровождавших послов приставов, два судна для стрельцов охраны и одно – для детей боярских, которые сопровождали караван до Нижнего Новгорода и Казани. В дальнейшем, несмотря на перемену части сопровождавшего караван личного состава, этот караван только пополнялся новыми судами. К посольству Бутак-бека присоединились в Нижнем Новгороде и Казани некоторые купцы с женами, детьми и слугами («кизылбашской земли Феррух с товарищи з женами и з детми и с людми их дватцать четыре человека»). Послам также было разрешено купить по дороге дополнительно «полон немецкий» (пленных, захваченных во время Ливонской и русско-шведской войны). В Казани отряд сопровождения значительно пополнился стрельцами приказа Дворни Зюзина. Стрелецкий голова Д. Зюзин получил указание из Москвы сопровождать караван до Астрахани²⁹. Эта мера предосторожности не была излишней, так как южнее Ка-

²⁷ *Какаш и Тектандер*. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. / Пер. с нем. А. И. Станкевича // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. Материалы иностранные. С. 1–54.

²⁸ *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. С. 143.

²⁹ *Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова...* С. 149–153.

зани и Самары воровские казаки совершали частые нападения на посольские и купеческие караваны.

В это же время (август–сентябрь 1590 г.) в Саратове останавливались по пути из Астрахани в Москву грузинские послы царя Александра, которых звали Сулейман и Хуршит. Эти послы сопровождали русского посла князя Семена Григорьевича Звенигородского и дьяка Тарха Антонова, которые возвращались из Грузии. Православные грузины были первыми иностранцами, которые посетили только что построенную церковь в Саратове (пока трудно сказать о названии данной церкви, но то, что это была первая постройка новой крепости, сомневаться не приходится). Известно, что грузинские послы Сулейман и Хуршит уже в ноябре 1590 г. приехали в Москву, где имели аудиенцию у царя Федора Ивановича и правителя Бориса Годунова. Грузинские послы передали московскому правительству просьбу царя Александра о скорейшей военной помощи. Русское правительство немедленно отреагировало на эти просьбы грузинского царя. Уже в мае 1591 г. в Кахетию из Москвы был отправлен посол В. Т. Плещеев с обещанием, что против шамхала Тарковского (правителя на территории современного Дагестана) будут посланы 5 тыс. стрельцов и 10 тыс. черкес. Это не были пустые слова. В том же 1591 г. против шамхала ходили в поход терские воеводы Г. О. Засекин и П. М. Шаховской³⁰.

Князь Григорий Осипович Засекин во время встречи в Саратове грузинских послов Сулеймана и Хуршита в августе–сентябре 1590 г., а также при разговорах с русским послом кн. С. Г. Звенигородским о последних событиях на Северном Кавказе, тогда еще не мог предполагать, что это посольство сыграет важную роль в его дальнейшей судьбе, ускорит его смерть на очередном боевом посту. В Книгах разрядных записано: «И князь Григорья Засекина на Терке не стало в сотом году (7100 г. – 1591/92 г.), и на ево место послан на Терек князь Василей Дмитриевич Хилков»³¹.

Кто встречал и провожал в Саратове летом 1591 г. нового русского посла в Грузию В. Т. Плещеева? Скорее всего, это был соратник Григория Осиповича Засекина стрелецкий голова Федор Михайлович Туров. После отъезда князя Г. О. Засекина на Кавказ в Саратове некоторое время руководство крепостью осуществлял стрелецкий голова Ф. М. Туров, который вскоре передал бразды правления новому воеводе, а сам продолжал исполнять обязанности первого помощника воеводы. Обычно стрелецкие головы в городах не сменялись вместе с воеводами, а командовали постоянными гарнизонами длительное время, иногда – вплоть до своей смерти.

Кто же был этот новый воевода Саратова? Сведения о воеводах Саратова за 1591–1593 гг. в источниках довольно скудные. Имеется лишь одна разрядная запись за это время (1591–1592), связанная с Саратовом и его воеводой: «А на Переволоку на Саратов город государь послал Бориса Володимерова сына Лодыгина. А на Царицыне острове в городке Ефим Вахромеевич Бутурлин»³². Ес-

³⁰ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 149–151; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 272–278.

³¹ Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3. С. 197.

³² Там же.

ли здесь нет никакой путаницы (переволока, остров), то очередным воеводой Саратова стал Борис Владимирович Лодыгин. Этот человек довольно часто упоминается в источниках вплоть до Смутного времени.

Осенью 1591 г. в Саратове побывал по пути из Астрахани в Москву новый посол правителя Гиляна Тюркемиль. После заключения мира между Ираном и Турцией правитель Гиляна Ахмед-хан понял, что турки не станут его защищать и решил найти себе нового покровителя в лице русского царя. Воеводы поволжских городов, в том числе и Саратова, не могли знать о сложной обстановке на Кавказе, об отношениях между Персией и Гилянцем, поэтому выполняли обычные формальности, такие же, как по отношению к любому представителю государства, дружественного Москве. Этот посол на некоторое время был задержан в Казани, пока в столице разбирались, как с ним поступить, чтобы не вызвать гнев шаха Аббаса. В итоге этот посол Тюркемиль прибыл в Москву лишь в феврале 1592 г. Однако правительство России не собиралось оказывать поддержку мятежнику, и эти переговоры были довольно прохладными, а вскоре шах Аббас подчинил эту мятежную провинцию (Ахмед-хан бежал в турецкий город Баку)³³.

Весной 1592 г. из Астрахани через Саратов вместе с первым весенним караваном проплывал специальный гонец шаха Аббаса Кай, который уже 20 июня 1592 г. прибыл в Москву. Его сопровождал боярский сын Третьяк Лопатин с отрядом в 50 стрельцов. По мнению П.П. Бушева «очевидно, ввиду срочности, он был отправлен сухопутным путем»³⁴. Не исключен вариант, учитывая напряженные отношения с Крымом, что этот путь мог быть комбинированным (речным и сухопутным). Из Астрахани до Саратова Кай плыл по Волге, а после Саратова двигался напрямую к Москве. Гонец Кай, привез царю Федору и правителю Борису Годунову специальную шахскую грамоту. В этой грамоте Аббас писал, что надеется на дальнейшее улучшение русско-иранских отношений и предлагал России одной вступить в войну с Турцией, сожалея при этом, что не может оказать помощи в связи с заключением мирного договора. Конечно же, правительство Бориса Годунова не собиралось ввязываться один на один в такие военные авантюры.

Скорее всего, посла правителя Гиляна и гонца шаха Аббаса встречал в Саратове воевода Борис Лодыгин.

Возможно, именно Борис Лодыгин встречал в Саратове летом – осенью 1592 г. русского посла В. Т. Плещеева и грузинских послов. Известно, что посол В. Т. Плещеев возвратился из Кахетии в Москву в декабре 1592 г. вместе с грузинскими послами князем Арамом и архимандритом Кириллом. Послы не могли проплыть мимо Саратова, не сделав остановки в этом городе. Саратовцы узнали о гибели своего первого воеводы князя Г. О. Засекина и отслужили по нему панихиду. В Москве грузинские послы просили прислать новую большую рать против шамхала. Им было сказано, что уже в ближайшее время будет отправлен в поход князь А. И. Хворостинин с 15-тыс. войском.

³³ Бушев П. П. История посольств... С. 149–158.

³⁴ Там же. С. 159.

В 7102 г. (осенью 1593 или весной 1594 г.) в Саратов прибыл новый воевода Иван Григорьевич Волынский. Он сменил в этом городе воеводу Бориса Владимировича Лодыгина.

Исследователи испытывают затруднения в определении, который из сыновей Григория Савича Волынского стал воеводой Саратова. Дело в том, что существовало два брата, два Ивана Григорьевича Волынских. Авторы Славянской энциклопедии считали, что воеводой «на Саратове-острове» в 1594–1596 гг. был Иван Меньшой, пятый сын (самый младший) Григория Савича Волынского³⁵.

Все же следует отдать предпочтение другой версии, что воеводой Саратова в 1593/94 г. был назначен его старший брат, Иван Григорьевич Волынский, которого через несколько лет сменил третий сын Григория Савича, Михаил Григорьевич Волынский.

В Разрядных книгах четко разделяются Иван Григорьевич Волынский и Меньшой Григорьевич Волынский. В 1593/94 г., когда впервые Иван Григорьевич указан в Разрядах в качестве воеводы Саратова, его брат Иван Меньшой Григорьевич находился в Михайлове, а в 1595/96 г. Иван Меньшой был вторым воеводой далеко от Саратова, в Ивангороде (его старший брат Иван Григорьевич Волынский продолжал в это время находиться в Саратове).

Кроме того, следует учесть традиции старшинства (своего рода, местничество) даже среди близких родственников. В России не было принято, чтобы на одну и ту же должность (в данном случае – воеводой в один и тот же город) сначала назначали младшего брата, а затем – старшего брата. Аналогично решался вопрос с очередностью женитьбы сыновей и замужества дочерей. Хотя, конечно, бывали и исключения.

В разрядной записи под 7102 г. (1593/1594 г.) отмечено, что «того ж году послал государь на Саратов Ивана Григорьева сына Волынского» (одновременно на Самару был отправлен воеводой Г. С. Овцын, а в Царицын – В. Б. Сукин)³⁶. Аналогичная запись о пребывании в 1594 г. И. Г. Волынского в Саратове имеется в другой разрядной книге. В этой же разрядной книге говорится о службе И. Г. Волынского в Саратове и в последующие годы, причем в 1595 и 1596 г. вместо названия «Саратов» записано «Саратов остров»³⁷.

Впервые саратовские краеведы узнали об этом воеводе И. Г. Волынском в 1889 г. Именно тогда члены СУАК получили письмо от В. И. Холмогорова, который обнаружил в документах МАМЮ «в разрядном приказе по московскому столу» сведения о том, что на «Саратове-острове» воеводой в 1597 г. был Иван Григорьевич Волынский. Это письмо В. И. Холмогорова опубликовано в 1891 г. в трудах СУАК ввиду его большой значимости³⁸.

³⁵ Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 1 А–М / Авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2002. С. 219.

³⁶ Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3. С. 80.

³⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М. 1966. С. 486 (запись 1594 г.); С. 494 (запись 1595 г.); С. 504 (запись 1596 г.).

³⁸ Холмогоров В. И. Из письма В. И. Холмогорова // Труды СУАК. Т. 3, вып. 2. Саратов, 1891. С. XXVI–XXVII.

Данный документ о воеводах в «украинных городах» был составлен 20 февраля 1597 г.; он констатирует сложившееся состояние дел, а не только время отправки воевод в указанные города. В основном, здесь перечислены воеводы, которые к тому времени уже давно находились в тех городах.

Составители «Саратовской летописи» Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский, ссылаясь на это письмо В. И. Холмогорова, сообщали, что после кн. Г. О. Засекина следующий известный воевода «Иван Григорьев сын Волынский находился в Саратове в 1597 г.»³⁹. Составители ошибочно указали, что данная информация В. И. Холмогорова помещена на странице XXIII сборника трудов СУАК (в действительности – на стр. XXVII). Если это можно считать опечаткой, то никак нельзя принять информацию Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского о первой ревизии Саратова, которая якобы была проведена в те годы (1596 г.). По этой «ревизии» «в Саратове оказалось 1596 муж. п. душ». Количество мужских душ в Саратове случайно совпало с годом «проведения» этой «ревизии». Источник этой фантастической информации авторы не указали.

К моменту публикации «Саратовской летописи» (1893 г.) авторам ее не было известно содержание «Памятников дипломатических и торговых сношений России с Персией», первый том которых вышел в 1890 г., иначе они бы поставили другую дату нахождения в Саратове воеводы И. Г. Волынского. Некоторые краеведы, ссылаясь на эту Саратовскую летопись, сделали вывод, что И. Г. Волынский был назначен воеводой лишь в 1597 г., хотя фактически в указанном году он завершал свою службу в Саратове, передав управление городом своему младшему брату Михаилу.

Что происходило в Саратове, когда там находился воеводой И. Г. Волынский? Кто посещал этот город в 1594–1597 гг.? Документы Посольского приказа, относящиеся к сношениям России с Ираном и Грузией, помогают ответить на данные вопросы.

Осенью 1593 г. в Саратове останавливался на короткое время гонец шаха Аббаса купец Ходжи (Хозя) Искандер, который прибыл в Москву уже по зимнему санному пути в январе 1594 г. В это время в Москве уже побывало персидские посольство Хаджи (Ази) Хосрова, которое в июне 1594 г. вместе с купцом Хаджи Искандером из Казани отправилось по Волге в Астрахань и далее в Иран. Сам Ходжи (Хозя) Искандер был отпущен из Москвы в Казань 2 мая 1594 г.

Хаджи (Ази) Хосрова отпустили из Москвы домой еще в октябре 1593 г., но он всю зиму 1593/94 г. провел в Касимове, Нижнем Новгороде и Казани. Н. И. Веселовский привел сведения об этой удивительной личности, о его судьбе. Во время Полоцкого взятия 1563 г. этот литвин в юном возрасте вместе с сестрой был привезен в Россию. Каким-то образом он в дальнейшем оказался в Иране, принял ислам, стал доверенным лицом шаха Аббаса, который отправил его в Россию со специальным посланием. В Касимове Хаджи Хосров нашел свою сестру, которую не видел уже много лет. По указу царя Федора Ивановича

³⁹ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись. С. 23

ча эту «женку-полонянку» вернули брату⁴⁰. Город Касимов в 1580-е – 1590-е гг. был одним из центров, где находились польско-литовские и шведские пленники. Касимовские татары во время Ливонской войны, а также русско-шведской войны принимали активное участие в боях на Западе, захватывая значительный полон и отправляя его к себе на родину. Известно, что царь Федор Иванович разрешал иранским купцам покупать именно в Касимове пленных «немцев», которых затем везли в Иран. Возможно, что эта встреча Хаджи Хосрова со своей сестрой в Касимове не была случайной.

Воеводе Саратова Ивану Григорьевичу Волынскому хлопот с гостями в 1594 г. было предостаточно. Летом 1594 г. посольский караван Хаджи Хосрова и Ходжи Искандера по пути из Казани в Астрахань сделал остановку в Саратове. Но главным действующим лицом в этом караване были не персидские послы.

В мае 1594 г. в Москве было принято решение об отправке в Иран к шаху Аббасу русского посольства князя Андрея Дмитриевича Звенигородского. Глава посольства был видным представителем военно-бюрократического аппарата Московского государства. Основной задачей посольства было добиться сохранения дружеских отношений с шахом. По мнению П. П. Бушева эта миссия носила разведывательный характер; русский посол должен был прозондировать почву о возможности союза с Ираном против Турции⁴¹. Это посольство выехало из Москвы 30 мая, в его составе было 64 чел., кроме того посольство до Астрахани сопровождали 100 стрельцов. Русское посольство в Казани присоединило к своему каравану персидских послов Хаджи Хосрова и Ходжи Искандера, и далее по Волге оба посольства двигались вместе. Так что караван судов был довольно большой. В июле 1594 г. караван проплывал мимо Саратова, где сделал кратковременную остановку, а в августе из Астрахани русские и персидские послы отплыли в Иран. Правда, в Каспийском море корабли быстро потеряли друг друга из виду. 22 сентября корабль русских послов благополучно прибыл в Гилян. В октябре туда же приплыли персидские послы.

Воеводе Саратова Ивану Волынскому пришлось поздней осенью 1594 г. встречать и провожать в Москву грузинских послов Арама и Хуршита, прибывших в Россию вместе с «государевым послом с Иваном Всеволодским, что был у грузинского царя» а также шахского посланника Анди бека и шахского купчину Али Хосрова. Известие о прибытии в Астрахань посла Ивана Всеволодского (Всеволожского) вместе с грузинскими и персидскими послами, а также об отправке их по Волге в Москву, в столице получили лишь 8 декабря. Если учесть, что письмо было доставлено «в станице через поле», а астраханские воеводы одновременно с отправкой данного письма отпустили послов к Москве, то можно рассчитать, что послы отплыли из Астрахани лишь в начале октября. Продукты послам выданы были в Астрахани из расчета быстрого при-

⁴⁰ Памятники... Т. 1: Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова // Труды... СПб., 1890. Т. 20. С. 215–220.

⁴¹ Памятники... Т. 1: Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского // Труды... Т. 20. С. 231–334; Бушев П. П. История посольств... М., 1976. С. 244.

бытия в Казань всего на три недели⁴². Такой график движения вверх по Волге редко удавалось выдерживать.

Анди бека, посланника шаха Аббаса хорошо знали в Саратове; ведь он раньше неоднократно останавливался в этом городе. Осенью 1594 г. Анди бек прибыл в Россию уже в третий раз (он приехал в Москву 27 января 1595 г.). При встрече в Москве с дьяком Василием Щелкаловым Анди бек передал слова шаха, что шамхал Тарковский является подданным шаха Аббаса. Одновременно этот посланник передал пожелание шаха Аббаса о развитии торговли между двумя странами. Во время одной из последних аудиенций в Москве в августе 1595 г. Анди бек предложил свои услуги по умиротворению тарковского шамхала.

К 1594 г. на Северном Кавказе обстановка была следующей. Русское войско терского воеводы князя А. И. Хворостинина начало новое наступление из Терского городка против шамхала. В ходе похода 1593–1594 гг. были взяты и разрушены Тарки. Однако попытка русских воевод построить на месте Тарков русскую крепость и закрепиться в северном Дагестане не увенчалась успехом.

Хотя грузинские послы Арам и Хуршит привезли в декабре 1594 г. в Москву грамоту царя Александра с обещанием помочь князю Хворостинину в войне против шамхала, однако практически царь Кахетии не оказал русским никакой помощи. Оказавшись во враждебном окружении, русское войско князя Хворостинина вынуждено было отступить, потеряв около 3 тыс. чел. К тому же шах Аббас был недоволен такой активностью русских в Дагестане.

Правитель Борис Годунов заинтересовался предложением Анди бека по умиротворению тарковского шамхала и предпринял экстренные меры по скорейшей отправке этого персидского посла на Кавказ, чтобы тот сумел приплыть в Астрахань до окончания срока навигации 1595 г. Воеводам поволжских городов, в том числе Саратова, были отправлены соответствующие инструкции. Именно в связи со скорейшим отъездом из Москвы Анди бека связана первая из сохранившихся инструкций царя Федора Ивановича воеводе Саратову Ивану Григорьевичу Волынскому. Она была опубликована еще в 1890 г., но и через 120 лет так и осталась абсолютно неизвестной саратовским краеведам. Поэтому стоит привести текст этого документа, составленного 22 сентября 1595 г. полностью.

«От царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси на Саратов воеводе нашему Ивану Григорьевичу Волынскому.

Отпустили есмь с Москвы кизылбашского гонца Анди бека да кизылбашского купца Али Хосрова, а с ними людей дватцать три человека, а полону неметцково с Москвы отпущено шесть человек, да в дороге полону неметцкого велено им купити десять душ, а в приставах с ними с Москвы отпущен до Асторохани провожати Юрьи Стромиллов да толмач Семейка Судоков.

И как Юрьи Стромиллов с кизылбашским гонцом и купцом на Саратов приедет, и ты б их из Саратова тотчас отпустил в судех, а в прибавку провожатых послали.

⁴² Памятники... Т. 1. С. 287.

А будет придут на Саратов и замерзнут на Саратове, и ты б кизылбашскому гонцу Анди беку и купцу с людьми дал им по двору по доброму и корм кизылбашскому гонцу Анди беку с людьми велел давати по росписи, какова роспись дана Юрью Стромилову.

А как на Саратов Юрьи с кизылбашским гонцом и с купцом приедет и как их отпустите из Саратова или в Саратове замерзнут, и вы б о том тотчас к нам наскоро отписали в посольской приказ к дияку нашему к Василью Щелкалову.

Писан на Москве лета 7104-го сентября в 22 день. Внизу: с Юрьем Стромиловым»⁴³.

Думается, что после прочтения данного документа, опубликованного в 1890 г., ни у кого не останется сомнений в том, что Иван Григорьевич Волынский был назначен воеводой в Саратов задолго до 22 сентября 1595 г. Письмо В. И. Холмогорова членам СУАК, в котором говорится о «неизвестном ранее воеводе Саратова» 1597 г. Иване Григорьевиче Волынском, было опубликовано в Трудах СУАК на следующий год после публикации данного документа (в 1891 г.).

По-видимому, А.А. Гераклитов «проглядел» данный документ, хотя довольно подробно разбирал зимовку персидского посольства в Саратове 1600/1601 г., опубликованную во втором томе «Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Стоит привести цитату из книги этого историка, вышедшей в свет в 1923 г., через 20 с лишним лет после публикации этого документа. А.А. Гераклитов писал, что после воеводства в Саратове Г.О. Засекина и Ф.М. Турова «даже и эти скудные сведения прекращаются надолго и только от 1597 г. до нас дошли имена лиц, воеводствовавших в С[аратове] и Ц[арицыне]. В С[аратове] воеводою был Ив[ан] Григ[орьевич] Волынский, а в Ц[арицыне] – кн. И[ва]н Мих[айлович] Елецкий да Вас[илий] Борис[ович] Сукин. Кроме того здесь же упоминается стрелецкий голова Илья Степанов. Тот же Волынский воеводствовал в Саратове и в 1599–1600 г.». Далее исследователь писал, что в 1600 г. этого Ивана Волынского сменил в Саратове Григорий Елизаров⁴⁴. Здесь автор допустил две ошибки. Во-первых, он отнес начало воеводства Ивана Волынского в Саратове к 1597 г. (а не к 1594 г.), а во-вторых, продлил срок его воеводства до 1600 г., хотя все это время с 1597 по 1600 г. в Саратове воеводой был совсем другой человек, Михаил Григорьевич Волынский (о нем далее).

В ходе этой поездки Анди беку повезло с погодой, он сумел благополучно добраться до Астрахани, посетив по пути Саратов в октябре 1595 г. В дальнейшем ему предстоит полугодовая зимовка в Саратове зимой 1600/1601 г.

За 1595 г. сохранилось немало других сведений о гостях Саратова. Известно, что осенью того года в Саратове останавливалось возвратившееся из Ирана русское посольство князя А. Д. Звенигородского. Это посольство довольно быстро осуществило свою миссию. В августе 1595 г. посольство князя А. Д. Звенигородского вернулось из Ирана в Астрахань, в сентябре отплыло

⁴³ Памятники... Т. 1. С. 314.

⁴⁴ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов, 1923. С. 183.

вверх по Волге к Царицыну, а в конце года (в декабре) уже по санному пути послы прибыли в Москву. Свою задачу посольство выполнило успешно. По расчетам караван из Астрахани с посольством князя А. Д. Звенигородского мог встретиться с Анди беком где-то в районе Самары – Саратова в конце октября 1595 г. По-видимому, в тот год осень была довольно теплой и навигация по Волге продолжалась до конца ноября.

Летом 1596 г. в Кахетию к грузинскому царю Александру было отправлено посольство К. П. Совина, который останавливался в Саратове по пути в Астрахань в конце лета – начале осени 1596 г. Русский посол должен был сообщить грузинскому царю, что, несмотря на неудачу с постройкой русской крепости в Тарках, московские воеводы построили городок Койсу и продолжают одни вести боевые действия против шамхала.

Примерно в это же время (в начале осени 1596 г.) в Саратове побывал персидский посол Пакизе Имам Кули бек, который в конце года приехал в Москву (по мнению П. П. Бушева – в ноябре – декабре 1596 г.), и уже в феврале 1597 г. он был отправлен в Казань⁴⁵. В этом посольстве Имам-Кули бека числилось 20 «дворян» и 17 чел. обслуживающего персонала. По мнению А. А. Зимина, это посольство «преследовало чисто коммерческие цели». В ответ на иранское посольство Пакизе Имам Кули-бека русское правительство направило весной 1597 г. в Иран князя В. В. Тюфякина и дьяка С. Емельянова для заключения договора о союзе. А. А. Зимин писал: «На пути к шахскому двору оба посла умерли». Фактически здесь речь идет о гибели обоих русских послов, а не русского и иранского послов, как можно понять из текста труда А. А. Зимина. Пакизе Имам Кули бек благополучно вернулся на родину. Авторы Славянской энциклопедии, ссылаясь на А. А. Зимина, так и написали, что «персидский посол и Тюфякин ехали в Персию в одном караване и на пути к шахскому двору оба скончались»⁴⁶.

Вполне возможно, что последними гостями Саратова во время пребывания в городе Ивана Волынского были члены этого русского посольства к шаху Аббасу князя Василия Васильевича Тюфякина и дьяка Семейки Емельянова. Этот посольский караван отплыл из Казани 26 июня 1597 г. в сопровождении крупного отряда стрельцов для охраны (250 стрельцов с тремя сотниками во главе со стрелецким головой Третьяком Кашкаровым). Персидское посольство Имам Кули бека также следовало вместе с посольством князя В. В. Тюфякина. Уже 14 июля оба посольства благополучно прибыли в Астрахань, поэтому можно довольно точно рассчитать, когда караван останавливался в Саратове (это было в период 3–6 июля 1597 г.).

Можно предположить, что воевода был обязан в соответствии с царской инструкцией после прибытия каравана в Саратов зайти на корабль и ознакомиться с тем, что везут с собой персидские послы: нет ли на борту лишних людей или запрещенных товаров. Сохранилась Память послам князю

⁴⁵ Бушев П. П. История посольств... С. 268.

⁴⁶ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 192; Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. В 2 т. Т. 2 Н–Я / Авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2002. С. 543.

В. В. Тюфякину и дьяку С. Емельянову, из которой мы можем представить себе, что же увидел воевода И. Г. Волынский на кораблях персидских послов. Это был настоящий зверинец, одно только перечисление живых животных и птиц впечатляет: соболи, куницы, черные лисицы, собаки «медиоланские», белый ястреб, «а к ястребу кlobучек, шит золотом и серебром, да обнажцы и сильцо серебряны»⁴⁷. Если эти птицы и животные, как и «медведь черной гонец», были хорошо известны жителям поволжских городов, то «медведь белой» должен был вызвать особый интерес у воеводы Саратова. Северный белый медведь сумел перенести тяжелую дорогу и жаркий климат. Но беда настигла его там, где ее не ждали. Как явствует из другого документа, в Астрахани в ходе ссоры между шахскими людьми и кабардинскими князьями Куденек мурзой Канбулатовым и Сунчалеем Енгальчевым «убили черкасы кизылбашского человека Шахназара, да у него же застрелили твое государево жалование – медведь белой»⁴⁸. Скорее всего, речь здесь идет об одном и том же белом медведе, который упоминался в цитированном выше документе.

Караван двигался с небывалой скоростью, задержек по пути не было. Весь путь из Казани до Астрахани был проделан в рекордный срок – за 19 дней. Трагическая судьба большинства участников этого русского посольства в Иране многим хорошо известна. Из 75 чел. погибло от морового поветрия 45, в том числе все руководители посольства, а домой вернулось только 30 чел. Об этом написаны даже художественные произведения⁴⁹. Следует отметить, что роду Тюфякиных не везло с персидскими делами. Через тридцать лет сын князя В. В. Тюфякина Григорий Васильевич возглавит очередное посольство в Персию и по возвращению домой будет строго наказан – у него конфискуют все поместья.

В 1597 г. Ивана Волынского в Саратове сменил его младший брат Михаил Григорьевич. О воеводе Михаиле Григорьевиче Волынском саратовские краеведы, включая А.А. Гераклитова, ничего не писали. В Книгах разрядных, опубликованных в 1966 г., т. е. почти полвека назад, под 1596/97 г. записано, что «на Саратове острове воевода Иван Григорьев сын Волынской», а под 1597/1598 г. запись стоит уже другая: «На Саратове воевода Михайло Григорьев сын Волынской» (слово «остров» здесь не указано)⁵⁰. Впервые сведения о воеводе Саратова Михаиле Григорьевиче Волынском привели авторы Славянской

⁴⁷ Памятники... Т. 1: Посольство князя Василия Васильевича Тюфякина // Труды... СПб., 1890. Т. 20. С. 395.

⁴⁸ Памятники... Т. 2: Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина // Труды... СПб., 1892. Т. 21. С. 3.

⁴⁹ Нагибин Ю. М., Рыкачев Я. С. Великое посольство. М., 1959; Рыкачев Я. С. Великое посольство. Исторические повести (Прерванное путешествие. Надежда Дурова). М., 1960.

⁵⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 513 (запись 1597/98 г.); Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 86 (запись 1598/99 г.); С. 98 (запись 1599/1600 г.).

энциклопедии⁵¹. М. Г. Волынский находился в Саратове около трех лет. Лишь в сентябре 1600 г. его сменил новый воевода Григорий Федорович Елизаров⁵².

Михаилу Григорьевичу Волынскому в конце 1598 г. пришлось выполнить тяжелую миссию, связанную с возвращением из Персии оставшихся в живых членов посольства князя В. В. Тюфякина. Благодаря мужеству, мудрости и высокому чувству ответственности всех оставшихся в живых членов посольства, в том числе черного попа Никифора, трех кречетников и 23 стрельцов, в руки иранских властей не попали основные дипломатические документы посольства (в том числе Наказ), и была сохранена государственная тайна. Кроме того, стрельцы во главе с пятидесятником Иваном Устюженином выдержали в июне 1598 г. на Каспийском море неравный морской бой с турецкими кораблями, выйдя победителями из безвыходной ситуации (первый в истории морской бой русских и турецких кораблей на Каспии). Лишь к 15 августа посольство прибыло к Астрахани, проблуждав по Каспийскому морю около 70 дней. Здесь после тщательного допроса астраханским воеводой П. Н. Шереметевым и некоторого отдыха черный священник Никифор, кречетники Петр Марков, Иван Петров, Василий Чернцов, оружейный мастер Иван Васильев и двое слуг умерших руководителей посольства 23 сентября были отправлены в Москву (протоколы допроса и сохраненные государственные документы воевода отправил с гонцом заранее). Герои стрельцы были оставлены в Астрахани по месту своего жительства.

На этом злоключения членов посольства не закончились. В октябре 1598 г. ударили сильные морозы. В документе кратко сказано: «И по грехом по нашим струг замерз на Даниловском острове, не доехав до Саратова города 120 верст»⁵³. Можно представить себе, какие трудности пришлось испытать этим людям холодной осенью, когда на расстоянии 120 верст вокруг не было ни одного населенного пункта, не было лошадей, а запасы продовольствия подходили к концу. Но герои не пали духом. В источниках сказано, что в Москву «генваря в 13 день приехали из Кизылбаш астраханской черной поп Микифор, что посылан из Астарахани в Кизылбаша з диаком с Семейкою Омельяновым да три кречатника»⁵⁴. По-видимому, в конце октября смертельно уставшие члены посольства все же смогли добраться до Саратова. Воевода М. Г. Волынский выделил им необходимые припасы, сопровождение, дал лошадей и отправил в конце ноября по зимнему санному пути в Москву. Скорее всего, маршрут членов посольства проходил через пустынные земли мордвы и Темников, а не вдоль Волги через Самару и Казань. 13 января 1599 г. члены посольства князя В. В. Тюфякина прибыли в Москву.

⁵¹ Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т. 1 А–М. / Автор-составитель В. В. Богуславский. М., 2004. С. 280.

⁵² Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 116. Григорий Федорович Елизаров приехал в Саратов в самом начале 7109 г. (1600/1601 г.), т. е. в сентябре 1600 г.

⁵³ Памятники... Т. 1: Посольство князя Василия Васильевича Тюфякина // Труды... СПб., 1890. Т. 20. С. 334–453.

⁵⁴ Памятники... Т. 2: Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина // Труды... СПб., 1892. Т. 21. С. 25.

События последующих десяти – двенадцати лет истории первоначального Саратова, до того момента, как он прекратил свое существование (это произошло по различным оценкам в 1609–1613 гг.), выходит за рамки данного исследования. Эти события связаны с пребыванием в Саратове первых известных представителей католического мира, а также первых англичан (ранее английские путешественники проплывали здесь по Волге, когда Саратов еще не был построен). Особый интерес вызывает известная из трудов А. А. Гераклитова зимовка в городе русского и персидского посольств в 1600–1601 гг.

Россия все больше втягивалась в дела на Кавказе. В этих событиях новая крепость Саратов стала играть важную роль. Разгром русского войска И. М. Бутурлина (1605 г.) и начавшееся Смутное время на долгий срок прервали это наступление России на Кавказ. Трагические события Смутного времени и походы по Волге самозванных царевичей имели большое значение для всей дальнейшей истории Саратова. После Смуты все пришлось начинать заново. Но это уже история левобережного Саратова.

**Саратов в российском законодательстве
(вторая половина XVII – первая четверть XVIII вв.)**

Кодификация российского законодательства была проведена по распоряжению императора Николая I русским государственным деятелем М. М. Сперанским, руководившим II отделением собственной его императорского величества канцелярии. Под руководством М. М. Сперанского было составлено и в 1830 г. одновременно издано Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ – I) в 45 томах – наиболее полный сборник законодательных актов, расположенных в хронологической последовательности, по номерам и датам утверждения каждого акта царем. ПСЗ – I состояло из более 30 тыс. законодательных актов российского государства со времени Соборного уложения царя Алексея Михайловича (1649 г.) до 12 декабря 1825 г.

В соответствии с ограниченным объемом публикации рассмотрим только начальный период упоминания Саратова в Российском законодательстве, где со времени царя Алексея Михайловича до конца царствования Петра Великого наш город упоминался около двух десятков раз в связи с различными обстоятельствами, некоторые из которых чередуются в ряде законов.

Впервые Саратов упоминается в первом томе ПСЗ – I в именном указе царя Алексея Михайловича от 8 мая 1669 г. «О даче Казанским и иных Понизовых городов дворянам и Детям Боярским, которые были в походах, с окладов их поместий в вотчину». В указе говорится о пожаловании царем дворян и детей боярских города Казани и других Низовых городов, которые участвовали во всех царских «Литовских походах» русско-польской войны 1654–1667 гг. Показательно, что к этим участникам боевых действий были приравнены дворяне и дети боярские, которые «были на Саратове с Боярином и Воеводы со Князем Федором Никитичем Одоевским, со товарищи, а после того с Боярином и Воеводы со Князем Федором Никитичем Волконским, с товарищи, и тем Дворяном и Детею Боярским, по тому ж давати из поместий в вотчину с окладом их по указу»¹.

Обстановка на юго-восточной «украине» русского государства была очень тревожной. Совершали набеги ногайские татары. По Волге «гуляли» ватаги воровских казаков. Левобережный Саратов жил в постоянной опасности от разбойных ногайцев, воровских казаков, и калмыков. Стрельцы исполняли различные обязанности по охране Волжского пути и обеспечению безопасного движения торговых караванов, а также по наблюдению за передвижениями и военными приготовлениями воровских казаков и кочевников, о чем немедленно сообщали в донесениях в Москву. Поэтому в дополнение к саратовскому гарнизону, состоявшему из нескольких сот пеших и конных стрельцов, обычно

---

¹ ПСЗ – I. Т. 1. № 450. С. 824.

присылали также стрельцов – годовальщиков, которые через каждые два – три года сменялись новыми людьми².

В 1664 г. калмыцкий тайша Мончак, следя за своими врагами – татарами и башкирами, доносил в Москву об их сношениях с Крымом, об их просьбах через своих послов о подданстве крымскому хану. Мончак заявлял хану, «что они с ним одной веры и прежде были людьми крымских ханов, а теперь, живя с русскими людьми, отстали от своей басурманской веры: так бы хан принял их к себе и ходил с ними вместе под государевы города». В ответ на эти заявления крымский хан намеревался «прислать царевичей своих со многими ратными людьми и стоять им между Черным Яром и Царицыным, чтобы в Астрахань и другие понизовые города судов с запасами и товарами не пропускать; а суда, в чем им разъезжать по Волге взялись им промыслить астраханские юртовские татары и ногайцы»³. Видимо, в связи с этой напряженностью на тревожной поволжской окраине России, в Саратовский край в 50-х гг. XVII в. посылались не только годовальщики в Саратов, но и другие воинские люди. В 60-х гг. того же века эти служилые люди были еще живы, поэтому встал вопрос о наделении их самих их же поместными землями. Эти земли, с учетом прежних воинских заслуг служилых людей, теперь по царскому указу должны были стать их родовыми вотчинами.

Следующее упоминание Саратова встречается в именном с боярским приговором указе царя Федора Алексеевича от 9 мая 1676 г. «О даче служилым людям, бывшим в одном походе, из поместий в вотчину указных частей». Здесь говорилось о переводе поместий в вотчину «всяких чинов служилых людей», которые участвовали в «Литовских походах» – «были на службах» Алексея Михайловича в 162 (1654 г.), 163 (1655 г.), 164 (1656 г.) Но теперь речь шла уже о вотчинных притязаниях потомков этих служилых людей, так как старые участники боев русско-польской войны, и приравненных к ней участники боевых действий по защите Саратова уже умерли, а вопрос так и не был решен: «а ныне они померли, и за те службы их в вотчину им не дано, и за те службы вместо их давать в вотчины детям их».

Показательно, что к условиям ратной службы в царских походах против Польши 1654–1656 гг. впоследствии были приравнены и служилые люди, проходившие государеву службу в Саратове: «А в памяти из Челобитенного Приказу нынешнего 184 (1676) году написано: в вотчинном деле Кирилла Ушакова в докладной выписке 177 (1669) года Маия в 8 день, за пометою Думного Дьяка Григория Караулова, написано: блаженныя памяти Великий Государь пожаловал Казанцов и иных Понизовых городов, которые ведомы в Приказе Казанского Дворца, Дворян и детей Боярских, которые были во всех Литовских походах, велел им давать из поместья в вотчину с окладов их, против памяти Поместного Приказу и иных городов. А которые Казанцы ж и иных Низовых городов Дво-

² См.: *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 28–37; *Касович А. С.* Саратов левобережный // Четыре века. Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 18–33.

³ *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. История России с древнейших времен. Т. 11–12. М., 1991. С. 558–559.

ряне и Дети Боярские были за Великим Государем, или в полках Бояр и Воевод и в одном походе, а в дву походах не бывали, а были в их службах в полках, а иные были на Саратове с Боярином и Воеводою, со князем Федором Никитичем Одоевским со товарищи, а после того с Боярином со Князем Федором Федоровичем Волынским с товарищи; и тем Дворяном и Детем Боярским по тому ж давать из поместья в вотчину по указу»⁴. Эти имена не встречаются в списках саратовских воевод XVII в. видимо потому, что они были не городовыми, а полковыми воеводами, временно приходившими с войском для защиты Саратова.

Следующее упоминание Саратова находим в именном, с патриаршим приговором, указе царя Федора Алексеевича от 27 ноября 1681 г. «О именовании архиереев по степеням и о придаче Патриарху и в каждую епархию подвластных епископов; с показанием монастырей и количества дворов, назначенных для их содержания». Речь идет об указной инициативе царя Федора Алексеевича, скрепленной патриаршим приговором патриарха Иоакима о предполагаемом структурном реформировании епархиального епископата «для укрепления святыя Церкви и для спасения и просвещения Христианом, чтобы «святейшему Патриарху, отцем отцу, имети многих епископов, яко Главе и Пастырю». Царский указ от 27 ноября 1681 г. определил перечень городов и митрополий, в которых следовало учредить епископские кафедры, а также местностей, материально обеспечивавших церковных иерархов. В связи с этим-то материальным обеспечением Астраханской и Терской митрополии (архиепископская кафедра учреждена в 1602 г., митрополия с 1667 г., правящий митрополит Никифор 1681–1682) и был упомянут Саратов: «у Астраханского: на Саратове. Пожалует Великий государь оброчные рыбные промыслы»⁵.

Иоаким (Савелов Иван 26 июля 1674 г. – 17 марта 1690 г.), девятый российский патриарх, во внутрицерковной политике последовательно и настойчиво старался проводить прежнюю никоновскую программу неподчиненности Церкви государству. На собранном по инициативе молодого царя Федора Алексеевича церковном соборе 1682–1683 гг. патриарху Иоакиму с помощью епископата удалось провалить радикальный правительственный проект территориально-административного реформирования РПЦ по греческому образцу. Вместо 17 епархий, возглавлявшихся архиереями и немногими митрополитами, царское правительство предполагало устроить 12 митрополичьих территориальных округов, включавших уменьшенные в размерах епархии, число которых предполагалось увеличить до 72. Однако этот проект не нашел понимания среди епископата, так как территориальное уменьшение епархий в связи с их резким численным ростом угрожало снижением доходов местных владык. К концу XVII века в числе восьми митрополичьих епархий была и Астраханская, имев-

⁴ ПСЗ – I. Т. 1. № 640. С. 33–34.

⁵ См.: ПСЗ – I. Т. 2. № 896. С. 363; *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. В 2 частях. Ч. II. Репринтное воспроизведение издания 1913. М., 1993. С. 1394.

шая до 1667 г. статус архиепископства⁶. Что касается дарованных царским указом Астраханскому митрополиту «оброчных рыбных промыслов» «на Саратове», то автор более подробными сведениями о них не располагает.

Следующие упоминания Саратова относятся к законодательству преобразовательной эпохи Петра Великого и в определенной степени отражают напряженный ритм его внешней и внутренней политики. В наказе от 31 марта 1697 г., данном окольному князю П. Л. Львову, определенному воеводой в Казань, говорилось об управлении казенными и земскими делами. В 43 статье этого наказа были определены условия проезда до Москвы воеводской администрации городов Поволжского региона, в числе которых упомянут и Саратов. Согласно указу проезд из Москвы на места службы воеводской администрации обеспечивался государственной казной, без привлечения местных транспортных средств. «Да в 204 году, февраля в 15 день Великий Государь, слушав докладной выписки, указал Бояром и Воеводом, которые посланы будут в Астрахань и на Терек, зимним временем подводы, а водным путем суды и кормщики и гребцы до тех городов и назад до Москвы давать по прежнему, а Казанским, Симбирским, Уфимским, Самарским, Саратовским, Царицинским, Свияжским и иных городов Бояром же и Воеводам и которые отпускаются в пригороды, от сего его Великого Государя указу с Москвы, и из тех городов до Москвы судов из Его Великого Государя казны и кормщиков и гребцов и подвод и прогонов им не давать; и сей Его Великого Государя указ записать в Приказе Казанского дворца в книгу, а в города посланы его Великого Государя грамоты с великим подкреплением»⁷.

В 1699–1701 гг. в связи с подготовкой и началом Северной войны Петром I была проведена реформа центрального управления, заключавшаяся в объединении ряда приказов и создании новых учреждений. В 1699 г. как новый орган городского сословного, финансового и полицейско-судебного «самоуправления» была создана Бурмистерская палата в Москве, получившая с 1700 г. название Ратуши. Этой мерой ограничивались прежние административные полномочия воевод, что нашло некоторое отражение в именном указе царя Петра от 24 мая 1700 г. «О выдаче из Ратуши прогонов до Саратова по указу Казанского приказу, а не по воеводским памятам», где о Саратове упомянуто очень кратко: «На Саратове давать прогонные деньги по присланным указам в Рутушу из Казанского Приказу, а по воеводским памятам не давать»⁸. (8)

Ряд законодательных материалов, в которых упоминается Саратов, связан с договорными отношениями о подданстве хана волжских калмыков Аюки (1647–1724) с Россией. Придя к власти в 1672 г. и объединив всех волжских калмыков, хан Аюка значительно расширил свои владения и получил от Далай Ламы ханский титул, не сразу признанный правительством Петра I.

⁶ См.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. Т. II. Репринтное воспроизведение. Париж, 1959. М., 1991. С. 234–236; *Булгаков С. В.* Указ. соч. Ч. II. С. 1394.

⁷ ПСЗ – I. Т. 3. № 1579. С. 299–300.

⁸ См.: ПСЗ – I. Т. 4. № 1788. С. 25; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 86.

Характерно, что с середины XVII в. калмыцкие тайши⁹ неоднократно давали шерстные¹⁰ записи русскому правительству в союзничестве, верности и подданстве¹¹. Так, 9 декабря 1661 г. «калмыцкий тайша Бунчук, сын Дайчина Урлюкова, на урочище Берекете пред князем Григорием Черкасским, дал вновь шерть в верности царю Алексею Михайловичу за себя, за отца и за племянника своего, за всех клялся по Калмыцкой вере, целовал бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичик и чотки, и ножик свой лизал и к горлу прикладывал»¹².

Хана Аюка также неоднократно давал шерстные записи в подданстве России. Хотя Саратов в них и не упоминался, но эти записи интересны своей последовательностью, и показывают, что последующий договор 1708 г. был не единственным документом подобного рода. В документе говорится, что 27 февраля 1673 г., «шерстной записью, данной на съезде за Волгою, при речке Соляной, Калмыцкий Тайша Аюкай, сын Мончака, внук Дайчина, в присутствии Князя Одоевского и других, подтверждая верность своих предшественников и свою», дал ряд обязательств России. В их числе были следующие: «ходить по повелению Государя на войну, куда только указано будет, а самовольно не нападать ни накого и с изменниками не дружить; ... а к Москве в ордабазарных станицах посылать для продажи лошадей прежнюю дорогою, на Тамбов, Касимов, Володимир»¹³. В другом документе от 23 января 1683 г. сообщалось, что «Тайша Калмыцкий Аюкай Мончаков с товарищи», на съезде за Волгой, при речке Соленой, в присутствии воеводы Князя Андрея Голицына подтвердил прежние свои клятвы новой шерстной записью о подданстве Царям Ивану и Петру Алексеевичам. В шерти говорилось «о содержании в ненарушимости договорных статей, о бытии ему в походах противу неприятелей, о нечинении разорения Российским городам и людям, об отсылке на Москву писем и послов из Крыма и об отпуске пленников без задержания»¹⁴. В то же время в отношении России хан Аюка вёл двуличную политику, неоднократно присягал быть в подданстве и союзе, а при случае нападал на окраинные русские земли. Со своей стороны правительство Петра I, стремясь укрепить свою власть в Нижнем Поволжье, поддерживало хана Аюку и использовало его военные силы при подавлении Астраханского (1705–1706 гг.) и Булавинского (1707–1708 гг.) восстаний, а также в Северной войне 1700–1721 гг.¹⁵.

В законодательных документах начала нового XVIII в. со стороны российского правительства в отношениях с ханом Аюкой выступал Петр Матвее-

⁹ Титул феодального владельца у монгол, калмыков, бурят

¹⁰ Присяга, клятва на подданство

¹¹ См.: ПСЗ – I. Т. 1. № 145. С. 356, № 300. С. 531, № 316. С. 561–563; Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. № 131. С. 273, № 154. С. 301; *Кенпен II*. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 281–287.

¹² ПСЗ – I. Т. 1. № 316. С. 561–563.

¹³ Там же. № 540. С. 923–924.

¹⁴ Там же. Т. II. № 990. С. 493–495.

¹⁵ См.: Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 1. М., 1961. Стб. 1022; Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 1. М., 1991. С. 392.

вич Апраксин (1659–1728) – русский государственный деятель, сподвижник Петра I. В конце 1705 г., после ряда успешных боевых действий в Северной войне и активного участия в усмирении астраханского восстания, П. М. Апраксин был назначен Петром I астраханским губернатором, впоследствии стал и казанским губернатором. В представленных документах он показан как астраханский и казанский губернатор.

В 1708 г. П. М. Апраксин при реке Ахтубе заключил с калмыцким ханом Аюкой важный для России (в условиях Северной войны и народных восстаний в низовьях Волги) договор о переходе калмыков в вечное подданство России. Это был уже не первый договор подобного рода, но он как бы подводил твердую черту прежнему ряду шертных записей, которые ранее давали России калмыцкие тайши, включая и самого Аюку. В договорных статьях калмыцкого хана с астраханским губернатором Петром Апраксиным 30 сентября 1708 г. (№ 2207), Аюка подтверждал вечное и верное свое подданство России, со всеми улусами, и с тем, чтобы кочевать ему всегда при Волге по луговой стороне, не переходя на ее нагорную правую сторону; обязывался он и защищать низовые города от нападений ногайцев, чеченцев и прочих.

Для настоящего исследования интересна VII часть договора, где говорилось об обоюдной поддержке Россией калмыцкого хана и «Аюкой – ханом» России. В статьях бала зафиксирована просьба Аюки о защите в случае возможного нападения на него его потенциальных противников. В этой связи упомянут и Саратов, воеводская администрация которого должна была по просьбе Аюки оказать ему военную помощь. В частности, в договоре говорилось следующее: «Говорил он Аюка Хан с прошением, чтоб послать во все города по Волге от Астрахани до Саратова указы, когда ему Хану, от каких его неприятелей будет какое насилие, и в которые города он будет присылать, чтоб велеть его хана ратными людьми и пушками оберегать, и ратных людей и пушек ему давать.

И о том Аюке Хану ответствовано, что по прошению его во все города, от Астрахани до Саратова, указы Великого государя посланы будут немедленно; и велит он, Ближний Министр и Губернатор тех городов Воеводам его Аюку Хана от всяких его неприятностей ратными людьми и пушками оберегать и по письмам его Хановым посылать. А чего им Воеводам учинить будет не мочно, писать к себе в Казань или в Астрахань, где в какое время он Губернатор обретаться будет; да и о том тех городов Воеводам в указах с подтверждением написано будет, если от него Аюки Хана в Казань к нему Ближнему Министру и Губернатору, Петру Матвеевичу посланные люди будут, чтобы им в тех городах подводы и провожатых давали, безо всякого удержания.

А буде тем городам от каких неприятелей какое наступление и насилие будет, и Воеводы о присылке ратных людей, во оборону себе, к нему Аюке Хану писать и присылать будут; и ему Хану в те города, по обещанному своему слову и по верной службе к Великому Государю ратных своих калмык на всяких Великого Государя неприятелей посылать и тех городов оберегать». Договор был скреплен рукобיתьем, «что все вышеписанные статьи содержать твердо, и друг друга в делах Великого Государя никогда не оставить, и служить ему

Аюке Хану Ему Царскому Величеству во всякой верности неподвижно», как он обещал своему «названному брату» астраханскому губернатору П. М. Апраксину¹⁶.

В более подробном виде статьи договора 1708 г. хана Аюки с Россией были повторены в российском законодательстве в 1710 г.: «№ 2291. Сентября 3. Статьи Калмыцкого Хана Аюки, учиненные с Казанским и Астраханским Губернатором Петром Матвеевичем Апраксиным на съезде между Астрахани и Черного Яра у речки Даниловки. – О подданстве Хана Аюки со всеми Тайшами и с людьми его Российскому Государю». Новыми подробностями VI статьи (а не VII как прежде) было указание на конкретных противников Аюки, его опора на своих тайшей и на наличие должностей комендантов поволжских городов, в том числе и Саратова: «VI. Говорил Аюка Хан Боярину и Губернатору Петру Матвеевичу с прошением, чтобы ему послать во все города по Волге от Астрахани до Саратова и до Самары указы, когда ему Хану от Башкирцов и от Крымцов или от иных каких его неприятелей будет насилие, и о том в Астрахань и в другие вышеявленные города он будет присылать, чтоб его Хана ратными людьми Великого Государя и пушками оберегать и ратных людей ему в помощь давать.

И о том ему Аюке Хану сказано, что по тому его прошению во все вышепомянутые города от Астрахани до Саратова и до Самары, указы Великого Государя от него Боярина и Губернатора посланы будут, велит он его Аюку Хана тех городов комендантам от всяких его неприятелей, ратными людьми и пушками оберегать и письмам его Хановым за его рукою из Астрахани в помощь и в оборону ходить велит, не описываясь к себе в Казань, а других городов комендантам велит о том писать в Казань, или где в какое время он Боярин и Губернатор обретаться будет.

Да и о том тех городов комендантам, в указах с подтверждением написано будет, если от него Аюки – Хана в Казань к нему к Ближнему Боярину и Губернатору когда будут посланы люди, и чтобы им в тех городах подвод и провожатых давать с удовольствием без всякого задержания.

И о том ему Аюке Хану Боярин и Губернатор Петр Матвеевич говорил: буде от кубанцев или от воровских казаков или от каких ни будь неприятелей Астрахани и Тереку или другим вышепомянутым городом какое наступление будет, и о том он Боярин и Губернатор к нему Хану и другим Тайшам за своею рукою будет писать сам или из Астрахани именем его, также из Царицына и Саратова будет писать комендант, и ему бы Аюке Хану по тем письмам, по верной службе к Великому Государю, людей своих с Тайшами на всяких его Великого Государя неприятелей со многими людьми своими посылать, и тех городов оберегать»¹⁷.

Активная роль П. М. Апраксина в русско-калмыцких отношениях объясняется тем, что с начала XVIII в. администрация астраханского губернатора стала играть ведущую роль в процессе включения земель калмыков в сферу

¹⁶ ПСЗ – I. Т. 4. № 2207. С. 421–423.

¹⁷ Там же. № 2291. С. 550.

российской государственности. Правительство Петра I, стремясь укрепить свою власть в южной части Поволжья, предприняло ряд шагов по укреплению отношений с властным ханом Аюкой, использовав его военные силы для защиты низовых городов от набегов ногайцев, чеченцев и подавления восстаний. В 1715 г. Аюка обратился к Петру I с просьбой защитить его от неприятелей (башкир, крымских и кубанских татар, каракалпаков), которые не давали калмыкам спокойно кочевать между Волгой и Яиком. Царь приказал стольнику Д. Е. Бахметеву постоянно находиться при хане Аюке с отрядом в 600 чел. (300 регулярных солдат и 300 казаков).

В 1715 г. Петром I была учреждена специальная должность особого полномочного представителя правительства в кочевьях при калмыцком хане. Этот «полпред» сносился по делам с канцелярией посольского приказа (с 1718 г. с коллегией иностранных дел), одновременно находясь в подчинении астраханского губернатора. Этим «полпредом» стал Д. Бахметев, в служебные обязанности которого входили как надзор за поведением хана, так и активное участие в калмыцких делах, сношениях калмыков с другими государствами и народами, в разборе конфликтов с русским населением. Однако, столь явная опека русского чиновника стесняла хана, и он попросил царя Петра перевести Бахметева комендантом в Саратов, сохранив за ним обязанности охраны калмыков. Поэтому первоначальное местопребывание «полпреда» в ставке хана было заменено на его резиденцию в русские города – в Саратов (1717–1727 гг.), Царицын (1727–1742 гг.), Енотаевскую крепость (1742 – 1771 гг.)¹⁸.

Занимавшийся калмыцкими делами воевода, впоследствии (1717–1721 гг.) комендант Дмитрий Бахметев, находился в двойном подчинении: коллегии иностранных дел и астраханского губернатора, получавшего из столицы указы относительно калмыцких дел. В этой связи показателен сенатский указ от 27 июля 1713 г., где говорится «Об отсылке Ближнему Боярину Апраксину жалования Калмыцким Тайшам и владельцам по его рассмотрению, а рядовым калмыкам по два рубли». В нем упомянут Саратов как центр калмыцко-русских связей: «К Дмитрию Бахметеву послать указ, чтобы он калмыков, которые ныне есть от Аюки Хана в высылке, и впредь будут в Харков, до его указа не отправлял, а быть им в тех местах, где они ныне обретаются; и между тем тамошние города и места от набегов Башкирцов или Кубанцов им охранять. А для той службы Государева жалования тем калмыкам ныне дать, ежели они Волги не переправились, Тайшам и владельцам и Мурзам по чему пристойно, а рядовым калмыкам по два рубли человеку.

А ежели переправлялись, то смотря по пути, сверх того с прибавкою по чему пристойно, чтоб в том им какого озлобления ни учинить, Ближнему Боярину и воеводе Петру Матвеевичу Апраксину, изо взятых денег на их дачу из 53 тыс. рублей по своему рассмотрению, а те деньги на Саратов послать ему от

¹⁸ См.: *Леопольдов А. Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 64; *Бурчинова Л. С.* Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Сб. научн. тр. Калм. ун-та. Элиста, 1985. С. 48–49; *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Саратов петровского времени. Учебное пособие для студентов исторического факультета. Саратов, 1997. С. 58.

себя с нарочным комиссаром без мотчания (промедления – *А. Е.*). А в котором числе и что тех денег и по чему человеку послано будет, о том в Канцелярию Правительствующего Сената писать по тому ж без мотчания»¹⁹.

Следующим по хронологии законодательным актом, где упоминается Саратов, является сенатский указ от 14 января 1717 г. В нем говорилось «О выдаче бежавших на Дон Калмыков Хану Аюке, о невозвращении калмыков крещеных, о не позволении живущим на Дону Калмыкам подговаривать подданных Аюки Хана к побегу, о крещении Калмыков, желающих добровольно принять Христианскую веру и поселении их в Киеве, и об удовлетворении разных просьб Аюки Хана». Именно эта последняя инструктивная часть указа и содержит материал о Саратове и его коменданте Дмитрие Бахметеве, через которого осуществлялись правительственные контакты с ханом Аюкой: «... Что ж Аюкай Хан просит о прибавке с Дмитрием Бахметевым людей до 4000 человек, и на то к нему писать, что ныне людей к Дмитрию Бахметеву прибавить нельзя, для того, что у Его Царского Величества война с неприятелем еще не успокоена; а естли бы от кого на него Аюкай Хана и имело быть нападение, и в таком случае велено чинить ему вспоможение из ближних городов Казанской губернии; о чем Его Царского Величества указ к Боярину и Губернатору Казанскому послан. По прошению ж сего Аюкай Хана Дмитрию Бахметеву на Саратове комендантом быть велел; и о том послан указ в Казань к Боярину и Губернатору; а к Дмитрию Бахметеву в указе написал: что когда Аюкаю Хану он понадобится и будет его к себе с Саратова требовать, и ему тотчас к нему приезжать; также хотя он Дмитрий и на Саратове будет, однакож, по данной ему инструкции, положенного на нем дела у хана Аюкай прилежно смотреть и остерегать, и для того по времени ездить к нему Аюкаю Хану самому, хотя и без призыва его, дабы за отлучением его Дмитрия Бахметева не опустить какого интереса. О обидах, чинящихся калмыкам от Русских людей послать указ к Боярину и Губернатору Казанскому с товарищи, дабы велели они про то разыскать, послав для того доброго и правдивого человека, и взятое у калмыков возвратить, а винным указ учинить.

А для чего он Боярин и Губернатор, по прошению из калмык, в том управы им не дал, и такую отговорку (как Аюкин посланец объявил) чинить, о сем ему в Посольскую канцелярию писать».

В связи с российско-калмыцкими отношениями в этом указе снова упоминается Саратов и его комендант Дмитрий Бахметев: «Яицкому казаку Асану, по прошению Аюки Хана, учинить годовой оклад денег по 20 рублей, да хлеб против денег, и давать, в Астрахани, по все годы. А Саратовца Сидора Корсакова поверстать на Саратове во дворяне и Хану Аюкаю употреблять его для посылок. ... По прошению Аюкай Хана жены его Дармыбалы на поминовение отца ее, послать к ней 100 золотых червонных из Посольской канцелярии. А что она просит позволения послать через Казань и Сибирь к Далай - Ламе для поминовения отца ее, и о том велеть Дмитрию Бахметеву словесно ей объявить, что Его Царских Величества ныне в Санкт-Петербурге нет, и без Его Именного

¹⁹ ПСЗ – I. Т. 5. № 2702. С. 49.

указа Правительствующий Сенат позволить сего не может»²⁰. Благодаря своему высокому положению Бахметев развернул бурную торговую и иную противозаконную деятельность, вплоть до государственной измены, что плохо для него кончилось.

Саратов упоминается также и в ряде указов, связанных с реформированием Петром I административно-территориального устройства России в 1708–1715 гг., 1719–1720 гг., ходе которых были образованы Казанская и Астраханская губернии, куда в разные годы относился Саратов. Указом от 18 декабря 1708 г. были созданы восемь губерний: Московская, Ингерманладская (с 1710 г. – Петербургская), Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская, Архангелогородская и Сибирская. Саратов вошел в состав 36 городов Казанской губернии, о чем говорилось в именном, объявленном из ближней канцелярии указе Петра I: «Великий Государь указал, по Именному Своего Великого Государя указу, в Своем Великого Государя Российском Государстве для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним росписать города»²¹. Губернии были обширнейшими административно-территориальными единицами, не равными по территории и населению. Во главе Петербургской и Азовской губерний стояли генерал-губернаторы А. Д. Меншиков и Ф. М. Апраксин. Остальными губерниями управляли губернаторы, назначаемые лично царем Петром из наиболее видных государственных деятелей. Они имели чрезвычайные полномочия: каждый из них имел не только административные, финансовые и судебные функции, но и являлся командующим всеми войсками, расположенными в подведомственной ему губернии. Каждая губерния включала сложившиеся в XVII в. уезды, во главе которых вместо воевод с 1710 г. стояли коменданты²².

Состав Казанской губернии в 1717 г. претерпел изменения, сказавшиеся на административно-территориальной подчиненности Саратова. 22 ноября 1717 г. последовал именной, объявленный из Сената указ Петра I «Об оставлении Нижегородской губернии с Казанскою в одном управлении и об отделении от оных Астраханской губернии с определенными к ней городами особо». К Астраханской губернии, которой по указу полагалось «быть особо», относились города: «Симбирск, Самара, Сызранск, Кашкар (опечатка – Кашпир – *А. Е.*), Саратов, Петровской, Дмитровской, Царицын, Черной Яр, Красной Яр, Гурьев, что на Яике, Терек, а о росписании тех губерний и расположении доходов и о чем подлежит вычинить выписка особая»²³.

Продолжением первой административной реформы стала вторая областная реформа Петра I, проведенная в 1719–1720 гг., когда территория губерний, вместо прежнего административного уездного деления, была разделена на провинции, в свою очередь делившиеся на дистрикты. Во главе важнейших провинций стояли генерал-губернаторы, губернаторы, и вице-губернаторы, а во главе остальных – воеводы, чья должность была сохранена, несмотря на ликвидацию уездов. В конечном результате в 1719 г. в России насчитывалось 11 гу-

²⁰ ПСЗ – I. Т. 5. № 3062. С. 486–487.

²¹ Там же. Т. 4. № 2218. С. 436–438.

²² *Ерошкин Н. П.* Указ соч. С. 97.

²³ ПСЗ – I. Т. 5. № 3119. С. 520.

берний и 49 провинций. Города Астраханской губернии (кроме самой Астрахани) не стали тогда центрами провинций.

В связи с реформой Саратов упомянут в сенатском указе от 17 мая 1719 г. (№3374) «О городах, причисленных к Астраханской губернии» в числе 12 приписанных к ней городов: «К Астраханской Губернии быть городам по прежнему Великого Государя Именному указу, состоявшемуся в Ноябре месяце, прошлаго 717 году, а именно: Симбирску, Самаре, Сызрани, Кашпиру, Саратову, Дмитриевску, Царицыну, Черному Яру, Красному Яру, Гурьеву, что на Яике, Тереку и того с Астраханью двенадцати; да и Петровскому быть к Астраханской же Губернии, по прежнему»²⁴. Именной, состоявшийся в Сенате указ Петра I от 29 мая 1719 г. «Об устройстве губерний и об определении в оныя Правителей» говорил о смене кадров аппарата управления губерний и провинций, которая должна была проводится в течение второй половины 1719г. Здесь в числе 12 городов Астраханской губернии назван Саратов²⁵.

Следующее упоминание Саратова в законодательстве Петровской эпохи было сделано в июле 1720 г. в инструкции полковнику и астраханскому губернатору А. П. Волынскому «Об управлении вверенной ему губернии». Он должен был обеспечивать безопасность губернии «как воинские права повелевают» как в самой Астрахани, так и в приписанных к ней городах, которые указаны были прежним списком: «Терек на Яике, Гурьев, Красной Яр, Черной Яр, Саратов, Царицын, Сызрань, Петровской, Самара, Дмитриевск, Симбирск с пригородами и со всеми уездными жителями, иметь во всяком охранении и бережении»²⁶.

Последние упоминания Саратова в российском законодательстве первой четверти XVIII в. связаны с заботой царя о сохранении лесных дубрав и сосновых боров – необходимейшего материала для строительства русского флота – любимого детища Петра Великого. Флот, предназначенный для Азовского и Черного морей, после неудачного Прутского похода 1711 г. сгнил в водах Дона. Но зато Балтийский флот в известных морских сражениях со Швецией сделал Россию могучей морской державой – победительницей. Созданный «кумпанствами» многочисленный Балтийский флот в 1725 г. состоял из 32 линейных кораблей, 16 фрегатов, восьми шняв, 85 галер и более 300 гребных судов.

О государственной заботе Петра I о сохранении заповедных лесов для корабельного строения показателен указ от 27 мая 1720 г. вице-губернатору Кудрявцеву «О нерубке лесов и прикосновенных к оным в Казанской и Астраханской губерниях и в Уфимской Провинции», где упоминается и Саратов: «В прошлом 1719 году июля в 17 день Великий Государь указал, по именному Своему Великого Государя Указу, во всем Государстве заповедных лесов, которые годны к корабельному строению, а именно: дубу, илиму (илем, карагач – дерево, похожее на вяз) и толстой сосны, которая в отрубе в 12 вершков и больше, от больших рек со сторон по 50 верст, а от малых рек, которая в те

²⁴ ПСЗ – I. Т. 5. № 3374. С. 699.

²⁵ Там же. № 3380. С. 701–710.

²⁶ Там же. Т. 6. № 3622. С. 224.

большие реки впали, а плавному ходу по ним мочно быти, в сторону же по 20 верст, отнюдь никому на в какие нужды не рубить, и валежнику не брать; а токмо из тех заповедных лесов рубить для необходимых нужд, а именно: на полозя, на оси и к большим чанам на обручья и на мельничные потребности, на пальцы и на шестерни, и то такая, которая к корабельному строению не годны; также и в других местах, которая далее указанных верст, дубу, кроме необходимых же нужд, не рубить же. ... И для того все то над лесами смотрение и бережение иметь в Адмиралтействе, и по состоянию мест в уездах, по селам и по деревням выбрать надзирателей добрых людей, у которых бы меньше 500 дворов в надзирании бы не было; и дать им особые пятна с гербами тех Провинций, и теми пятнами пятнать заповедный лес, который позволится на вышеписанные нужды рубить, а без того никому отнюдь рубить не дерзнуть ...

И того же марта 28 по Его Великого Государя указу и по Сенатскому приговору, велено в Уфимской провинции и в Сибирской и в Астраханской губерниях тамошним обывателям запрещения в рубке тех лесов никакого не чинить, понеже оныя места от тех лесов, где на корабельное строение готовятся, в дальнем расстоянии ...

Ныне готовятся лучшие корабельные леса по Свияге, по Аре и по Суре рекам, а другие в готовности в тех местах корабельные леса впредь надобны будут; а ниже Симбирска по Волге реке в девиных горках и в Самарском уезде и ниже, многия дубовыя леса, годныя к по описи к корабельному строению, и к другим мореходным судам, разве ниже Саратова тамошние леса годны ли будут на строение корабельное, или нет, и о том ведомостей не имеешь»²⁷.

Последний указ эпохи Петра I, в котором упоминается Саратов, связан с важной государственной регалией²⁸ добычи соли в низовьях Волги. Нижневолжские соляные месторождения известны с середины XVI в. В последней четверти XVI в. соль добывали из озер вокруг Астрахани и на озере Баскунчак. Разработкой соли занимались частные лица. В 1705 г. по указу Петра была установлена государственная монополия на добычу и продажу соли, что привело к сокращению ее производства. Доставка соли по России стала нерегулярной. Широкое распространение получил тайный вывоз соли из Саратова. При Петре I был заключен договор с калмыцким ханом Аюкой о том, что калмыки не будут препятствовать добыче и вывозу соли с озера Эльтон, и началась широкая разработка этого месторождения. Через Саратов соль шла в российские города²⁹.

7 октября 1720 г. из камер коллегии последовал указ «Об учреждении застав для провоза соли из Черкасских городов, и поимке корчемников и о обращении взятой у них соли в казну». В его тексте вновь упоминаются Саратов и его комендант Дмитрий Бахметев: «Государственная Камер – Коллегия приговорила: послать подтвердительные указы в Астраханскую и Казанскую Губернии к Губернаторам, а Воронежской к Вице – Губернаторам, и тех губерний в

²⁷ ПСЗ – I. Т. 6. № 3593. С. 201.

²⁸ Монопольное право верховной власти на получение дохода

²⁹ См.: *Осипов В. А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985. С. 15–16; *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Указ. соч. С. 25–26.

Провинции к Воеводам и Камерирам и Управителям и в Саратов к коменданту Бахметеву, с прежних отпусков велеть смотреть накрепко, чтобы от Донских казаков никакой соли никакого чина люди в российские и Великороссийские города, где есть казенная продажа, не привозили и не продавали б, а из российских городов всякого чину люди, в Донские и в Черкасские городки, для покупки вольной соли, не ездили б, и тем бы привозом и вольною продажей казенной соли продаже помешательства не чинили.

И о том публиковать всенародно, чтобы никто неведением не отговаривался. А если кто дерзнет такую соль продавать в Великороссийских городах, где есть продажа из казны, а из российских городов станут покупать: и тех людей ловить и приводить в Губерниях к Губернаторам и Комендантам, а в Провинциях и в городах к Воеводам и Камерирам, и расспрашивать, и соль имать на Государя, с явным свидетельством, и чинить штраф против корчемников (занимающихся промыслом запрещенными продуктами – *А. Е.*) И для оной поимки с воровскою солью, кто на продажу вольную, кроме казны, или вольной купя повезут, учинить заставы в пристойных местах по сколько человек пристойно, и смотреть и ловить тех, кто из оных городков повезет продажную, или купя у Казаков и Черкас самовольно, а вывозу Казакам, про свои расходы и для поставок не воспрещать. И о даче солдат на заставы и в новую крепость послать указ к Астраханскому Губернатору и Камериру и чинить по вышеписаному ж и во всем ему Коменданту Бахметеву вспомоществовать.

А буде Черкасы и Донские Казаки будут подряжаться ставить или привозить в казну на продажу с Маницких и других озер, и у них покупать, и деньги давать по указной цене тех городов, а самим им Черкасам и Донским Казакам вольной продажи Русским людям отнюдь не чинить.

И о ведении, что из государственной Коллегии Иностранных дел Великого Государя грамота послана на Дон к войсковому атаману Фролову и ко всему Войску Донскому, о запрещении продажи, для того, что во всем государстве продается соль из казны; а имели б они довольство и между себя в казачьих городах. А если они будут продавать соль в Российских городах приезжим людям, явно и тайно, и та соль будет взята в казну безденежно.

О том к Вице – Губернатору и к Воеводам и Управителям написать в указах именно, чтоб она Великого Государя грамота на народе была ведома и опубликована, и если кто Казаки и Черкасы, по той последней к ним Великого Государя грамоте из Иностранной коллегии, соль в казну станут в города ставить за деньги: и оные б явились на Воронеже к Вице – Губернатору, а на Саратове коменданту Бахметеву, а по провинциям Воеводам и Камерирам, и о поставках соли имели б договор, и по договорам соль принимать у них в казну и деньги выдавать по настоящим ценам»³⁰.

Таким образом, начальный период кодифицированного российского законодательства (семь томов из 45) определенным образом обогащает исторические представления о Саратове второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.

³⁰ ПСЗ – I. Т. 6. № 3655. С. 246.

Ф. А. Рашитов

Татары в истории России

Татарский фактор, несомненно, занимает в российской истории весьма заметное место. Русские и татары прошли бок о бок, тесно взаимодействуя друг с другом, огромный исторический путь, растянувшийся на несколько столетий, а если брать далеких предков татарского народа, – гуннов, болгар, кипчаков-половцев, – то на все полтора тысячелетия.

По-разному складывались судьбы каждого народа, а также их взаимоотношения, на отдельных этапах и поворотах этого пути, но никогда не прерывалась их связь с землей, которая в конце концов получила название «Россия». Через все противоречия и коллизии неуклонно пробивала себе дорогу тенденция сближения, взаимопонимания, взаимопомощи и сотрудничества. Эту тенденцию прекрасно уловил и выразил великий татарский поэт Габдулла Тукай (1886–1913), который в стихотворении «Надежды народа в связи с великим юбилеем», написанном в январе 1913 г., буквально за несколько недель до смерти, по случаю 300-летия династии Романовых, утверждал, что наши народы «нанизаны на единую нить» и у них общая историческая судьба, которую нельзя потерять¹.

Накопленный исторический опыт совместного проживания на общей земле нуждается в объективном и всестороннем изучении. Необходимо при этом отметить, что тема «Татары в российской истории», которая по сути дела сводится к проблеме русско-татарских отношений, имеет две относительно самостоятельные стороны: 1) этногенез и этнополитическая история татарского народа; 2) участие татар в российском историческом процессе, их вклад в сокровищницу российской цивилизации.

Научные исследования по этногенезу и истории татар имеют уже достаточно длительную традицию как у нас в стране, так и за рубежом. К татарской теме часто обращались основатель русской исторической школы В. Н. Татищев, выдающиеся историки XIX – начала XX вв.: Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, С. Ф. Платонов, В. В. Бартольд, историки советской эпохи Б. Д. Греков, Л. Н. Гумилев, М. Н. Тихомиров, М. Г. Худяков, А. Ю. Якубовский и другие.

На рубеже XIX–XX вв. зародилась татарская историческая наука, с самого начала поставившая в центр своих интересов историю и этнографию татар. Основателем и крупнейшим представителем этой науки явился Шигабутдин Марджани (1818–1889), выдающийся богослов, ученый, просветитель. Он одним из первых уверенно провозгласил, что этнотерриториальные группы «казанцев», «мишарей», «тептярей», «карагашей» и др. консолидировались под общим этнонимом «татары». Кроме того, начальную границу татарской исто-

¹ См.: Тукай Габдулла. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 184.

рии Марджани «передвинул» далеко вглубь времени, распространив ее не только на Волжскую Булгарию (конец IX–XIII вв.), но и на государственные образования древних тюрков: гуннов, кипчаков, хазар.

Важно отметить, что Ш. Марджани был свободен от религиозного фанатизма и национальной узости. Он одним из первых среди татар поставил вопрос о единстве исторической судьбы родного народа с судьбой и жизнью русского народа, призывал своих сородичей изучать русский язык и русскую культуру. «Ислам, – писал он, – не против знания различных языков мира и приобщения к иноязычному просвещению ... Мы убеждены, что изучение русского языка нам не повредит. Но безусловно повредит игнорирование при этом родного языка»².

На идеях Ш. Марджани выросла целая плеяда татарских историков, культурологов, просветителей: Ю. Акчура, Х. Атласи, Г. Ахмаров, Г. Баттал, Дж. Валидов, Г. Губайдуллин, Г. Ибрагимов, Р. Фахретдин и др. Они жили и творили в начале XX в., когда окончательно сформировалась татарская буржуазная нация, а в России происходили бурные революционные события. Татарские интеллектуалы именно в прошлом искали ответ на мучивший всех татар вопрос: куда и с кем идти? Как сохранить свою этническую самобытность в условиях царизма, продолжавшего проводить политику русификации национальных меньшинств, ограничения их прав, игнорирования законных интересов? Не потеряют ли татары свой язык и не исчезнут ли они как этнос? Этой тревогой был наполнен очерк выпускника одного из казанских медресе, будущего выдающегося писателя Гаяза Исхаки (1878–1954) «Исчезновение через 200 лет» (1904 г.) об угрозе исчезновения татар с исторической арены как результат отсутствия прогресса в их общественной и духовной жизни.

Идея строительства советского федеративного государства, в котором были бы обеспечены свобода самоопределения народов, социальное и национальное равенство, определяла главное содержание татарской историографии в послеоктябрьскую эпоху. Истоки новой национальной государственности – Татарской АССР – историки-марксисты искали в прошлом, делая при этом упор на совместную борьбу русских и татарских трудящихся против царизма, крепостничества и капиталистического гнета. Признавалась и подчеркивалась ведущая роль в этой борьбе русского народа. Формирование и укрепление Древнерусского, а с XV–XVI вв. – средневекового Российского государства рассматривались как безусловный приоритет.

Данная теоретическая парадигма имела, наряду с позитивными чертами, серьезные изъяны, уводила науку от объективной истины. Не углубляясь в анализ данной проблемы, отметим лишь два узких места в советской историографической традиции: 1) сложные, противоречивые русско-татарские отношения всячески приглаживались во имя торжества идеала единства и дружбы народов; 2) из истории выбрасывались «неудобные» сюжеты и явления или они, по крайней мере, подавались с купюрами, в «нужном» свете.

---

² Цит. по: Рашитов Ф. А. История татарского народа: С древнейших времен до наших дней: Учеб. пособие. Саратов, 2001. С. 165.

Особенно не повезло Золотой Орде. После выхода в 1944 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О положении идеологической и массово-политической работы в партийной организации Татарии и мерах по ее улучшению» ее стали рассматривать исключительно как агрессивное государство, подвергавшее русские земли разбойничьим нападениям. На многие годы был поставлен заслон на пути объективного исследования данного крупного явления российской и мировой истории. Примерно то же самое происходило с постзолотоордынскими татарскими ханствами – Казанским, Крымским и др.

Вызванные перестройкой на рубеже 80-90-х гг. XX в. демократизация общественно-политической жизни и гласность позволили вывести историю татар из тени русской истории, развернуть научно-исследовательские работы по всему фронту национальной истории и этнографии. Мощным толчком послужило учреждение в 1992 г. Академии наук Республики Татарстан и двух институтов в его структуре: Института истории имени Ш. Марджани и Института татарской энциклопедии. Больших успехов в разработке и внедрении новых методологических подходов, в исследовании различных сюжетов и проблем современного татароведения добились татарстанские ученые: Я. Г. Абдуллин, Р. У. Амирханов, С. Х. Алишев, М. З. Закиев, Д. М. Исхаков, А. Г. Мухаммадиев, Р. М. Мухаметшин, И. Р. Тагиров, М. А. Усманов, Р. С. Хакимов, А. Х. Халиков, М. Х. Хасанов, Ф. Ш. Хузин и др.

Трудно переоценить научный вклад ученых Москвы, Петербурга и других российских регионов: С. Г. Кляшторного, М. Г. Крамаровского, Э. С. Кульпина, С. А. Плетневой, В. В. Трепавлова, Г. А. Федорова-Давыдова и др. Тюрко-татарской историей успешно занимается ряд зарубежных ученых: Тамурбек Давлетшин, Надир Девлет, Иштван Зимоны, Эдвард Кинан, Айша Рорлих, Юлай Шамильоглу и др.

Полученные результаты и накопленный опыт позволили приступить к реализации крупных научно-исследовательских проектов. В 2001 г. в издательстве «Наука» Российской Академии Наук в серии «Народы и культуры» вышла коллективная монография «Татары», подготовленная учеными Казани³.

Еще один проект, реализуемый Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, – семитомный труд под названием «История татар с древнейших времен». Это первая академическая работа, начинающая описание истории татар с III тыс. до н.э. Она является плодом совместного труда ученых Татарстана, российских и зарубежных исследователей. К настоящему времени вышли три тома издания⁴.

Несмотря на определенные достижения и успехи, в истории татар все еще остается много «белых пятен» и неясностей, а также искажений, что порождает большие трудности в построении единой научной концепции. Многие из того, что зафиксировано в научных публикациях последнего времени, является предметом споров, требует дальнейшего исследования.

³ См.: Татары. М., 2001.

⁴ См.: История татар с древнейших времен в семи томах. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002; Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006; Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.

В предлагаемой статье мы намереваемся привлечь внимание читателей к наиболее важным, с нашей точки зрения, проблемам методологического и историографического порядка. При этом предполагается рассмотреть историю татар в широком контексте российских и мировых процессов, с особым упором на выяснение роли татарского этноса в отечественной истории.

В конце XX в. вновь обострились споры вокруг вопроса: кто они татары?⁵ Ученые и любители старины пытаются выяснить: откуда пришло это самоназвание? Насколько оно корректно в отношении современного татарского этноса?

Некоторые представители национальной интеллигенции выступили в начале 1990-х гг. с инициативой отказаться от этнонима «татары» в пользу самоназвания «булгары», утверждая при этом, что этноним «татары» является чужим, что он был навязан потомкам волжских булгар в начале XX в. большевиками с целью унижить народ, лишив его исторических корней. Предпринимались попытки создать общественно-политическое движение булгаристского толка, но без успеха. Абсолютное большинство татар не захотели менять свой этноним.

Это и понятно, ибо этноним «татар» существовал среди тюркских и монгольских племен Центральной Азии с VI–VIII вв. н.э. Примерно такой же возраст и этнонима «болгар». Так называли себя тюркоязычные племена, жившие в VII в. в Северном Причерноморье. Поэтому с точки зрения протяженности времени существования этноним «татар» не уступает этноному «болгар».

Дальнейшая судьба названных этнонимов, как и племен и народов, носивших их, была весьма сложной, непредсказуемой. После распада крупного болгарского протогосударственного объединения в середине VII в. часть их во главе с Аспарухом перекочевали на Дунай. Там они подчинили себе славянские племена и создали Болгарское царство (681 г.). При этом они были ассимилированы численно превосходящим славянским населением. Возникло славянское государство с тюркским политонимом.

Другая часть болгар перекочевала на Среднюю Волгу. Здесь болгары подчинили себе и частично ассимилировали местные угро-финские и тюркоязычные племена и в конце IX в. основали свое государство, именуемое Волжской Булгарией. Сохранившиеся источники рисуют нам Волжскую Булгарию как компактное по территории, но весьма прочное и сильное суверенное государство с развитой земледельческо-ремесленно-торговой цивилизацией. Принятие в 922 г. Ислама в качестве официальной религии сделало Булгар самым северным форпостом передовой мусульманской цивилизации, дало возможность приобщиться к достижениям последней.

Большой исторический путь прошли также племена и народы, носившие этноним «татар». Получив известность в составе Тюркского каганата (VI–VIII вв.) они после распада последнего оказались, вместе с кимаками (йемеками), кипчаками, баяндирами и другими тюркскими племенами, в составе Кимакского каганата (IX–X вв.), центр которого находился на Иртыше.

---

⁵ «Кто ты, татарин?» – так называлось эссе Р. С. Хакимова, опубликованное в 2002 г.

В последующие столетия многие тюркские племена, в том числе кипчаки, огузы, татары и другие, продолжили свое продвижение на запад, в степные пространства Восточной Европы. Особенно преуспели в этом кипчаки, которые в XI–XII вв. оказались южными соседями Руси.

Племена татар в это время, очевидно, не продвинулись дальше Аральского моря и реки Яик. Но их сила и влияние в восточной части Великой Степи постоянно росли. Многие тюркоязычные племена предпочитали подчиниться им и брали их этноним. Об этом в частности писал в своем знаменитом труде «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») персидский ученый Рашид ад-Дин (XIV в.): «... они (татары – *Ф. Р.*) уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом. Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и назвались татарами»⁶.

Можно предположить, что в домонгольский период на названной территории формировалось межплеменное полиэтничное объединение, основное население которого называло себя татарами. В данном случае термин «татар» выступал в двух значениях: 1) как политоним; 2) как этноним определенного племени, игравшего в рассматриваемом объединении ведущую роль.

Из сказанного можно сделать вывод, что в домонгольский период в разных частях огромного пространства степей и лесостепи, растянувшегося от Иртыша на Востоке до Дуная на Западе, образовались три крупных объединения тюркских племен, три крупных центра, ставшие известными по названию самых сильных и авторитетных этносов: 1) татарский на востоке; 2) болгарский (булгарский) – в центре; 3) кипчакский – на западе. Причем одно из объединений – болгарское – сложилось как раннесредневековое государство, а два других не успели достичь уровня государственности, хотя и находились на пути к ней.

Не подлежит также сомнению, что между этими центрами развивались экономические, культурные, политические связи, и требовался лишь толчок для «запуска» интеграционных процессов. Таким толчком стало образование Монгольской империи, один из улусов которой, доставшийся старшему сыну Чингисхана Джучи, претендовал на всю Великую Степь (Дешти Кипчак), а также на болгарские, русские, северокавказские земли.

Хронология, событийная сторона и последствия «Батыева нашествия» хорошо известны и не вызывают серьезных сомнений и споров. Несравненно большую познавательную ценность несет в себе история Джучиева улуса (Золотой Орды). Этот период (середина XIII–XV вв.) имел огромное значение как для этногенеза и этнополитической мобилизации татарского народа, так и для определения характера русско-татарских отношений, для российской истории в целом.

---

⁶ Из глубины столетий. Казань, 2000. С. 108.

Не вызывает сомнений тот факт, что Золотая Орда была полиэтничным и поликонфессиональным государством. Однако полиэтничность основывалась преимущественно на общетюркской общности. Здесь под властью ханов из рода Чингисхана и Джучи произошло объединение названных выше трех крупнейших центров тюркского мира. То, что Русь и русское население оставались за пределами Золотой Орды, сохраняя относительную административно-хозяйственную и в особенности этноязыковую и конфессиональную самостоятельность, имело огромное значение. Здесь, вокруг Москвы, складывалась великорусская народность, утверждалась русско-православная цивилизация. В то же время в Золотой Орде шел процесс консолидации татарской народности на базе огузо-кипчакского типа тюркского языка и мусульманской веры.

В литературе нет единого мнения относительно этнической принадлежности татар периода Золотой Орды. Некоторые исследователи полагают, что истинные татары были монголоязычны⁷. Если принять эту версию, то получится, что «монголо-татары» стояли особняком от тюркоязычного населения Улуса Джучи и просто навязали свое название тюркам: болгарам, кипчакам, огузам и др.

Закреплению в общественном сознании представления о принадлежности татар к монголам способствовали, очевидно, два момента: 1) общая прародина монголов и татар – Центральная Азия, на территории которой они столетиями жили бок обок, оказывая влияние друг на друга; 2) то, что в XIII в. татары пришли в Восточную Европу вместе с монголами, составляя в войске Батыя, очевидно, главную ударную силу. Представители татарской знати занимали также видное место в административно-военной организации Золотой Орды. В этой связи некоторые современные исследователи видят в татарах слой военно-феодальной знати⁸.

В некоторых случаях слово «татар» связывалось с названием государства. Золотую Орду многие арабские авторы, русские летописцы и европейские путешественники называли «государство татар», «царство северных татар»⁹. Существовал также вариант использования имени «татар» для обозначения преимущественно кочевого народа. Практически все европейские источники XV–XVII вв. население причерноморских и поволжских степей называли татарами¹⁰. Однако, при всем многообразии содержания имени татар, большинство авторов, как средневековья, так и новейшего времени относят их к тюркам. Очевидно, именно потому, что татары были тюрками по языку, менталитету, этнические интеграционные процессы в Золотой Орде проходили без серьезных осложнений и имели своим главным содержанием формирование татарской народности.

⁷ См.: *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. М., 1995. С. 29.

⁸ См.: *Исхаков Д. М.* Проблема становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 231.

⁹ См.: *Исхаков Д. М.* Проблема становления и трансформации татарской нации. – Казань, 1997. С. 231.

¹⁰ См.: Татары. С. 94.

Правда, эти процессы остались незавершенными. Они были прерваны наступившим во второй половине XIV в. глубоким экономическим и социально-политическим кризисом, который завершился в середине XV в. распадом Золотой Орды. И, хотя длительное время после этого население бывшего единого государства продолжало именоваться татарами, однако появились и все чаще стали употребляться этнонимы, привязанные к определенной области: «казанцы», «мещеряки» («мишари»), «крымчаки». Отдельные группы этого населения консолидировались под именами своих выдающихся вождей: узбеки, ногайцы. Широко использовался также этноконфессионализм «мусульмане». Начался процесс деконсолидации татарской этнической общности.

Несмотря на относительную кратковременность существования, Золотая Орда оставила глубокий след в истории, причем не только татарской, но и российской и мировой. Главный вектор социально-экономического, политического и цивилизационного развития значительной части Евразии в XIII-XVI вв. определял тюрко-татарский фактор, наиболее ярко проявивший себя в Золотой Орде, а после ее распада – в татарских ханствах Казани, Астрахани, Крыма, Сибири. Можно сказать, что это был особый, исключительно богатый и продуктивный исторический период, требующий самостоятельного изучения. Как справедливо пишет С. Г. Кляшторный, «рассмотрение истории тюркских народов и созданных ими государственных образований лишь в аспекте истории России – СССР, как это было в недавнем прошлом, методически неоправданно и практически лишает тюркские народы Евразии собственной национальной истории»¹¹.

Вместе с тем ясно, что было бы контрпродуктивно отрывать татарскую - и более широко – тюркскую историю от истории других народов России и прежде всего от истории русского народа. После монгольского завоевания и образования Золотой Орды исторический путь русского народа не прервался, но он получил новую траекторию развития. Усилилось влияние на него тюрко-татарского, золотоордынского фактора. Русь как бы повернулась лицом к Востоку.

Русско-татарские отношения периода Золотой Орды и постордынских татарских ханств не нуждаются ни в идеализации, ни в излишней драматизации. Они соответствовали в основном общепринятым в то время представлениям и стандартам. Самое главное: тюрко-татары и русские стали строителями единого экономического, геополитического и в значительной мере культурного пространства. Они вместе осваивали пространства Евразии, обустроивали общую землю. Причем ведущая роль в осуществлении данного «проекта» принадлежала тюрко-татарам, а центр принятия решений находился в Сарае.

Всему миру известны огромные достижения Золотой Орды во многих областях человеческой деятельности. Бесспорным является вклад татар в военное искусство, что выразилось в усовершенствовании оружия и военной тактики. Весьма эффективной являлась система государственного управления, а почтовая (ямская) служба была унаследована Российским государством. Успешно действовали налоговая и финансовая системы. На высочайшем уровне находи-

---

¹¹ Татары. С. 15.

лось градостроительство. В средние века мало было городов, равных Сарая по размерам и благоустройству, по масштабам торгово-ремесленной деятельности.

При этом, кроме Сарая, в разных областях государства функционировали десятки больших и малых городов¹². В качестве примера можно привести город Укек, располагавшийся на южной окраине современного Саратова. По всей вероятности, он начал строиться в одно время с Сараем – в 50-е гг. XIII в. У Гильома де Рубрука, посетившего Джучиев улус в 1253–1254 гг. он упоминается как «новый поселок на Этилии»¹³. В «Книге» Марко Поло этот поселок выступает уже в статусе города и под названием «Укаку» (Укек)¹⁴. По его сообщению, в 1262 г. его отец и дядя посетили этот город по пути из Булгар в Сарай.

В последующие десятилетия происходил бурный рост города; он стал важным опорным пунктом формирующегося государства на Средней Волге, центром одного из северных улусов. Укек играл видную роль в системе проходящих через Золотую Орду торговых путей – волжского и шелкового. Отнюдь не случайно здесь с конца XIII в. функционировал свой монетный двор¹⁵. Здесь чеканились в основном медные монеты.

Наивысший расцвет Укека, как и остальных городов Золотой Орды, пришелся на первую половину XIV в., в особенности на период правления хана Узбека (1312–1342). Посетивший его в 1334 г. арабский путешественник ибн-Баттута характеризовал «Укаку» как «город средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей»¹⁶.

Города Золотой Орды являлись также центрами образования, наук, литературы и искусства. В Сарае жили и творили на арабском и персидском языках крупные писатели и ученые: шейх Сад ад – Тафтазани, написавший ряд книг по риторике и праву, Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди – знаменитый имам, богослов, знатный Факих Ибн Баззаси и другие. На языке поволжской тюрки писали свои произведения писатели и поэты Сейф Сарай (поэма «Мухаббат-наме», Кутб («Хосров и Ширин»), Рабгузи («История пророков») и другие¹⁷.

Не нуждается в дополнительных доказательствах та истина, что возрождение русских земель и консолидация великорусской народности происходили в исторических рамках золотоордынской цивилизации и, надо сказать, происходили весьма успешно. Многие выдающиеся русские историки, признавали, что так называемое татаро-монгольское иго не представляло непреодолимого препятствия для этнополитического развития Руси. Н.М. Карамзин, например, отмечал: «Татары не вступали в наши судные дела гражданские»¹⁸.

¹² По данным В. Л. Егорова, число городов в Золотой Орде в XIV в. достигало 110 (*Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIV–XV вв. М., 1985. С. 101–102.*)

¹³ См.: *Горнунг М. Г. Джиованни дель Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 116.*

¹⁴ См.: Там же. С. 193.

¹⁵ См.: *Мухамадиев А. Г. Монетный двор Укека. Саратов, 2003. С. 15.*

¹⁶ См. *Из глубины столетий. С. 199.*

¹⁷ См.: *История татар... Т. 3. С. 646–653, 676–680.*

¹⁸ Цитирую по: *Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000. С. 90.*

Еще более определенной была оценка В. О. Ключевского, который писал: «Прежде всего татары стали в отношении к поработанной ими Руси, устранявшее или облегчавшее многие затруднения, какие создавали себе в своей стране северно-русские князья. Ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший. Да и трудно было вникнуть в него, потому что в отношениях между тамошними князьями нельзя усмотреть никакого порядка ... Гроза ханского гнева сдерживала забияк; милостью, т.е. произволом хана не раз предупреждалась или останавливалась усобица. Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли»¹⁹.

С учетом всех имеющихся в настоящее время фактов можно утверждать, что образовавшееся в конце XV в. Московское государство было возвращено на хорошо окультуренной почве ордынской, тюрко-татарской государственности и цивилизации. И хотя территория и население Руси не входили непосредственно в состав государства Золотая Орда, однако объективно Московское государство может считаться одним из наследников последней. Многочисленные вооруженные конфликты конца XV – первой половины XVI вв. между Москвой и татарскими ханствами Казани, Крыма и др. были как раз проявлениями борьбы за ордынское наследство. Победа осталась за Москвой, завоевавшей в 1552 г. Казань, присоединившей в последующие годы Астрахань, чувашские, ногайские и башкирские земли. После этого Московская Русь, Московия превратилась в многонациональное Российское государство.

Исключительно богатым оказалось золотоордынское наследство: плодородные земли, обширные пастбища, богатейшие рыбные угодья Волги и Яика, волжский торговый путь и железорудные богатства недр Уральских гор ... Россия получила ценнейший человеческий капитал. Татарские князья и мурзы пополнили сословие «столбовых дворян»: Годуновы, Державины, Карамзины, Аксаковы, Огаревы, Чаадаевы, Юсуповы ... Этот список выходцев из татар Золотой Орды можно продолжать очень долго. По подсчетам В.О. Ключевского, в сословии дворян Российской империи этнические русские составляли 33%, татары 17% Остальные – выходцы из Литвы, Польши и Германии²⁰.

В свете сказанного возникают даже определенные сомнения относительно известной формулы «Москва – третий Рим». Похоже, гораздо больше соответствовала бы исторической действительности формула «Москва – третий Сарай» (после Казани – «второго Сарая»). По крайней мере, Сарай и Казань были для Москвы ближе и значимее, чем Рим и Царьград. Татарский фактор имел неопределимое значение, как для становления Российского государства, так и дальнейшего его развития. Он вошел в ткань государственного организма, наряду с древнерусским, киевским началом. Очевидно, прав известный казанский уче-

¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1958. Т. 2. С. 50.

²⁰ См.: Там же. С. 193.

ный Р.С. Хакимов, когда утверждает: «у России есть две опоры, два столпа – Киевская Русь и Золотая Орда»²¹.

Завоевание Иваном IV Казани и Астрахани, хотя и явилось итогом объективного хода исторических событий, обернулось для тюрко-татарского населения бывшей Золотой Орды настоящей катастрофой. Если разобраться, татары в этой «мясорубке» понесли не меньший урон, чем русские в ходе Батыева нашествия. Во время осады и штурма Казани погибли многие тысячи местных жителей, в том числе глава казанского мусульманства сеид Кул Шариф, а после взятия города оставшиеся в живых татары были изгнаны из него со строгим запретом на возвращение в свои дома. Последняя казанская царица Сююмбике вместе с малолетним сыном увезена в Москву. В огне пожарищ погибла значительная часть документов и национальных культурных ценностей, другая часть была увезена в Москву, где следы этого богатства затерялись.

Не менее трагичной оказалась дальнейшая судьба татарского народа в Российском государстве. Дело не ограничилось ликвидацией государственного суверенитета. Была сломана вся система внутреннего административного управления, территория оккупирована, в городах размещены воинские команды, введено воеводское правление. Татарское население к управлению, естественно, не допускалось. На него были возложены многочисленные тяжелые повинности, главная из них – ясак.

Вдобавок к этому татарских крестьян стали сгонять с земли. В радиусе 50 километров вокруг Казани образовалась территория, на которой татарских селений фактически не осталось; освободившиеся земельные и лесные угодья были розданы воеводам, Церкви, русским боярам и «детям боярским», участникам походов на Казань, в том числе перешедшим на службу царю татарским мурзам. Во владение новых собственников перешли земли 206 татарских деревень и 60 пустошей. Коренные жители были вынуждены перебираться в лесные районы к северу от Казани, а также в восточные районы по рекам Кама, Белая, Ик и др.

Гонения и притеснения были столь невыносимыми, что в 1553 г. под Казанью вспыхнуло народное восстание под предводительством Мамыш-Берди. С войском в несколько тысяч человек он сумел «оседлать» Волгу выше Казани, прервав сообщение между Свияжском и Васильсурском. Против повстанцев были брошены правительственные войска под начальством воевод С. И. Микулинского и И. В. Шереметева. Они шли от селения к селению, сжигая деревни, отбирая скот, уводя в плен жителей. По данным С. М. Соловьева, каратели взяли в плен 6 тыс. мужчин и 15 тыс. женщин и детей²².

Анализируя сегодня действия правительств Ивана Грозного и Федора Ивановича, трудно избавиться от мысли, что осуществлялась целенаправленная политика уничтожения «татарства» и «мусульманства» с тем, чтобы вытравить татарский, золотоордынский «след» из исторической памяти русского народа. Названные действия создавали реальную угрозу не только для физического

²¹ Хакимов Р. С. Татарский дух. Казань, 2007, С. 115.

²² См.: Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 3. С. 490.

выживания татарского населения, но – самое главное! – вытраивали духовные, этнокультурные, исторические основы жизни татарского народа.

Особенно зловещую в этом отношении роль сыграла позиция русской православной Церкви, навязавшей государству политику насильственного крещения татар-мусульман, их русификации. Местная администрация строго исполняла приказ Москвы: «Все мечети посчитать и в конец их извести». Всеми способами – административными, экономическими, психологическими – татар отворачивали от своей веры, заставляли переходить в христианство.

Как видим, конфессиональная политика царизма разительна отличалась – в худшую сторону – от политики ханов Золотой Орды. К сожалению, до Ивана Грозного и его приближенных не дошли мысли и предложения некоторых тогдашних общественных и государственных деятелей о дружном сожительстве казанцев и русских, мусульман и православных под покровительством московского государя. На многие десятилетия утверждалась атмосфера взаимного отчуждения.

Под влиянием названных обстоятельств жизненные силы татарского этноса оказались сильно подорванными, влияние татарского фактора на развитие России было сведено к минимуму. Татары на какое-то время как бы «выпали» из истории, оказавшись на грани исчезновения.

К счастью, этого не случилось. Татары как этнос проявили исключительную живучесть, сохранив язык, веру, традиции предков. Россия, несмотря на все усилия светских и церковных властей, не смогла избавиться от «гена» «татарства». Объективные обстоятельства и потребности общественного развития оказались сильнее субъективных желаний и идеологических установок.

Россия не могла обойтись без использования народов Поволжья и Урала, прежде всего татар и башкир, в качестве военной силы. Как пишет Н. М. Карамзин, в царствование Федора Ивановича «для важного ратного предприятия собиралась огромная рать, численность которой случае нужды умножалась «людьми купецкими, так же наемниками и слугами государя московского, нагаями, черкесами, древними поданными Казанского царства»²³.

Многие татарские князья и мурзы, желая сохранить свои владения, переходили на царскую службу. В XVI–XVII вв. появилась целое сословие «служилых татар». Они принимали весьма активное участие в политической жизни Российского государства. Не лишним будет заметить, что избранный в 1598 г. русским царем Борис Годунов был выходцем из татарского рода Морза Чет. Крещенный татарин князь Петр Урусов убил в 1609 г. Лжедмитрия II²⁴.

Небезынтересно также отметить, что призыв к православным людям защитить свое государство и веру от иноземных захватчиков прозвучал из уст бывшего митрополита Казанского и Свияжского Гермогена, избранного в 1606 г. патриархом. За этот гражданский акт он был арестован боярами-изменниками и выдан полякам.

²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2003. С. 834.

²⁴ См.: Костомаров Н. Смутное время. М., 1994. С. 619.

Казанские татары поддержали инициативу нижегородского купца Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского по созданию народного ополчения для спасения России. В ополчение влился казанский отряд во главе с крещеным татаринном Лукьяном Мясным²⁵. Поэтому вполне естественно, что представители татар в качестве семи человек были приглашены на Земский собор 1613 г. и участвовали в избрании нового царя Михаила Федоровича Романова²⁶.

Этот факт свидетельствовал о стремлении наиболее дальновидных представителей русской элиты искать пути примирения с инородцами и использовать «татарский фактор» в строительстве Российского государства. Забегая немного вперед, отметим, что татары, проявив умение прощать старые обиды с честью выполняли эту возложенную на них историческую миссию участия в строительстве нашего общего дома – России.

Следует, однако, заметить, что зародившиеся в период смуты зачатки взаимопонимания и доверия подвергались в дальнейшем новым суровым испытаниям. Правительства Алексея Михайловича, Петра Первого, Анны Ивановны вновь и вновь возобновляли и ужесточали антитатарскую и антимусульманскую политику, вызывая в татарском народе разочарование и недовольство. Татары принимали активное участие в восстаниях Степана Разина и Емельяна Пугачева. Не раз вспыхивали восстания под руководством местных национальных лидеров. Эти народные волнения жестоко подавлялись царскими войсками. Число жертв карательных операций достигало десятков тысяч человек.

И все-таки объективные законы общественного развития, государственные интересы брали верх. Правительства Алексея Михайловича и Федора Алексеевича в 70-80-е гг. XVII в. широко использовали татарских мурз и крестьян Свияжского, Симбирского, Темниковского уездов в строительстве засечных черт на южной окраине государства в районе Средней Волги: сначала на маршруте Симбирск – Саранск, а затем – Сызрань – Кузнецк. Переселенцам выделялись десятки тысяч десятин земли по рекам Терешка, Избалык, Кадада, Сура, Уза и др. На этих землях возникли несколько десятков татарских деревень: Кулатка, Новые Зимницы, Средняя Терешка, Атлаш, Мостяк, Большой Чирклей, Алеево, Карлыган, Елюзань, Пенделка, Индерка, Усть-Уза и др. Вместе с русскими, мордовскими, чувашскими крестьянами они занимались хозяйственным освоением ранее пустовавших земель, исправно платили государству ясаки, несли другие повинности.

По указу Петра I в 1718 г. было создано Казанское адмиралтейство, имевшие в своем распоряжении Астраханскую (до 1722 г.) Казанскую и Нижегородскую верфи. К заготовке корабельного леса в северных районах привлекались феодально-зависимое население и служилые татары, так называемые лашманы. Татары работали также на верфях. Построенные на волжских верфях корабли участвовали в Каспийском (Персидском) походе, предпринятом Петром Великим в 1722–1723 гг. Функции переводчика во время похода выполнял крещенный татарин Тевкелев Кутлуг-Мухаммад Батыргиреевич (по крещению

²⁵ См.: Костомаров Н. Указ. соч. С. 732.

²⁶ См.: Тагиров И. Р. Дорогой свободы и братства. Казань, 1987.

Алексей Иванович). В дальнейшем, в 30–40-е гг. XVIII в. он принимал активное участие в присоединении Оренбургского края и Западного Казахстана (Малого Жуза)²⁷.

Приведенные факты говорят о том, что в XVIII столетии в политике царизма начинает проявляться линия на примирение с мусульманством, в начале – очень робко, впоследствии – все более явственно. После выхода именного указа императрицы Анны Ивановны от 11 сентября 1740 г. «Об отправлении архимандрита с некоторым числом священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещенных христианскому закону и о преимуществах, новообращенным дарованных» была учреждена Контора новокрещенских дел для активизации христианизации мусульман и язычников Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерний. Эта контора во главе с архиепископом Лукой (Конашевич) рьяно взялась за дело, начав с массовой акции разрушения мусульманских мечетей. В период с 1740 г. по 1743 г. только в Казанской губернии были разрушены 418 мечетей (из 536 существовавших).

Тем не менее, итоги деятельности конторы новокрещенских дел среди татарского населения оказались незначительными: из общего числа новообращенных за время работы конторы (1740–1762 гг.) 270 тыс. чел. татар оказалось лишь 3670. Упорство и неуступчивость татар в защите веры предков вызывали у правительства не только озлобление, но и невольное уважение. Приходилось также считаться с растущим торгово-предпринимательским потенциалом татарского населения, его ролью в сношениях с соседними мусульманскими народами и государствами Казахстана и Средней Азии.

С учетом этих соображений правительство Елизаветы Петровны в 1744 г. распорядилось прекратить слом мусульманских мечетей. Одновременно жителям Татарской слободы в Казани разрешалось построить две деревянные мечети. В том же году 200 семей казанских татар во главе с ясачным крестьянином Сеитом Хаялиным получили разрешение переселиться на предоставляемую им землю в районе вновь построенной крепости Оренбург. Здесь они основали торговую слободу Каргалинскую (другое название – Сеитовская)²⁸. Она стала крупным центром транзитной торговли между Средней Азией и Россией. Сам Сеит Хаялин возглавил компанию по торговле со странами Средней Азии. Известно также, что в 1753 г. каргалинские купцы Надир Сафаров и Якуб Ягафаров совершили торговое путешествие в Индию.

С утверждением на императорском престоле Екатерины II политика самодержавия в отношении мусульманского населения существенно изменилась. Преследования и притеснения по религиозным мотивам были сведены к минимуму. Екатерина как просвещенная правительница предпочитала добиваться покорности татар не силой, а «добрым обхождением», учитывая их национально-религиозные интересы и традиции. В 1764 г. была закрыта контора новокрещенских дел.

²⁷ См.: Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С. 571.

²⁸ См.: Ногманов А. И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2002. С. 93.

В 1767 г. во время своего путешествия по Волге Екатерина II посетила Казань, дала аудиенцию представителям Татарской слободы. Она благосклонно отнеслась к просьбе мусульман разрешить строительство двух новых каменных мечетей. Строительные работы начались уже в 1767 г, а в 1770 г. первая из мечетей вступила в эксплуатацию.

Еще одним показателем усиления внимания властей к татарам явилось приглашение их депутатов к участию в работе Комиссии по составлению нового Уложения государственных законов (1767–1768 гг.). Депутаты – татары из Казани, Симбирска, Оренбурга, Пензы представили в комиссию указы от мусульманского населения, в которых настойчиво звучало требование обеспечить свободу вероисповедания, прекратить притеснения и т.д.

И хотя работы комиссии, прерванные в 1768 г., не достигли поставленной цели, тем не менее, указы депутатов-татар не остались без внимания. Огромное значение имело принятие Святейшим Синодом в 1773 г. вердикта, который провозглашал терпимость официальной церкви ко всем другим традиционным для России конфессиям, признавалась необходимость свободного отправления всех религиозных обрядов.

В 1780-е гг. либерализация татарской политики продолжалась. Важное социально-экономическое и политическое значение имел указ 1784 г., уравнивавший в правах татарских мурз с русским дворянством²⁹. Татарам также было разрешено свободно заниматься торгово-промышленной деятельностью.

Правительство Екатерины II озаботилось также регулированием процесса возрождения и бурного развития мусульманской мечети в России. В 1788 г. последовал указ Екатерины II генерал-губернатору Симбирскому и Уфимскому барону Игельструму, повелевающий «... учредить в Уфе духовное собрание магометанского закона» с тем, чтобы «муллы и прочие духовные чины магометанского закона...определялись не инако, как по учинению им надлежащего испытания и с утверждения наместнического правления ...»³⁰. Первым председателем Духовного собрания – муфтием был определен ахун Каргалинской слободы Мухаммеджан Хусаинов.

Можно резюмировать, что со второй половины XVIII в. начинается новый период в истории российских татар. Пройдя через тяжелые испытания и поражения, они сохранили себя как этнос, адаптировались к новым условиям и вновь вернулись в «историю». В последующие десятилетия XIX – начала XX в. татары сумели сполна воспользоваться открывшимися возможностями. Быстро набрал силу татарский торговый капитал. К середине XIX в. в Казани насчитывалось 762 татарина купеческого звания, что составляло 34% общей численности казанских купцов³¹.

Купцы-татары не стеснялись вкладывать свои растущие капиталы в промышленность. По данным профессора Казанского университета Карла Фукса, приведенным им в книге «Казанские татары в статистическом и этнографиче-

²⁹ См.: ПЗС-I. № 15936. С. 51–52.

³⁰ См.: Там же. № 16710. С. 1107.

³¹ См.: Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1991. С. 16.

ском отношении» (1844 г.), в городе действовали мыловаренные заводы Апанаева, Арсаева, Заманова и Якубова, кожевенные – Апанаева, Усманова и Юнусова, свечные – Арсаева и Юнусова, поташный – Алишева, текстильные фабрики Азимова, Апакова, Абдуллина, Бикмагомедова и Уразова, обувные – Абдуллина и Файзуллина.

Постепенно расширялась география предпринимательской деятельности татар. Богатые купцы и промышленники стали появляться в Астрахани, Вятке, Оренбурге, Самаре, Симбирске и других городах. В экономические отношения растущего капитализма вовлекались значительные массы татарского крестьянства. Все более широкое распространение получали кустарные промыслы, отходничество, другие виды малого предпринимательства. В поисках заработка тысячи молодых татар уезжали из родных мест на шахты Донбасса, нефтепромыслы Баку и т.д. Все это способствовало преодолению замкнутости и малоподвижности татарского сельского мира, росту социальной мобильности татарского населения, общению и сближению его разных этнотерриториальных групп.

Огромное значение имел духовно-культурный прогресс татарского этноса. Строительство сотен новых мечетей требовало расширения масштабов подготовки образованных имамов, печатания Корана и другой религиозной литературы. В первой половине XIX в. имамов готовили в основном медресе Бухары и других среднеазиатских городов. Именно там получили богословское образование выдающиеся татарские просветители А. Курсави и Ш. Марджани. Религиозная литература печаталась в типографиях Петербурга и Казани. Только за период с 1853 по 1856 г. казанские типографии растиражировали 82,3 тыс. экземпляров Корана, 165,9 тыс. экземпляров учебной книги для мектебов «Иман шарты» («Основы вероучения») ³². Постоянно росло число мектебов и медресе при мечетях, а также численность обучающихся в них детей.

В XVIII–XIX вв. продолжился процесс выделения российских татар из общетюркского и общемусульманского мира. Постоянно росли численность татарского населения, его удельный вес в населении Российской империи. Если в 1719 г. численность татар оценивается в 290 тыс. чел., то к 1795 г. она достигала 835 тыс., то есть возросла почти в три раза. За последующие сто лет, между 1795 г. и 1897 г. татарское население увеличилось еще в три раза – с 835 тыс. до 2552 тыс. чел. ³³. Татары превратились в одну из крупнейших этнических общностей среди нерусского населения Империи.

Наиболее крупной этнотерриториальной группой татар в XVIII–XIX вв. были волго-уральские татары. Их удельный вес неизменно составлял 90% всего татарского населения ³⁴. Соответственно волго-уральские татары оказывали сильное влияние на остальные группы татарского этноса, в особенности на астраханских и сибирских татар. Именно первые сыграли решающую роль в этни-

³² См.: Рашитов Ф. А. История татарского народа... С. 154.

³³ См.: Татары. С. 153.

³⁴ Подсчитано автором по: Татары. С. 153.

ческой мобилизации и консолидации российских татар в рассматриваемый период.

Процесс консолидации этнотерриториальных групп татар в единую нацию прошел, по мнению крупного специалиста по этнополитической истории Д.М. Исхакова, три этапа: 1) этап «мусульманской» нации (конец XVII – середина XVIII в.); 2) этап «этнокультурной» нации (вторая половина XVIII – конец XIX в.); 3) этап «политической» нации (с начала XX в.)³⁵. Переход от первого ко второму этапу характеризовался выделением российских татар из мусульманской общности с высвобождением этнической культуры, как традиционной (народной), так и новой, «высокой», от всеобъемлющего влияния религии.

На это время приходится также поиски единого этнонима. В качестве такового определился и закрепился этноним «татары». В этом вопросе первым сказал свое авторитетное слово упомянутый выше Ш. Марджани. Он доказывал, что традиционный конфессионим «мусульманин» является слишком широким и не решает задачи этнического самоопределения. Наиболее интегральным и распространенным он считал этноним «татары». «Кто же ты, если не татарин?» - восклицал он, обращаясь к соплеменнику³⁶.

На этой позиции стояли такие выдающиеся представители татарской духовной элиты, как Каюм Насыри (1824–1902), Габдулла Тукай (1886–1913), Закир Рамиев (Дэрдменд) (1859–1921), Галимджан Ибрагимов (1887–1938) и другие.

Вместе с тем часть татарской интеллигенции в начале XX в. увлекалась идеей общетюркского единства (пантюркизм), разрабатывала планы создания единого государства всех тюркских народов Российской империи под названием «Туран». В основе этой идеи, очевидно, лежало стремление объединить все тюркоязычные народы России для борьбы против царизма. Отсюда проистекала резко враждебная позиция властей в отношении пантюркистов. Определенную роль играл, очевидно, внешнеполитический фактор, связанный с ориентацией ряда идеологов пантюркизма на недружественную Турцию.

Следует обратить внимание еще на один аспект. Активное увлечение части национальной элиты идеями пантюркизма, равно как и панисламизма, объяснялось, очевидно, еще и тем, что татары в начале XX в. претендовали, и не без оснований, на ведущие роли среди тюркских народов империи. К этому времени они консолидировались в буржуазную нацию.

Экономическую основу нации составлял крупный татарский торгово-промышленный капитал. Торгово-промышленные фирмы Апанаевых, Сайдашевых, Субаевых, Утямышевых из Казани, Рамиевых и Хусаиновых из Оренбурга, Акчуриных из Симбирска, Дибердиевых из Кузнецка (Саратовской губернии), Яушевых из Троицка располагали миллионными капиталами. Постоянно расширялись география и масштабы торгово-промышленного предпринимательства. Татарский капитал активно и успешно внедрялся в хозяйственную жизнь Казахстана и Сибири, уйгурских земель. Если в 1890 г. предпринимате-

³⁵ См.: Татары. С.141–143.

³⁶ См.: Там же. С. 148.

ли-татары имели в собственности в Европейской части страны 76 промышленных предприятий, то в 1913 г. уже 141 предприятие с численностью работающих 12 тыс. чел. К ним следует добавить 154 торговых дома³⁷. Одновременно шло формирование татарского пролетариата. К началу XX в. численность рабочих-татар достигала 150 тыс. чел.³⁸.

Быстрыми темпами формировалась национальная интеллигенция. В начале XX в. общая численность лиц, занятых умственным трудом, приближалась у татар к 10 тыс. чел.³⁹. По уровню образованности татары, безусловно, опережали остальные тюркские народы. По отношению к последним они выполняли значительную просветительскую миссию.

В начале XX в. татары, накопившие за предыдущие десятилетия значительные экономические и социокультурные ресурсы, смогли включиться в общероссийские процессы модернизации. Устами национальных идеологов (Р. Ибрагимов, Ю. Акчура, М. Бигиев, С. Максуди) они декларировали свои этнополитические интересы и требования. Важнейшими среди требований были равноправие и свобода этнокультурного развития, создание условий для сохранения религиозной идентичности и национальной самобытности. «У казанских татар ... мы видим, – писал Р. Ибрагимов в брошюре «Чулпан йолдыз» («Утренняя звезда») (1895 г.), – стремление как к сохранению религиозной идентичности, так и к национальной самобытности, это их осознанный выбор»⁴⁰.

Пробуждающаяся общественно-политическая мысль стала провозвестницей татарского национального движения. Последнее формировалось и развивалось под влиянием трех основных течений в российском общественном движении: охранительного (консерватизм), реформаторского (либерализм) и революционного (радикализм).

Определенная часть татарского общества, включавшая старое духовенство, немногочисленное дворянство и привилегированное чиновничество, поддерживало политику царского правительства, направленную на сохранение сословных привилегий дворянства и всего существующего самодержавно-бюрократического строя. Однако проповедуемая царизмом теория «официальной народности», дополненная идеей русской великодержавности, не могла привлечь симпатии широких масс инороднического населения, в том числе татарского.

Формирующаяся татарская «политическая» нация явно склонялась к антимонархическим позициям, делая при этом выбор между либерализмом и революционно-демократическим направлением. Политизация татар, как и остальных народов империи особенно усилилась в период революции 1905–1907 гг. Под влиянием массовых революционных выступлений, инициаторами и наиболее активными участниками которых были русские рабочие и крестьяне, произошло политическое пробуждение молодой татарской нации.

³⁷ См.: Рашитов Ф. А. История татарского народа... С. 161.

³⁸ См.: Там же. С. 159.

³⁹ Подсчитано по: Тагиров И. Р. Дорогой свободы и братства. Казань, 1987. С. 49.

⁴⁰ Цит. по: Рашитов Ф. А. История татарского народа... С. 173.

Последняя в период между революциями 1905–1907 гг. и 1917 г. проделала сложный, противоречивый путь самопознания, самоидентификации и самоопределения. В центре идейных исканий и политических дискуссий находились три главных вопроса: 1) отношение к российской государственности; 2) отношение к идее общемусульманского и общетюркского единства; 3) о выборе общественного строя.

По первому вопросу явно возобладала позиция, четко выраженная еще в 1907 г. великим народным поэтом Габдуллой Тукаем в стихотворении «Не уйдем!». ⁴¹ «Россия – земля наших предков; Российское государство – наше государство; никакая Турция нам не нужна; сделать Россию свободным, вольным государством – высшая цель» – таковы главные положения этого программного стихотворения. Они отвечали мыслям и чаяниям абсолютного большинства татар. Даже после Февральской революции 1917 г., когда развернулся процесс «суверенизации» национальных окраин, требования представительных татарских съездов, состоявшихся в мае и июле 1917 г., не шли дальше национально-культурной автономии. Лишь состоявшийся в ноябре – декабре, после победы Октябрьской революции, съезд – Миллет Меджлиси (Национальное Собрание мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири) высказался за создание территориальной автономии в форме Урало-Волжского штата, но опять же в составе Российской Федеративной республики.

По второму вопросу победила, хотя и не сразу, идея этнической идентификации. Не получили широкой поддержки в татарском обществе идеи панисламизма и пантюркизма. Правда, в 1917 г. в определении Миллет Меджлиси еще видны следы прежних увлечений организаторов («мусульман», «тюрко-татар»), однако в составе Собрания были представители лишь двух тюркоязычных этносов: татары и башкиры. Более того, к концу работы Собрания обнаружилась невозможность конструирования единого для башкир и татар государства. Лидер башкирского национального движения Ахмад-Заки Валиди заявил, обращаясь к делегатам-татарам: «Вы как хотите, но мы пусть маленькую, но создадим свою автономию. Мы поклялись на Коране и не отступим» ⁴².

Остался также нереализованным предложенный Наркоматом по делам национальностей проект Татаро-Башкирской советской республики (1918 г.). В конечном счете были созданы самостоятельные Башкирская (1919 г.) и Татарская (1920 г.) автономные советские республики.

По вопросу о будущем общественном устройстве татарская нация, как и весь российский социум, оказалась расколота. Выбор в конечном счете делался из двух вариантов: капитализм или социализм. Победа оказалась на стороне социализма. Причем в самом социалистическом лагере к осени 1917 г. также произошел раскол: между умеренными социалистическими партиями меньшевиков и эсеров, с одной стороны, и большевистской партией, с другой. Верх взяли большевики, заручившиеся поддержкой абсолютного большинства рабо-

⁴¹ См.: *Тукай Габдулла*. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 136–137.

⁴² Цит. по: *Тагиров И. Р.* История государственности Татарстана: (XX век). Казань, 2005. С. 29.

чего класса, солдат русской армии и беднейшего крестьянства. Трудящиеся – татары выступили в одном строю с русскими рабочими.

Комментируя октябрьские события 1917 г. в Казани, когда татары, как рабочие, так и солдаты, вопреки призывам умеренных социалистов сохранять нейтралитет, приняли активное участие в установлении советской власти, один из лидеров казанских меньшевиков Фуад Туктаров с горечью писал в газете «Кояш» («Солнце»): «Единая татарская нация перестала существовать. Мы побеждены. Прав, оказывается, был Тукай, когда говорил: «Нам издавна был другом русский народ, и разве конец этой дружбе придет?»⁴³

Татарская нация, разумеется, не перестала существовать. Она возродилась и укрепилась на новой, советской основе. Огромное значение имело провозглашение 27 мая 1920 г. Татарской автономной советской социалистической республики в составе РСФСР.

Как отмечалось на состоявшейся в Казани 26 мая 2010 г. научно-практической конференции по случаю 90-летия декрета ВЦИК, «создание ТАССР стало реализацией вековых чаяний народа, важным шагом к национальному самоопределению»⁴⁴. За неполный век Татарстан прошел путь истинные великих достижений – от провинциальной губернии с кустарной промышленностью до одного из самых высокоразвитых регионов Российской Федерации.

Важнейшим фактором, обеспечившим этот модернизационный рывок, явилось тесное сотрудничество и дружба с русским народом, со всеми народами СССР.

Достигнутый в послеоктябрьский период прогресс в социально-экономической и духовной жизни позволил не только избежать «инкыйраза» («исчезновения»), но и значительно укрепить татарскую нацию, ее этническое здоровье. Об этом в первую очередь свидетельствует рост численности людей, называющих себя татарами. Несмотря на понесенные потери во время гражданской и Великой Отечественной войне, от голода 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг., репрессий 1930-х гг., численность татарского этноса выросла с 3369,4 тыс. чел. по Всесоюзной переписи 1926 г. до 6920,5 тыс. чел. в 1989 г.⁴⁵ При этом происходило, особенно начиная с 1950-х гг., дальнейшее быстрое распространение татар на новые территории, особенно Казахстана и Средней Азии. В 1970-е – 1980-е гг. численность татар в этом регионе достигла более чем 1 млн. чел.⁴⁶

В настоящее время татары живут в большинстве регионов России. Если исходить из масштабов всего СНГ, татары являются одним из самых дисперсно расселенных народов. Это является еще одним свидетельством жизнеспособности народа, его толерантности.

Произошли не только количественные, но и важные качественные изменения. Особенно впечатляющими были темпы урбанизации татарского населе-

⁴³ Цит. по: Рашитов Ф. А. История татарского народа... С. 210.

⁴⁴ Государственность Республики Татарстан: история и современность. Казань, 2010. С. 3–4.

⁴⁵ См.: Татары. С. 153.

⁴⁶ См.: Там же. С. 158.

ния. Если в начале XX века доля горожан составляла лишь 5% татар Волго-Уральского района, то к 1989 г. достигла 69%⁴⁷. Сейчас татары являются одним из самых урбанизированных народов в России и СНГ. Многократно выросла численность татарского рабочего класса. Сформировался мощный отряд национальный научно-технической интеллигенции. Татары овладели всеми современными профессиями, поднялись на вершины мировой науки, культуры, искусства. В этом им помог и помогает русский язык, который стал вторым родным языком для абсолютного большинства татар. Двуязычие – это огромное преимущество, облегчающее дело приобщения к достижениям мировой цивилизации.

Проведенный анализ подтверждает высказанную в начале статьи гипотезу, что татарский фактор всегда присутствовал в российской истории. При этом степень присутствия и влияния не была постоянной величиной. Выделяются два периода наивысшей активности татар: 1) XIII–XVI вв., когда татары, русские и другие народы вели поиск оптимальной модели государственности на просторах Евразии; 2) XX век – эпоха модернизации экономических, социальных, политических институтов после краха монархии и Империи. В эти периоды, как и во все остальные, татары выступали как позитивная, созидательная сила, как государствообразующий народ.

Эта их роль особенно усилилась в конце XX в., когда национал-сепаратистами был уничтожен СССР и нависла угроза над Россией как единым суверенным государством. Татары, как и в 1917 г., не поддались соблазну разрушения Российской Федерации в погоне за эфемерной идеей создания отдельного от России, независимого национального государства. Они как народ выступили гарантом российской государственности, а республика Татарстан, несмотря на все коллизии 1990–1994 гг., явилась прочным ее звеном. Исторический опыт и современная практика подтверждают правильность сделанного Татарстаном и всем татарским народом выбора. Сегодня татары – второй по численности этнос в России, а Татарстан, как считает президент Рустам Минниханов, «стал экономическим сердцем России, а Казань – третьей столицей страны. Республика на практике доказала: только сильные регионы могут сделать сильной и Российскую Федерацию»⁴⁸.

---

⁴⁷ См.: Татары. С. 154.

⁴⁸ См.: Государственность Республики Татарстан: история и современность... С. 5.

**Аграрная эволюция в регионе рискованного земледелия:
Нижнее Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX в.**

На обширной, с большим разнообразием географических факторов европейской территории России постепенно складывалась региональная специализация экономики, достигшая к середине XIX века значительного развития. Основными центрами промышленного производства являлись Центрально-промышленный, Северо-западный и Уральский регионы. В свою очередь в регионах запада и юга (Прибалтике, Белоруссии, Правобережной Украине, Новороссии, Центрально-черноземном и других) развивалось преимущественно сельское хозяйство. К последней группе относилось и Нижнее Поволжье. Сельское хозяйство изначально, по мере заселения пространства крестьянством, становилось основным занятием населения этого большого региона. Лишь в узкой приморской полосе и в низовьях Волги оно уступало место рыболовству, а на территориях проживания казахов и калмыков – кочевому скотоводству.

Важное значение для уровня развития сельского хозяйства Нижнего Поволжья в целом и отдельных его районов имело разнообразие почвенно-климатических характеристик. В северной и северо-западной частях региона преобладали плодородные черноземные почвы. В правобережье Саратовской губернии по плодородию лучшими считались Хвалынский, Балашовский, Аткарский и Сердобский уезды, в левобережье – Николаевский уезд. На юг правобережья простирались выщелочные черноземы, а в Заволжье – каштановые почвы. Они ниже по качеству, чем северные черноземы, но также давали возможность населению южных уездов Саратовской губернии (Камышинского, Царицынского, Новоузенского, в меньшей степени Царевского) и северных Астраханской губернии Черноярского и, отчасти, Енотаевского) частично заниматься земледелием. Южнее простиралась зона светло-каштановых и солонцеватых почв, а в южной половине Прикаспийской низменности господствовали типичные для полупустыни бурые пустынно-степные почвы¹. Они были мало-пригодны или совсем не пригодны для занятия земледелием.

Развитие земледелия в восточной и южной части Нижнего Поволжья сдерживалось и неблагоприятными климатическими условиями. Саратовское Заволжье и Прикаспийская низменность – наиболее засушливая часть европейской территории России. Засуха здесь – обычное явление, а годы с достаточным количеством влаги довольно редки. Количество осадков быстро уменьшается с северо-запада Нижнего Поволжья на юго-восток при одновременном повышении средней температуры лета. Суховеи, свойственные Прикаспийской низменности, еще больше обостряют засушливость этой территории.

Заселяя зону рискованного земледелия крестьяне, не только русские, но и обыкновенно умело приспособлялись к местным условиям ведения хозяйст-

---

¹ Буяновский М. С., Доскач А. Г., Фридланд А. М. Природа и сельское хозяйство Волго-Уральского междуречья. М., 1956. С. 62.

ва. Но зафиксированные сведения о развитии пашенного земледелия в Нижнем Поволжье, по данным известного исследователя региона В. А. Осипова, появляются не ранее середины XVIII в.² Судя по имеющимся сведениям, в 1760-х – 1770-х гг. земледелие даже в наиболее освоенной северной и центральной части саратовского правобережья с рынком было связано в очень незначительной степени, хотя хлебопашеством занималась большая часть жителей этой территории региона. По данным ведомости 1776 г. о посеве и урожае хлебов даже во всех городах края значительная часть населения занималась хлебопашеством как основным или подсобным промыслом. Но две трети жителей Саратова и четыре пятых Царицына довольствовались покупным хлебом. Поэтому жители городов края, а в неурожайные годы и крестьяне, пользовались хлебом, который поставлялся из более северных территорий – Тамбовской, Пензенской, Симбирской провинций, а по Волге и из Казанской и Вятской³. Массовое заселение саратовского правобережья, особенно после образования в 1781 г. Саратовского наместничества и развитие торговых связей, способствовали появлению уже и торгового хлебопашества. Саратовский и Воронежский наместник генерал-поручик А. В. Чертков в донесении императрице в конце июля 1787 г. сообщал, что при среднем урожае яровых хлебов в наместничествах цена за четверть ржаной муки в Саратове составляет 3 руб., тогда как в Воронеже 4 руб. В середине сентября того же года он сообщает, что для нужд войск кн. Г. А. Потемкина в окружных (т. е. уездных) городах и селах «где хлебу продажа бывает» закуплено 3000 четвертей и имеется надежда закупить еще «некоторое количество». По-видимому, товарного хлеба было тогда относительно немного. Наместник отмечает, что малый урожай озимых культур, произведенная им поставка хлеба для армии Г. А. Потемкина (при этом, как следует из сообщения, какая-то часть пшеницы и полбы была изъята из запасных магазинов казенных селений), отправка «довольного» количества хлеба в Астрахань, а также закупка провианта для войск генералов П. А. Текелия и П. С. Потемкина привели к значительному вздорожанию ржи, гречневой крупы и овса⁴.

В конце XVIII в. северо-западная часть Нижнего Поволжья, в основном уже заселенная, становится районом, поставляющим на всероссийский рынок продукты земледелия, главным образом хлеб⁵. Остальная территория региона к этому времени еще не являлась производителем товарного зерна. Оседлое население здесь занималось в основном скотоводством и овцеводством, рыболовством и вело полунатуральное крестьянское хозяйство, слабо связанное с рынком. По мере роста населения, в течение первой четверти XIX в. хлебопашество медленно, но развивалось. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» 1807 г. содержит сведения о том, что «в избытке остающийся-

² Осипов В. А. Саратовский край в XVIII в. Саратов, 1985. С. 47–48.

³ Там же. С. 48–51.

⁴ Вейнберг Л. Б. Материалы по истории Саратовской и соседних губерний за вторую половину XVIII века // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1893. Т. 4. Вып. 1. С. 64, 72.

⁵ Любомиров П. Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов, 1928. С. 19.

ся хлеб на продажу вывозят в города и на торжки по селам». Хотя, по-прежнему, на саратовской пристани суда «останавливаются сверху с хлебом всяким», но свыше 658 тыс. четвертей хлеба Волгой и сухопутно вывозилось в другие губернии⁶. Уже в 1805 г., несмотря на то, что урожай повсеместно был снижен засухой, «вредной росой со мглой», нашествием саранчи в Царицынском уезде, недостатка в продовольствии в Саратовской губернии не ощущалось, хлеб оставался даже на продажу. Так, на винокуренные предприятия поступило около 72 тыс. четвертей, вывезено вверх и вниз по Волге около 106 тыс. четвертей, продано в Пензенскую и Тамбовскую губернии 230 тыс. четвертей⁷. Впрочем, даже 10 лет спустя, в 1815 г., когда урожай тоже был не из лучших (озимые – сам-4, а яровые всего сам-1) винокурение потребило всего 50 тыс. четвертей, а вывезено за пределы губернии 200 тыс. четвертей⁸. Эти же показатели присутствуют в отчете губернатора и за 1816 г.⁹. В 1822–1825 гг. в Астраханской губернии высевалось – уже 2 тыс. четвертей хлеба, а в Саратовской губернии – 1257 тыс. четвертей¹⁰.

Перелом происходит с 1830-х гг. Самарский исследователь Ю. Н. Смирнов, в архиве Русского Географического общества обнаружил весьма информативную рукопись чиновника Самарского удельного имения А. Каменского. Согласно мнению последнего переход к товарному производству хлеба для крестьян Самарского и Ставропольского уездов происходит с 1833 г., когда одновременно с большим урожаем поднялись цены на рожь и пшеницу, которые «обольстили крестьян», и зажиточные селяне «удвоили у себя для пшеницы запашку; не жалея денег, нанимали в отдаленных местах на значительные сроки неподнятые земли, распахивали их наймом с большими для себя расходами»¹¹. По-видимому, значительное повышение цен на зерно в Заволжье было вызвано сильнейшим неурожаем 1833 г., охватившим весь юг Европейской России и, частично, Саратовскую и Тамбовскую губернии. Среди правительственных мер по смягчению последствий народного бедствия были разрешение свободного вывоза зерна из непострадавших губерний и территорий, к которым относились и Самарский и Ставропольский уезды Симбирской губернии, и даже беспошлинный ввоз зерна из-за границы¹². В следующем, 1834 г., урожай в пределах Саратовской губернии был незначительным, что опять вызвало необходимость правительственной поддержки и частного благотворительства¹³. А в 1835 г. погодные условия оказались более благоприятны-

⁶ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011. С. 26, 35.

⁷ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 119, л. 50, 51.

⁸ Там же. Д. 120, л. 410.

⁹ Там же. Д. 121а, л. 2 об.

¹⁰ См. приложение № 1. Четверть – мера объема сыпучих тел, равная, примерно, восьми пудам ржи.

¹¹ *Смирнов Ю. Н.* Корреспонденции из Самарского края в Русское Географическое общество как отражение интереса к региональной истории и культуре в середине XIX века // Самарский земский сборник. Самара, 2006. № 1–2. С. 40.

¹² История министерства внутренних дел. Ч. 3, кн. 1. СПб, 1862. С. 488.

¹³ Там же. С. 573, 575, 576.

ми. Так, в немецких колониях урожай был сам- 8¹⁴. Тем не менее, свидетельство А. Каменского, скорее всего, действительно отражает те изменения, которые происходили не только в заволжской части Симбирской губернии, где подряд три года были урожайными, но и на всем обширном пространстве юго-востока европейской части России. Дальнейшее освоение территории региона, повышение рыночного спроса на хлеб способствовали быстрому развитию хлебопашества, увеличению посевных площадей. Этому благоприятствовало и то, что переселенцы в Нижнее Поволжье приходили из сельскохозяйственных районов¹⁵.

Прогресс в развитии хлебопашества выразился в быстром расширении посевных площадей за счет освоения целины, в росте удельного веса земледелия на значительной части территории региона, где ранее господствовало примитивное скотоводство. Обобщенные в приложении № 1 сведения о посевах и чистых сборах зерновых культур также указывают на то, что заметные изменения в хлебопашестве происходят с середины 1830-х гг.¹⁶.

В хозяйственный оборот начали вовлекаться уже и те земли, которые ранее во всех отчетах фигурировали как «неудобные». Оставивший яркие, интересные заметки о крае начала 1830-х гг. Я. В. Сабуров отмечал, что в Заволжье распаханые земли «уже доходят до Еруслана и Узеней: еще неопределенный соляной тракт затрудняет разбор сих последних земель, которые, по заведенному обычаю слывут в бесплодных, хотя жатвы обильны, посеву множество и скота вдоволь»¹⁷.

Успешное развитие земледелия в Саратовской губернии не могло не оказать влияния на развитие хлебопашества в соседних уездах Астраханской губернии. Впрочем, еще в 1780-х гг. возле Астрахани татарами и русскими крепостными крестьянами незначительное количество огражденных валами низменных земель, затопляемых водой, приносившей ил, использовалось для посева разных зерновых культур. Но, как предполагал Л. В. Милов, один из лучших специалистов по истории русского крестьянства XVIII в., позже, к началу XIX в., в связи с ростом поставок зерна и муки по Волге, этот доходный, но очень трудоемкий способ выращивания местных зерновых культур был оставлен. И в дальнейшем лиманное астраханское земледелие поставляло на рынок лишь овощные и ягодные культуры¹⁸.

Еще в конце 1820-х гг., по отзыву местного начальства, земледелие в северных Черноярском и Енотаевском уездах не являлось сколько-нибудь важным занятием населения, собранного здесь урожая не хватало и на треть русского населения¹⁹. И в середине 1830-х гг. земледелие в этих уездах по степени

¹⁴ История министерства внутренних дел. Ч. 3, кн. 2. С. 140.

¹⁵ Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 16, 20–22.

¹⁶ См. приложение № 1.

¹⁷ Сабуров Я. В. Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ // Московский наблюдатель, 1835. Ч. 2. С. 188.

¹⁸ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 71–73.

¹⁹ РГИА, ф. 1281, оп. 11, 1829 г., д. 9, л. 74 об., 116, 116 об.

важности заметно уступало скотоводству и рыболовству²⁰. А уже в 1846 г. палата государственных имуществ сообщала о распространении хлебопашества в этих уездах в такой мере, что не хватало удобных земель и государственные крестьяне засевали арендованные калмыцкие земли²¹. В 1839–1840 г. переселенцами были сделаны, впрочем, не особенно удачные, попытки посевов хлебов даже в Астраханском уезде, на землях возле Волги и ее протоков (возможно, по опыту XVIII столетия)²². Во второй четверти XIX в. начинается постепенный переход к земледелию и части обедневших калмыков²³. В целом же возможности развития хлебопашества в Астраханском крае были весьма скромными, губерния и в дальнейшем будет потребителем привозного хлеба. По авторитетному мнению составителя военно-статистических обозрений Саратовской, Самарской и Астраханской губерний, подполковника Генерального штаба Безносикова, даже в начале 1850-х гг. Астраханская губерния могла обеспечиваться собственным хлебом лишь на четверть от необходимого для прокормления оседлого населения²⁴.

В Саратовской же губернии размеры посевов росли быстро. В 1846–1850 гг. по сравнению с 1822–1825 гг. посев зерновых вырос более чем вдвое и составлял, по очень заниженным официальным данным, 2779 тыс. четвертей, тогда как в Астраханской губернии они выросли в 16 раз, но составляли всего 32 тыс. четвертей, а с присоединением в 1851 г. из Саратовской губернии Царевского уезда – 115 тыс. четвертей²⁵. Впрочем, официальные сведения были очень заниженными, так как не учитывались посевы мещан, купцов, чиновников, казаков и посевы на всех арендованных казенных землях²⁶. А в Саратовской губернии они были весьма значительными.

Важным показателем динамики земледельческого производства является также сравнение посевов зерновых в расчете на душу населения. Рассмотрим теперь, как изменились посевы с учетом этого показателя. Показатели Астраханской губернии настолько незначительны, что их можно учитывать лишь после присоединения Царевского уезда (ранее бывшего в Саратовской губернии). В Саратовской же губернии в первом десятилетии XIX в., по сравнению с 1785–1796 гг., размеры посевов хлебов выросли с 1,15 до 1,61 четверти, но к концу первой четверти столетия, когда начался основной приток переселенцев, он сократился до 0,97 четверти. И лишь с середины 1830-х гг. вновь начинается постепенный рост, приведший к 1850-м гг. до 1,53 четверти посевов на душу на-

²⁰ ГААО, ф. 2, оп. 2, д. 144, л. 346–447.

²¹ Там же. Ф. 794, оп. 1, д. 155, л. 65 об., 66.

²² Там же. Ф. 2, оп. 2, д. 171, л. 5, д. 181, л. 28, 614 об.

²³ РГИА, ф. 1281, оп. 11, 1829 г., д. 9, л. 116, 116 об.4, оп. 4, 1842 г., д. 45, л. 34 об., 35, ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 2393, л. 101.

²⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. 5. Ч. 5. Астраханская губерния. С. 127.

²⁵ См. приложение № 1.

²⁶ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии, составленная по сведениям, собранным саратовской комиссией для уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. Сб., 1859. С. 185.

селения²⁷. Таким образом, темпы развития хлебопашества несколько отставали от роста населения. Сложности переселений сдерживали возможности развития крестьянского хозяйства на новом месте.

Развитие единого всероссийского рынка проявлялось в углублении хозяйственной специализации отдельных регионов, что способствовало прогрессу экономики страны²⁸. В Нижнем Поволжье это нашло выражение в специализации на выращивании определенных культур. Основная тенденция проявилась в том, что происходило некоторое упрощение структуры хлебов. Значительно сократились посевы полбы, проса. Началось вытеснение бобовых культур картофелем²⁹.

Одновременно росла доля одной из главных товарных продукций – пшеницы. Саратовская пшеница уже в конце XVIII в. поступала на крупчатые мельницы Москвы³⁰. Ее удельный вес в посевах поднимается с 13,3 до 25,3%³¹. Она начала занимать в структуре хлебов второе место после ржи, вытесняя в ряде местностей и эту культуру. К концу 1850-х гг. «пшеничными» местностями правобережья считались прилегающие к Волге части уездов Хвалынского, Вольского и Саратовского, целиком Камышинский, Царицынский и южные части Аткарского и Балашовского уездов. Пшеницей здесь засевалось до 50% полей у помещиков и от 45 до 67% у крестьян³². Наблюдался рост посевов пшеницы так же в центральных и западных уездах Саратовской губернии. Объяснялось это тем, что при сокращении наделов крестьянам становилось более выгодным сеять дорогую пшеницу, даже закупая для себя более дешевую рожь³³. Впрочем, в дальнейшем, по мере истощения почвы на крестьянских общинных участках, урожаи пшеницы уменьшались, да и сама она перерождалась, теряя высокое качество зерна. Основной культурой Заволжья, которой, по мнению современника, возможно, несколько преувеличенному, засевалось 90% всех полей, являлась высоко ценившаяся на российском и мировом рынках твердая пшеница сорта «белотурка»³⁴. Твердые сорта пшеницы менее чувствительны к воздушной засухе, чем мягкие, но хуже переносят недостаток влаги в почве. Они считались менее урожайными, чем мягкие сорта, но на целинных и залежных землях урожай их был высокий, да и на рынке ценились они выше. Н. В. Воронов, чиновник по особым поручениям самарского губернатора, составивший обширное «Описание Волжского побережья Самарской губернии и

²⁷ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии ... С. 185.

²⁸ *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 243–245.

²⁹ См. приложение № 2.

³⁰ *Осинов В. А.* Указ. соч. С. 53.

³¹ См. приложение № 2.

³² Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии... С. 121. ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 586, л. 94; д. 1355, л. 107.

³³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. Саратовская губерния. С. 97.

³⁴ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии... С.121, 125; Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. 5. Ч. 4. С. 92; *Сафронов А.* Описание Саратовского Заволжья // Журнал министерства внутренних дел. Ч. XXXV. С. 376.

замечательнейших его местностей» характеризует десятилетие между 1835 г. и 1845 г. «настоящей белотурочной лихорадкой»³⁵. На правобережье распространялся и родственный сорт – арнаутка.

Рожь по-прежнему сеялась как основной продукт питания крестьян. К середине XIX в. она даже начинает появляться как товарный хлеб в южных уездах Саратовской губернии, где жители, обладавшие достаточными наделами, сея ее по нови, получали большие урожаи³⁶. Кроме того, рост посевов ржи стимулировался и развитием винокуренной промышленности. Посевы овса, несвойственного южным степям, оставались на прежнем уровне. Остальные культуры по-прежнему занимали незначительное место в структуре посевов, за исключением ячменя, так как было известно, что в случае засухи это самый надежный хлеб.

Конечно, выращивались и некоторые другие товарные культуры, имевшие устойчивый спрос на рынке. Еще в начале века некоторые крестьяне высаживали на огородах и бахчах небольшие грядки подсолнечника. Промышленного значения это многообещающее растение тогда не имело. В конце 1820-х гг. подсолнечник, вероятно из Саратовской губернии, попал в Бирюченский уезд соседней Воронежской губернии³⁷. Примерно в середине 1830-х гг. подсолнечник возвратился в Саратовскую губернию³⁸ уже как известная масличная культура и быстро приобрел признание своей доходностью. По подсчетам современников доход с десятины подсолнечника при среднем урожае равнялся 27 руб. серебром, в то время как пшеница приносила только 18 руб.³⁹ В урожайные годы доход от десятины подсолнечника составлял 50–60 руб. сер. Использовались не только семена. Стебли растения шли на топливо, жмых поступал на корм свиньям и коровам. С 1850-х гг. в губернии появился спрос на подсолнечную золу для мыловаренных и поташных предприятий. Посевы этой культуры быстро распространялись. В 1840-х гг. под подсолнечником было 50–60 дес., а в 1853 г. – 1250 дес. Выращиванием подсолнечника занимались в основном государственные крестьяне Аткарского, Балашовского, Вольского, Саратовского уездов. Включились в посевы выгодной культуры также помещики и горожане. Во второй половине 1850-х гг. наибольшие площади под подсолнечником были в окрестностях Саратова. Губернатор в отчете за 1861 г. отмечал, что около Саратова этой культурой засеваются до 3 тыс. дес. Параллельно с ростом площадей под подсолнечником совершенствовалась и технология выращивания растения и обработки семян, что значительно ускоряло и удешевляло уход за посевами.

В Саратовской губернии успешно развивалось табаководство. Выращивать его стали голландские семейства, поселившиеся в колониях в начале их

³⁵ Смирнов Ю. Н. Указ. соч. С. 42.

³⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. С. 97–98.

³⁷ Бейлин И. Г. Из истории культуры подсолнечника в СССР // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VI. М., 1965. С. 400–401.

³⁸ Труков Д. Сельскохозяйственные замечания по Саратовской губернии // Журнал министерства государственных имуществ, 1853. Ч. 46. № 1. Отд. 2. С. 11.

³⁹ Шахматов И. О разведении подсолнечника // Там же, 1853. № 5. Отд. 1. С. 212.

водворения. И вскоре табак стал занимать в колониях все новые и новые земли. Причина этого явления заключалась не только в выгодности сбыта данной культуры, но и в том, что часть земель колонистов, особенно в Заволжье, считалась малопригодной для хлебопашества, но удобной для посевов табака. Уже в начале XIX столетия в Красноярском, Екатериненштадтском и Панинском округах (которые тогда давали 96% всего сбора табака в губернии) собирали почти 75 тыс. пудов табачных листьев⁴⁰. С 1817 г. по 1827 г. среднегодовой сбор составлял уже 111 тыс. пудов⁴¹. А в начале 1850-х гг. с 7 тыс. дес., занятых под этой культурой, снималось, в отдельные годы, свыше 470 тыс. пудов. В 1857 г. из губернии было вывезено (не учитывая проданного на месте) до 600 тыс. пудов табака разного рода, а в Николаевском и Новоузенском уездах Самарской губернии было собрано 460 тыс. пудов листьев⁴². Некоторые колонисты производили до 200 и 300 пудов листьев, получая до середины 1830-х гг. более 1500 руб. дохода на семью (при цене 5-6 руб. за пуд). Но с этого времени цена на табак заметно падает – до 60 коп. за пуд по причине большого распространения посевов дешевых сортов табака не только в немецких колониях, но и в русских, украинских селениях и у помещиков. Ориентируясь на потребителя, колонисты выращивали разные сорта табака. Более дешевые, такие как русский, мариландский выращивались в значительном количестве и предназначались для продажи во внутренних губерниях и кочевникам. Дорогие же сорта листьев (такие как виргинский) поступали на мануфактуры Саратова, где изготавливались высококачественный табак и даже сигары. Таким образом, в виде товара или полуфабриката табачные изделия оказывались на рынках обеих столиц, Финляндии, Германии и Швеции. Многие зажиточные колонисты для повышения доходности своих плантаций приобретали семена самых перспективных сортов. Еще в 1829 г. колонисты впервые собрали до 80 тыс. пудов американского табака от семян Императорского Московского общества сельского хозяйства. Первичную обработку сырья делали исключительно колонисты. Высушенные и упакованные листья продавались в селениях комиссионерам известных столичных и местных фабрикантов. Реже крестьяне сами везли товар в столицы⁴³. Посевами табака занимались не только в колониях. Значительные табачные плантации к началу 1850-х гг. были, например, в Царевском уезде⁴⁴.

Из других земледельческих культур большой популярностью у колонистов пользовался картофель. Уже в 1817–1837 гг. ими в среднем высевалось свыше 17 тыс. четвертей картофеля, что составляло около 13% всех посевов пищевых культур. Колонист и в конце 1850-х гг. сажал картофеля значительно

⁴⁰ Любомиров П. Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов, 1928. С. 33.

⁴¹ Статистические сведения об иностранных поселениях в России // Журнал министерства внутренних дел, 1838. Ч. 28. Кн. 4. С. 21.

⁴² РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1858 г., д. 57, л. 7 об., д. 65, л. 117 об.

⁴³ Булычев М. В. Экономика немецких колоний Саратовского края в первой половине XIX века // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы российско-германской научной конференции. Анапа. 22-26 сентября 1994 г. М., 1995. С. 169.

⁴⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 5. С. 128.

больше и охотнее, чем русский крестьянин. Но на рынок картофель поступал в очень небольшом количестве⁴⁵.

Нижнее Поволжье к середине XIX в. было известно на внутреннем рынке России своими бахчевыми культурами. Камышинские арбузы считались лучшими в стране. Впрочем, и астраханские арбузы поступали на рынки обеих столиц. Славилась повсеместно черноморские дыни. Небольшие участки крестьян и мещан обрабатывались, в основном, самими владельцами, в то время как купцы, зажиточные крестьяне и мещане использовали на своих обширных плантациях наемных работников.

Неравномерное заселение края, а также различия в возможностях и целях ведения хозяйств разных слоев населения проявились в разнообразии систем севооборотов. Господствующей системой севооборота, как на крестьянских, так и на помещичьих полях правобережья Саратовской губернии, являлось трехполье. Но в 1840-е – 1850-е гг. трехпольная система полеводства некоторыми крупнопоместными помещиками правобережья уже понимается как преграда для развития земледелия⁴⁶. На своих господских запашках они начинают применять более сложные системы. Некоторые зажиточные немецкие колонисты начинали переходить к четырехполью⁴⁷. Основная же масса хозяйств крестьян, колонистов, мелких, средних и части крупных землевладельцев правобережья не имела возможностей или желания вводить какие-либо новшества, требующие дополнительного вложения капитала в землю, и трехполье по-прежнему применялось на их полях. В менее же заселенных Царицынском и южной части Камышинского уездов и к середине столетия еще сохранялась переложная система. В земледелии Саратовского Заволжья и в Астраханской губернии господствовала залежная система, имевшая свои особенности в различных уездах. Обширные пространства юго-восточных степей на протяжении всей первой половины XIX в. и даже значительно позже давали возможность расширения земледелия при поверхностной обработке земли, что позволяло получать дешевый хлеб при незначительных капиталовложениях в землю. «Все стремятся к распространению пахотных полей ... поля эти бывают вспаханы так слегка, особенно на степных местах, что только при здешней почве и климате может родиться хлеб» – отмечал современник⁴⁸. Но природные богатства почв не были безграничными. Беспорядочная распашка целинных земель, интенсивное использование пашни в старых земледельческих районах и, особенно, усиленная эксплуатация казенных земель, сдаваемых в краткосрочную аренду, приводили к постепенному истощению почвы, начавшему проявляться уже к середине столетия⁴⁹. Уменьшение плодородия выпашанных полей, частые засухи, стремление повысить урожайность при большом спросе на зерновую продукцию

⁴⁵ Там же. Т. 5. Ч. 4. С. 114.

⁴⁶ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1408, л. 16.

⁴⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. С. 94.

⁴⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. С. 93.

⁴⁹ *Энгельке К. Ф.* Хозяйственное положение Саратовской губернии // Журнал министерства внутренних дел, 1841. Ч. 1. № 2. С. 372; ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 422, л. 103-104 об., д. 582, л. 92 об., ф. 407, оп. 2, д. 1897, л. 334.

вплотную ставили вопрос о необходимости искусственного орошения полей. Указывая на выгоду орошения садов и огородов управляющий палатой государственных имуществ отмечал: «... польза от этого рода полива всем, кто его знает, уже известна, как и то, что всякий посев хлеба, предоставленный случайным орошениям, далеко не может приносить того дохода, какой получается с посева орошаемого искусственно»⁵⁰. Однако создание системы ирригации на обширных пространствах полей требовало привлечения значительного капитала, которого ни у помещиков, ни, тем более, у крестьян не было. «Хотя многие признают, что вообще искусственная поливка пашен и лугов в Саратовской губернии, особенно в степных местах, была бы очень выгодна, но, к сожалению, исполнить это не везде возможно или чрезвычайно трудно и дорого» – замечал подполковник Безносиков⁵¹. Отсутствие специалистов, совершенных поливных устройств и навыков работы также стояли преградой на пути практического применения орошения. В 1847 г. по распоряжению управляющего палатой государственных имуществ была проведена попытка искусственного орошения незначительного пространства засеянного хлебом поля в Пригородной волости Саратовского уезда. Но, как отмечалось в отчете палаты, из-за выпавшего после полива сильного дождя результаты оказались незначительными⁵² и о дальнейших попытках и результатах орошения не известно.

В течение всего рассматриваемого периода в земледельческой технике нижневолжской деревни радикальных сдвигов не произошло. Агротехника по-прежнему носила рутинный характер, и в правобережье губернии ничем не отличалось от той, которая применялась в центральных губерниях⁵³. Обработка почвы в южных уездах правобережья и в Заволжье была характерна для степного земледелия юга России. Примитивная обработка почвы, традиционные системы полеводства, полная зависимость от капризов природы влияли на урожайность, размеры которой из года в год значительно колебались. Повышения урожайности не происходило⁵⁴, она оставалась на низком уровне. Это подтверждается аналогичными выводами А.С. Нифонтова, изучавшего сборы зерновых по всей территории Европейской России⁵⁵.

По мнению современников, средний урожай зерновых в крае составлял сам 3-4. Благоприятными считались годы, когда урожай собирался сам-5 и более. Впрочем, при благоприятных обстоятельствах, даже в южных земледельческих уездах – Царевском и Черноярском урожай пшеницы бывал сам-15-20⁵⁶. По моим подсчетам урожайных годов в Саратовском

⁵⁰ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 422, л. 115. О необходимости искусственного орошения полей писал также А. Леопольдов. См. его рукопись: Статистический очерк Камышинского уезда // ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1775, л. 106 об.

⁵¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. С. 113.

⁵² ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 582, л. 96 об.

⁵³ Более подробно о традиционных земледельческих орудиях и методах пахоты см.: *Миллов Л. В.* Указ. соч. С. 77–109.

⁵⁴ См. таблицу № 4.

⁵⁵ *Нифонтов А. С.* Зерновое хозяйство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974.

⁵⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 5. С. 128.

Поволжье с 1822 г. по 1861 г. было семь, годов со средним урожаем – 22, малоурожайных и неурожайных – десять. Несомненно, зависимость урожая от природного фактора была очень большой. Однако необходимо учитывать влияние и социального фактора. Крупное помещичье хозяйство, используя даровой труд крепостных или наемных работников, имея достаточно скота и исправных сельскохозяйственных орудий, используя для полевых работ самое выгодное время, обычно успешнее противостояло неблагоприятным природным факторам, нежели малосильный крестьянский двор. По наблюдению современников лучшие урожаи всегда бывали у помещиков. Именно эти хозяйства могли сбывать запасы хлеба в неурожайные годы по завышенным ценам. Имеющиеся в селениях хлебные запасные магазины действенной помощи не оказывали — запасы были незначительные, да и те иногда становились объектом спекуляций со стороны помещика или местных властей. Поэтому, особо важную роль в эти годы играли массовые отходы крестьян в другие, более благополучные местности. Губернаторы вынуждены были отдавать распоряжения о выдаче населению бесплатных паспортов и билетов для отлучек⁵⁷. Рутинная техника, традиционная система землепользования, характерная для передельной общины⁵⁸, не давали возможности проявить инициативу отдельному крестьянскому двору на наделных участках. Попытки же правительства проводить «попечительную» политику в отношении крестьянского хозяйства успехов не имели. Так, с 1843 г. по 1847 г. министерством государственных имуществ, для различных регионов страны, было основано семь учебных ферм по примеру Луганской образцовой фермы, образованной еще в 1825 г. Две из них были учреждены на территории Саратовской губернии: в Новоузенском уезде – Юго-Восточная (для Нижнего Поволжья и Северного Приуралья) и в Саратовском – Мариинская при Мариинской колонии питомцев Воспитательного дома (для северной части Саратовской губернии и соседней Пензенской). Они были призваны «принести пользу образованием молодых крестьян» и распространять опыт «улучшенных хозяйств»⁵⁹. На Юго-Восточной ферме к началу 1850-х гг. был заведен даже 11-ти польный севооборот⁶⁰. Однако, эти учреждения, не имея значительной финансовой поддержки со стороны правительства, не могли оказать какого-либо заметного влияния на экстенсивные крестьянские хозяйства. Пропускная способность организованных при фермах курсов обучения ведению передовых способов хозяйствования была не велика. В 1845 г. на Юго-Восточной ферме в первый набор было принято всего лишь 39 воспитанников, да и тем найти приложение знаниям было сложно.

⁵⁷ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 197, л. 37, д. 719, л. 128 об.

⁵⁸ См. об этом подробнее: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 435–436.

⁵⁹ РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1845 г., д. 17, л. 19 об.

⁶⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т. 5. Ч. 3. Самарская губерния. С. 109.

Несмотря на имеющиеся препятствия⁶¹, массовое крестьянское освоение целинных степей Саратовского края способствовало превращению этого региона в короткий исторический срок в одного из главных поставщиков хлеба на внутреннем рынке. По подсчетам И. Д. Ковальченко, в 1804 г. товарность земледелия в Саратовской губернии равнялась 9,8% валового сбора хлебов и была значительно ниже соответствующих показателей губерний Черноземного центра. А в 1850-х гг. в Саратовской и Самарской губерниях, вместе взятых, она доходила уже до 25 %⁶², превышая степень товарности по Черноземному центру и Поволжью в целом.

Образовавшиеся крупные излишки хлеба придавали земледелию торговый характер. В первую очередь это относилось к Заволжью и южным уездам Правобережья, где основное население составляли государственные крестьяне и немецкие колонисты, душевые наделы были выше, имелось больше возможности дополнительно арендовать еще не разобранные казенные земли, а крепостное хозяйство получило слабое развитие, что создавало более благоприятные условия для формирования рыночных отношений в сельском хозяйстве.

Но даже в отдаленных углах правобережья формировавшийся зерновой рынок оказывал благотворное влияние на развитие некоторых отраслей экономики. Бездорожье мешало реализации зерна и муки на рынке и одновременно стимулировало их использование на винокурение. Вследствие этого основная часть винокуренных предприятий находилась в отдаленных от Волги зерновых районах правобережья – северной части Балашовского, Петровском, Кузнецком уездах, западной части Вольского уезда⁶³, то есть там, где преобладали посеы ржи, а местности были богаты необходимым топливом – лесами. Уже в начале XIX в. Саратовская губерния по производству «хлебного вина» занимала четвертое место среди великороссийских губерний и восьмое в империи⁶⁴. На протяжении последующих десятилетий мощность и численность предприятий непрерывно возрастали. К концу дореформенного периода Саратовская и соседняя Пензенская губернии прочно заняли лидирующие позиции в производстве водки⁶⁵.

---

⁶¹ См. об этом: Булычев М. В. Правительственные меры по обустройству переселенцев в Саратовском Заволжье в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций. Саратов, 2006. С. 144–154.

⁶² Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 96. Возможно, что товарность земледелия Саратовской губернии и заволжских уездов в 1850-х гг. была еще выше, так как официальная статистика и подсчеты Ковальченко не учитывали посевов городских сословий и на арендованных землях. А именно эти посеы получили широкое развитие в крае и ориентировались, главным образом, на рынок.

⁶³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. 5. Ч. 4. С. 149.

⁶⁴ Корсак А. О винокурении // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1865. Т. 3. С. 288–290.

⁶⁵ Более подробно см.: Булычев М. В. Развитие перерабатывающей промышленности Саратовской губернии в первой половине XIX в. // Четыре века. Сб. ст., Саратов, 1991. С. 53–56.

Выгодность производства товарного хлеба привела к росту цен на землю. Эта закономерность не ускользнула от наблюдательных современников. Так, А. Никольский, крепостной, автор интересного очерка о Балашовском уезде, отмечал, что на территории уезда в конце 1820-х гг. десятина земли продавалась менее чем за 10 руб. серебром, а в начале 1850-х гг. — по 15-18 руб.⁶⁶. В конце 1850-х гг. десятина земли здесь стоила уже 20 руб.⁶⁷. На быстрый рост стоимости пашенных земель указывал и уже упоминавшийся подполковник Генерального штаба Безносиков. По его сведениям, в начале 1820-х гг. в окрестностях Саратова еще можно было купить десятину «удобной» земли за 50 коп. ассигнациями, а через 30 лет стоимость земли доходила до 35 руб. серебром⁶⁸. В среднем, цена земли в Саратовской губернии к концу дореформенного периода поднялась до 17 руб. за десятину удобной земли. Но по отдельным уездам и местностям различия в ценности пашенных земель являлись очень значительными и были связаны со степенью вовлечения той или иной местности в товарное земледелие. В конце 1850-х гг. наименьшие цены оставались в Царицынском уезде (10 руб.), где оставалось большое количество пустопорожных земель, а хлебопашество не получило такого распространения, как в других уездах правобережья. Ниже, чем в среднем по губернии, оценивались земли в Кузнецком, Петровском и Сердобском уездах, которые считались «ржаными» местностями и где отдаленность от рынков сбыта и наличие значительных пахотных земель у помещиков сдерживали рост цены земли. Аналогичным образом распределялись цены на землю в Заволжье.

Земля становилась ходовым товаром, имевшим значительный спрос. Помещики региона это учитывали. Не случайно в годы крестьянской реформы по величине отрезков Саратовская и Самарская губернии лидировали в России. Впрочем, в этот период многие владельцы, получившие в Заволжье земли по пожалованию, но не заселявшие ее по каким-либо причинам, находили выгодным продавать свои имения. В «губернских ведомостях» 1850-х гг. появляются объявления о продаже земельных участков, порой обширных. Так, в «Самарских губернских ведомостях» в 1852–1854 гг. печатались объявления о продаже больших земельных участков по 1500 дес, принадлежащих надворному советнику Пономареву, московскому губернскому секретарю В. И. Каратаеву, коллежской ассесорше М. И. Карповой и другим землевладельцам⁶⁹. Появляются предприниматели, специально занимающиеся перепродажей земельных участков. Известным в Нижнем Поволжье земельным спекулянтом был И. Г. Полеводин, скупавший у помещиков пожалованные незаселенные имения, в том числе и спорные неутвержденные пожалования. Известно, что Сенат все

⁶⁶ *Никольский А.* Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губернии. СПб., 1855. С. 57.

⁶⁷ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 92.

⁶⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. С. 113.

⁶⁹ Самарские губернские ведомости. 1852. 1 марта, 26 апреля, 1854. 20 февраля.

же утвердил за ним 9 тыс. дес. подобных спорных земель. Купленные земли он перепродавал разным лицам⁷⁰.

Развитию товарных отношений в сельском хозяйстве способствовал и именной указ 1801 г. о предоставлении купечеству, мещанству и казенным крестьянам права приобретать покупкой незаселенные земли⁷¹. Значение этого указа для Саратовского Поволжья проявилось особенно в 1830–1840-е гг., когда здесь появилось множество предпринимателей, привлеченных сюда барышами от хлебной торговли.

Подполковник Безносиков отмечал, что есть много крестьян, которые обрабатывают до 50 десятин, в заволжских Николаевском и Новоузенском уездах — от 100 до 200, в Царевском же — более 300 дес. на семейство⁷². О зажиточных крестьянских хозяйствах, засевавших 500 и даже более десятин, писал А. Сафронов, оставивший интересные очерки об экономической ситуации в Саратовском крае 1840-х гг.⁷³. Еще более крупными участками владели некоторые купцы.

Предприниматели не ограничивались покупкой земель, а, как уже отмечалось, широко прибегали к ее аренде у казны, владельцев⁷⁴. Но нужно учитывать, что к аренде земли порой вынуждены были обращаться и отдельные крестьянские общества, пытавшиеся за счет кратковременной аренды поправить свое положение. В последующие десятилетия позиции предпринимательской аренды, особенно в Заволжье, несмотря на его постепенное заселение, остаются прочными. В отчете самарского губернатора за 1860 г. отмечено, что первое место среди промыслов в Самарской губернии занимает съем земли для посева хлеба и неразрывно связанные с ним сезонные работы по земледелию. Особое распространение данный «промысел» получил в южных уездах — Николаевском и Новоузенском, где съемом занимались почти все зажиточные крестьяне. Об увеличении съема оброчных участков, по мнению губернатора, можно судить и по тому, что при последних торгах на казенные оброчные участки арендная плата возвысилась в Николаевском уезде впятеро, а в Новоузенском — вчетверо по сравнению с предыдущими торгами⁷⁵. Это явление распространялось и на правобережье⁷⁶.

Конечно, не все крупные съемщики использовали арендованные участки для ведения собственного хозяйства. Значительное распространение в их среде получает субаренда, как один из наиболее доступных и быстрых способов первоначального накопления капитала. Посредники-спекулянты передавали участ-

⁷⁰ Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов, 1911. С. 18.

⁷¹ ПСЗ–I. Т. XXVI. № 20075.

⁷² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. С. 112.

⁷³ Сафронов А. Статистический очерк Саратовской губернии // Журнал министерства внутренних дел, 1846. № 7.

⁷⁴ Об аренде более подробно см.: Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. С. 37–38, 73–74.

⁷⁵ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1861 г., д. 43, л. 162–163.

⁷⁶ Никольский А. Указ. соч. С. 60.

ки крестьянам-производителям. Как отмечал саратовский губернатор А. М. Фадеев, очень часто крестьянам, за полученные таким образом небольшие участки, приходилось платить в 5–6 раз дороже, чем заплатил сам предприниматель⁷⁷. Подобная практика сдачи казенных участков в оброчное содержание отрицательно отзывалась на неустойчивом положении слабосильного крестьянского хозяйства, зачастую крайне нуждавшегося в съеме дополнительного участка земель для нормального ведения хозяйства⁷⁸. Субаренда мешала развитию и тех крестьянских хозяйств, где работа велась с применением наемного труда.

Земледельческие работы, как в купеческих, так и крупных крестьянских хозяйствах велись с использованием труда наемных работников. В соединении с обилием плодородных земель это давало большие возможности для получения прибыли. Об использовании наемной рабочей силы в районах товарного земледелия Нижнего Поволжья в 1830-х – 1850-х гг. официальные источники и современники сообщали как об устоявшемся и широко распространившемся явлении. Особое распространение труд вольнонаемных работников получил в Заволжье⁷⁹. Точно охарактеризовал распространившийся в Заволжье тип хозяйства один из современников, заметив, что в этой части губернии сельские жители «по ценности пшеницы–белотурки» завели особенный род обработки земли близкий к иноземному фермерству⁸⁰. Даже некоторые помещики этого района начинали переходить к использованию наемного труда.

Развитие товарного хозяйства, распространение вольного найма способствовали формированию рынка рабочей силы. В Саратовский край начался приток сезонных работников, которых привлекали сюда сравнительно высокие заработки. Основная масса крестьян–отходников приходила сюда из соседних малоземельных губерний. Саратовский губернатор в 1834 г. отмечал, что для жатвы и покосов ежегодно приходят из Симбирской, Пензенской, Тамбовской и даже Нижегородской губернии более 100 тыс. работников и все получают работу. В неурожайные для центральной России годы география отходничества значительно расширялась, в край приходили на заработки даже из Тульской губернии. В официальных отчетах вплоть до 1850-х гг. упоминается 100–120 тыс. отходников. Современники же приводили значительно более высокие цифры, которые, возможно, были ближе к истине, нежели устоявшийся официальный трафарет – до 250 тыс. душ работников, приходящих на заработки в губернию, причем большая часть направлялась в Заволжье, где только в Николаевском уезде скапливалось их от 100 до 120 тыс.⁸¹

Составной частью сельского хозяйства Нижнего Поволжья продолжало оставаться животноводство. Традиционно сложившимися отраслями животно-

⁷⁷ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1897, л. 333 об.

⁷⁸ Традиция субаренды в крае оказалась устойчивой. Она широко применялась в конце XIX – начале XX в. См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2. Ч. 2. С. 23–25.

⁷⁹ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 422, л. 108 об.

⁸⁰ Сафронов А. Указ. соч. С. 53.

⁸¹ Сафронов А. Указ. соч. С. 59. *Он же*. Описание Саратовского Заволжья // Журнал министерства внутренних дел. Ч. XXXV. № 1. С. 391.

водства региона являлись овцеводство, скотоводство и коневодство. Официальные документы отмечали зависимый, подсобный характер этих отраслей в земледельческих районах⁸². В центральных и северных уездах правобережья Саратовской губернии крестьяне занимались животноводством в основном для обеспечения себя продовольствием и нужд хозяйства. В отчете саратовского губернатора за 1858 г. отмечено, что на крестьянское хозяйство в среднем приходилось лишь по 1,5 лошади, 1,7 головы крупного рогатого и 5,5 мелкого рогатого скота⁸³.

Значительнее были отмеченные выше отрасли животноводства в районах со слабым развитием земледелия, или с большими площадями нераспаханных степей. По сведениям палаты государственных имуществ Саратовской губернии в Николаевском и Новоузенском уездах почти в каждом селении есть по несколько домохозяев имеющих от 10 до 50 и более голов рабочего скота, некоторые же имели на двор до 100 лошадей⁸⁴. Однако и здесь развитие скотоводства и коневодства у зажиточных крестьян подчинялось нуждам товарного земледелия. По утверждению того же источника, столь значительное количество рабочего скота диктовалось необходимой потребностью иметь тягловую силу для распашки, посева, уборки обширных полей и молотьбы хлеба. Кроме того, рабочий скот (волы, лошади) нужны были здесь для возки соли и пшеницы к волжским пристаням⁸⁵.

Иной характер носило скотоводство в Царевском уезде, где земледелие не достигло уровня других уездов и где имелись степи, удобные для ведения скотоводства и овцеводства в широких масштабах. Крестьянские хозяйства здесь были земледельческо-скотоводческого типа. По официальным сведениям многие хозяева здесь имели по 20 голов крупного скота и до 50 овец, а зажиточные владели стадами от 100 до 300 голов крупного скота и до 500 овец. Такие фермерские хозяйства велись с применением наемной силы. В пастухи обычно нанимались обедневшие казахи.

Таким образом, почти на всей территории Саратовской губернии удельный вес животноводства был ниже, чем земледелия, рабочий скот разводился в основном для нужд земледелия и возки грузов. В этом убеждают и данные приложений № 3 и № 4. Высокий процент содержания лошадей в структуре стада (от 37 до 41,2 в различные пятилетия) объясняется той важной ролью, которую играла лошадь в хозяйстве земледельца. В то же время, снижение абсолютного количества голов скота, несмотря на некоторые колебания в разные годы, свидетельствует об уменьшении удельного веса скотоводства по мере развития земледелия. Наиболее четко это заметно в приложении № 4. Если еще в 1842–1845 гг. на 100 чел. приходилось скота в переводе на крупный по 111,2 головы, что являлось высоким показателем по России, то в предреформенном пятилетии эта цифра последовательно уменьшается до 83,4. И лишь в Царевском уезде животноводство приобретает ярко выраженный товарный характер. Если кре-

⁸² РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1862 г., д. 53, л. 14 об, 15.

⁸³ ГАСО, ф. 1, оп. 1., д. 1408, л. 18 об.

⁸⁴ Там же. Ф. 27, оп. 1, д. 422, л. 119, 123 об.

⁸⁵ Военно-статистическое обозрение Российской губернии. Т. 5. Ч. 3. С. 116–117.

стьяне остальных уездов торговали своим скотом в основном в розницу, то здесь велся крупный оптовый торг⁸⁶.

Одним из важнейших показателей развития производительных сил в овцеводческом хозяйстве Саратовской губернии был рост количества тонкорунных овец (мериносов), разведением которых занимались крупные помещики, некоторые купцы и зажиточные немецкие колонисты. В Саратовской губернии в 1842–1845 гг. насчитывалось около 290 тыс. мериносов, а в 1856–1860 гг. уже 813 тыс. овец, то есть почти втрое больше. По качеству шерсти, чистоте породы и тщательному уходу уже в начале 1840-х гг. выделялась овчарня с 7 тыс. силезских овец в имении гр. Нессельроде в с. Екатериновское. 14 тыс. мериносов содержалось в с. Благовещенское (Балашовского уезда) кн. Васильчикова. Крупными овчарнями владели: гр. Гурьев, кн. Кочубей, Нарышкины, гр. Уварова, кн. Ливен и другие помещики. В Николаевском уезде известной была овчарня купца Сапожникова. В конце 1850-х гг. большую известность имели овчарни петровского помещика Аристов. В 1860 г. его овцы пользовались успехом на Казанской и Петербургской выставках, причем на последней Аристов представил даже 300 различных образцов шерсти. За овцеводство Аристов на одной из выставок получил золотую медаль Юго-восточного общества сельского хозяйства⁸⁷. В 1838 г. из поместий кн. М. В. Кочубей было продано 2995 пудов овечьей шерсти и 3169 овец на сумму 103156 руб.⁸⁸. Поступала на рынок и другая продукция животноводства – кожи, овчины, мясо, коровье масло, сыр. Одновременно уменьшалось поголовье овец русской породы, разведением которых занимались не только помещики, но и другие слои населения⁸⁹.

Шерсть скупалась у помещиков и крестьян. Шерсть овец местных пород поступала на суконные фабрики Саратовской и соседних губерний, частично вывозилась, а тонкорунная шерсть почти вся поставлялась в Москву и Петербург. В 1842 г. только с 273 тыс. тонкорунных овец Саратовской губернии было снято и продано свыше 15 тыс. пудов шерсти⁹⁰.

Значительно большую роль играло скотоводство в хозяйстве населения Астраханской губернии. Официальная статистика свидетельствовала, что в Астраханской губернии в среднем на одно семейство государственных крестьян приходилось 12,4 головы крупного рогатого скота, 3,6 лошадей, 27,8 овец, то есть, заметно больше, чем в Саратовской губернии⁹¹. Анализ состояния скотоводства и овцеводства оседлого населения этой губернии в 1840-х – 1850-х гг. показывает, что оно непрерывно развивалось⁹². Если в земледельческой Сара-

⁸⁶ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 422, л. 124.

⁸⁷ Там же. Ф. 1, оп. 1, д. 1408, л. 17 об., 18, РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1861 г., д. 32, л. 19, 19 об.

⁸⁸ Хозяйство и распорядок крупных саратовских поместий в старину // Материалы по крепостному праву. С. 14.

⁸⁹ См. приложение № 3.

⁹⁰ РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1843 г., д. 25, л. 91 об., 101-104.

⁹¹ См.: Карагодин А. И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980. Сб. IX. С. 135.

⁹² См. приложения № 3 и № 4.

товской губернии количество скота в расчете на 100 душ неуклонно уменьшается, то в Астраханской, наоборот, за 15 лет увеличивается со 143,7 до 196,8 головы скота в переводе на крупный. Особенно высокими темпами росло поголовье крупного рогатого скота, имевшего большой удельный вес в стаде. Это объяснялось не только природными факторами, но и экономическими. Волы являлись основной тягловой силой в крестьянском хозяйстве, широко использовались и в земледелии, и в чумачестве. Спросом пользовался рогатый скот и на рынке. Развивалось в Астраханской губернии и овцеводство. Преобладала калмыцкая порода овец, но были и породистые, главным образом, в помещичьих имениях. У калмыцкого князя Тюменева тонкорунных овец было свыше 2200⁹³.

Спрос на продукцию животноводства способствовал появлению и развитию в регионе таких отраслей перерабатывающей промышленности, как суконное, салотопенное, мыловаренное, кожевенное⁹⁴.

Несомненно, ведущей формой скотоводства, коневодства и овцеводства Астраханской губернии оставалось кочевое хозяйство казахов и калмыков. В условиях становления и развития общероссийских торговых связей на эту территорию поставки скота на продажу из кочевий постоянно возрастали.

Развитие аграрного сектора экономики Нижнего Поволжья привело к тому, что наряду с рыбой, основными предметами его торговли с другими регионами прочно и надолго становится продукция земледелия, прежде всего хлеб и, отчасти, продукция животноводства.

Итак, заселение и освоение пустующих земель во многом способствовало аграрному развитию края. Но ведь заселялись, и даже более массово, Новороссия, Степное Предкавказье, Южный Урал. Почему же эти регионы, за исключением, пожалуй, Новороссии (имевшей выход к Черному морю), не обладали в это время такой известностью, как Нижнее Поволжье? Яркой особенностью Нижневолжского региона является наличие Волги и ее судоходных и сплавных притоков и тех рек правобережья (Хопер, Медведица, Сура), которые в это время тоже начинают использоваться для сплава грузов. Водные пути Волго-Камского бассейна и реки саратовского правобережья замыкали на себе важнейшие тракты в основном широтного направления, создававшие, совместно с постоянно густевшей сетью гужевых дорог, сложную транспортную систему, обслуживавшую торговлю. География грузоформирующих пунктов постепенно расширялась и изменялась. В середине XVIII в. самой нижней волжской пристанью, куда стекались хлебные грузы, была Казань. А в начале 1780-х гг. уже и из Хвалынского и Вольска, то есть самых северных волжских городов Нижнего Поволжья, хлеб шел на продажу, преимущественно, на юг этого же региона. Так, вольские купцы отправляли его вверх по Волге – до 3 тыс. четвертей, а в Астрахань – до 100 тыс. четвертей хлеба, 5 тыс. четвертей овса и 2,5 тыс. четвертей пшеничных круп⁹⁵. В первые десятилетия XIX века особое значение в

⁹³ РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1843 г., д. 32, л. 95.

⁹⁴ Более подробно см.: *Булычев М. В.* Развитие перерабатывающей промышленности саратовской губернии в первой половине XIX в. // *Четыре века. Сб. статей.* Саратов, 1991. С. 60–68.

⁹⁵ РГБ. ОР, ф. 68, ед. хр. 68, л. 107–113.

отправке хлеба уже имели Саратов, а также Балаковская, Екатериненштадтская, Покровская и некоторые другие пристани нижеволжских селений, значение которых в дальнейшем быстро возрастает.

Заметное влияние на хлебную торговлю региона оказало начавшееся на Волге техническое переоснащение речного транспорта. Пароходство позволило быстро наращивать грузопоток. Уже в 1840-х гг. годовой объем перевозок по Волге и ее притокам, по Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской системам составлял 70–80 млн. пудов, а в 1871–1875 гг. паровой флот Поволжья перевозил в среднем уже 184 млн. пудов грузов⁹⁶. Первое место по объему перевозок принадлежало хлебу. Пароходство сократило время на доставку грузов, повысилась производительность труда, снизились цены на перевозки.

К середине XIX в. определились устойчивые направления хлебной торговли, растут ее объемы. По-прежнему обеспечивалась хлебом южная часть Астраханской губернии. Сюда в начале 1850-х гг. из Саратовской губернии ежегодно отправлялось до 300 тыс. четвертей ржи. Через Дубовку переправлялось на Дон в Ростов до 30 тыс. четвертей ржаной муки и 40 тыс. четвертей ржи. Кроме того, из Саратовской губернии осуществлялись большие казенные поставки для левого и правого флангов Кавказской армии – до 415 тыс. четвертей муки, овса⁹⁷. В поставках хлебных грузов на юг участвовали и отдаленные от Волги районы правобережья. В этот период начинается сплав хлеба во время весеннего половодья по таким притокам Дона, как Медведица и Хопер.

Но в связи с ростом потребности в зерне центрально-промышленного региона России основной поток хлеба, преимущественно пшеницы, стал теперь поступать с Нижнего Поволжья вверх по Волге, до Рыбинска и далее до Москвы и Петербурга. В этом направлении отгружалось до 350 тыс. четвертей пшеницы и до 50 тыс. четвертей других хлебов⁹⁸. Возможно, на корректировку направления хлебной торговли региона повлияло и то, что перегрузки в Дубовке и Качалине повышали цену товара, и ему трудно стало конкурировать с растущим зерновым потоком из заселяемых губерний Новороссии. Это направление оставалось выгодным лишь в те годы, когда в южных провинциях был неурожай и цены на хлеб увеличивались. В немалой степени движение хлеба вверх по Волге стимулировалось и укреплением сообщения с Балтикой. В 1810 г. была построена Мариинская водная система, через год – Тихвинская, которые, как и более ранняя Вышневолоцкая, замыкались на Петербурге. В навигацию 1852 г. начал действовать Онежский обводной канал, освободивший суда от сложного прохода по Онежскому озеру.

Из северо-западной части губернии хлеб обозами отправлялся к Моршанской пристани на р. Суре для дальнейшего сплава в те же Рыбинск и Москву. Значительная часть товарного хлеба поступала вверх по Волге из заволжских

⁹⁶ *Родин Н. Ф.* Указ. соч. С. 108, 174.

⁹⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. С. 109.

⁹⁸ Там же. С. 156.

Николаевского и Новоузенского уездов⁹⁹. Начинается весенний сплав хлеба по р. Большой Иргиз.

Часть пшеницы поступала на внешние рынки через порты Азовского моря и Петербург¹⁰⁰.

Таким образом, в первой половине XIX в., особенно в последние десятилетия этого периода, на Нижней Волге, несмотря на все препятствия природно-климатического порядка (регион всегда оставался зоной рискованного земледелия) и социального порядка (господство крепостничества в наиболее перспективных районах правобережья), происходило успешное развитие аграрного сектора экономики. Прогресс выражался в значительном увеличении посевных площадей за счет освоения целины, выделении на обширной территории региона хозяйственно специализированных районов.

В стране сложился общероссийский товарный рынок, распространившийся на все Нижнее Поволжье. К середине столетия уже заметно в ряде регионов страны появление признаков капиталистического рынка. Наблюдается это и в Нижнем Поволжье. Товарность сельского хозяйства здесь начинала принимать капиталистический характер. Наиболее заметно это проявилось в Заволжье и тех районах правобережья, где крепостное право не получило широкого применения, где купеческо-крестьянское предпринимательство находило для себя наиболее благоприятные условия.

В значительной степени глубина эволюции аграрного сектора экономики региона рискованного земледелия объяснялась наличием величайшей речной артерии Европейской России – Волги, на которой довольно быстро, с 1840-х годов, происходил технический переворот на транспорте. Изменения на транспорте благоприятствовали развитию волжской хлебной торговли.

Итогом аграрной эволюции региона рискованного земледелия стало формирование специализированной экономической зоны, характерными чертами которой стало не только товарное сельское хозяйство с заметно выраженным зерновым уклоном, но и быстрое развитие тех отраслей агропромышленности, которые были сориентированы на местное сырье.

Не случайно к концу XIX – началу XX в. север этого региона (Саратовская губерния) вместе с югом Среднего Поволжья (Симбирская и Самарская губернии), где протекали во многом схожие процессы, станет центром зернового производства России.

---

⁹⁹ *Мордовцев Д. Л.* О важности соединения Среднего Поволжья с центром России и южными морями. Саратов, 1857. С. 9.

¹⁰⁰ Так, саратовская пшеница мягких сортов (русская, гирка) через порты Азовского моря отправлялась в Лондон, Ливерпуль, Марсель и другие города Англии и Франции. См.: Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии... С. 115.

Посевы, урожай и чистые сборы зерновых в Нижнем Поволжье

Годы	Посев (тыс. четвертей)	Урожай (тыс. четвертей)	Урожайность (сам)	Чистый сбор (тыс. четвертей)	Посев на душу населения (четвертей)	Чистый сбор на душу населения (четвертей)
Саратовская губерния						
1822-25	1257	5698	4,5	4441	0,97	3,43
1826-30	1390	4769	3,4	3379	1,00	2,44
1831-35	1586	4283	2,7	2697	1,07	1,82
1836-40	2182	7675	3,5	5493	1,37	3,45
1841-45	2464	10189	4,1	7725	1,44	4,53
1846-50	2779	7649	2,8	4870	1,53	2,68
Саратовская губерния без Заволжья						
1851-55	2182	8845	4,1	6663	1,48	4,53
1856-60	2210	7331	3,3	5121	1,40	3,25
Астраханская губерния						
1825	2	6	3,0	4	0,03	0,06
1828-30	3	10	3,3	7	0,04	0,09
1837-40	8	30	3,8	22	0,08	0,21
1841-45	21	72	3,4	51	0,18	0,44
1846-50	32	93	2,9	61	0,24	0,46
Астраханская губерния с Царевским уездом						
1851-55	113	339	3,0	226	0,50	1,00
1856-60	115	371	3,2	256	0,45	1,00

Примечание: 1. Данные о населении по VII ревизии взяты в кн.: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX века. М., 1971. С. 131–134. По VIII ревизии см.: РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1847 г., д. 53, л. 182–183 об., ГААО, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 23–24, ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 378–394, ф. 179, оп. 1, д. 560, л. 3–4. По X ревизии см.: РГИА, ф. 571, оп. 6, 1858 г., д. 1023, л. 124 об.–129, 133 об.–138, 342 об.–347, ф. 1281, оп. 6, 1859 г., д. 49, л. 187, 212, ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 2393, л. 105.

2. Население Астраханской губернии берется без учета кочевников.

3. Источники посевов, урожая и сборов зерновых культур – отчеты астраханского и саратовского губернаторов за соответствующие годы. См.: РГИА, ф. 1281, оп. 4, 5, 6, 11; ГААО, ф. 1, оп. 1, 10, 16, ф. 2, оп. 1, 2, 3, ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1897, л. 52–55.

**Динамика посевов основных сельскохозяйственных культур
Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века**

Культуры	1794 г.		Середина 1830 –х – середина 1840-х годов	
	тыс. четвертей	процентов	тыс. четвертей	процентов
Рожь	426	48,5	842	37,5
Овес	196	22,3	511	22,8
Пшеница	117	13,3	568,6	25,3
Полба	49	5,6	-	-
Гречиха	23	2,6	110	4,9
горох и бобовые	23	2,6	-	-
Конопля	18,6	2,1	27	1,2
Просо	18	2,0	-	-
Ячмень	7,5	1,0	132	5,9
Картофель	-	-	55	2,4
Итого	878,1	100	2245,6	100

Источник: *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957. С. 452–453; ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1897, л. 76.

**Количество скота в 1840-х – 1850-х гг. в Нижнем Поволжье
(тыс. голов)**

Саратовская губерния (с 1851 г. с учетом трех завожских уездов)								
Годы/ проценты	лошадей	крупного рогатого скота	мелкого скота				Всего в пере- воде на круп- ный/ проценты	
			Овец		свиней	коз		
			простых	тонкорунных				
1842-1845	766	870	2144	289	281	27	1910	
процентов	40,1	45,5	14,4				100	
1846-1850	831	932	1785	420	305	26	2016	
процентов	41,2	46,2	12,6				100	
1851-1855	637	883	1278	501	207	42	1722	
процентов	37,0	51,3	11,7				100	
1856-1860	715	786	1463	813	220	41	1755	
процентов	40,7	44,8	14,5				100	
Астраханская губерния (без Царевского уезда и кочевого скотоводства)								
Годы/ проценты	лошадей	Крупного рогатого скота	верблюдов	Мелкого скота				Всего в перевод на круп- ный/ проценты
				овец		свиней	коз	
				простых	тонкорунных			
1842-1845	38	107	4	186	1	15	20	171
процентов	22,2	62,6	2,3	12,9				100
1846-1850	57	158	6	200	4	18	15	240
процентов	23,8	65,8	2,5	7,9				100
1851-1855	76	152	4	287	2	26	22	266
процентов	28,6	57,1	1,5	12,8				100
1856-1860	62	200	2	335	1	26	27	303
процентов	20,5	66,0	0,7	12,8				100

Количество скота на 100 чел. населения

Саратовская губерния (с Заволжьем)								
годы	лошадей	крупного рогатого скота	овец		свиной	коз	Всего в пере- воде на круп- ный	
1842– 1845	44,6	50,6	124,8	16,8	16,4	1,6	111,2	
1846– 1850	45,7	51,2	98,0	23,1	16,8	1,4	110,8	
1851– 1855	32,6	45,3	65,5	25,7	10,6	2,2	88,3	
1856– 1860	34,0	37,4	69,5	38,6	10,5	1,9	83,4	
Астраханская губерния (без Царевского уезда и кочевого скотоводства)								
годы	лоша- дей	крупного рогатого скота	верблюдов	овец		сви- ней	коз	Всего в перевод на круп- ный
				простых	тонкорун- ных			
1842– 1845	31,9	89,9	3,4	156,3	0,8	12,6	16,8	143,7
1846– 1850	43,2	119,7	4,5	151,3	3,0	13,6	11,4	181,8
1851– 1855	52,8	105,6	2,8	199,3	1,4	18,1	15,3	184,7
1856– 1860	40,3	129,9	1,3	217,5	0,6	16,9	17,5	196,8

Источники приложений №3 и 4: РГИА, ф. 1861. Отчеты астраханского, самарского и саратовского губернаторов за соответствующие годы; ГААО, ф. 1, оп.6, д. 12; оп. 10, д. 2393, 2448; оп. 11, д. 106; оп. 16, д. 305; Там же, ф. 2, оп. 1, д. 406; оп. 2, д. 309, 327; оп. 3, д. 57.

Становление земского либерализма в провинции: на примере Саратовского земства (1870-е – 1890-е гг.)

Основной причиной возникновения земского либерализма являлись те противоречия, которые были свойственны законоположению о земствах 1864 г. Земская реформа не решила и не могла решить всех назревших проблем в местном управлении. Само Положение 1864 г. несло в себе генетические черты ранних правительственных проектов, которые с самого начала отводили органам самоуправления лишь сферу хозяйственно-распорядительных дел. Валувский проект земской реформы, даже в скорректированном виде, принятый Государственным советом, нельзя признать вполне удачным. Недаром многие авторы отмечали, что он носил черты торопливости, быстрого и беглого начертания, и поэтому многие стороны ускользнули от составителей проекта¹. С одной стороны, П. А. Валуев считал земскую реформу неким приложением к своему проекту реформы Государственного совета, с другой – в его представлении законоположение о земствах должно было постепенно слагаться из указаний опыта, из самих действий, и поэтому достаточно общих указаний, руководства, установления главных начал самоуправления². В силу этого, Положение 1864 г. «осталось несовершенным, невыясненным и неразработанным ... Эта неопределенность наложила свою печать и на всю последующую работу земства»³.

Земская реформа 1864 г. создала своего рода абстрактную модель самоуправления, внутренние противоречия которой были дополнены новыми при реализации ее на практике. Недостаточная разработанность законоположения о земствах ощущалось и самими органами самоуправления. Недаром П. А. Валуев с неудовольствием замечал в частном письме, что «каждое уездное и каждое губернское собрание занимается починкою или улучшением Положения. Таким образом, у нас скоро будет до 300 источников разных изменений или дополнительных предположений»⁴.

Истоки земского либерализма нужно искать и в предреформенной общественной ситуации, когда активно шло обсуждение проекта крестьянской реформы на страницах подцензурной и рукописной литературы, дискуссий вокруг произведений А. де Токвиля о централизации и децентрализации как принципов государственного устройства.

Важным фактором формирования дворянского либерализма стало обсуждение проектов крестьянской реформы в дворянских комитетах, что неизбежно

¹ Васильчиков А. И. О самоуправлении. Т. 1. С. 9. В. О. Ключевский отмечал, что «земская реформа, как и многие другие, кроме военной и судебной, носят черты торопливости и поспешности». (См.: Ключевский В. О. Собр. соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 364).

² Васильчиков А. И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских общественных учреждений: В 3 т. СПб., 1872. Т. 1. С. 11.

³ Львов Г. Е., Полнер Т. И. Наше земство и 50 лет его работы. М., 1917. С. 11–13.

⁴ ОР РНБ, Селифонтов Н. Н., оп. 1, д. 494, л. 4.

привело к появлению программ, где ставились проблемы, связанные с местным самоуправлением.

Появление земского либерализма в России исследователи относят к 1870-м – началу 1880-х гг.⁵ Саратовское земство в данном случае не являлось исключением. В первые годы существования земства земские гласные не выходили за рамки обсуждения практических вопросов. Однако дискуссии по ним способствовали размежеванию в среде земских гласных. Либеральная группировка не имела постоянного состава, ибо были гласные, обходившие молчанием политические вопросы, но присоединявшиеся к тем или иным экономическим требованиям.

Ядро либеральной группировки составляли несколько лиц. Среди них своей активностью выделялся В. А. Федоровский. С его именем связано начало формирования земского либерализма в Саратовской губернии. В. А. Федоровский окончил Петербургский университет, дослужился до чина действительного статского советника. Он баллотировался в гласные сразу от двух уездов: Саратовского и Хвалынского и являлся бессменным председателем губернской земской управы в 1873–1881 гг. При нем губернская управа ставила и решала важнейшие вопросы об оказании продовольственной помощи населению в период голода 1879–1881 гг., проведении медицинского съезда и др.

Ф. С. Иконников, выделявшийся своими либеральными взглядами, занимал должность Кузнецкого предводителя дворянства и возглавлял уездную земскую управу. Личность и деятельность Иконникова характеризуется в донесении жандармского ротмистра Ермаковского: «благодаря огромному состоянию, уму, дару слова и письма» он, «не только существенно влияет на все, но и не встречает ни от кого и ни в чем отпора и управляет уездом как своим именем»⁶. Значительную фигуру в либеральной группировке представлял В. А. Лятошинский, известный саратовский адвокат. Получил известность в 1878 г. своей защитой в суде группы народников⁷. К числу земских либералов можно отнести М. С. Кропотова, занимавшего должности председателя Петровской земской управы (1878–1882) и губернской земской управы (1882–1889). Он являлся одним из основателей Саратовской ученой архивной комиссии⁸.

Безусловно, круг земских либералов был несколько шире, но полностью выявить его не представляется возможным. «Крамольные выступления» редко фиксировались даже в рукописных журналах заседаний земских учреждений. Представление о политических и экономических взглядах земских либералов можно почерпнуть из их речей, посвященных практическим задачам, стоящим

⁵ См.: *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 71–72.

⁶ ГАСО, ф. 53, оп. 1, д. 73, л. 33.

⁷ См.: ГА РФ, ф. 102, оп. 3, д. 625, ч. 1, л. 72. Совместно с братом В. А. Лятошинский владел земельными угодьями свыше 1 тыс. десятин в Царицынском уезде.

⁸ См.: 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1911. Исторический очерк / Сост. В. Соколов. Саратов, 1911. С. 18.

перед органами земского самоуправления. В. А. Лятошинский изложил свои взгляды на очередном губернском земском собрании 1879 г.; Ф. С. Иконников – на чрезвычайном земском собрании Кузнецкого уезда 1881 г., обсуждавшим вопрос об изменениях в крестьянских учреждениях⁹. Исключение составляет выступление В. А. Федоровского на Хвалынском уездном земском собрании в декабре 1880 г. Оно содержало настолько откровенную критику бюрократически-полицейских порядков, царящих в стране, что не могло быть опубликовано в журнале заседаний распорядительного органа. Известны два варианта этой речи. Первый вариант был опубликован в нелегальном издании «Народной воли» (1881 г.)¹⁰, куда его передал И. И. Майнов¹¹. Второй вариант выступления В. А. Федоровского появился в «Саратовской земской неделе» (1904 г.)¹². Но в этом в варианте есть купюры, т.к. даже в предреволюционном 1904 г. либеральное издание не могло полностью напечатать речь председателя губернской земской управы, произнесенной почти четверть века назад.

Для В. А. Федоровского (и не только для него) выступление на уездном собрании стоило карьеры. По требованию губернатора Федоровского не утвердили в должностях председателя губернской земской управы и мирового судьи. Одновременно пострадал и уездный предводитель дворянства, который был отстранен от занимаемого поста «за неуместное обсуждение уездным земским собранием некомпетентных сему учреждению вопросов»¹³.

Существенным и важным в выступлениях саратовских либералов являлась критика всех пороков управления в центре и на местах. Впечатляющая критика российских порядков дана В. А. Федоровским, который отмечал «общее разложение, царящее в стране» и «всеобщее неудовольствие на правительство»¹⁴. Председатель губернской земской управы приводит вопиющие факты коррумпированности высших эшелонов власти: «Вся Россия знает и громко говорит, как продавались концессии на железные дороги, как разбирались и обменились казенные земли»¹⁵. В варианте речи Федоровского, напечатанной в саратовской земской неделе, предыдущая цитата звучит так: «Бюрократически-

⁹ См.: Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1879. Саратов, 1879. С. 7–15; Отчетность по Кузнецкому уезду за 1881 год. Саратов, 1881. С. 21–30.

¹⁰ Народная воля. Социально-революционное обозрение. Год третий. 1881. № 7-9 // Литература партии «Народная воля» / Под ред. А.В. Акимовой-Диковской и др. М., 1930.

¹¹ См.: Широкова В. В. Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период. Саратов, 1976. С. 29–30. И. И. Майнов – народник (псевдоним «Саратовец»). В своих воспоминаниях, с точки зрения революционного народника и с высоты прожитых лет, дает крайне негативную характеристику земским либералам, в том числе и В. А. Федоровскому: «А тогдашние либералы ... это были просвещенные дворяне, преимущественно, земцы ... либерализм которых у ограниченного большинства сводился к некоторой нравственной чистоплотности и элементарному патриотизму». Майнов И.И. Саратовский семидесятник // Минувшие годы. 1908. № 1–3. С. 260–261.

¹² Саратовская земская неделя. 1904. № 8–9.

¹³ ГАСО, ф. 53, оп. 1, д. 19, л. 3.

¹⁴ Народная воля. № 7. С. 150.

¹⁵ Там же. № 8–9. С. 166.

полицейская партия, так щедро разобравшая по рукам государственное достояние ...»¹⁶. Здесь акцент несколько смещается от простого перечисления фактов к их обобщению.

Как яркий пример взяточничества, В. А. Федоровский характеризует действия правительства в период голода конца 1870-х – начала 1880-х гг.: «в настоящем году крупным солеторговцам» *были подарены* (курсив мой. – Е. М.) 9 млн. рублей, собранных с народа, а голодающим губерниям в тоже время отпускалось по недостатку денег пособия в обрез настолько, чтобы не умереть с голода»¹⁷. Вопиющие факты представлены председателем губернской управы по Саратовской губернии. Губернское земское собрание определило необходимую сумму для помощи голодающему населению в размере 3,2 млн рублей, а правительство отпустило из казны только 1,4 млн.¹⁸ В тоже время «саратовский солеторговец Аносов получает из казны более 1 млн. руб., собранных им с голодающего народа соляного акциза, да и другие саратовские солеторговцы получают же такие подарки, более. чем на 600000 руб. ... *Такие подарки даром не делаются* (курсив мой. – Е. М.)¹⁹.

В том же ключе, что и В. А. Федоровский, характеризовал положение в России Ф. С. Иконников. По его мнению, держава представляла собой «океан распущенности, взяточничества, лени, воровства, бездны пьянства»²⁰. В. А. Лятошинский в своей обобщающей характеристике подчеркнул «низкое экономическое и духовное развитие страны»²¹.

Основная причина негативных явлений в стране, по мнению саратовских либералов, заключалась в «бесконтрольности» и произволе. Но если Ф. С. Иконников прямо не указывал источника «бесконтрольности», то В. А. Лятошинский и В. А. Федоровский видели ее в действиях правительственной администрации. Обвинения Федоровского имели четкого адресата: виновником для него была «полицейско-бюрократическая партия, управляющая Россией»²².

Следует заметить, что подобная характеристика положения в стране имеет свои истоки в предреформенной эпохе, когда внутреннее состояние России подвергалось резкой критике и «справа» и «слева». Вспомним валуевскую «Думу русского ...», которая начинается словами «Грустно ...»²³. Те же слова звучали и в записке «О внутреннем состоянии России» П. В. Долгорукова: «Грустно сжимается сердце русского при взгляде на внутреннее состояние России: преступное равнодушие ко благу общему ... почти все в ней основано на

¹⁶ СЗН. 1904. №9. С.10.

¹⁷ Народная воля. № 8–9. С. 167.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Отчетность по Кузнецкому уезду. С. 19.

²¹ Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания за 1879. С. 30.

²² Народная воля. № 7. С.19; Журналы заседаний чрезвычайного губернского... 1879. С. 79.

²³ См.: Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. 2000. С. 20.

обмане и плутнях ... почти везде мошенничество и грабеж, почти все продается, почти все покупается ... Ужасно внутреннее положение России»²⁴.

В программах либерального меньшинства дворянских губернских комитетов важное место занимала критика «своеволия бюрократии» и «чиновничьего угнетения»²⁵. По прошествии почти четверти века в выступлениях земских либералов звучала та же критика «всевластия» бюрократии, порождающей беззаконие и произвол. Так, И. И. Петрункевич, известный тверской земский деятель, высказывался о «безответственном властвовании бездарной и развращенной бюрократии»²⁶.

Для В. А. Федоровского «бюрократически-полицейская партия, управляющая Россией», замешанная в преступных деяниях, не должна пользоваться доверием общества. Задавая риторический вопрос «Кто же во всем этом потребует, наконец, у правящей партии отчета?» Федоровский прямо отвечал на него: «Мы не властны потребовать отчет, но, зато нет и власти, которая бы заставила доверять этой партии»²⁷.

Однако, несмотря на сохранившуюся лексику дворянского либерализма, можно отметить существенные различия в критике «злонамеренной» российской бюрократии. В предреформенный период критика и обличение «диктатуры бюрократии» имели огромный положительный потенциал, ибо еще Н. В. Гоголь в автокомментарии к «Мертвым душам» писал, что «бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже – все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости»²⁸. Вместе с тем обсуждение реформаторских проектов в печати и дворянских комитетах привели к тому, что горизонт общественных ожиданий был завышен, и, прежде всего, в среде либерального дворянства. Вследствие этого в постреформенный период обличение являлось выражением недовольства дворянства итогами, как всей реформаторской политики правительства, так и крестьянской реформой в частности.

В выступлениях саратовских либеральных земцев можно найти призывы «к коренному преобразованию государственного строя». Об этом говорил в своем выступлении В. А. Федоровский²⁹. Необходимость коренного преобразования, по мнению земского гласного, лежала в незавершенности крестьянской реформы, что могло привести «к самой ужасной форме революции – “пугачевщине”». Осуждая последнюю, В. А. Федоровский произнес похвальное слово революции буржуазной, направленной лишь к «изменению форм правления»,

²⁴ ГА РФ, ф. 647, оп. 1, д. 50, л. 8. Как и многие другие рукописные произведения той поры, записка П.В. Долгорукова написана под влиянием валуевской «Думы ...».

²⁵ См.: Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. С. 45.

²⁶ Петрункевич И. И. Памяти В. А. Гольцева // Памяти В. А. Гольцева. М., 1910. С. 99, 102–103.

²⁷ Народная воля. № 8–9. С. 166.

²⁸ Обличение, по Гоголю, являлось важнейшим средством к исправлению общества. См.: Смирнова Е. А. Общественная и эстетическая позиция Гоголя в последнее десятилетие его жизни // Освободительное движение в России: Межвуз. научн. сб. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 38.

²⁹ Народная воля. № 8–9. С. 166–167.

которая не затрагивает права и привилегии дворянства. Впрочем, он тут же заметил, что подобная революция в России невозможна³⁰.

Общие рассуждения о «коренных преобразованиях» сверху звучали в выступлениях и других саратовских либералов. В. А. Лятошинский в 1879 г. заявлял, что «настало время при полной преданности престолу выразить правительству необходимость в коренных преобразованиях»³¹.

Судя по высказываниям либеральных земцев, «коренные преобразования» они видели в расширении компетенции земств, которые, по их мнению, представляли интересы всего местного населения. Но земские учреждения, считали они, бессильны даже в тесных рамках «местного благоустройства»³². Саратовские земские либералы выражали свое недовольство существующим статусом земских учреждений. Саратовская губернская управа подчеркивала в своих докладах: «та самостоятельность действий земства в кругу вверенных им дел, какая возведена в Положении о земских учреждениях, превращается в пустой звук»³³. Это недовольство статусом земств было характерно для всего земского либерализма. Общеизвестно, что во второй половине XIX в. шла борьба между сторонниками общественной и государственной теориями самоуправления. Отсюда и принципиально различное видение статуса органов местного самоуправления³⁴. Седьмая статья Положения 1864 г. запрещала земству вмешиваться в круг дел правительственных и сословных учреждений. Созданная реформой 1864 г. двухуровневая структура земских учреждений (губернских и уездных) представляла собой «отдельное тело», не имеющее высшего и низшего звена, с компетенцией, которая в законе определялась как заведование «местными хозяйственными пользами и нуждами каждой губернии и уезда» (ст. 7).

Г. Е. Львов и Т. И. Полнер отмечали, что «заведывание земскими делами губернии и уезда было предоставлено самому населению на том основании, как хозяйство частное предоставляется распоряжению частного лица, хозяйство общественное — распоряжению самого общества». И далее они обратили внимание на то, что в Положении 1864 г. «осталось невыясненным, где же границы земского хозяйства, какими признаками определяется, где их пределы и в каких пределах земство может развиваться. Эта неопределенность наложила свою печать на Положение 1864 г. и на последующую работу земства»³⁵.

По закону отнесение дела к государственному или местному определялось тем, какой интерес являлся преобладающим, а в сомнительных случаях

³⁰ Народная воля. № 8–9. С. 167–168. В этих сентенциях В. А. Федоровского можно услышать отзвуки той дискуссии, которая велась в 1850-е гг. по поводу книг А. де Токвиля. См.: Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1903. С. 25, 93.

³¹ Журналы заседаний Саратовского очередного губернского земского собрания. С. 6–8.

³² Там же. С. 12.

³³ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 130; Доклады Саратовской губернской земской управы чрезвычайному губернскому земскому собранию 1882 года. Саратов, 1882. С. 92–100.

³⁴ Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 121; Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России. М., 1910. С. 78.

³⁵ Львов Г. Е., Полнер Т. И. Наше земство ... С. 11.

исходили из практических соображений и исторических данных. Двусмысленность последнего утверждения не нуждается в комментариях, ибо оно не поддается юридическому анализу. Но именно эта часть статьи закона и определяла компетенцию земских учреждений. Неудивительно, что «опыт разделения всех дел по преимущественному значению для местности и для государства не удался»³⁶.

Закон 1864 г. должен был определить четкое правовое положение земского самоуправления в политической системе России. Но практика показала, что на деле этого не произошло. Земская реформа, выделив двухуровневое хозяйственное управление в уезде и губернии, поручила его общественным учреждениям, которые не имели права вмешиваться в дела государственного и сословного управления. Она, провозглашая их самостоятельность в кругу вверенных им дел, не определила и не могла четко определить границы компетенции земских учреждений в силу невозможности четко отделить дела чисто местные от государственных³⁷.

Саратовские либеральные земцы не имели какой-либо четкой программы конкретных изменений в структуре органов земского самоуправления и положения последних в государстве. В их речах можно выявить отзвуки дискуссии о характере земств. В. А. Лятошинский был близок к сторонникам общественной теории самоуправления, требуя расширения «прав земских учреждений и предоставления им полной самостоятельности, по крайней мере, в пределах местного благоустройства»³⁸.

В. А. Федоровский был ближе к идеологам государственной школы, и являлся сторонником включения органов местного самоуправления в структуру государственного управления, утверждая, что необходимо дать «земству соответствующее в государственном строе положение»³⁹.

Но дальше общих пожеланий о необходимости рассуждать земским учреждениям «сообща», местные либералы не шли. В. А. Федоровский предлагал созвать общеземское совещание в Москве, состоящее из представителей земств от каждого уезда для решения аграрного вопроса⁴⁰. Однако из его выступления неясно, должно ли это собрание стать постоянным органом или в его задачи входит лишь обсуждение новой аграрной реформы.

Как видим, саратовские земские либералы открыто не ставили вопрос «об увенчании здания», т.е. о создании общероссийского земского представительного органа. Вместе с тем в конце 1870-х – начале 1880-х гг. такая позиция была характерна для всего земского либерализма. Даже газета «Земство», исходя из государственной теории местного самоуправления, в 1880 г. в своей политической программе не смогла подняться выше требований «включения земских

³⁶ Гессен В. М. Указ. соч. С. 123–124.

³⁷ Морозова Е. Н. Власть и земское самоуправление: опыт российского земства // История государства и права. 2009. № 19. С. 21.

³⁸ Журналы заседаний чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 1879 года. Саратов, 1879. С. 11–12.

³⁹ Народная воля. № 8–9. С. 167.

⁴⁰ Там же. № 7. С. 151.

учреждений в систему государственного управления как органической составной части»⁴¹.

Таким образом, политические требования саратовских земских либералов носили весьма умеренный характер и сводились, прежде всего, к изменению положения земств в точки зрения расширения их компетенции. Но, как подчеркивают исследователи, крайняя умеренность была свойственна всему земскому либеральному движению 1870-х – 1880-х гг.⁴².

Обсуждение политических вопросов в земских учреждениях занимало подчиненное место по отношению к экономическим проблемам. Ключевым вопросом экономической программы земского либерализма являлся вопрос о замене подушной подати подоходным налогом. Он рассматривался Саратовским земством в связи с передачей на обсуждение земским учреждениям правительственного проекта об отмене подушной подати. Избранная губернским земским собранием комиссия (В. А. Федоровский, М. С. Ермолаев, Н. Д. Давыдов, Н. А. Шабловский) признала его «непригодным», указывая, что «это только перемена одной формы налога на другую»⁴³. Так же как и земские гласные других губерний, саратовские земские либералы высказывались за введение всеобщего подоходного налога: «Заменить подушную подать «личным и имущественным налогом с лиц всех сословий»⁴⁴.

С одной стороны, можно говорить об обсуждении Саратовским земством одного из важных положений экономической программы земского либерализма, направленного против протекционистской политики правительства, стремящегося переложить все подати на земли. С другой стороны, именно это обращение правительства к земствам породило у земских либералов надежду на расширение прав органов местного самоуправления, надежду на то, что правительство «решило черпать мудрость и из земских источников»⁴⁵.

Анализ земской документации показывает, что интенсивная постановка экономических проблем начинается в конце 1870-х гг., что было, прежде всего, связано с голодом, поразившем многие губернии России, в том числе и Саратовскую. Попытки объяснить причины голода неизбежно ставили земцев перед анализом состояния сельского хозяйства в губернии и России в целом.

Земские либералы пришли к выводу, что причина голода заключается не столько в недороде хлеба, сколько в бедственном состоянии самого сельского хозяйства России. В свою очередь, кризисное состояние сельского хозяйства, по мнению либеральных земцев, являлось следствием целого ряда факторов: неправильной продовольственной политики государства, неточных статистиче-

⁴¹ Земство. 1880. № 1. С. 8.

⁴² Лишь незначительная часть земских либералов выступала с конституционными требованиями. В 1870-х – 1880-х гг. с подобными программами выступили лишь девять земств (Черниговское, Самарское, Харьковское и ряд других). См.: *Пирумова Н. М.* Указ. соч. С. 128–135.

⁴³ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 130, л. 123–125.

⁴⁴ Журналы заседаний чрезвычайного Саратовского земского губернского земского собрания 1871 года. Саратов, 1871. С. 14–15.

⁴⁵ Там же. С. 13.

ских данных, получаемых правительством с мест, пьянства и невежества крестьян⁴⁶.

Более глубокие причины кризисного положения в сельском хозяйстве раскрыл В. А. Федоровский, который, так же как и многие представители дворянства, считал, что реформа 1861 г. противоречила «воле покойного императора», являясь плодом «заговора бюрократии»⁴⁷. Поэтому он считал, что истоки кризиса нужно искать в самой реформе, которая стала «экономическим потрясением», сохранив «зависимое положение крестьян»⁴⁸. Это зависимое положение выражалось, по мнению либерального земца, в огромных выкупных суммах, усугубленных «взысканием казенных податей» «без всякого соображения с наличными средствами крестьян», «произвольной власти исправников» в деревне, что, в конечном итоге, «внесло расстройство в крестьянский быт»⁴⁹.

В. А. Федоровский разработал целую программу решения аграрного вопроса, которая должна была предотвратить крестьянские бунты и сохранить помещичью собственность на землю. Российские либералы предупреждали правительство о грядущей новой «пугачевщине» в том случае, если аграрный вопрос не будет решен⁵⁰. В. А. Федоровский поставил на повестку дня тот вопрос, который станет широко обсуждаться земскими либералами в первой половине 1890-х гг.: вопрос о малоземелье крестьян. В 1870-е – 1880-е гг. он был вынесен на повестку дня лишь в немногих земствах России (Харьковском, Полтавском, Тамбовском)⁵¹. Председатель Саратовской губернской земской управы предлагал наделить крестьян, имевших менее 4,5 десятин, казенной землей⁵². Это было весьма радикальное предложение, ибо даже на земских съездах 1894 г. в качестве главных мер по подъему сельского хозяйства предлагалось усовершенствовать систему мелкого сельского кредита, развивать деятельность Крестьянского банка. Все эти меры должны были способствовать расширению аренды казенных и удельных земель крестьянами⁵³. Далее, В. А. Федоровский предлагал сократить сроки выкупа, привести выкуп в соответствие с ценой земли, ввести подоходный налог⁵⁴.

---

⁴⁶ Доклады Саратовской губернской управы очередному Саратовскому губернскому земскому собранию 1880 года. Саратов, 1880, С. 110. 129–131. Следует заметить, что обсуждение этих вопросов привели к созданию земского статистического бюро, которое провело детальные исследования крестьянского хозяйства. См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890. Саратов, 1991; Киселева Е. С. Становление и развитие земской статистики в Саратовской губернии (1882-1914гг.): Автореф. ... к.и.н. Саратов, 2012. С. 17–18.

⁴⁷ СЗН. 1904. № 9. С. 4–7.

⁴⁸ Там же. С. 5–6.

⁴⁹ Там же. С. 8–9.

⁵⁰ А. Д. Юматов (Вольский уезд) накануне первой русской революции писал: «Опасность для государства глядит из деревни. ... Самые серьезные меры к разрешению аграрного вопроса неотложны и необходимы» (См.: Нужды деревни: В 2 т. СПб., 1904. Т. 1. С. 147).

⁵¹ См.: Пирумова Н. М. Указ. соч. С. 144–146.

⁵² СЗН. 1904. № 9. С. 9–10.

⁵³ См.: Пирумова Н. М. Указ. соч. С. 145.

⁵⁴ СЗН. 1904. №9. С. 10.

Несколько иначе, нежели В. А. Федоровский, рассматривал причины кризисного состояния сельского хозяйства Ф. С. Иконников. Он видел их не только в экономических причинах – низкой товарности крестьянского хозяйства, но и в менталитете крестьянства. Иконников предлагал следующие пути выхода из кризиса: «правильное разделение труда», «увеличение продуктивности» сельского хозяйства. Но главной задачей он считал формирование новых взглядов на цель сельскохозяйственного труда: крестьяне должны осознавать, что их главная задача, «идеал» должны «выражаться в наживе»⁵⁵. Однако Иконников не ставил проблему увеличения крестьянских наделов. Он был уверен, что все тормозящие факторы развития сельского хозяйства заключаются в недостатках крестьянского самоуправления, которое необходимо коренным образом реформировать, создав нечто вроде мелкой земской единицы: уезды должны делиться на земские участки в составе трех–четырёх волостей во главе с земским начальником. Особое место Иконников уделял усилению контролирующей власти земства над крестьянским самоуправлением⁵⁶.

В данном случае, саратовские земские либералы шли в русле требований всего раннего земского либерализма. Вопрос о мелкой земской единице обсуждался в 1880-х гг. целым рядом земств и прессой («Земством» и «Вестником Европы»). В этот период для земских либералов мелкая земская единица представлялась тем фундаментом, на котором должно было строиться все земское самоуправление. К. К. Арсеньев писал в «Вестнике Европы»: «Либералы стояли за всесословную волость, самоуправляющуюся и самооблагающуюся, с волостным старшиной, ею же избираемым»⁵⁷.

В числе важнейших дискуссионных вопросов, ставившихся земским либерализмом в 1870-е – 1880-е гг., был вопрос о крестьянской общине. Часть земских либералов выступала за разрушение общины, другая – за ее сохранение. Саратовские земские либералы были сторонниками сохранения общины. «Сохранение в общине связующих ее принципов должны составлять первую задачу как уездной, так и государственной администрации», – утверждал Ф. С. Иконников⁵⁸. Поддержка общинного землевладения являлась гарантией против обезземеливания основной массы крестьянства. Либеральные земцы Саратовской губернии подчеркивали, что «распадение общин влечет за собой появление пролетариата, людей... вредных и опасных для общества»⁵⁹. Подобные взгляды высказывались и представителями других земств. В частности, земские либералы Тверской губернии заявляли о необходимости усиления государственного контроля над общиной в целях предупреждения появления пролетариата, который может подавить хозяйственную жизнь крестьян⁶⁰.

⁵⁵ Отчетность по Кузнецкому уезду. С. 29.

⁵⁶ Там же. С. 31–35.

⁵⁷ См.: Вестник Европы. 1882. Кн. 4. С. 895.

⁵⁸ Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1880 года. С. 129; Доклады губернской земской управы... 1880. С. 45.

⁵⁹ Доклады губернской земской управы... 1880. С. 44–45.

⁶⁰ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: В 4 т СПб., 1909–1911. Т. 3. С. 254.

В экономической программе саратовских земских либералов важное место занимал вопрос об аренде. Земские гласные обратили внимание на три аспекта этой проблемы: кабальные условия аренды, постоянно растущую плату за арендованную землю и передачу казенных земель с торгов. В земской документации приводились примеры кабальных условий аренды земли: «До полной уплаты денег на арендованную землю крестьяне не имели права свозить хлеб в свой амбар. А если этот хлеб пропадет, то арендатор ответственности не несет»⁶¹. Вместе с тем плата за аренду постоянно возрастала и «от аренды землевладельцы получали больше чистого дохода, чем от собственной обработки земли»⁶². Рента, взимаемая землевладельцами с арендаторов, включала не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Требования либеральных гласных сводились к увеличению сроков аренды, ее удешевлению, изменению условий аренды казенных земель. Но, как показала практика, арендные отношения не изменились. Показательным примером являлись события в Царицынском уезде, где особенно остро стоял вопрос об аренде. В этом уезде было очень мало плодородных земель, что привело широкому развитию внеадельной аренды, источниками которой являлись казенные земли. Основным ее съемщиком стало кулачество, получавшее большие прибыли от передачи казенных земель. Первоначально, уездное земство ходатайствовало перед правительством о сдаче казенных земель не с торгов, а сразу в аренду крестьянским обществам. Но, получив отказ, органы уездного самоуправления обратились с более радикальным требованием. Губернская земская управа во главе с В. А. Федоровским поддержала ходатайство Царицынского уездного земства о «передаче в хозяйственное управление земства всех казенных земель в Царицынском уезде»⁶³. Безусловно, подобное ходатайство было отклонено, так же как и ходатайство о передаче питейного дела под полный контроль органов земского самоуправления. Ведь речь шла о важнейшем источнике доходов государственной казны⁶⁴.

Таким образом, можно говорить о становлении раннего земского либерализма в провинции, генетически тесно связанного с предреформенным дворянским либерализмом. Об этом свидетельствует обличение всевластия бюрократии и отзвуки дискуссий 1850-х – начала 1860-х гг. в Саратовском земстве к концу 1870-х гг. сложилась либеральное ядро из нескольких гласных, активно выступавшая на земских собраниях по отдельным вопросам земской жизни, обсуждение которых привело к более широким обобщениям. к постановке общегосударственных проблем, Политические и экономические требования саратовских земских либералов носили умеренный характер, как, и весь земский либе-

⁶¹ Доклады Саратовской губернской управы очередному губернскому земскому собранию 1880 года. Саратов, 1880. С. 128–129.

⁶² СЗН. 1904. № 9. С. 4, 9. По данным статистических исследований, цены за аренду в Саратовской губернии в середине 1880-х гг. в среднем выросли в 2 раза. (См.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1884. Вып.5. С. 124).

⁶³ СЗН. 1904. № 9. С. 9.

⁶⁴ См.: Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1878 года. Саратов, 1978. С. 69–72.

рализм того времени. Либеральные земцы надеялись на продолжение и углубление тех реформ, которые были проведены в царствование Александра II. Они ратовали за создание таких условий, которые бы позволили развивать экономику губернии и страны в целом, в рамках цивилизованного общества с широким развитием местного самоуправления.

«Саратовские страдания» (П. А. Столыпин и земские либералы накануне Первой русской революции 1905–1907 гг.)

Личности и политической деятельности П. А. Столыпина посвящено, особенно в последние годы, множество исследований¹. Однако генезис отношения знаменитого премьер-министра к либерализму изучен, на наш взгляд, недостаточно полно. Цель данной статьи – наметить основные контуры этой темы на основе местного материала.

Весной 1903 г. саратовским губернатором был назначен 41-летний П. А. Столыпин, человек решительный, твердый, со сложившимися политическими взглядами и опытом административной работы. Среди множества проблем Саратовского края настоящей головной болью властей были крестьянские волнения, усилившиеся как раз в момент вступления Столыпина в должность губернатора². Угроза новой пугачевщины в мятежной Саратовской губернии была реальностью. Уже 18 апреля 1903 г. Столыпин послал министру внутренних В. К. Плеве телеграмму с исчерпывающим в своей недвусмысленности выводом: «[В] Балашовском уезде возобновились неприязненные действия крестьян против помещиков <...> Настроение крестьян тревожное, помещики напуганы, надо опасаться беспорядков, для прекращения которых может понадобиться военная сила <...> Кредит исчерпан»³. Главную причину аграрных беспорядков саратовский губернатор верно усматривал в стремлении крестьян заставить помещиков снизить арендную плату, или же вынудить их вовсе отказаться от земли⁴.

Столыпин, применяя военную силу для пресечения крестьянских беспорядков, находил полное взаимопонимание и поддержку не только у В. К. Плеве, но и у Николая II. Так, на полях губернаторского отчета о состоянии губернии за 1903 г., в котором обосновывалась необходимость использовать казаков для

¹ См., например: *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992; *Сидорович Г. П.* А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002; *Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России. М. 2004; *Пожигайло П. А., Демидов И. И., Соколов Р. И., Шелохаев В. В.* П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006; *Струков Д. Б.* Столыпин. М., 2012; *Федоров Б.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию». СПб., 2002; П. А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2012.

² См.: *Гохлернер В. М.* Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.) // Ученые записки Саратовского университета. 1956. Т. 55. С. 199; *История Саратовского края 1590–1917.* Хрестоматия. Саратов, 1983. С. 131.

³ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 10253. л. 86.

⁴ Об этом П. А. Столыпин прямо писал тому же В. К. Плеве в письме от 22 сентября 1903 г. (См. ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 6628, л. 10 об.).

разгона крестьян, самодержец всероссийский высочайше начертал: «Вполне разделяю этот взгляд»⁵.

Вместе с тем, Столыпин хорошо понимал, что крестьянский вопрос далеко не единственный, который ему предстояло решить: необходимо было не только принудить к повиновению сельских жителей, но и установить связь с губернским обществом. Это было исключительно важно, чтобы грамотно и твердо проводить политику «разделяй и властвуй», единственно возможную, с точки зрения Столыпина, чтобы обеспечить твердый порядок в губернии. «Либеральных смутьянов», принципиальных противников самодержавия, образованных людей «с идеями» и авторитетом в обществе, невозможно было разогнать с помощью казаков, как взбунтовавшихся крестьян, следовало искать иные средства и методы борьбы.

Отметим, что для решения этой проблемы Столыпин установил и поддерживал тесные отношения с министром внутренних дел В. К. Плеве вплоть до убийства его эсером Е. С. Созоновым в июле 1904 г., а затем и с творцом «эпохи доверия» П. Д. Святополк-Мирским, покинувшим свой пост в январе 1905 г. Донесения и телеграммы саратовского губернатора министрам МВД, комплекс иных источников позволяют проследить эволюцию взаимоотношений саратовского губернатора с местными либералами и его взгляды на идеи либерализма в целом.

Монархист и государственник по убеждениям, аристократ по происхождению, Столыпин не скрывал своего подозрительно-высокомерного отношения к земским служащим, отказываясь видеть в них «неотъемлемый элемент русской жизни» ввиду их «оторванности от почвы». Разночинцы, полагал Столыпин, не только исповедует, но и активно пропагандируют в народной среде «извращенные» представления о правящих классах. Именно поэтому саратовский губернатор в 1903 г. отверг предложение местных деятелей пополнить состав земства земскими служащими. В высочайшем отчете за 1903 г. П. А. Столыпин умозаключал: «Люди, ни чем не прикрепленные к земле, всегда будут слишком абстрактно и теоретично смотреть на земские дела со своей предвзятой точки зрения и будут идти вразрез с интересами земельных собственников»⁶. Такой решительный и жесткий подход к сохранению строго сословного характера органов земского самоуправления находил полную поддержку царя, начертавшего на полях этого отчета (напротив сентенций о необходимости ограничения «третьего элемента») исчерпывающе краткое и ясное замечание: «Верно»⁷.

В понимании Столыпина регулярная «подрывная» деятельность «третьего элемента» (земских врачей, учителей, статистиков и пр.) представляла едва ли не большую опасность для безопасности и порядка в губернии, чем яростные, но импульсивные вспышки крестьянских возмущений, которые, к тому же, как полагал Столыпин, земцами и провоцировались. Свое отношение к земской ин-

⁵ См. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам губернаторов, генерал-губернаторов, военных губернаторов, градоначальников и наказных атаманов казачьих войск. СПб., 1905–1907.

⁶ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 10243, л. 15.

⁷ ГА РФ, ф. 102, ДП. ОО. 1905, д. 2587, л. 1.

телигенции Столыпин вполне откровенно изложил в конфиденциальном донесении министру внутренних дел В. К. Плеве от 3 мая 1903 г.: «Интеллигенция в деревнях, состоящая из учителей, врачей и низших земских агентов <...> задается преимущественно целями отвлеченными, а часто и идущими вразрез с видами правительства»⁸. Саратовский губернатор уточнял, что, по его мнению, земские служащие - это «не переработанный еще элемент, ...не воспитанный, с ложными взглядами и воззрениями, извращенными представлениями, особенно о правящих классах». Не укорененные в русской почве, не понимающие коренных интересов страны они представляли особую опасность для власти, полагал будущий премьер. В послании Николаю II он четко сформулировал свое *credo* в отношении земской разночинной интеллигенции: «Снисходительность по отношению к этим лицам, в случае использования ими своего служебного положения для распространения своих политических идей, недопустима и при первых же признаках такого рода деятельности должны приниматься самые решительные, и даже суровые меры»⁹.

Подобная политическая философия Саратовского губернатора имела резон.

Образованная, но бесправная и нищая земская интеллигенция была последовательным и упорным противником власти. При этом служащие жили и работали внутри народной среды, были для крестьян и городских обывателей «своими», в отличие от помещиков и чиновников. К аргументам земских служащих в защиту «идей социальной справедливости» население прислушивалось с явным вниманием и сочувствием.

В 1903 г. в результате земских выборов в органах самоуправления Саратовской губернии местные либералы упрочили свои позиции, возглавив ряд уездных земских управ. Этому способствовало и крестьянское движение, в частности, и общая значительное оживление общественно-политического движения в губернии начала XX в. Оппозиционность губернского земства усиливалась присутствием в нем таких влиятельных деятелей как Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, стоявших у истоков российского либерального движения.

Все это Столыпин видел, осознавал и стремился держать «подрывной элемент» под строгим административным и полицейским надзором. Для этого Саратовский губернатор разработал и применил целую серию жестких мер ограничения «третьего элемента». Уже в 1903–1904 гг. такая политика имела характер систематических и чаще всего незаконных репрессий в отношении земских служащих. Так, в 1903 г. 38 чел. не были допущены на службу (16 – в губернское земство, 6 – в уездное, 3 – в городскую управу, 6 – по народному чтению, 7 – учителей) и 10 уволены по требованию П. А. Столыпина¹⁰. В том же году Столыпин обязал губернское земство представлять губернской администрации исчерпывающие сведения о всех передвижениях служащих по губернии

⁸ См.: *Воронежцев А. В., Пиреев А. И.* Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906). Саратов, 2012. С. 36.

⁹ *Всемиловнейше повелено быть саратовским губернатором...»* (к 150-летию П. А. Столыпина). Саратов, 2012. С. 26, 27.

¹⁰ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 6628, л. 34 об.

с указанием места и цели их пребывания¹¹. Примечательно, что будущий премьер, скрупулезно вчитывавшийся в полицейские донесения, помнил поименно едва ли не всех «неблагонадежных лиц» весьма обширной губернии, нанося по ним «превентивные» удары. В феврале 1904 г. Саратовский губернатор в ультимативной форме потребовал увольнения «неблагонадежных» учителей Саратовского уезда: Ивана Бендерова (с. Широкое), Николая Дружева (с. Гремячка), Анны Кочетковой (с. Елшанка), Михаила Борисовского (с. Новые Бурасы). Мотивируя это решение, Столыпин сообщал попечителю Казанского учебного округ, что «нередко допускаются в сельские школы лица, не получившие моего разрешения и моей оценки их политических и нравственных качеств». Саратовской уездной управе губернатор ничего не объяснял, а просто приказал прислать ему для рассмотрения на предмет благонадежности список учителей, состоящих на службе земства¹². Месяц спустя, Столыпин, узнав через департамент полиции о демонстративном уходе из Тверского земства врачей М. В. Маклецова, В. Е. Андреева, И. П. Борисова, М. Н. Янишевского, лично распорядился не допускать их на службу в Саратовское земство¹³.

Иным был взгляд П. А. Столыпина на земских либералов-дворян. В них губернатор видел не столько либералов, сколько именно дворян, увлекшихся отвлеченными идеями. Он полагал, что по коренным вопросам их интересы близки правительственным (за исключением действительно убежденных оппозиционеров, которые, впрочем, в то время задавали тон в Саратовском земстве). Саратовский губернатор рассматривал дворянство как историческую опору власти. «Выкорчевать» либеральные идеи из среды земского дворянства и внедрить земство в самодержавную систему – так понимал свою задачу Столыпин. Считая опасным и невыгодным делом отталкивать либералов от власти, он не находил нужным использовать против них меры репрессивного воздействия, надеясь решать «недоразумения путем личных контактов»¹⁴. Сходной была и позиция В. К. Плеве, полагавшего необходимым и возможным ввести земское дворянство в «русло плодотворного государственного труда»¹⁵. Получил Столыпин карт-бланш и от царя. Во время проезда Николая II через Кузнецк в Тамбов 1 июля 1904 г в его императорское величество имел продолжительную беседу с саратовским губернатором. Диалог продолжался в течение всего пути от Кузнецка до Ртищева¹⁶. Самодержец российской деятельности П. А. Столыпина «благословил», заявив: «Вы помните, когда я Вас отправлял в Саратовскую губернию, то сказал Вам, что даю Вам эту губернию «поправить»,

¹¹ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 10243, л. 15, 16.

¹² Там же, д. 6582, л. 126–127 об., 128.

¹³ Там же, д. 6602, л. 3–4, 5–5 об., 26–27.

¹⁴ Там же, д. 10243, л. 14, 15 об.

¹⁵ Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. Краткий биографический очерк. СПб., 1904. С. 2

¹⁶ Приглашение П. А. Столыпина в императорский вагон само по себе было знаком особой монаршей милости к главе Саратовской губернии, поскольку еще в июне 1904 г. В. К. Плеве уведомил всех губернаторов, что в вагон для сопровождения царя они «приняты быть не могут» из-за нехватки мест. (См.: ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 6615, л. 9

а теперь говорю – продолжайте действовать также твердо, разумно, спокойно, как до сего времени»¹⁷.

Маневрируя в борьбе с либералами, П. А. Столыпин стремился усилить в земстве охранительное ядро, которое, по его мнению, было недостаточно крепким, поскольку крупные помещики консервативного направления большую часть года проживали за пределами губернии¹⁸.

Между тем, в начале XX столетия найти в уезде исполнительного и верноподданного дворянина, соответствующего всем необходимым требованиям власти к кандидату на ту или иную должность становилось все сложнее. Не случайно к началу 1904 г. в Саратовской губернии не было кандидатов в земские начальники в ряде участков в шести уездах из десяти¹⁹. В условиях этого «кадрового голода» сопротивление земств навязанным сверху чиновникам вызывало у Столыпина крайнее раздражение и обвинения земцев в саботаже. Об этом свидетельствует, например, инцидент с инспектором народных училищ Балашовского уезда Е. С. Праховым. Назначенный губернской администрацией в проблемный уезд, Прахов принялся весьма ретиво исполнять поручения властей навести, наконец, порядок в уезде. По его настоянию за антирелигиозную агитацию среди учащихся был уволен учитель Котоврасинской земской школы Д. А. Игнатович. Сведения о настроениях и деятельности уездных учителей Прахов регулярно предоставлял в полицию²⁰. В ответ Балашовское земство, сделало все, чтобы вынудить инспектора-доносителя покинуть уезд. В частности, осенью 1904 г. Балашовское земское собрание исключило из сметы 1500 руб. на содержание инспектора, оставив Прахова без средств к существованию. Только после личного вмешательства П. А. Столыпина выплата жалования незадачливому инспектору была восстановлена²¹.

Следует отметить, что недоверие Столыпина к местным либералам имело свою логику. Земская организация воспринималась выборными членами земских собраний как средство эффективного давления на власть и орудие пропаганды «истинных ценностей» в обществе. Земскую интеллигенцию гласные рассматривали как мостик, соединяющий их с населением губернии, главным образом с крестьянством, и стремились внедрить в среду земских служащих лиц сочувствующих либеральным идеям. Во многих случаях гласные использовали факты увольнения врачей, учителей, других представителей земской интеллигенции для обличения власти, что не укрывалось от внимания Столыпина. Фактически, в губернии формировался союз между либеральными гласными и третьим элементом. Опасность такой коалиции Столыпин подчеркивал в донесении МВД (1904 г.). По его выражению земство оказалось «плененным третьим элементом», а «грань между земской деятельностью и революционной сту-

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1662, оп. 1, д. 230, л. 115.

¹⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 10243, л. 13.

¹⁹ См.: *Воронежцев А. В., Пиреев А. И.* Указ. соч. С. 244 (прим. 22).

²⁰ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 6896, л. 481.

²¹ Там же. Ф. 25, оп. 1, д. 1815, л. 228, 243, 260–260 об., 264–264 об.

шевывается»²². Одним из вариантов расширения консервативного ядра в уездах Столыпин видел в институте уездного предводителя дворянства. Саратовский губернатор полагал, что через уездного предводителя дворянства, стоящего, «вне всяких подозрений и пользующегося всеобщим уважением», власть получит надежную и достоверную информацию о положении дел в уезде и земстве. Столыпин даже предлагал ввести плату предводителю дворянства за исполнение должности на общественных началах²³. Либеральные оппозиционеры, в свою очередь, стремились третировать неугодных (нелиберальных) уездных предводителей дворянства как агентов власти в обществе. В такой ситуации расширение конфликта между губернской администрацией и земством становилось неизбежным. Повод для взаимных обвинений, как правило, не заставлял себя ждать, что видно например, из ситуации с выступлениями гласных балашовского земства.

30 сентября 1903 г. Н. Н. Львов и С. А. Унковский в речах, произнесенных на заседании Балашовского уездного земского собрания, резко, но аргументированно критиковали церковь и администрацию за произвол в отношении земских служащих и преследование неугодных лиц. Столыпин, как свидетельствуют документы, внимательнейшим образом прочитал опубликованные выступления «апостолов» губернского либерализма и отметил наиболее вызывающие, по его мнению, выпады оппозиционеров. В частности, особое недовольствие губернатора вызвал следующий пассаж из речи С. А. Унковского: «Многие учителя были исключены и уволены. Некоторые опять приняты. Есть, господа, люди, которые пользуются одним только, но очень страшным оружием – клеветой. Отсутствие гласности помогает клевете распространяться шире. Когда клеветники увидели, что им поверят, они сказали другим людям: действуйте. И эти последние люди, <...> которым надо выслужиться перед начальством, обрушились на школу»²⁴. Унковский был вызван Столыпин для объяснения сути своих высказываний. Опуская подробности этой длительной аудиенции, выделим главный, пожалуй, вопрос, обращенный губернатором к фрондирующему гласному уездной думы: Я «люблю во всем ясность и желал бы выяснить, желало ли земское собрание открыто объявить войну администрации, или же собрание невинно впало в ряд ошибок»²⁵. Подтекст этого вопроса может быть понят как ультиматум власти земским либералам: «или вы сотрудничаете с администрацией, или, если хотите войны, вы ее получите». Мира не получилось и стороны перешли к «боевым действиям».

Одним из «полей сражения» между местной властью и ее либеральными противниками стала практика назначения губернатором земских начальников в уезды Саратовской губернии.

²² ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 6822, л. 22 об.

²³ Там же. Д. 10243, л. 11–11 об., 15.

²⁴ Там же. Д. 10253, л. 26.

²⁵ Там же. Л. 43–49 об.

Перевод и назначение Столыпиным земских начальников без консультаций с предводителем дворянства вызвала приступ гнева С. А. Унковского²⁶. Он в письме П. А. Столыпину от 15 декабря 1903 г. обвинил губернатора в нарушении принятого порядка назначения и перемещения земских начальников и произволе²⁷. Такая реакция вполне объяснима: либеральная оппозиция стремилась оставить за собой возможность отстаивать назначение «идейно близких» земских начальников.

Ответ последовал незамедлительно. Столыпин отвел от себя все обвинения, заявив, что «агент правительства ни при каких условиях и обстоятельствах не может выражать сочувствие врагу правительственного строя»²⁸. Губернатор, таким образом, дал понять, что не позволит оппозиции использовать важнейшую в структуре управления губернией должность в своих интересах.

К осени противостояние между губернской властью и земскими либералами достигло апогея.

В августе 1904 г., пост министра внутренних дел вместо убитого консерватора В. К. Плеве занял либеральный П. Д. Святополк-Мирский. Новый министр пытался привлечь на сторону правительства либеральную оппозицию, провозгласив политику «доверия» между властью и обществом. В обещанный им проект реформ входило и включение в состав Государственного совета выборных представителей от земств и городских дум. Это обещание (так и оставшееся только обещанием) вызвало взрыв восторга и надежд земских либералов. Местная администрация, со своей стороны, предприняла «ответный ход». Губернская власть, с подачи Столыпина, используя полицию и церковную пропаганду, распространяла среди населения губернии, прежде всего крестьян, недоверие к земским служащим²⁹. На фоне неудач империи на фронтах русско-японской войны разночинцы обвинялись в отсутствии патриотизма и едва ли не тайных кознях в интересах японцев.

По мере этого упорного, затяжного конфликта, Саратовская губерния, как, впрочем, и вся Российская империя, стремительно и неуклонно шла к революции.

Расхождения Столыпина с земскими либералами носили глубокий мировоззренческий характер. Либералы беды России видели в самодержавии и отсутствии конституционно-правового статуса по западным образцам. Демократизацию России они представляли несколько абстрактно, упрощенно, но готовы были «пострадать» за народное благо, а власть воспринимали как главного врага на пути к прогрессу.

---

²⁶ Кандидатов на должность земского начальника избирал губернатор, по совещанию с губернским и уездным предводителем дворянства. (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. 1889. СПб., 1891. С. 512).

²⁷ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 10253, л. 107.

²⁸ Там же.

²⁹ *Воронежцев А. В., Пиреев А. И.* Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903-1906 гг.). С. 60.

П. А. Столыпин, со своей стороны, именно в самодержавии видел «драгоценнейшее достояние русской государственности»³⁰. Либерализм в российских условиях воспринимался им как фактор способный лишь спровоцировать революцию. Как государственный он считал своим долгом сохранение устоев (с помощью реформ) и бескомпромиссную борьбу с антиправительственными силами. П. А. Столыпин не менее чем его противники был готов к жертвам, а если будет нужно, то пострадать за великую Россию.

Будучи саратовским губернатором, Столыпин разработал принципы отношений с либералами. В его своеобразной культурно-политической модели будущей России следовало привлечь к сотрудничеству умеренных либералов, способных на диалог с властью. Упорных оппозиционеров, по его твердому убеждению, необходимо изолировать и лишить возможности влиять на общество. Именно этот проект Столыпин как премьер-министр реализовал на практике в виде Третьей Государственной думы. Что касается российских либералов, то они получили возможность реализовать свои идеи уже после смерти Столыпина, в феврале 1917 г. Итог нам известен ...

---

³⁰ *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 107.

**Из истории первой русской революции:
эсеры Саратовского Поволжья в 1905–1907 гг.**

В начале XX в. в России сложились объективные и субъективные предпосылки революции, обусловленные особенностями социально-экономического и общественно-политического развития России. Важнейшими предпосылками стали четыре основных фактора: Россия оставалась страной с неразвитыми демократическими институтами, отсутствием конституции, гарантий прав человека, что вызвало активность оппозиционных правительству сил. Серьезной проблемой оставалось малоземелье, ставшее причиной социальной напряженности в деревне. Нараставшие со второй половины XIX в. противоречия между быстрым ростом капитализма и пережитками крепостничества создавали объективные предпосылки недовольства, как буржуазии, так и пролетариата. Кроме того, Россия являлась многонациональной страной, в которой существовали определенные межэтнические проблемы. Именно поэтому значительную массу революционеров составляли инородцы. Все это свидетельствовало о готовности целых социальных групп к революции.

В начале XX в. в России наряду с социал-демократией в активную политическую деятельность вступила и другая сила – социалисты-революционеры (эсеры, ПСР). Партия была образована в конце 1901 г. – начале 1902 г. в результате объединения нескольких неонароднических организаций. Название партии «социалисты-революционеры» происходило от того, что эсеры ставили своей задачей преобразование общества на социалистических принципах. Становление партии социалистов-революционеров так же, как и РСДРП, было длительным и сложным процессом. Ее образование происходило на основе слияния ряда российских региональных и эмигрантских народнических организаций, сформировавшихся еще в 90-е гг. XIX в. Эти партии, союзы, лиги были носителями разных тенденций в народничестве. Одни из них оставались верны народовольческим традициям индивидуального террора. Другие возлагали надежды на создание массовой партии «революционного социализма» и смотрели на террор как лишь на дополнительное средство борьбы с самодержавием. Но вне зависимости от тактических взглядов их всех объединяло стремление к обновлению народнической идеологии в условиях новой исторической ситуации, когда капиталистические отношения утвердились в России.

Саратовское Поволжье представляло собой регион, в котором события 1905–1907 гг. нашли широкое отражение. Заложенные здесь еще в пореформенный период революционные традиции получили дальнейшее развитие в годы первой русской революции. По Саратовской губернии прокатилась волна митингов, демонстраций, стачек. В регионе развернулось рабочее и крестьянское движение. Только в первую половину 1905 г., по сведениям саратовского

губернатора П. А. Столыпина, было сожжено 93 дворянских имения¹. На подавление беспорядков были мобилизованы армия, полиция, казаки. 16 декабря 1905 г. казаками был расстрелян митинг на Институтской площади Саратова. Революционеры предполагали перевести его в вооруженное выступление. Казаки, натолкнувшись на сопротивление митингующих, получили приказ разогнать митинг. Было применено огнестрельное оружие, имелись убитые и раненные.

В листовке саратовских эсеров «Товарищи и граждане!» это событие сравнивалось с разгоном демонстрации в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г., названным впоследствии «Кровавым воскресеньем», и октябрьской вооруженной стачкой в Москве. «Товарищи рабочие, верные революции солдаты и трудовые крестьяне! Подымите, наконец, свой голос, требуйте немедленного расследования неслыханного преступления, совершенного вашим именем, требуйте назначения следственной комиссии из представителей всех социалистических партий, скажите громко и властно, что вы не допустите, чтобы имя рабочего, революционного солдата и крестьянина трудового было проклятием запечатлено в истории потомством; скажите, что вашим именем не могут пользоваться преступники, топчущие в грязь революционные знамена; что палачи народа, расстрелявшие мирную демонстрацию демократии, шедшей под лозунгами: «Да здравствует учредительное собрание!», «Да здравствует власть народа!», «Да здравствует земля и воля!» не могут пользоваться ни вашим именем, ни вашим доверием»², – говорилось в листовке.

Партия социалистов-революционеров являлась одним из наиболее активных участников революции. Саратовская губерния была одним из крупнейших в России центров эсеровского движения³. К началу революции сложилась структура губернской партийной организации: были созданы Саратовский губернский комитет, боевая дружина, разработан устав, издавался печатный орган – «Волжский вестник». Несколько раз комитет распадался из-за арестов, но восстанавливался вновь. В некоторых городах и крупных селах губернии также были созданы эсеровские комитеты. Лидером саратовских эсеров был член ЦК партии Н. И. Ракитников. Среди активистов выделялись И. И. Ракитникова, В. И. Серебряков, Н. Д. Россов.

В арсенал методов политической борьбы эсеров входили индивидуальный террор, агитационно-пропагандистская деятельность, легальная работа в профсоюзных и кооперативных организациях. Под влиянием эсеров находились организации Всероссийского крестьянского союза на территории Саратовской губернии. На крестьян эсеры оказывали огромное влияние, опережая в этом другие политические партии. Еще до революции стали создаваться крестьянские комиссии и союзы из разъездных агитаторов для пропаганды в деревне. Предполагалось создание крестьянских братств, распространение рево-

¹ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. (1894–1917). Т. 2, ч. 2. / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1999. С. 206.

² ГАСО, ф. 1280, оп. 1, д. 1657, л. 1.

³ См.: *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 46.

люционной литературы, формирование боевых дружин. В начале 1905 г. с участием руководства саратовских эсеров был проведен губернский съезд представителей крестьянских групп. Съезд призвал крестьян к вооруженной борьбе с правительством, ликвидации местной администрации и созданию крестьянских революционных комитетов и боевых дружин. В начале революции в уездах Саратовской губернии стали складываться эсеровские группы. Первичной ячейкой в селах являлись братства. Наиболее интенсивно братства создавались в Петровском, Саратовском, Балашовском и Вольском уездах. К концу 1905 г. в Саратовской губернии насчитывалось до 200 братств. Социалисты-революционеры создали первичные организации в учебных заведениях, воинских частях, промышленных предприятиях. В 1907 г. в Саратове действовал отдел Волжской судоходной организации партии социалистов-революционеров⁴.

Несмотря на разногласия с социал-демократами, эсеры совместно с ними устраивали митинги и демонстрации, входили в состав стачечных комитетов и совета рабочих депутатов. Эсеровские боевики входили в состав объединенной боевой дружины⁵.

Боевая организация занималась экспроприацией денежных средств, организацией террористических актов в отношении наиболее активных противников революции, охраной членов партии от нападений черносотенцев. Руководство боевой дружиной осуществлял комитет в составе супругов Н. И. и И. И. Ракитниковых, Н. Г. Мелентьева, П. В. Полянского, А. А. Минина, Г. П. Ульянова, Н. М. Кизичева, О. А. Абловой, А. П. Кузнецова и др. Дружина была строго законспирирована, разбита на десятки во главе с членом комитета. Никто из членов боевой организации под угрозой смерти не имел права отказаться от исполнения террористического акта или добровольно покинуть ее ряды. Каждый теракт осуществлялся по приговору комитета⁶.

К числу наиболее громких следует отнести покушение на саратовского губернатора П. А. Столыпина в с. Турки Балашовского уезда 18 июля 1905 г., за репрессии в отношении участников революционных выступлений, убийства начальника Саратовской тюрьмы Шаталова 13 мая 1906 г., за жестокое обращение с заключенными, и генерал-адъютанта В. В. Сахарова 22 ноября 1905 г., за жестокое подавление аграрных беспорядков. Последнее было совершено членом московского комитета А. А. Биценко⁷, но, надо полагать, что покушение готовилось при непосредственном участии саратовских эсеров. Покушения на П. А. Столыпина – тема для отдельного исследования. Что же касается Шаталова, то эсеры издали листовку, специально посвященную этому теракту. В ней говорилось, что Шаталов «казнен» по постановлению Саратовского комитета партии эсеров. Авторы листовки в отношении начальника тюрьмы выдвигали следующие обвинения: «Утонченные пытки и глумления над заключен-

⁴ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. (1894– 917). Т. 2, ч. 2. С. 232.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ ГАСО, ф. 57, оп. 1, 1905, д. 41, л. 11–11 об.

⁷ *Петайкина М. В.* Анастасия Биценко: героиня и преступница // В кн. Герои и антигерои в исторической судьбе России: Материалы 35-й Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2004. С. 118–120.

ными, вдохновителем и изобретателем которых являлся он, зверские издевательства и избиения под его непосредственным руководством и нередко при личном участии, каторжный режим для крестьян, сидящих за аграрные беспорядки, который был введен им даже вопреки существующим тюремным правилам, – переполнили, наконец, чашу терпения. Объявляем гражданам Саратова, что приговор приведен в исполнение членом Боевой дружины при комитете»⁸.

Боевики располагали значительными запасами оружия, взрывчатки. В Саратове, в подпольной мастерской, изготавливались бомбы, которые использовались не только в Саратовской губернии, но и далеко за ее пределами. По сведениям Саратовского охранного отделения Саратов посещали видные деятели партии эсеров, в том числе, одна из создателей и лидеров партии, а также ее Боевой организации, известная как «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, З. В. Коноплянникова и др.⁹ З. В. Коноплянникова прибыла в Саратов в конце августа 1905 г. за взрывным устройством. Его изготовлением и испытаниями занимался член боевой группы Д. К. Горохов. Все необходимое для «адской машины» он купил в местных аптеках и хозяйственных магазинах: со времен «Народной воли» технология изготовления бомб практически не изменилась. Горохов, по сведениям Саратовского охранного отделения, испытал взрывное устройство в 6 км от города в районе Соколовой горы. Коноплянникова несколько дней находилась в Саратове, а затем, забрав готовую бомбу, уехала московским поездом¹⁰. Террористка была арестована 15 сентября 1905 г. в Смоленске сотрудниками Московского охранного отделения, и «при ней оказалась полная мастерская и предметы для изготовления взрывчатых веществ»¹¹.

В годы первой русской революции важное место в деятельности саратовских эсеров занимала пропагандистская, агитационная работа, использование легальных методов борьбы. Е. К. Брешко-Брешковская в своих воспоминаниях отметила следующее: «Центром пропаганды на Волге был Саратов. В этом городе жило довольно много политических ссыльных и старых революционеров». <...> Их «деятельность включала организацию типографий со всевозможными копировальными устройствами, назначение комитетов, созыв конференций и распространение литературы, шифров и кодов»¹². Листовки издавались не только в Саратове, но и уездными организациями, крестьянскими братствами. В 1906 г. эсерам удалось наладить выпуск ежедневной легальной газеты «Голос деревни» под редакцией К. П. Огановского¹³.

Участие саратовских эсеров в первой русской революции показало как сильные, так и слабые стороны партийной организации. Саратовская губерния была одним из центров народнического движения, здесь сохранялись револю-

⁸ ГАСО, ф. 1280, оп. 1, д. 1659, л. 1.

⁹ Там же. Ф. 57, оп. 1, 1905, д. 40, л. 193, 194 об.

¹⁰ Там же. Л. 102-104.

¹¹ Там же. Л. 201 об.

¹² Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 /Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006. С. 270.

¹³ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. (1894–1917). Т. 2, ч. 2. С. 217.

ционные традиции. Именно это, на наш взгляд, во многом обеспечило им поддержку среди населения. С другой стороны, эклектичность партийной программы, ее незавершенность приводили к тому, что часть эсеровских сторонников попадала в орбиту влияния других революционных партий, порой даже не видя между ними особой разницы. Тем не менее, первая русская революция для социалистов-революционеров Саратовской губернии была серьезным уроком и испытанием, неоценимым опытом, который оказался востребованным спустя десятилетие, в 1917 г., и позволил, пусть не надолго, но все же оказаться у кормила власти.

Губернский земельный рынок в начале XX века: проблемы, пути решения

К началу XX в. дворянское сословие состояло из комбинаций стратификационных систем и их переходных форм. Сильные наследственные традиции, сохранявшиеся глубокие культурные и юридические различия содействовали сохранению старой общественной структуры даже в условиях экономических и политических изменений. Тем не менее, ряд стратификационных критериев, таких как социально-профессиональный и этакратический, стали оказывать менее существенное влияние на положение дворянина в обществе. На первый план выходят классовые, экономические критерии, определяющие как нормы поведения, так и социальный статус дворянина.

В специальной исторической литературе достаточно полно освещены вопросы землевладения и землепользования дворян-помещиков Самарской губернии. Наиболее подробно историки рассмотрели аграрные отношения в Поволжье на рубеже XIX–XX вв. Исследовались типы аграрной эволюции помещичьего хозяйства, расслоение и социальная психология крестьянства¹. В 1990-е гг. исследователи стали акцентировать внимание на проблемах управления земельным рынком², формирования аграрного курса³, финансирования сельского хозяйства⁴. В исследовании Н. А. Проскуряковой анализируется деятельность земельных банков, влияние ипотеки на капитализацию помещичьего хозяйства⁵. Работа К. Н. Куркова посвящена предпринимательской деятельности дворянства на рубеже XIX–XX вв.⁶

В конце XIX – начале XX в. на долю частных владельцев приходилась треть общего количества земли, причем большая ее часть была собственностью

¹ См.: *Кабытов П. С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; *Он же.* Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990; *Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г.* Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988; *Савельев П. И.* Пути аграрного капитализма в России (По материалам Поволжья). Самара, 1994.

² См.: *Литувев В. Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России: теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М., 1997; *Тагирова Н. Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

³ См.: *Вронский О. Г.* Государственная власть Российской империи и проблема формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999; *Он же.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

⁴ *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997; *Кочетков Г. Н.* Российские землевладельцы в 1917 г. Ярославль, 1994.

⁵ *Проскурякова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002.

⁶ *Курков К. Н.* Адаптация российского дворянства к условиям модернизационного процесса начала XX века. М., 2005.

дворянства. Глубокие объективные экономические сдвиги в аграрном строе страны влекли за собой мобилизацию помещичьей собственности. В 1905 г. количество дворянских имений в 47 губерниях Европейской России составляло 105739 владений, в 1914 г. оно уменьшилось практически вдвое и составило 62737 владений.

В Самарской губернии дворяне в 1877 г. имели 1082 владения общей площадью 2033,1 тыс. дес. земли. К 1905 г. число владений сократилось до 810, а занимаемая ими площадь до 926 тыс. дес.⁷ В этот период главные причины продажи земли коренились в том, что помещики не смогли отказаться от старых методов хозяйствования и перейти к капиталистическим способам хозяйствования. К тому же многие экономии были заложены в государственных и частных банках. Особенно активно помещичьи земли распродавались в 1906–1909 гг. Убыль помещичьего землевладения в это время связана с паникой в среде дворянского сословия в связи с революционными событиями 1905–1907 гг. Поместное дворянство было напугано, растеряно и подавлено. Накопившаяся в течение долгих лет злоба обнищавшего крестьянства к благополучному дворянству находила свой выход в погромах имений. Они были ответом на жестокую эксплуатацию крестьян помещиками, управляющими либо администрацией имений. По ущербу, нанесенному помещикам крестьянским движением, на первом месте были Саратовская (9550320 руб.) и Самарская (3915067 руб.) губернии⁸.

Характеризуя размах крестьянского движения в Самарской губернии, частное совещание членов земской управы с губернскими гласными (3-4 декабря 1905 г.) отметило, что наряду с традиционными его видами происходит смена волостных правлений, раздача обратно крестьянам собранных повинностей и платежей. Земцы констатировали, что среди крестьян распространяется политическое движение (Старо-Буянская республика) с требованиями Учредительного собрания⁹.

Традиционно дворянство в экстремальных ситуациях обострения возникающих социальных конфликтов обращалось к власти за помощью. Число таких обращений в 1905 г. возрастало с геометрической прогрессией. Разгром помещичьих имений стал поводом для того, чтобы предъявить требования к верховной власти принять экстраординарные для защиты земельной собственности и применения к крестьянам репрессивных мер. «Партия правого порядка» выступила с инициативой организовать вооруженную охрану ряда помещичьих имений. Программа «Партии правого порядка», выработанная дворянами Самарской губернии, предполагала решение аграрного вопроса за счет дополнительного наделения крестьян землей. Для этой цели предлагалось использовать государственный и удельный земельный фонд. И, конечно, самар-

⁷ Россия. 1913 год: Статистическо-документальный справочник / Под ред. Анфимова А. М., Корелина А. П. СПб., 1995. С. 71.

⁸ ГА РФ, ф. 434, оп. 1, д. 226. л. 43–44 об.

⁹ Постановления Самарского губернского земского собрания XXXX очередной сессии 1905 г. Самара, 1906. С. 16.

ские дворяне частновладельческие земли предлагалось отчуждать только в крайнем случае с обязательным выкупом их по справедливой оценке¹⁰.

Причины «эксцессов» в деревне самарские помещики объясняли не характером сложившихся экономических отношений между крестьянами и дворянами, а деятельностью революционно настроенных рабочих и демократической интеллигенции. Этой же позиции придерживалось дворянство и других губерний, охваченных революционным крестьянским движением, полагавшее, что крестьяне «совершенно сбиты с толку бродячими агитаторами».

Многие дворяне давали негативную оценку воздействия первой русской революции на взаимоотношения дворянства и крестьянства. 1905 г. оставил «глубокий след разрушения» в сознании дворянства. Патриархальная, идиллическая обстановка, сознание того, что помещик как и во времена крепостного права – «отец своих крестьян», ушли в прошлое. «... Уже в детстве яркие краски этой патриархальной идиллии несколько поблекли в моих глазах, – вспоминал С. Е. Трубецкой. – Я продолжал верить, что «хорошие» мужики относятся к господам, как это полагалось по схеме Дедушки, но я начал замечать, что есть и «дурные» мужики и что они даже не единичное исключение ... Как бы то ни было, до конца японской войны и 1905 года патриархальная идиллия – «мы – Ваши, Вы – наши», если и потускнела, все же продолжала жить в моем сердце. Любовь к мужику – отнюдь не народническое преклонение перед ним! – чувство особо близкой связи с крестьянством я впитал в себя из окружающей меня среды с самого моего рождения. До некоторой степени мои чувства к крестьянину носили какой-то смутный отпечаток родственности, чего совершенно не было, например, в отношении к рабочему, разночинцу или интеллигенту. Такое восприятие не было индивидуальной моей особенностью: таково же было ощущение моих сверстников, росших в той же атмосфере, что и я ... Была ли эта /идиллия/ всегда только иллюзией или она потом сделалась такой, но когда она была разбита, я пережил это очень болезненно...»¹¹.

Однако в целом процесс убыли дворянского землевладения не привел к существенным изменениям в аграрном секторе страны, поскольку крупные помещики, как правило, сохраняли объемы собственного землевладения. Удельный вес дворянского землевладения в общей массе частновладельческой земли составлял в Поволжье свыше 40% (за исключением Самарской губернии)¹². Усиление распродажи земли было вызвано также резким повышением к началу XX в. цен на землю и интенсивным внутрисословным перераспределением дворянского земельного фонда. Стоимость оставшихся в руках дворянства земли превышала ценность проданного земельного фонда. Во всех регионах Европейской России существовали широкие дворянско-межсословные и узкие корпоративные дворянские поземельные торговые отношения. Более высокие цены при продаже земли дворянами другим сословиям и более низкие при кор-

¹⁰ ЦГАСО, ф. 430, оп. 1, д. 1504, д. 2–3.

¹¹ Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 61.

¹² Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). Саратов, 1982. С.58.

поративных покупках земли тормозили эволюцию сословных земельных отношений в единый бессословный земельный рынок¹³.

На мобилизацию помещичьей земли оказывала влияние и неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура, приводившая к огромной задолженности помещиков различным поземельным банкам. Поместное дворянство было не в силах выпутаться из критического положения.

Преобладание крупного дворянского землевладения оказывало решающее воздействие на систему ведения хозяйства и характер землепользования и, в конечном счете, на темпы буржуазной аграрной эволюции. В Центрально-Черноземных и Поволжских губерниях преобладала отработочная система¹⁴. По данным Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в начале XX в. примерно 2/3 частновладельческих земель обрабатывалась крестьянами на арендных началах¹⁵. Помещичьи хозяйства были не однородны. Часть помещиков предпочитали сдавать большую часть земли в аренду. Среди помещичьих имений были и передовые капиталистические экономии, владельцы которых обрабатывали землю своими силами, но и не отказывались от сдачи части земли в аренду за высокие цены.

В конце XIX – начале XX вв. общественные ожидания по выполнению этих ролей существенным образом изменились, в центре общественного внимания оказались внутренние качества личности. Смена парадигм служебного долга наиболее четко проявилась в оценке дворянством своего экономического положения, поведения и мироощущения. Анализ материалов дворянских собраний и I–XII съездов объединенных дворянских обществ показал, что проблемы, связанные с социальной ролью сословия, его судьбой в связи с политическими и экономическими преобразованиями активно обсуждались представителями сословия.

В начале XX в. защита сословных интересов и сдерживание убыли дворянского землевладения являлись главными задачами дворянских лидеров. У современников возникало ощущение близости массового перехода дворянской земли в другие руки. Достаточно часто авторы дворянских ходатайств обвиняли правительство и бюрократию в обезземеливании дворянства. Исходной точкой таких рассуждений была убежденность в искусственности правительственной политики насаждения капитализма. Конкретные меры, предлагаемые региональными дворянскими собраниями, включали в себя требования дешевого краткосрочного кредита, изменения условий деятельности Крестьянского и Дворянского банков. Помещики неоднократно ходатайствовали о пересмотре правил соло-вексельного кредита и необходимости его удешевления. Однако эти стремления помещиков превратить краткосрочные соло-вексельные ссуды в

¹³ *Литуев В. Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России: теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М., 1997.

¹⁴ *Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литвак Б. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982. С. 177, 223–226.

¹⁵ См.: *Анфимов А. М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 15.

долгосрочные шли вразрез с экономической политикой правительства. Традиционно дворяне выступали за создание майоратов, обращение выморочных имуществ в собственность дворянства. Саратовский помещик Н. А. Павлов в 1903 году дважды ездил в Сибирь во главе 24 уполномоченных крестьян для выяснения возможности переселения туда дворян Саратовской губернии. Эта мера проектировалась саратовским дворянством в связи с «аграрными беспорядками в деревне» и необходимостью поддержать мелкопоместное и безземельное дворянство. Н. А. Павлов, выступая на очередном губернском дворянском собрании (1902 г.) отметил «прогрессирующую убыль дворянского землевладения, нарастание паники среди поместного дворянства, которая была вызвана крестьянскими беспорядками 1902 года»¹⁶.

Саратовское экстренное дворянское собрание (3 сентября 1903 г.) обсудило отзывы дворян, поступившие на проект Н. А. Павлова о переселении в Сибирь и избрало комиссию для изыскания участков¹⁷. Заявляя о «вековой связи с народом», своей «отзывчивости к народным нуждам», выступавшие на экстренном губернском дворянском собрании помещики предложили ходатайствовать перед правительством об организации группового переселения дворянства и крестьянства в Сибирь, увеличении размера ссуд дворянского банка с 60 до 80% для дворян, покупающих сибирские земли. Они отмечали, что такая мера позволит дворянству осуществлять «необходимую помощь, руководство и контроль над переселением крестьян»¹⁸. Министерство внутренних дел выработало проект правил об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Однако помещики не спешили воспользоваться этим предложением.

В 1896 г. Самарское губернское дворянское собрание выступило инициатором создания всеобщего союза самопомощи землевладельцев. Он должен был способствовать решению чисто хозяйственных проблем: организации сбыта сельскохозяйственной продукции, приобретение семян, удобрений, скота, переработке продуктов земледелия и т.п. В его состав могли войти только «сельские хозяева-собственники или арендаторы, ведущие свое собственное хозяйство на началах капиталистических». Основной целью этого союза было улучшение сбыта и реализации продуктов¹⁹. Устав предусматривал всеобщность членства, но довольно высокий размер вступительного пая, до 100 руб., заранее определял состав участников союза²⁰. Ими могли стать только зажиточные крестьяне, но среди них начинания дворянства не получили отклика.

Создание союза землевладельцев в губернском масштабе так и осталось на стадии разработки уставов, обсуждения проектов. Большого успеха удалось добиться на местах – в уездах и земских участках. Самарский уездный предводитель дворянства Н. А. Толстой справедливо отмечал, что «еще не созрело

¹⁶ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 2247, л. 2 об.

¹⁷ Там же. Д. 2253, л. 2-9.

¹⁸ РГИА, ф. 1283, оп. 1, 2 дел-во, д. 76, л. 1-6.

¹⁹ Доклад комиссии, избранной чрезвычайным Самарским губернским дворянским собранием 11 октября 1895 года по устройству органа самопомощи сельских хозяев. Самара, 1897. С.2-4.

²⁰ Проект устава Самарского союза сельских хозяйств. Самара, 1897.

убеждение полезности организации обществ сельского хозяйства, а насильственным путем создание таковых невозможно»²¹. Деятельность сельскохозяйственных обществ и союзов самопомощи была нерегулярной, и все попытки создания всесословных союзов землевладельцев чаще всего завершались неудачей.

В 1902–1905 гг. на двух Самарских чрезвычайных губернских дворянских собраниях обсуждался вопрос упорядочении финансового положения в связи с устройством кассы взаимопомощи. Часть дворянства считало что создание касс взаимопомощи не решит проблемы дворянского обезземеливания. В качестве альтернативы они предлагали расширить прием в дворянское сословие посторонних инородных местных лиц, владевших земельными имуществами и зарекомендовавших себя на общественной или иной службе в качестве людей достойных. Отметим, что это предложение должно было увеличить количество землевладельцев, облагаемых дворянской складкой. В ноябре 1903 г. совещание губернских предводителей дворянства большинством голосов вновь высказалось за предоставление дворянству права возводить в дворянское достоинство определенных лиц. В начале 1904 г. самарское и казанское дворянские собрания обратились к императору с ходатайствами по этому вопросу. МВД предложило губернаторам выяснить мнения остальных собраний. Ряд дворянских собраний активно ходатайствовал об уменьшении размера земельного ценза для участия в собраниях и выборах. Так, например, самарские дворяне ходатайствовали о понижении ценза на одну вторую²².

На V съезде объединенных дворянских обществ (январь 1909 г.), были заслушаны доклады самарского губернского предводителя дворянства А. Н. Наумова и путивльского уездного предводителя дворянства Г. А. Шечкова (Курская губерния). Докладчики пытались убедить депутатов в том, что в связи с оскудением поместного дворянства неуклонно снижается численность дворянских собраний. Уменьшение размера земельного ценза должно было, по их мнению, способствовать укреплению позиции дворянства на местах. С. Ф. Шарапов (Смоленск) предложил депутатам V съезда ходатайствовать перед правительством о снижении земельного ценза наполовину. Ряд депутатов (А. Ю. Ознобишин, Д. Н. Кованько, Н. Ф. Сухомлинов), опасаясь притока «нежелательного элемента в лице мелкопоместного дворянства и понижения «нравственного уровня дворянского собрания»²³ выступили против этой меры.

Постоянный Совет, детально рассмотрев этот вопрос, предложил VI съезду объединенного дворянства (1910 г.) ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о снижении дворянского губернского ценза примерно наполовину²⁴. Правительство вынуждено было пойти навстречу пожеланиям дворянства. Министерство внутренних дел при участии Совета по делам местных хозяйств рассмотрело проект земской избирательной реформы и снизило ценз для участия в земских и дворянских собраниях примерно наполовину. Однако в

²¹ Цит. по: *Курсева О. А.* Поместное дворянство Поволжья в конце XIX – начале XX века: Дис. к.и.н. Куйбышев, 1984. С. 50.

²² ГА РФ, ф. 434, оп. 1, д. 20, л. 4 об.

²³ Объединенное дворянство. Т. 2. Кн. 1. С. 234, 236.

²⁴ Там же. С. 320.

дальнейшем этот вопрос обсуждался на дворянских собраниях вновь, но Постоянный Совет не счел возможным поддержать эти ходатайства.

Экономические требования дворянства были направлены на искусственную консервацию помещичьего землевладения при помощи дополнительных государственных льгот. Большинство предложений касалось условий более выгодной продажи и покупки земли дворянами, а также расширения льгот для земщиков Дворянского банка. Дворянские собрания активно ходатайствовали перед управляющими местными отделениями банка о предоставлении льгот дворянству²⁵. В марте 1906 г. Самарское чрезвычайное губернское дворянское собрание обсудило новый порядок операций Крестьянского поземельного банка по закупкам имений (банк покупал имения не за наличный расчет, а за 6% именные государственные бумаги). Это изменение в деятельности банка вело к сокращению доходов землевладельцев, продававших имения. Собрание постановило ходатайствовать перед правительством об отмене данного порядка или повышения процентной ставки ценных бумаг.

Деятельность Крестьянского поземельного и Дворянского банков была предметом пристального внимания дворянства и в годы проведения столыпинской аграрной реформы. V Съезд губернских предводителей дворянства (11-12 октября 1909 г.) рассмотрел вопросы о местной реформе, мерах по укреплению дворянского сословия в России, деятельности Крестьянского банка и др. С его трибуны прозвучала резкая критика «спекулятивной» деятельности Крестьянского поземельного банка²⁶. Однако предводители дворянства воздержались от принятия решения по вопросу о Крестьянском банке до получения отзывов с мест. В этой связи Постоянный Совет создал специальную комиссию для рассмотрения проблемы.

На чрезвычайном собрании дворянства Самарской губернии 4 сентября 1909 г. князь В. Н. Львов обвинил Крестьянский банк в уничтожении культуры земледелия, «грабеже не только дворян – продавцов, но и крестьян – покупателей». Он предложил собранию выступить с ходатайством об изменении деятельности Крестьянского банка, ограничивая ее только посредническими функциями²⁷. Доклад В. Н. Львова вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой было решено направить материалы обсуждения в Постоянный Совет для включения в повестку следующего общедворянского съезда.

Это выступление В. Н. Львова было связано с деятельностью в Самарской губернии в 1907 г. особой комиссии Крестьянского банка, которая занималась скупкой помещичьих имений и перепродажей их крестьянам. В числе ликвидируемых помещичьих имений была и знаменитая Аксаковская вотчина при с. Знаменском Бугурусланского уезда, которую потомки знаменитого писа-

²⁵ РГИА, ф. 593, оп. 1, д. 52, 53, 57, 63, 65, 67, 69, 72–74, 78.

²⁶ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 / Сост. А. П. Корелин. Т. 2. 1909–1912. М., 2001. Кн. 1. 1909–1910 гг. С. 125.

²⁷ *Львов В. Н.* Доклад Самарскому губернскому чрезвычайному дворянскому собранию 4 сентября 1909 г. Б. м. Б. г. С. 1–7.

теля С. Т. Аксакова собирались продать Крестьянскому банку²⁸. На состоявшемся в 1907 г. чрезвычайном губернском дворянском собрании было принято решение о целесообразности приобретения этого имения. Собрание постановило ходатайствовать перед правительством о предоставлении льгот самарскому дворянскому обществу при покупке данного имения²⁹. Связав покупку имения с устройством в нем ремесленной школы с просветительной деятельностью, А. Н. Наумов обратился с ходатайством к императрице Александре Федоровне, как к попечителю общества «Попечительство о трудовой помощи». В 1907 году благодаря содействию императрицы усадьба Аксаковых была приобретена. Управляющим усадьбой стал М. Д. Мордвинов, который к 1909 году организовал создание учебно-ремесленную мастерскую им. С. Т. Аксакова³⁰.

VI съезд объединенного дворянства (январь 1911 г.) заслушал доклады дворян В. Н. Львова, Н. А. Салова и резолюцию, принятую Саратовским губернским земским собранием 1910 г. «О деятельности Крестьянского поземельного банка». Дворянами была отмечена существенная разница между продажной и покупной ценой на землю. В годы революции, и сразу после нее отмечали они: «имения были полуэкспропрированы, а деньги, вырученные за них, – полулегальны»³¹. Они предложили поручить Совету выяснить к следующему съезду возможность получения «части перебора банка на образование благотворительных капиталов дворянства»³². Съезд ходатайствовал перед правительством об изменении характера деятельности Крестьянского банка в соответствии с требованиями помещиков и уполномочил Постоянный Совет обратиться к правительству с ходатайством «о совершенном разделении управления Дворянским и Крестьянским банками»³³.

Дворянство полагало, что изменение банковской политики, возможность получения дешевого краткосрочного кредита спасет их имения от разорения. В этой связи, дворянские собрания ряда губерний (Калужской, Тамбовской, Самарской) предложили Постоянному Совету объединенных дворянских обществ рассмотреть вопрос о повышении дворянского земельного кредита путем понижения процента капитализации дохода имений³⁴.

Эти предложения обсуждались на V съезде объединенного дворянства в феврале 1909 г. Самарский губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов выступил с докладом «о капитализации из 4% благотворительного налога при продаже дворянских земель». Он отметил постоянную убыль дворянского землевладения (за 60 лет на 50%) особенно в годы революции 1905-1907 гг. «Были

²⁸ Сейчас дом-музей С.Т. Аксакова Оренбургская область, Бугурусланский р-он, с. Аксаково.

²⁹ См.: ЦГАСО, ф. 430, оп. 1, д. 1807; <http://aksakovo.by.ru>

³⁰ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 125–127.

³¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 2. Кн. 1. С. 535.

³² Там же. С. 541.

³³ Объединенное дворянство. Т. 2. Кн. 1. С. 326–327, 383, 389, 393.

³⁴ Подробнее см.: Баринаева Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 131–142.

месяцы, что один перед другим дворянин спешил продавать свое имение, даже по какой угодно цене, когда он был счастлив, что его имение было взято как предмет предстоящей операции»³⁵.

Часть участников съезда полностью одобрила решения дворянских собраний и меры, предложенные в докладе А. Н. Наумова. Они говорили о том, что без материальной поддержки со стороны благотворительных учреждений, нельзя облегчить участь поместного дворянства. В. Д. Обтяжнов указал, что предложение, сделанное самарским дворянством, уже было реализовано в более широкой мере в Нижегородской губернии. Еще в конце 60-х гг. XIX в. на средства дворянских «складок» и пожертвований были учреждены Александровский дворянский банк и дворянский институт, впоследствии преобразованный в открытое сословное заведение³⁶. Другие участники съезда (В. И. Гурко, С. Ф. Шарапов, кн. П. Л. Ухтомский) отрицательно отнеслись к предложениям А.Н. Наумова. Они полагали, что взимание дворянских сборов с других сословий способствует росту сословной вражды и не дает сколько-нибудь существенных средств дворянству³⁷. Участники съезда постановили обратиться к правительству с ходатайством по этому вопросу, в котором просили издать факкультативный, сепаратный закона, необязательный для всех дворянских обществ. Они также направили П. А. Столыпину письмо с соответствующей просьбой. Однако премьер-министр в сентябре 1909 г. прислал отрицательный ответ, так как не считал возможным обременять покупателей дворянских земель дополнительными налогами на нужды дворянского сословия.

На XXI очередном губернском дворянском собрании (1914 г.) самарскими дворянами активно обсуждался вопрос о предоставлении права Дворянскому банку производить за собственный капитал покупку дворянских земель с последующей их перепродажей на льготных условиях, применяемых Крестьянским банком, с условием оплачивать лишь 10% стоимости наличными деньгами, а 90% – в кредит³⁸.

Самарское губернское чрезвычайное собрание 20 августа 1914 г. обсудило доклад о задолженности дворянских имений. Было принято решение обратиться со срочным ходатайством в Дворянский банк и просить об отсрочке платежей недоимок и торгов на задолжавшие имения. Но правление банка отказалось предоставлять льготы заемщикам целых районов. Вместе с тем, банк отмечал, что ходатайства отдельных заемщиков будут удовлетворяться³⁹.

В годы Первой мировой войны активизировалась деятельность дворянских касс взаимопомощи. При их поддержке поместное дворянство стремилось предотвратить рост ипотечных долгов. Возможности пополнения средств кассы взаимопомощи, упорядочение размеров выдаваемых ссуд – эти и другие вопро-

³⁵ Объединенное дворянство. Т. 2. Кн. 1. С. 18.

³⁶ Там же. С. 24, 25, 665–666.

³⁷ Там же. С. 22, 30–31.

³⁸ Доклад Самарского губернского предводителя дворянства 21-му очередному губернскому собранию о деятельности Самарского дворянского общества, дворянских учреждений и губернского предводителя за очередное трехлетие. Самара, 1914. С.19.

³⁹ ЦГАСО, ф. 430, оп. 1, д. 1671, л. 18., 37 об.

сы неоднократно обсуждались на дворянских собраниях. В связи с этим в 1914–1915 гг. главное внимание исполнительных дворянских органов было сосредоточено на устройстве дворянской кассы взаимопомощи, однако эта идея не была поддержана дворянством губернии.

С реформированием традиционного общества, его ломкой, связана эволюция дворянской корпорации, тенденции ее развития из сословной корпорации в политическую организацию. Однако этот процесс не получил своего завершения. Дворянство, как одна из наиболее консервативных составляющих провинциального общества, болезненно интегрировалось в новую пореформенную реальность. Трудности высшего сословия имели социально-экономический характер и были связаны как с поддержанием материальной базы, так и с психологическими проблемами в налаживании отношений с другими сословиями на паритетных партнерских началах. Постепенно в среде поместного дворянства нарастало разочарование политикой власти в решении кардинальных проблем российского общества. Оно проявлялось в том, что значительные слои поместного дворянства оказались в оппозиции власти и использовали свою корпоративную организацию для выхода на социально-политическую арену. Ни правительственная помощь, ни предпринимаемые помещиками меры по сословной взаимопомощи не могли изменить положения. Распродажа дворянами земли свидетельствовала об их неспособности вести рентабельное хозяйство.

Роль Крестьянского банка в решении вопроса землевладения и землепользования в начале XX в. (на материалах Саратовского Поволжья)

Главная цель крестьянских беспорядков в начале XX в. – решение аграрного вопроса. Он приковывал взгляды всех политических сил России. Непрерывающиеся крестьянские волнения говорили о том, что крестьяне готовы сами решить аграрную проблему. Необходимость проведения аграрной реформы четко осознавалась и властью.

Проведение реформы было направлено на решение ряда задач, основными из которых были: успокоение крестьян через наделение их землей и улучшение производительности сельского хозяйства.

Вопрос о земле до сих пор стоит в центре внимания политической жизни страны. Вокруг аграрного вопроса не утихают споры: быть крупной или мелкой, государственной или частной формой собственности на землю.

Сегодня необходима выработка механизмов, которые позволили бы крестьянину действительно стать хозяином своей земли. Чтобы он не стал заложником непредвиденных обстоятельств, и не остался один на один с природной стихией. Без помощи государства, особенно в зоне рискованного земледелия, коим является Саратовское Поволжье и в наши дни выжить непросто. Времена меняются, а важность аграрного вопроса остается.

Важными инструментами проведения аграрной реформы начала XX в. был Крестьянский банк. Еще в августе 1906 г. банку для продажи крестьянам были переданы удельные земли и часть казенных земель. Но свой главный земельный фонд банк создавал за счет скупки помещичьих земель, которые он потом дробил и пускал в продажу, как отдельным крестьянам, так и разным земельным объединениям. Он скупал землю у помещиков по повышенным ценам, платя по 120-150 руб. за десятину, а перепродавал крестьянам по более высоким ценам. Крестьянские же земли скупал по 60 руб. десятина¹. В короткое время Крестьянский банк стал крупнейшим земельным собственником.

Многие помещики спешили расстаться со своими имениями. В 1905–1907 гг. банк скупил свыше 2,7 млн. дес. земли. Крестьяне, рассчитывая на ликвидацию помещичьего землевладения, мало покупали землю. С ноября 1905 г. по май 1907 г. банк продал всего около 170 тыс. дес. Земли оказалось много, а денег мало. Для поддержки банка правительство использовало даже накопления пенсионных касс. Земельный фонд банка возрос на 1 января 1908 г. до 513087 десятин². На 1 января 1913 г. составлял 794328 дес. и весь этот огромный фонд распродавался крестьянам Саратовской губернии или сдавался в аренду.

---

¹ Косенко М. Я. Из истории проведения столыпинской аграрной реформы в Саратовской губернии // Учен. зап. Сарат. пед. ин-та. 1956. Вып. 22. С. 185.

² Сельскохозяйственный вестник юго-востока за 1911. № 8. С. 5.

На 1 января 1911 г. по Саратовской губернии на наделных землях создано было 15998 хуторов и отрубов на площади 192884,2 дес³. К этому времени на землях купленных у банка, было создано 13521 хутор и отруб, т.е. 45,8% на площади 287436,7 дес. На 1 января 1910 г. по России на банковских землях было создано всего 10,2% хуторов и отрубов⁴.

Банк предоставлял ссуду до 90–95% стоимости участка и не особо был разборчив в выборе клиентов. Вскоре появились недоимки по банковским выплатам. Но появилось и то, чего раньше крестьянин не знал: продажа с молотка всего хозяйства. С 1908 г. по 1914 г. таким путем было продано 11,4 тыс. участков⁵. Но, несмотря на это в Саратовской губернии к 1916 г. в хуторском отрубном пользовании общинно-наделной земли было 739765 дес. и купленной у банка 527441 дес., что составляло 58,3% и 41,6%⁶. Эти данные подтверждают, что в Саратовской губернии была сильна прослойка сельской буржуазии, которая с первых же лет реформы скупала земли через банк в личную собственность и организовывала хозяйства на отрубях.

Банк при распродаже земель явное предпочтение отдавал отдельным хозяйствам, а не обществам и не товариществам. За пять лет, с 1907 г. по 1912 г., отделением банка по Саратовской губернии было продано земли: обществам 2627586 дес. (10,7%), товариществам 1129347 дес. (4,7%), отдельным хозяйствам 206375,78 дес. (88,4%)⁷. По Вольскому, Камышинскому, Кузнецкому, Хвалынскому, Царицынскому уездам продажа земли товариществам и обществам совсем не производилась. На 1 января 1913 г. банком было распродано 378092 дес., из которых 86,7% продано отдельным хозяевам. С 1907 г. по 1911 г. выдавались ссуды отдельным хозяевам 9663 (99,3%), товариществам 22 (0,22%), обществам 40 (0,46%)⁸. Из этих данных видно, что земли банка продавались главным образом единоличным покупателям, финансовую поддержку получали преимущественно отдельные хозяйства, на которых была ставка правительства.

2 марта 1907 г. Столыпин писал саратовскому губернатору: «Где только возможно по местным условиям земля должна продаваться хуторами, отрубями в личную собственность или небольшим товариществам под выселки. Продажа целым обществам должна быть разрешена в особо уважительных случаях»⁹. Из всех клиентов банка в 1912 г. 55% составляли покупатели, уже владеющие землей от 15 до 25 десятин, а 39% имели свыше 25 десятин¹⁰. Следовательно, 94% обслуживаемого банком населения было достаточно обеспечено землей.

Крестьян, принимающих участие в аграрной реформе, правительство делило на две категории: перешедших на дворово-участковое землепользование, но сохранивших связь с общинной организацией и полностью порвавших с ней.

³ Косенко М. Я. Указ. соч. С. 186.

⁴ Там же.

⁵ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 348–349.

⁶ Косенко М. Я. Указ. соч. С. 186.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 188.

Власть мало поддерживало первых. «Банк оставляет за собой право в случае обнаружения каких-либо неизвестных ему договоров, заключенных покупщиком, но совместно с другими лицами пользованию купленной землей, до или после оформления с ним настоящей сделки потребовать от него уплаты всей ссуды немедленно, а при невыполнении одного обратиться на заложенное имущество взыскание в установленном порядке»¹¹. Но крестьян, порвавших с общиной, банк энергично патронировал: «Произвести обследование хозяйственного состояния клиентов банка и предоставить необходимую помощь тем крестьянским дворам, что особенно сильно пострадали от неурожая ... основное вспоможение должно быть оказано дворохозяйствам, полностью порвавшим с общиной»¹². Землеустроительная и финансово-кредитная составляющая политики Крестьянского банка в годы столыпинской аграрной реформы воспринимались крестьянами, в основном, благожелательно.

В развитии аграрной реформы на территории Саратовской губернии особое значение имел 1910 г. Рекордный урожай позволил увеличить количество сделок, повысить благосостояние крестьян, сократить недоимку¹³. Крестьяне, страдающие от малоземелья, в 1910 г. охотно сотрудничали с банком. Тем более что урожай ржи на банковских землях был выше средненадельного на 30,7%, пшеницы на 35,4%, овса на 61%, подсолнечника на 103,9% и проса на 123,9%¹⁴. Большинство покупателей этих лет относились к категории недостаточно или малообеспеченных крестьян, имеющих в лучшем случае одну лошадь и деревянный плуг. Банк не мог помочь всем клиентам улучшить техническую оснащенность хозяйства, ситуацию усугубили два повторных друг за другом неурожая. В 1911 г. погибло 38% посева ячменя, 33% посева подсолнуха, 26% посева ржи и пшеницы, 20% посева овса и 7% посева проса¹⁵. В общей сложности не взойшли семена на ¼ крестьянской запашки¹⁶. Это привело к тому, что в 1912 г. Саратовское отделение банка было вынуждено признать, что причинами недоимки ... отрубщиков и потери ими участников, – является с одной стороны, повторный недород хлебов, а с другой – то обстоятельство, что этих покупателей... нельзя признать вполне прочными хозяевами¹⁷.

Важным является изучение тягловых возможностей крестьянских дворов на территории губернии в годы столыпинской аграрной реформы. В российской исторической науке прочно утвердилось мнение, что для нормально-устойчивого развития аграрного сектора крестьянского двора необходимо не менее трех лошадей¹⁸.

¹¹ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1894, л. 54-54 об.

¹² Там же. Ф. 11, оп. 1, д. 2118, л. 1 об.

¹³ Там же. Д. 1258, л. 81 об.

¹⁴ Там же. Д. 2084, л. 31.

¹⁵ Там же. Д. 1258, л. 79.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 2028, л. 37.

¹⁸ *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупных земельных собственников в России конца XIX – начала XX веков. М., 1964. С. 11.

Одна лошадь за сезон обычно отрабатывает до пяти десятин пашни¹⁹. Если исходить, из того факта, что 94,5% клиентов Саратовского отделения Крестьянского банка имели 15 и более десятин земли, то в достаточной степени рабочим скотом в Саратовской губернии было обеспечено $\frac{1}{3}$ покупателей²⁰. Волы получали распространение только в Царицынском и Камышинском уездах, где они соперничали с лошадьми в качестве тяговых единиц. 90% крестьянских дворов имели коров, более половины не более одной, то есть молоко, мясо и т. п. вырабатывалось для внутреннего потребления и поступало на рынок в ограниченном количестве. Можно сделать вывод о недостаточных тяговых возможностях крестьянского двора. 40% крестьянских дворов не имели молодняка.

Определенное развитие получило овцеводство. Более половины дворов имели четырех и более овец. Свиноводство практически не развивалось, $\frac{4}{5}$ крестьянских дворов не имели свиного поголовья. Несомненно, крестьянские хозяйства, клиенты банка, в годы столыпинской аграрной реформы были ориентированы на земледелие. Животноводство не имело товарного характера. Исключение составляло овцеводство. Лошадей и волов не хватало, ситуация с молодняком не внушала надежды. Следовательно, возможности эффективного развития крестьянской экономики были ограничены.

Еще один важнейший показатель экономического состояния крестьянских дворов касается обеспечения орудиями труда крестьян клиентов банка и членов сельских обществ. Согласно архивным данным хозяйства банка имели в два раза больше инвентаря, чем общинные дворы (плугов на 50%, веялок на 106%, жнеек на 210%, сеялок на 750%, молотилок на 151%)²¹, хотя размеры пашни равнялись 225 тыс. десятин и обрабатывались 6151 плугом, 3510 боровами, 1809 сеялками, 1438 жнейками, 709 молотилками, 3093 веялками²². В среднем пашня клиента банка составляла 16,5 дес. земли, то есть плуг приходился на 2,21, борова на 3,88 хозяйств банка. Вне всякого сомнения, наделенность крестьянских хозяйств Саратовского отделения Крестьянского банка орудиями труда и сельскохозяйственным инвентарем была недостаточна.

Определенное представление о хозяйственных возможностях дворов участвовавших в реформе могут дать и сведения касательно стоимости жилищ. Стоимость недвижимости большинства крестьянских хозяйств – 55,8% составляла менее 200 руб. Далее следует группа крестьянских дворов с недвижимостью в 200-400 руб.; таковых насчитывалось 24%. Каждая восьмая семья имела жилье стоимостью 400-600 руб.; и 7% крестьянских хозяйств в Саратовской губернии обладали недвижимостью в сумме 600 и более рублей.

Анализ техновооруженности и наделенности крестьянских дворов скотом, инвентарем и стоимостью жилища свидетельствуют, что крестьяне испытывали огромные проблемы. Какая-то часть крестьян, бесспорно, воспользовалась предоставленным шансом, но большинство крестьянских хозяйств не име-

¹⁹ Минарик Л. П. Указ. соч. С. 11.

²⁰ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 2658, л. 206.

²¹ Там же. Ф. 11, оп. 1, д. 2658, л. 223 об.

²² Там же. Л. 224.

ли нужных возможностей для развития. Что же касается переселенческой политики правительства, то было необходимо, прежде всего, разрядить земельную тесноту в центральных губерниях России, где малоземелье и безземелье крестьян были особенно остры. Основными районами переселения были Сибирь, Северный Кавказ, и Средняя Азия.

Вторым крупным районом колонизации были Казахстан и Средняя Азия. У казахов и киргизов отнимали лучшие земли, сгоняя их и их стада на солончаки. Переселение не разрядило земельной тесноты. Число переселенцев и ушедших в города не поглощало естественного прироста населения²³. Данные обследования переселенцев говорят о росте благосостояния их на новом месте. Так, скота у них больше, чем на родине, в полтора–два раза, в том числе крупного рогатого скота – на 45% мелкого – на 117%. Вообще без скота было только 7% хозяйств, против 13% таковых на старом месте²⁴. Проведение аграрной реформы было направлено на создание крепкого хозяина, опоры власти. Но она проводилась в условиях сохранения помещичьего землевладения и для его сохранения, а интересы крестьян стояли на втором месте. Поэтому после проведения реформы деревня вместе с хуторами и отрубамися осталась такой же низкопроизводительной и нищей как и до Столыпина. Новый владелец хутора или отруба на своих пяти–семи десятинах, часто без пастбища, воды, дороги и без денег, нужных для приобретения более совершенных орудий, сортовых семян и т.д. не мог создать высокую производительность и агрикультуру.

Циркуляр, завершивший в принципе аграрную реформу, был направлен на места 29 апреля 1915 г. Он свидетельствует о том, что конечные цели столыпинской аграрной политики не достигнуты, и в этом смысле можно утверждать, что реформа в главном потерпела неудачу. Но промежуточные и частичные ее результаты оказались весьма значительными. Высоким был процент выселенцев в Саратовской губернии – 27,9%²⁵. Под влиянием товарно-денежных отношений углубился процесс социального расслоения крестьянства, а реформа усилила его, делая более заметным водораздел между богатыми домохозяевами и остальной крестьянской массой. По подсчетам М. Я. Косенко в Саратовской губернии 44166 хозяйств выделенцев (52% вышедших из общины) имели в своем распоряжении 776378 десятин, в среднем по 17,5 десятин на одно хозяйство²⁶. Деревенская же беднота закрепляла землю в личную собственность с тем, чтобы продать ее и окончательно разорвать путы, связывавшие ее с землей. Таковых было 22924 домохозяина (25% выделенцев). Все эти земли по весьма низким ценам перешли в руки зажиточных крестьян. В Царицынском уезде, например, беднота продавала наделы по 25 руб. за десятину, в Аткарском – по 40 руб., в Сердобском – от 15 до 66 руб. при рыночной цене 100 руб. за десятину. В селе Романовка Новоузенского уезда, где большинство укрепило землю в

²³ Столыпин П. А. Жизнь и смерть. Саратов, 1997. С. 49.

²⁴ Емельянов А. Российские аграрные реформы: от Столыпина до наших дней // Вопросы экономики. 2001. № 11. С. 143.

²⁵ Косенко М. Я. Указ. соч. С. 179.

²⁶ Косенко М. Я. Аграрная реформа Столыпина в Саратовской губернии: Дис. ... к.и.н. Саратов, 1950. С. 227.

собственность за короткое время «около 15% всей площади земельных наделов было продано». Цена за десятину составляла 22 руб., и быстро нашлись богатеи, которые скупили эту землю²⁷.

Реформа углубила водораздел не только между богатеями и беднейшим крестьянством, но она до предела обострила отношения между общинниками, с одной стороны, отрубщиками и хуторянами – с другой. И они оказались в состоянии напряженного противостояния. Отрубщикам и хуторянам запрещали пользоваться общинными угодьями. Но самое главное заключалось в том, что они потеряли влияние на сходах. И эта утрата зажиточными слоями сельского населения политических позиций в крестьянском мире наблюдалась повсеместно: «Выделенцев на сходы уже не пускали, хотя эти домохозяева фактически оставались в том положении к обществу, что и раньше»²⁸. Общинники лишали политических прав отрубщиков, не допускали их на сходы, не избирали в крестьянские органы власти, вместе с тем запрещая им организовывать свои силы.

За годы столыпинской аграрной реформы саратовские крестьяне приобрели у банка 243945 дес. земли²⁹. В основном банк действовал в северных и северо-западных уездах. На долю Аткарского, Балашовского Петровского, Саратовского и Сердобского уездов пришлось 220710 дес. земли или 90,4% всего земельного фонда. Большинство сделок было проведено с отдельными дворохозяевами. Они купили 206375 дес. земли. Определенное значение имели также корпоративные сделки. Община приватизировала 26275 дес. земли, то есть 10,7%. Сделки, совершенные товариществами крестьян, занимали последнее место, 11239 дес. земли имели 4,6% общего количества земли³⁰.

Слабые экономические возможности крестьянских хозяйств позволяли отделениям банка не только контролировать поступление платежей, но и непосредственно вмешиваться в производственный процесс. Поэтому 832849 дес. земли приобретенных крестьянством Саратовской губернии в годы реформы можно считать их собственностью с определенной натяжкой³¹.

Реальные итоги аграрных реформ для саратовской деревни не однозначны. Деревня осталась такой же нищей и малопродуктивной как и до проведения реформы. Число однолошадных и безлошадных дворов увеличилось, что явно не говорит об улучшении жизни. Водораздел между зажиточными крестьянами и основной массой деревни увеличивался. Одни богатели, скупая землю по дешевой цене, другие, а таковых было больше, продавали землю, уходили в города. Город не мог всех принять и тогда они пополняли ряды нищих, нагнетая революционную ситуацию. Отношение крестьян к реформе было разным, что проявилось в помехах работе землеустроительных комиссий. Между общинниками и выделенцами была вражда, так как лучшие земли отдавали выделенцам. Общинники всячески противодействовали им. Не отпускали их, жгли

²⁷ Волжское слово. 1911. 9 марта.

²⁸ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 554.

²⁹ ГАСО, ф. 11, оп. 1, д. 1259, л. 188–190.

³⁰ Там же. Д. 876, л. 2–2 об.

³¹ Там же. Д. 1892, л. 6–7 об.

посевы, избивали, угрожали и т.д. Число подавших заявление о выходе из общины и действительно вышедших разнится.

Выделенцы ущемлялись в правовом отношении. Их лишали права избирать и быть избранными. Их попытки создать свои органы управления успеха не имели. Так же их нельзя в полном смысле слова назвать собственниками, т.к. слабые экономические возможности крестьянских хозяйств позволяли отделениям банка вмешиваться в производственный процесс.

Таким образом, аграрная реформа в Саратовской губернии была проведена, но первоначальной цели, в рассматриваемых временных рамках, не достигла, так как была рассчитана на двадцатилетний период осуществления. Не была решена проблема голода. Сельское хозяйство оставалось, в основном, экстенсивным и низко эффективным, поэтому можно говорить, что реформа была осуществлена только частично.

Тем не менее, можно сказать, что на Саратовской земле аграрная реформа ускорила процесс развития рыночных отношений, поскольку наблюдался рост товарности сельскохозяйственного производства, увеличивался спрос на сельскохозяйственную технику и удобрения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что промежуточные результаты аграрной реформы оказались весьма значительными.

Информация о И. А. Зеленском в документах Государственного архива Саратовской области

Вот уже три четверти века отделяет нас от периода репрессий 30-х гг. XX в. Жертвами репрессивной кампании пало так много народа, что хоть и «хотелось бы всех поименно назвать»¹, но составить полный список вряд ли возможно, и точное число погибших, скорее всего, так и останется не установленным. Вот почему так важно выявлять и в полном объеме предоставлять вниманию историков, общественности, прессы, краеведов и всех других заинтересованных лиц сведения о тех, кто был сметен с лица земли в эти печальные годы. Немало ценной информации о людях «когорты расстрелянных» сохранилось в документах Государственного архива Саратовской области, что уже освещено в соответствующих публикациях². Но есть еще одно имя – Исаак Абрамович Зеленский – председатель правления Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза).

Родившийся в Саратове 10 июля 1890 г., Исаак был четвертым сыном в семье Абрама (Аврума) Зеленского, принадлежавшего по сословному положению к мещанам города Моршанска Тамбовской губернии. Глава семьи, бывший солдат, отслуживший в армии 23 года, зарабатывал на жизнь портновским ремеслом. Исаак получил образование вначале в 15-м мужском, затем в четырехклассном городском училищах, и с пятнадцати лет стал служить конторщиком в разных частных фирмах³.

Начало трудовой деятельности Зеленского пришлось на годы первой русской революции. По саратовским предприятиям покатила волна забастовок. Рабочие собирались на митинги, чтобы открыто предъявить свои требования властям. Витавшие в воздухе идеи борьбы за социальную справедливость захватили молодого конторщика. В 16 лет он вошел в Саратовскую организацию социал-демократов. Весной 1908 г. Зеленский вместе с однопартийцами вел подготовку к празднованию Первого мая, распространял нелегальную литературу. Это не ускользнуло от бдительного надзора филеров. И 7 апреля 1908 г. появился следующий документ: «Я, начальник Саратовского губернского жандармского управления, полковник Семигановский, ввиду поступивших во вверенное мне управление сведений, указывающих на политически преступную деятельность моршанского мещанина Исаака Аврумова Зеленского, руководствуясь ст[атьей] 21 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественной безопасности, высочайше утвержденного 14 августа

¹ Ахматова А. А. Реквием // Сочинения в двух томах. Т. I. М., 1990. С. 202.

² См.: Гусакова З. Е. Командарм С. И. Загуменный // Гражданская война в России (1917–1922): взгляды и оценки через 90 лет. Доклады Академии военных наук. 2007. № 5 (29). С. 33–39; Она же. А. И. Осипов – один из многих // Новейшая история Отечества XX–XI вв. Сборник научных трудов. Вып. 3. Саратов, 2009. С. 208–214; Она же. Саратовский период биографии А. И. Рыкова // Кто есть кто в Саратовской губернии. Саратов, 2007. С. 209–212.

³ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 7984, л. 26.

1881 г., постановил: выше упомянут[ого] Зеленского впредь до выяснения обстоятельств настоящего дела подвергнуть личному задержанию, поместив в одиночном помещении при губернской тюрьме»⁴.

Зеленского и семерых его однопартийцев арестовали и заключили в губернскую тюрьму. В рапорте о выполнении этой операции жандармы отметили, что все арестованные «лица являются серьезными деятелями местной организации РСДРП» и «что желательно в розыскных целях, независимо от результатов обысков, применить к названным лицам административную высылку из пределов Саратовской губернии»⁵. И хотя у Исаака (как и еще у двух его товарищей) при задержании и обыске в доме № 34 на Немецкой улице, где он проживал с родителями и одним из братьев, ничего компрометирующего обнаружено не было, желание охранки было удовлетворено. После четырехмесячного содержания в тюрьме Зеленского выслали в Оренбург.

Его отъезд стал несчастьем для 71-летнего отца и 55-летней матери, которые по состоянию здоровья уже не могли материально содержать себя и жили на средства сыновей: папиросника Якова и конторщика Исаака. В Саратове находился еще один сын – Цаль, но он проживал отдельно от родителей. Четвертый их сын – Александр, картузник, обосновался в Аткарске. Беспokoясь о родителях, Исаак писал из Оренбурга саратовскому губернатору: «[...] Положение их, совершенно не способных по старости и слабости к какому-либо труду, настолько печально, что им приходится положительно голодать или жить, надеясь на милость доброжелателей. Находясь вдали от родины, лишенный возможности приискать себе постоянный заработок, я не могу оказывать своим родителям никакой помощи, в то время, когда они в ней безусловно сильно нуждаются. Ввиду всего выше изложенного почтительнейше прошу Ваше сиятельство не отказать мне в разрешении проживать в г. Саратове»⁶. На эту просьбу губернатор граф С. С. Татищев ответил: «Предписываю саратовскому полицмейстеру объявить просителю, что ходатайство его не подлежит удовлетворению [...]». Не помогло и обращение к губернатору с той же просьбой самого отца. Он получил такой же ответ⁷.

Вообще, вступив в нелегальную антиправительственную организацию, Исаак Зеленский должен был иметь в виду, чем грозит ему такая деятельность и чем она может завершиться. И обращение его к губернатору в поисках сочувствия выглядит несколько странно, а ответ губернатора является вполне закономерным. Хотя, если исходить из принципа: «Попытка – не пытка», то, почему бы Исааку не стоило попытаться облегчить участь свою и родителей. Тем более, что, как уже сказано выше, при обыске у него ничего компрометирующего не обнаружили. Но, увы, попытка оказалась неудачной, и Зеленский оказался в Оренбурге. Находясь здесь под особым надзором полиции, Исаак, несмотря на большой риск ухудшить свое положение, установил связи с оренбургскими социал-демократами. В сентябре 1910 г. Оренбургское жандармское

⁴ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 7984, л. 19.

⁵ Там же. Л. 4 об.-5.

⁶ Там же. Л. 58.

⁷ Там же. Л. 26, 60–61.

управление повело наступление на революционное подполье города. Среди арестованных оказался и Исаак Зеленский. Снова тюрьма. Затем высылка в Самару также под гласный надзор полиции. Самарские филеры присвоили ему кличку наблюдения – «Хмурый». Кличка замелькала в дневниках агентурных наблюдений. Отмечались встречи с «неблагонадежными» лицами, отлучки в Саратов. Охранка пришла к выводу, что уже дважды высланный, Зеленский активно участвовал в Самарской организации РСДРП и не собирался прекращать противоправительственной пропаганды. Поэтому самарский губернатор направил в Особое совещание – высшее государственное учреждение, созданное в 1905 г. для координирования мероприятий по вопросам внутренней политики, – документы о необходимости высылки Зеленского в места более отдаленные. Таким местом для него с августа 1912 г. становится Нарымский край в Томской губернии⁸.

Прошел всего год. И опять Зеленский обеспокоил саратовских охранителей порядка. Им было велено выяснить, не обосновался ли в родном городе этот молодой человек, совершивший дерзкий побег из ссылки. Сообщались его приметы: «[...] среднего роста, брюнет, лицо чистое, продолговатое, средней полноты, нос более обыкновенного, прямой, носит светлые очки в роговой оправе [...]»⁹.

А Зеленский, не имея документов, не рискнул пробыть в Саратове у своей гражданской жены Екатерины Гожевой более трех дней. Попытка устроиться в Астрахани не удалась. Наконец, под именем Алексея Петровича Смирнова он смог поступить на службу в качестве репортера по рабочей хронике в газету «Царицынское слово». И вскоре установил связь с царицынскими социал-демократами и начал агитацию среди рабочих французского металлургического завода. В частности, говорил о необходимости создать на заводе рабочую организацию, добиться изменения устава больничной кассы, введя в него параграф о том, что средства кассы должны храниться не у хозяев завода, а у избранных рабочими казначеев¹⁰.

Деятельность Смирнова насторожила местные власти. По их ходатайству из Саратова прибыли опытные филеры, быстро опознавшие в новом сотруднике газеты разыскиваемого Исаака Зеленского. В снимаемом им жилище тайно провели обыск. На кровати под подушкой была «обнаружена паспортная книжка, на которой вписанное все вытравлено»¹¹. Арестовать Смирнова-Зеленского в редакции газеты не удалось. Он воспользовался черным ходом, пешком добрался до посада Дубовка, но при попытке сесть на пароход «Отец» 28 сентября 1913 г. был все-таки задержан и обыскан. У него изъяли паспорт на имя Александра Гавриловича Котова, а также все сверх скромное имущество: записную

⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 9148, л. 8, ф. 51, оп. 1/1912, д. 93, л. 28, ф. 57, оп. 1/ 1911, д. 2, л. 127–129, д. 11, л. 30, 90, 93об.

⁹ Там же. Ф. 51, оп. 1/1913, д. 4, л. 113 об., 116.

¹⁰ Там же. Л. 116, 117, ф. 53, оп. 1/1913, д. 11, л. 49–78. Царицын – уездный город Саратовской губернии, ныне – Волгоград.

¹¹ Там же. Ф. 51, оп. 1/1913, д. 4, л. 137–138.

книжку с карандашом, перочинный ножик, очки с футляром к ним, гребенку, кожаный кошелек и 6 руб. 76 коп. денег¹².

Саратовский губернатор распорядился доставить Зеленского для допроса в губернскую тюрьму. Перед отправкой из Царицына на Зеленского, как надлежащего пересылке арестанта, был заполнен «открытый лист», в котором перечислены его приметы: «23 года, рост 2 аршина, 4 вершка, лицо чистое, глаза серые, волосы темно-русые, усы светло-русые, небольшие», а также сделана пометка: «Требует особого наблюдения, как склонный к побегу»¹³. Формулировка: «Зеленский крайне склонен к побегу и для выполнения этого способен на крайние меры», а также красный штамп: «Строго смотреть!» есть и в других документах, составленных в Царицынской и Саратовской тюрьмах. В них же указаны не встречавшиеся ранее профессии Зеленского – бухгалтер, счетовод¹⁴.

В Саратовскую тюрьму Исаака Абрамовича доставили 25 октября. Здесь он находился по 30 октября включительно. Эта дата проставлена в приклеенном к «Делу Саратовской губернской тюрьмы на арестанта Зеленского И. А.» аттестате, выданном ему начальником тюрьмы «в том, что за время содержания своего в Саратовской тюрьме [он] вел себя удовлетворительно»¹⁵. Затем арестант был препровожден к месту своей ссылки в Нарымский край.

Необходимо отметить, что в переписке жандармских управлений и охранных отделений об Исааке Зеленском есть упоминания об его братьях, говорящие о том, что политическая деятельность была в некотором роде «семейным увлечением». Так, 7 декабря 1911 г. начальник Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) сообщал своему коллеге, начальнику аналогичного управления в Самаре: «[...] У Исаака есть братья Исай и Цаль. С 1910 г. Исай живет в Оренбурге, известен по сношениям с местной [группой] РСДРП. Цаль с 1908 г. живет в Саратове, замечен в сношениях с местными [членами] РСДРП»¹⁶. Об Исае в мае того же года сообщал и начальник Оренбургского ГЖУ: «[...] проходит по наблюдению по местной группе РСДРП под кличкой «Смоляк»¹⁷. Более развернутая информация об Исае содержится в уведомлении начальника Оренбургского ГЖУ о ликвидации в ночь на 29 апреля 1912 г. местного комитета РСДРП – шесть человек, которые «имели связи с Самарской и Ташкентской [организациями] РСДРП и связь с редакцией газеты «Правда». Среди них был и «Исай Аврумов Зеленский, 30 лет, картузник, кличка в организации – Александр, а по наблюдению – «Смоляк», выслан на 3 года в один из отдаленных уездов Вологодской губернии»¹⁸.

Вместе с тем, в сведениях о семейном положении Исаака Зеленского, имеющих в документах, составленных с его слов и при первом его аресте, и

¹² ГАСО, ф. 51, оп. 1/1913, д. 4, л. 141–146 об., ф. 53, оп. 1/1913, д. 11, л. 50–51, ф. 446, оп. 1, д. 675, л. 3.

¹³ Там же. Ф. 446, оп. 1, д. 675, л. 20 об. (Аршин равен 71,12 см, вершок – 4,45 см.)

¹⁴ Там же. Л. 8, 12, ф. 53, оп. 1/1913, д. 11, л. 78.

¹⁵ Там же. Ф. 1, оп. 1, д. 9148, л. 13, ф. 446, оп. 1, д. 675.

¹⁶ Там же. Ф. 57, оп. 1/1911, д. 2, л. 202.

¹⁷ Там же. Ф. 57, оп. 1/1911, д. 11, л. 90.

¹⁸ Там же. Ф. 51, оп. 1/1912, д. 56, л. 184–185.

при задержании его в Дубовке, значатся (как уже было сказано в начале этой статьи) братья Яков, Александр и Цаль. Так что, Александр – это не только «кличка в организации» (как решили филеры), но как бы домашнее имя Исая. Подтверждением тому, что официально его звали все же Исай, являются следующие строки из письма Елены Исааковны – дочери И. А. Зеленского, обращавшейся в государственный архив Саратовской области: «[...] Прошу выявить документальные данные о деятельности Зеленского Исаака Абрамовича [...] не путать с Исаем Абрамовичем, старшим его братом на, примерно, 8 лет [...]»¹⁹.

Эти, казалось бы, несущественные детали важны, чтобы убедиться, что упоминавшиеся в цитированной выше жандармской переписке Цаль и Исай действительно братья Исаака, поскольку в документах жандармского управления и охранных отделений упоминаются также и Зеленские (Зиленские) с другими именами. А участие братьев в нелегальной партийной работе – дополнительный штрих к биографии Исаака Зеленского. Уточнение родственных связей необходимо еще и потому, что среди документов СГЖУ имеется озадачивающая карточка следующего содержания: «Зеленский Исай Абрамович – кличка «Слепой», провокатор по партии с[оциал]-д[емократов] Самарского охранного отделения с 1/IX-1916 г., бывший партийный № 321»²⁰. Возможно, более подробная информация по этому вопросу находится в документах Самарского государственного архива. И заинтересованные исследователи, исходя из содержания этой карточки, смогут в Самаре докопаться до сути. Во всяком случае, из песни слова не выкинешь.

В феврале 1917 г. Исаак Зеленский стал партийным организатором Басманного (впоследствии Бауманского) районного Совета в Москве и членом президиума Моссовета. В октябрьские дни 1917 г. он входил в состав военно-революционного комитета Басманного района. После установления Советской власти Зеленский заведовал Московским продовольственным отделом, состоял членом Народного Комиссариата Продовольствия. В 1920 г. Исаак Абрамович стал секретарем Московского городского комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) – РКП(б). Через два года его избрали членом Центрального Комитета (ЦК) и членом Организационного бюро ЦК Всероссийской Коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б). В 1924 г. Зеленского назначили секретарем Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б)²¹.

В 1931 г. Зеленский получил последнее в своей жизни назначение – пост председателя правления Центрального союза потребительских обществ (Центросоюз). Выступая на созванном в том же году совещании работников потребительской кооперации, Исаак Абрамович говорил о необходимости расширения производственной и заготовительной деятельности, хозяйственной инициативы и предприимчивости кооперативов. Он добивался повышения роли потребкооперации, развития кооперативной демократии, превращения сельских потребительских обществ в действительно самостоятельную общественную ор-

¹⁹ Письмо Е. И. Зеленской от 27.04.1987. Архив автора.

²⁰ ГАСО, ф. 53, оп. 14, д. 18, л. 334.

²¹ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 458; Горелов О., Мурашев А. Последнее назначение // Советская торговля. 1988. 7 июля.

ганизацию. Выдвигавшиеся Зеленским задачи подъема производства сельскохозяйственных продуктов и расширения децентрализованных заготовок не утратили своей актуальности и сегодня. Но, к сожалению, эти усилия Зеленского оказались напрасными. 7 августа 1937 г. его арестовали, заставили признаться в организации вредительских групп, которые «запутывали планирование по таким товарам, как сахар, масло, яйца, махорка и т.п., умышленно задерживали продвижение товаров в деревню, запутывали всячески учет и отчетность, что содействовало безнаказанному расхищению и разбазариванию государственных средств, поощряли обсчитывание и обкрадывание потребителя»²².

Выбраться из советской тюрьмы «решительный, смелый, склонный к побегу» Исаак Абрамович, конечно, не смог. И весь бред о его вредительской деятельности выдавался за истину в течение почти двух десятилетий. Восстановление справедливости и реабилитация репрессированных началась, как известно, лишь после XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 г. Тогда же и имя И. А. Зеленского навсегда перестала сопровождать мрачная приставка – «враг народа».

---

²² Горелов О., Мурашев А. Указ. соч.

Власть и общество Поволжских губерний в революции 1917 г.: от демократии к диктатуре

Событийная сторона революционного процесса 1917 г. как в центре, так и на местах, в общих чертах представлена в историографии. Однако и отечественные, и зарубежные историки, оперируя макроисторическими явлениями, часто схематизировали и нивелировали политические и социальные действия. Это исключительно осложнило выяснение происхождения русской революции, закономерностей и особенностей ее развития и результатов. Известно, что революции начинаются в столицах, а делаются в провинциях. Специальное изучение региональных модификаций русской революции 1917 г. необходимо также в связи с тем, что в историографии длительное время превалировала тенденция единообразия процесса в центре и на местах. Между тем, несмотря на общий результат и последующую унификацию нового общественного строя, именно разнообразие функционирования социально-политических сил в регионах скорректировало первоначальное направление развития революции.

Характер взаимоотношений власти и общества на местах в 1917 г. позволяет выявить механизм социальной инверсии, определившей новый путь исторического развития России. Понятие «власть» означает право и возможность одних управлять другими. Осуществление воли привилегированных сословий над остальной частью российского общества стало невозможным после свержения самодержавия. При этом был разрушен весь инструментарий осуществления власти. Законотворчество Временного правительства, базировавшееся на модернизаторских идеях революционеров-февралистов, осуществлялась путем директив из центра. На местах образовались инициативные общественные объединения, выдвинувшие «самочинные» формы организации власти. В связи с этим необходимо рассмотрение целого ряда вопросов, ранее трактовавшихся с позитивистских позиций, унифицировавших революционный опыт.

Современные историки, обращаясь к проблеме формирования власти в России после февральского переворота, по-прежнему упрекают Временное правительство в отрыве от народа и выдвинутых им к жизни общественно-политических структур¹. Революция, перемещаясь из центра в провинцию, выявила большую инициативу различных общественно-политических объединений при формировании новой власти на местах. В связи с этим возникает потребность в выяснении причин конфронтации, а затем и кризиса в демократическом лагере накануне Октября 1917 г. Предметом специального рассмотрения стали вопросы о тактике в борьбе за власть различных политических пар-

¹ См.: Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты. (1917 г.). М., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть; Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. СПб., 1994; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. Ч. 7. Гл. 4; Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2005. Раздел III.

тий и объединений². В силу специфики социально-экономических отношений в стране особое влияние на действия местной власти, в частности в Поволжье, имело аграрное движение. В новейшей историографии российской революции 1917 г. отечественные и зарубежные историки обратили внимание на необходимость выяснения механизма воздействия социума на власть, разработанного в ходе революции³.

Вопросы функционирования местных органов власти и самоуправления в революционных условиях недостаточно изучены даже с точки зрения накопления фактов. Деятельность Временного правительства и его местной администрации оценивалась однозначно негативно⁴. Местные советы рабочих и солдатских депутатов часто наделялись теми организационными функциями, которыми они на самом деле не обладали. Роль советов крестьянских депутатов однозначно трактовалась как соглашательская. В то же время попытки Временного правительства наделить органы земского и в перспективе городского самоуправления административной властью на местах мало изучены, но оценивались как соглашательство умеренных социалистов с антинародным режимом. Наконец, «массовое правотворчество», а скорее разрушительные действия рабочих, солдатских и крестьянских организаций получили в отечественной историографии восторженные оценки. Однако пришедшие к власти большевики вскоре подавили эту народную инициативу и мотивация их действий требует пристального изучения, если мы хотим извлечь уроки из своего трагического прошлого. Компетенции и функционально-структурные особенности местной власти в 1917 г., ее организационно-исполнительские возможности требуют специального рассмотрения⁵ Поволжский регион, многонациональный и многоукладный по социально-экономическому развитию, являлся своеобразным примером российской провинциальной ментальности, ярко проявившейся в революционное время. Все коллизии между властью и народом нашли здесь свое специфическое выражение. Это позволяет прояснить основные черты систем-

---

² См.: *Селезнев Ф. А.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.) Нижний Новгород, 2001; *Стариков С. В.* Левые социалисты в Великой российской революции. Йошкар-Ола, 2004; Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2005.

³ Различные аспекты взаимоотношений народа и власти в Поволжье рассматривались в работах см.: *Герасименко Г. А.* Народ и власть. 1917. М., 1995; *Рейли Д. Дж.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Кабытова Н. Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002; *Бедкок С.* Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.

⁴ См.: *Старцев В. И.* 27 февраля 1917. М., 1984; *Он же.* Крах керенщины. М., 1982.

⁵ См.: *Кабытова Н. Н.* Компетенция Министерства Внутренних дел Временного правительства в местном управлении. (1917) // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России. СПб., 2004. Ч. 1. С. 178–180; *Сенявский А. С.* Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. СПб., 2008.

ного кризиса, вызванного попытками модернизации России по западному образцу.

Демократизация управления в России, начавшаяся с победы Февральской революции 1917 г. в Петрограде, была сложным и противоречивым процессом. Становление администрации происходило в условиях, когда все политические силы, поднятые на гребень революционной волны, стремились упрочить и расширить свои позиции. Временный комитет Государственной думы (ВКГД) в судорожных попытках наспех сформировать Временное правительство в центре надеялся, что в провинции молча проглотят все, что испекут для них столичные политики. «Пусть думают, что власть взята Государственной Думой. Они сразу не разберутся, что Государственная Дума сама по себе не может быть властью – для них это будет звучать ... Это звучит в провинции ... Они будут верить несколько дней ...»⁶ В губерниях действительно поверили, но действовать начали с учетом местного своеобразия в расстановке общественно-политических сил. Прежде чем центральное руководство «добралось» до системы местной власти, во многих губернских и некоторых уездных городах были созданы общественно-политические комитеты, претендующие на организацию и поддержание порядка. К 5 марта 1917 г., когда Временное правительство приняло первое постановление по местному управлению, общественные комитеты кое-где даже успели назначить своих комиссаров. Стали известны факты арестов губернаторов, жандармских и полицейских чинов. ВКГД вынужден был 5 марта 1917 г. принять решение об освобождении всех лиц местной администрации, «заключенных под стражу во время государственного переворота без ордера соответствующей власти, если к означенным лицам не предъявлено обвинение в совершении преступных деяний»⁷.

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти на местах. Однако революционные события в провинции кое-где даже опережали центр. Февралистам (так называли себя члены Временного комитета Государственной думы) стало ясно, что старая власть на местах, прежде всего губернаторы, деморализована и фактически отстранена от управления. Впоследствии некоторые деятели Временного правительства осуждали министра-председателя князя Львова за его решение сместить губернаторов «по телеграфу»⁸, считая эту меру скоропалительной, непродуманной и слишком радикальной. Общий обзор и анализ первых дней революции на местах наоборот показывает, что в данном вопросе «мягкотелый и бесхарактерный»⁹ князь Львов проявил трезвость и политический расчет. Губернаторы были уже вчерашним днем, нужно было срочно найти им адекватную замену в системе власти. Телеграмма министра-председателя Временного правительства, отправленная циркулярно всем председателям губернских земских управ 5 марта 1917 г., прежде всего, была направлена «на устройство порядка внутри страны и обеспечение безостановочной деятельности» всех пра-

⁶ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 194–195.

⁷ РГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 9, л. 62.

⁸ Набоков В. Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924. С. 42.

⁹ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 38.

вительственных и общественных учреждений. Создавая конструкцию местной администрации, Временное правительство требовало: «В губерниях, где было введено земское положение, обязанности губернаторов временно возложить на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование «губернские комиссары Временного правительства. В уездах председателей уездных земских управ назначить уездными комиссарами»¹⁰. Налицо стремление приспособить к нуждам текущего момента старые общественные структуры. Комитеты, формировавшиеся на условиях представительства всех общественных сил революционной направленности, были опасны для новых российских демократов, особенно после вхождения в них советов рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде они уже ощутили их разнузданную силу. Общественные комитеты в губерниях на первых порах дальше демократических деклараций не шли и, провозглашая себя «защитниками нового строя», стремились «приспособить старые общественные и продовольственные учреждения задачам нового времени»¹¹. Такой поток взаимных деклараций и заторможенность в конкретных делах характерны для всего периода формирования новой власти на местах в марте-апреле 1917 г. Однако и в центре, и на местах понимали, что время деклараций и заявлений не может длиться вечно, за ним должно последовать время конкретных действий¹².

Обстоятельства утверждения тех или иных лиц на постах губернских комиссаров подтверждают предположение о том, что подбор кадров для управления на местах из числа земских лидеров осуществлялся на основании предварительной тайной договоренности. Влияние масонов в Земгоре было очень распространено. Это создавало возможность через лидеров местного самоуправления реализовать заранее подготовленный в центре революционный сценарий по всей стране. Наиболее активные общественные деятели на местах, а может быть и более посвященные, назначили губернских комиссаров еще до указаний центрального руководства. 4 марта 1917 г. председатель Самарской губернской земской управы кадет К. Н. Иньков был выдвинут Комитетом народной власти на должность Самарского губернского комиссара Временного правительства¹³. Впоследствии это назначение было утверждено Временным правительством. «Прямое попадание» при выборе временной местной власти доказывает предположение о наличии координирующего конспиративного центра по подготовке и осуществлению государственного переворота на всей территории России. И это были не революционные партии, подвергавшиеся преследованиям, а заговорщики, действовавшие тайно как до февральского переворота 1917 г., так и после него. Тот же новый глава Самарской губернской администрации особой популярностью не пользовался и общественностью характеризовался так: «Губернский комиссар Иньков – человек безусловно старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать

¹⁰ ГА РФ, ф. 1791, оп. 1, д. 676, л. 3.

¹¹ См.: ЦГАСО, ф. 813, оп. 1, д. 4; НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 34; ГАУО, ф. 667, оп. 1, д. 6; ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 2; ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3870.

¹² Власть и реформы. СПб., 1996. С. 645.

¹³ ЦГАСО, ф. 813, оп. 1, д. 21, л. 4.

на тот революционный путь, на который встал Комитет»¹⁴. Тем не менее именно он оказался избранным еще до официального указания на должностное лицо, которому надлежало занять этот пост.

В Пензе 5 марта 1917 г., вечером, на заседании бюро исполнительного комитета был назначен губернский комиссар В. А. Герман. В этой должности он пробыл всего одну ночь, т.к. «6 марта по получении телеграммы князя Г. Е. Львова В. А. Германа освободили от обязанностей, а князя Л. Н. Кугушева, председателя губернской земской управы, назначили губернским комиссаром»¹⁵. Либеральная общественность и не помышляла встать на защиту своего выдвиженца. 5 марта 1917 г. Саратовский общественный губернский комитет также возложил обязанности губернского комиссара на своего лидера народного социалиста Н. И. Семенова, что не соответствовало полученным на следующий день указаниям из центра. Саратовская общественность встала на защиту своего ставленника. Саратовский ОГИК не преминул заметить центральному руководству, что если оно хочет получить поддержку на местах, то «желательно, чтобы Временное правительство производило из центра назначения представителей новой власти в тех исключительных случаях и до того момента, пока в данной местности не сложились местные выборные общественные комитеты»¹⁶. Председатель губернской земской управы К. Н. Grimm в данной ситуации почел за благо для себя отказаться от поста губернского комиссара. Временное правительство с самого начала не чувствовало себя достаточно уверенно. Находясь под бдительным присмотром Петросовета, оно не решалось диктовать свои условия местным революционным преобразователям. У него не было механизма для осуществления контроля за исполнением решений центрального руководства, ведь система управления страной только создавалась.

В тех губерниях, где общественно-политические силы были по тем или иным обстоятельствам недостаточно организованы и инициативны, назначение губернских комиссаров Временного правительства произошло в соответствии с указаниями из центра. 6 марта 1917 г. таким образом приступил к исполнению обязанностей Симбирский губернский комиссар Ф. А. Головинский, являвшийся председателем губернской земской управы. Казанским губернским комиссаром первоначально был назначен крупный землевладелец В. В. Молоствов, так как недавно избранного председателем губернской земской управы А. Н. Плотникова, царское правительство не успело утвердить в должности. Он приступил к исполнению обязанностей губернского комиссара месяц спустя, после утверждения уже Временным правительством¹⁷.

Назначение уездных комиссаров губернские комиссары старались произвести в точном соответствии с указаниями Временного правительства. Однако им пришлось считаться с местными условиями. В уездных городах не было та-

¹⁴ *Климушкин П. Д.* История Комитета Народной власти второго периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. С. 49.

¹⁵ ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 11, л. 5.

¹⁶ *Васькин В. В., Герасименко Г. А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976. С. 90.

¹⁷ ГА РФ, ф. 406, оп. 1, д. 676, л. 3 об., 11.

кой конкуренции общественных сил, как в губернских. Земства здесь были более представительной, реструктурированной на всей территории уезда организацией, нежели городские думы. В то же время председатели уездных земских управ зачастую не устраивали местную либеральную общественность, так как олицетворяли собой старый строй, от которого все спешили избавиться. Губернские комиссары, следуя указаниям из центра, назначали председателей, иногда заместителей либо членов уездных земских управ уездными комиссарами Временного правительства. С конкретными инструкциями о реорганизации уездной администрации Временное правительство запаздывало. Назначенные по аналогии с губернскими уездные комиссары не имели в своем распоряжении никакого аппарата, а он был нужен для принятия мер в случае общественных беспорядков, возникавших то тут, то там при смене власти.

Земские управы, городские головы в телеграммах, адресованных в Петроград в первой половине марта 1917 г., не только приветствовали Временное правительство и сообщали о создании общественных комитетов, но и просили «срочно командировать войска для поддержания порядка» в той или иной местности. В ответ на это Министерство внутренних дел предлагало им «войти в общее соглашение с командующими войсками либо местной военной властью»¹⁸. Например, в городе Карсуне Симбирской губернии 6 марта 1917 г. участники митинга разгромили полицейское управление, а пытавшегося воспрепятствовать им полковника Столярова оглушили доской, выломанной в заборе, по голове¹⁹. 13 марта 1917 г. казанский уездный комиссар «спешно» просил казанского губернского комиссара «прислать в уезд войска в связи с погромами лавок в Арске и опасностью таковых в уезде». В тот же день губернский комиссар обратился к командующему войсками казанского военного округа с просьбой командировать в Арск воинскую часть «ввиду беспорядков». Расследуя эти события, начальник казанской уездной милиции Нечаев объяснял, что «толпа татар, числом около 300 человек ... произвела погром» из-за повышения цен на ржаную муку. Главными виновниками он назвал крестьян Ивана Яркова из Покровской слободы и Сабирзяна Массуддинова из деревни Ст.Хайван²⁰. В этом эпизоде, как в зеркале, отразились взгляды и суждения представителей различных социальных слоев, вынесенных на гребень революционной волны в российской глубинке. Ответственный милицейский чин новой власти сам себе противоречит, по традиции обвиняя в беспорядках татар, во главе которых оказались два вожака: русский и татарин. Наверняка, среди погромщиков было и русских немало.

По иному оценивали данные события жители г. Арска в своем послании «члену Государственной Думы господину Чхеидзе», обвиняя представителей местной администрации в подстрекательских действиях во время погрома городских лавок. Они объявили себя сторонниками нового строя, но указали на недостатки его организации на местах, отметив, что «в городе же Арске и окре-

¹⁸ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 23, л. 30.

¹⁹ Точеный Д. С. Симбирск. Октябрь 1917. Саратов, 1987. С. 7–8.

²⁰ НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 34, л. 4–7.

стностях его назначена вся старая преступная полиция, переименованная в уездную милицию, которая так ненавистна всему местному и окружающему населению». Они расценили это «равносильно тому, что если бы преступного и арестованного бывшего министра Протопопова оставили во главе нового правительства». Далее были приведены «несколько примеров с вескими доказательствами: ... местный торговец М. П. Колесников во время разгрома и избияния продавцов ... просил помочь закрыть двери лавки рядом стоящих милиционеров, бывших стражников Николая Евдокимова и Осипа Короля ..., на что они запротестовали». В другом случае, где погромщики получили отпор, тот же «Король заявил: «хорошо бы было, если кого-нибудь убили». Авторы письма выразили недоверие также «Арскому исполнительному Комитету, в состав которого вошли большинство бывших союзников русского народа»²¹. Свидетельства непосредственных очевидцев событий противоречат утверждениям милицейского начальника, конечно, защищавшего своих подчиненных. Русские жители г. Арска указали на несостоятельность новой администрации, если она сформирована из слуг старого режима. В беспорядках они обвинили не «толпу татар», а бездеятельность милиционеров, не способных защитить своих граждан, как русских, так и татар.

Для организации нового порядка на местах, конечно, недостаточно было указать на должностных лиц, председателей земских управ, которым передавалось управление. Губернские комиссары как могли, пытались решать самые насущные проблемы переходного времени. Необходимо было, где остановить, где предупредить возможные беспорядки при перемене власти. Так, вступивший в должность 6 марта 1917 г. Пензенский губернский комиссар князь Кугушев в тот же день председателей уездных земских управ назначил уездными комиссарами. В дальнейшем он рассылал им указания телеграммами:

7 марта с целью предотвращения погромов заводов, производящих спирт, обязал выделить воинские команды для охраны и «учредить специальную милицию из местного населения»;

8 марта определил прерогативы уездных комиссаров, которые «обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского уездного предводителя дворянства. кроме чисто сословного представительства ...»

9 марта попросил не обращаться к нему с просьбами о разрешении всяких земских и городских собраний²².

К середине марта 1917 г. Временное правительство, наконец, обратило внимание на разноречивость в строительстве новой власти. 16 марта 1917 г. из Министерства внутренних дел поступило разъяснение о месте и роли комиссаров Временного правительства. В нем отмечалось, что «в одной и той же местности возникает ряд общественных комитетов различного наименования и состава, деятельность которых не всегда согласована ... Временное правительство находит необходимым объединение существующих и вновь возникающих комите-

²¹ НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 34, л. 10.

²² ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 2, л. 5–8.

тов в губернские, уездные и волостные». Однако именно «губернские и уездные комиссары являются уполномоченными и исполнительными органами Временного правительства на местах»²³. 19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников. Признавая необходимость срочной разработки проекта о преобразовании органов местного управления и временного местного суда, пока оно возлагало обязанности земских начальников на уездных комиссаров²⁴. В телеграммах на места разъяснялось, что «назначение новых лиц на должность уездных комиссаров, к которым переходят обязанности земских начальников, производится исключительно по представлению Губернского комиссара»²⁵. С самого начала формирования новой власти центр стремился отсечь различные общественные организации от выполнения административно-управленческих функций.

Подбирая кадры на должности уездных комиссаров для представления их на утверждение в правительство, губернские комиссары были поставлены в сложное положение. Они ощущали на себе давление общественных комитетов, сами прошли через их утверждение или одобрение. В то же время правительственные инструкции недвусмысленно указывали на председателей уездных земских управ в качестве уездных комиссаров. На этой почве возникали конфликты, образовывавшие быстро расширяющиеся трещины между местной администрацией Временного правительства и общественными организациями. Не случайно, спустя два-три месяца после назначения, большинство комиссаров Временного правительства было смещено со своих постов и заменено более «демократическими» представителями.

Губернские комиссары, бывшие накануне Февральского переворота председателями губернских земских управ, сделали все от них зависящее, чтобы подобрать уездных комиссаров из земских деятелей. Самарский губернский комиссар К. Н. Иньков мотивировал свои действия тем, что «повсеместно инициатива исходила из уездных земских управ при активном участии земских служащих». Представленный в МВД в конце марта 1917 г. список лиц на должности уездных комиссаров по Самарской губернии был там изменен. Так, вместо избранного в Новоузенском уезде комиссара Трипольского утвердили председателя Новоузенской земской управы И. Я. Иванова. Не был утвержден в должности Самарский уездный комиссар А. М. Верховский, так как он не захотел совсем уходить из земства и остался членом управы. В Бузулукском уезде вместо рекомендованного общественным комитетом Е. А. Жданова правительство утвердило Н. Н. Бушева, бывшего секретаря земской управы. В апреле, когда утвержденный список уездных комиссаров пришел в губернию, эти изменения никого особенно не взволновали. На арену общественной жизни выступили новые организации – Советы крестьянских депутатов, избранные на крестьянских съездах делегатами от сельских обществ.

---

²³ ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 2, л. 28.

²⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917.

²⁵ ЦГАСО, ф. 820, оп. 1, д. 5, л. 23.

В Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях в должностях уездных комиссаров были утверждены почти все председатели уездных земских управ. Губернские комиссары, сами бывшие ранее председателями губернских земских управ, назначили своей волей местных земских деятелей уездными комиссарами. За некоторыми исключениями они были утверждены в должностях Временным правительством²⁶, но пробыли в них недолго. Например, в Пензенской губернии в апреле-мае 1917 г. сменились почти все уездные комиссары²⁷. Председатель Буинской земской управы помещик В. Л. Персиянинов, представленный Симбирским губернским комиссаром Ф. А. Головинским на должность уездного комиссара, «не пользовался уважением населения», о чем были направлены соответствующие приговоры сельских сходов и волостных собраний²⁸. Временное правительство не решилось утверждать его в должности, заменив ставленником уездного Комитета общественной безопасности А. С. Блиновым²⁹.

В Саратовской губернии комиссару Временного правительства удалось отстоять своего ставленника Н. И. Семенова. Поэтому при назначении здесь уездных комиссаров губернский комиссар больше считался с общественным мнением, а затем отстаивал его перед Временным правительством. Тем не менее общественность уездных городов предпочитала обращаться со своими инициативами напрямую в центр. Камышинский общественный исполнительный Комитет в телеграмме на имя М. В. Родзянко от 10 марта 1917 г. выразил недовольство деятельностью председателя Камышинской уездной управы Готовицкого, назначенного уездным комиссаром. Ссылаясь на глубокое недовольство местного населения, общественность требовала «для города Камышина и его уезда иметь выборного комиссара». Временное правительство под таким натиском вынуждено было утвердить Камышинским уездным комиссаром ставленника общественного исполнительного комитета Фадеева. Аналогичная ситуация сложилась в Вольском уезде Саратовской губернии. О председателе земской управы Мошинском, также ставшим уездным комиссаром, крестьяне с возмущением писали, что он «бывший земский начальник и в 1905–1906 гг. сулил нам два столба с перекладиной»³⁰. Таким образом, используя креатуры земского самоуправления при организации новой власти в стране, Временное правительство сразу же столкнулось с проблемой отторжения их большинством общественных сил на местах.

Институт губернских и уездных комиссаров, введенный временно для исполнения административных функций власти на местах, был раскритикован и современниками, и позднейшими исследователями потому, что он не в состоянии был противостоять революционному бунту в провинции. Но это проблема не формы, а содержания власти. Сама по себе необходимость организационно-

²⁶ ГА РФ, ф. 1791, оп. 1, д. 676, л. 9–10 об.

²⁷ ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 2, л. 95–95 об.

²⁸ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 101, л. 25.

²⁹ ГА РФ, ф. 1791, оп. 1, д. 676, л. 11 об.

³⁰ Герасименко Г. А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 11.

управленческих структур на местах возникла непосредственно в ходе демократических преобразований. С этой функцией государственного и муниципального управления не могли справиться ни советы, ни общественные комитеты, созданные в ходе революции. Они были представительными органами и могли выражать общественное мнение, но не осуществлять управление. Главная ошибка Временного правительства заключалась не в том, что для организации власти на местах был введен институт губернских и уездных комиссаров, а в том, что оно указало не на тех лиц, коим надлежало олицетворять новый строй. Земские служащие, заслужившие почет и уважение своим трудом «на общие пользы и нужды», отнюдь не ассоциировались в народном сознании с фигурами председателей губернских и уездных земских управ, назначенных комиссарами Временного правительства на местах. В связи с этим с самого начала революции возникли коллизии между центром и провинцией.

Расстановка политических сил в России, сложившаяся в результате июльского 1917 г. кризиса Временного правительства, привела к обострению борьбы за власть. Это не способствовало решению насущных экономических проблем общества, а политическую ситуацию делало крайне нестабильной. В стране активизировались правые и левые оппозиционные правительству силы. Массы испытывали все более острое чувство разочарования. Надежды получить от Временного правительства мир, землю и свободу обнаружили свою несостоятельность. В связи с этим увеличились проявления анархизма и стихийные экстремистские действия отчаявшихся людей: «голодные бунты» рабочих, неорганизованные солдатские выступления, крестьянские погромы имений и хуторов. Правительство пыталось одновременно сделать невозможное: навести порядок в стране и соблюсти демократические принципы управления.

Местные органы власти осенью 1917 г. переживали кризис, обусловленный не только отсутствием широкой социальной поддержки, но и организационной неопределенностью. Всероссийский съезд губернских комиссаров, обсуждавший 4-9 августа 1917 г. вопрос об организации власти на местах, не принял согласованного решения о принципах государственного строительства. При обсуждении проекта «Положения о губернском и уездном управлении» выявились следующие точки зрения: 1) считать должность комиссара временной и излишней после избрания демократическим путем земств, городских и районных дум; 2) признать необходимым сохранение должности комиссара и после создания новых органов самоуправления. Обнаружились разногласия и по вопросу о конституировании должности комиссара: одни считали, что он должен избираться на местах, другие полагали возможным назначение его правительством. На съезде были оглашены также тезисы группы комиссаров-государственников. «Начало единой и сильной власти должно быть положено сверху. Необходимо, чтобы государственная власть в лице Временного правительства была бы национальна, едина и независима от каких-либо партий и классовых организаций»³¹, – требовали они. Проект положения о комиссарах 18 августа 1917 г. был представлен на обсуждение общего заседания Совещания

³¹ ЦГАСО, ф. 814, оп. 1, д. 5, л. 3, 8.

по реформе местного самоуправления³², а 19 сентября утвержден как закон. Он предусматривал возможность назначения губернских и уездных комиссаров по соглашению с «соответствующими комитетами общественных организаций» и предлагал им «действовать в единстве при разрешении общих вопросов местного управления»³³. Это постановление никак не могло стабилизировать обстановку на местах, поскольку влияние не только комиссаров, но и общественных исполнительных комитетов осенью 1917 г. резко упало. Выработанная ими согласовательная система решения сложных вопросов местной жизни требовала длительного времени, а кредит доверия революционных сил был исчерпан.

Революция создала условия для развития государственного формотворчества. Лозунг большевиков «Вся власть Советам» получил реальный шанс для претворения в жизнь, так как все конструкции Временного правительства по организации управления переживали кризис. То обстоятельство, что советы, избиравшиеся отдельно от рабочих, солдат и крестьян, не являлись образцом демократии, не смущало борцов за государство-коммуну. В. И. Ленин нацеливал партию большевиков через советы «взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй»³⁴. В народном сознании советы в большей степени отвечали принципам традиционного демократизма, нежели формы западного парламентаризма.

В обстановке бездействия административных структур Временного правительства по преодолению кризиса, местные общественные объединения и органы самоуправления пытались скоординировать усилия для противостояния большевистскому экстремизму. Однако, раздираемые партийно-фракционной борьбой, они не смогли принять согласованных решений по актуальным вопросам «текущего момента». Главным, дестабилизирующим обстановку в губерниях Поволжья, фактором по-прежнему продолжало оставаться крестьянское движение, но на позиции политических сил в борьбе за власть оно влияло опосредованно. В губернских городах, где находились штабы всех политических партий и общественных организаций, действовавших на местах, стали создаваться специальные органы для оказания поддержки власти Временного правительства. Функции координаторов брали на себя общественные исполнительные комитеты или городские думы в тех губернских центрах, где они уже были избраны по новым демократическим правилам³⁵. Исполкомы советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов добивались усиления контроля за деятельностью администрации, в то время как многие фабрично-заводские, полковые и крестьянские комитеты требовали созыва съездов советов для кардинального решения вопроса о власти.

³² Вестник Временного правительства. 1917. 8 сентября.

³³ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. 1917. № 264. Ст. 1749.

³⁴ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26.

³⁵ См.: НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 102, л. 146–148; ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 4700, л. 4; Самарские губернские ведомости. 1917. 29 сентября; ГАУО, ф. 84, оп. 1, д. 1431, л. 3; ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 27, л. 202.

Большевики, выступавшие за передачу власти советам до Учредительного собрания, воспользовались обстановкой всеобщего кризиса и предприняли необходимые действия для реализации своей цели. Учитывая расстановку политических сил как в центре, так и на местах, они в каждом конкретном случае применяли различные методы установления советской власти. В губернских центрах Поволжья политические противники большевиков оказали сопротивление их властным амбициям в разных формах (от деклараций и заявлений до вооруженной борьбы). Поскольку в установлении советской власти не было единообразия не только между центром и регионами, но и в каждой конкретной местности, тактика большевиков нуждается в пристальном изучении для выявления конкретных событий, а не их мифологизированных вариантов.

Успеху большевиков в борьбе за власть способствовало изменение приоритетов в деятельности советов. В дни корниловского мятежа они ощутили себя организующей силой по отражению контрреволюционной угрозы и уже не захотели терять военно-политических функций власти. В то же время вину за хозяйственную разруху они целиком возлагали на административные органы Временного правительства. Робкие попытки Демократического совещания по новому конструированию власти носили паллиативный характер и не нашли ни политической, ни социальной поддержки на местах. Выступив на совещании против коалиции с кадетами, умеренные социалисты заняли большинство мест во Временном Совете Республики (Предпарламенте), но это не стабилизировало ситуацию в стране. Губернские комиссары Временного правительства в ряде случаев вынуждены были обращаться к местным советам за помощью для борьбы с погромами. Так, Пензенский губернский комиссар в конце октября 1917 г. просил «Совет срочно сделать распоряжение об откомандировании взвода солдат для несения караульной службы при отделении уголовного розыска», подвергнутого накануне разгрому»³⁶. В Поволжье политическое соперничество осенью 1917 г. завершилось созданием опорных пунктов для нового передела власти. 15-16 октября 1917 г. в Саратове состоялся III областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Поволжья. В его работе участвовало 52 делегата из всех губернских центров Среднего и Нижнего Поволжья, а делегаты от некоторых уездных городов являлись представителями советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов³⁷.

Анализируя способы установления советской власти в губернских центрах Поволжья необходимо выделить основные черты этого процесса и обратить внимание на разнообразие тактических приемов, примененных большевиками для достижения цели. Они в полной мере учитывали своеобразие общественно-политической ситуации, сложившейся в той или иной местности. Бесплодные споры о «нелегитимности» советской власти ничего не дают для выяснения сути произошедших перемен общественного строя. Бессмысленно дебатировать вопрос о законности власти, образовавшейся в ходе революции, как с точки зрения ее характера, так и методов ее захвата. Установление советской

³⁶ ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 4, л. 497.

³⁷ Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 212.

власти в губернских центрах Поволжья осуществлялось большевиками в зависимости от расстановки общественно-политических сил в них и возможности привлечения на свою сторону радикальных и нейтрализации умеренных социалистов меньшевистского направления. Все другие демократические силы они объявляли «контрреволюционными» и обвиняли их во всеобщей разрухе и кризисе власти. Осенью 1917 г. у большевиков Поволжья потенциально существовала достаточная социальная база не только для взятия, но и удержания власти, но она была большей частью организована другими политическими партиями в советах и комитетах. Добиться большинства в советах рабочих и солдатских депутатов ко времени Октябрьского восстания в Петрограде им удалось лишь в трех из пяти центров исследуемого региона. В Казани, Самаре и Саратове советская власть была провозглашена вслед за Петроградом. В Казани и Саратове, действуя от имени советов, большевики опирались прежде всего на воинские части местных гарнизонов³⁸. В Самаре им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды³⁹, что позволило не привлекать склонных к погромным действиям солдат.

По-разному, но везде оказали сопротивление новым претендентам на власть городские думы. Они не желали делиться с советами функциями управления на местах, надеясь получить эти прерогативы от Учредительного собрания. Саратовская дума, избранная в июле 1917 г., где умеренные социалисты составляли большинство, пыталась организовать вооруженное сопротивление силам Совета рабочих и солдатских депутатов, за что была распущена в числе первых в стране⁴⁰. В самарской думе, избранной повторно в начале октября 1917 г., эсеры и большевики имели большинство, разделенное примерно поровну. Это обстоятельство делало ее бессильной в борьбе с Советом рабочих и солдатских депутатов, после того как большевики, нарушив все договоренности, отказавшись работать в думе⁴¹. В Казани дифференциация политических сил значительно усиливалась влиянием национального фактора, который со всей очевидностью проявился на выборах в думу, проходивших за две недели до Октябрьского восстания⁴². Естественно, такая дума не могла организовать сопротивление Совету рабочих и солдатских депутатов, объединившемуся с левоэсеровским Советом крестьянских депутатов. Национальные партии и организации социалистической ориентации в Казани численно и организационно значительно превосходили буржуазно-националистические силы. К тому же социальные противоречия были ведущей линией конфликта, что позволило большевикам создать интернациональный блок для захвата власти даже в условиях развитого движения по национальному самоопределению.

---

³⁸ *Ионенко И. М.* Солдатские массы в Октябрьской революции (по материалам Поволжья и Урала) Казань, 1982. С. 107.

³⁹ *Попов Ф. Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917 гг. Куйбышев, 1969. С. 559.

⁴⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 4833, л. 588.

⁴¹ ЦГАСО, ф. 153, оп. 41, д. 15, л. 651.

⁴² НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 102, л. 147.

Силы, способные отстаивать советскую власть, в таких губернских центрах как Симбирск, Пенза к осени 1917 г. и вовсе не сложились. Лишь общая всероссийская и региональная конъюнктура позволила большевикам сформировать здесь спустя полтора-два месяца такие составы советов рабочих и солдатских депутатов, которые хотя бы не отказывались от провозглашения советской власти. В любом случае главной причиной победы советской власти были социальные ожидания рабочих, солдат и крестьян, которые большевики умело поддерживали своими обещаниями и первыми, декретированными от имени советов действиями. При этом необходимо отметить их лучшую организованность в достижении поставленных целей и гибкую тактику применительно к конкретным условиям общественно-политической ситуации, сложившейся в каждом губернском центре.

Анализ взаимоотношений властных структур и общественных организаций поволжских губерний в 1917 г. не только подтверждает системный характер общенационального кризиса в России, но и доказывает, что локализация революции существенно корректировала ее характер. Власть, сформированная в провинции после февраля 1917 г., не отвечала архаичным потребностям большинства населения. Все попытки внедрить западнические общедемократические принципы регулирования социальных отношений оказались неэффективными, прежде всего, на местах, поскольку традиционные устои здесь были более устойчивы. Советы были еще в меньшей степени способны осуществлять действенной государственной власти. Однако большевики сумели приспособить их для выхода из революционного кризиса и строительства «диктатуры пролетариата». Таким образом, формирование российской государственности в 1917 г. осуществлялось под давлением революционных сил и последовательно прошло стадии от демократии через охлократию к диктатуре. Впоследствии советская система власти была унифицирована, а местные инициативные объединения постепенно ликвидированы.

Иностранные предприниматели, специалисты и рабочие в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: на примере Нижнего Поволжья

Привлечению иностранной экономической помощи и трудовых ресурсов в советскую экономику посвящены труды И. Д. Бри́на, М. М. Загорулько, С. В. Журавлева, С. С. Хромова¹ и др. Анализ историографии показывает, что основное внимание исследователи уделяли вопросам становления и развития экономической политики советского государства, в том числе концессионной в 1920-е гг., привлечения и использования иностранных рабочих и специалистов в промышленном и сельскохозяйственном производстве советской России. Однако региональный опыт изучен недостаточно.

В современных условиях транснационализации потоков капитала, интеграции России в мировую экономику, разноуровневого и разноскоростного развития субъектов Российской Федерации становится актуальным исследование опыта советского государства по привлечению иностранного капитала и трудовых ресурсов, в том числе на региональном уровне. Реальная картина экономической и социальной жизни советского общества Нижнего Поволжья, игравшего заметную роль в истории России в 1920–1930-е гг., воссоздана автором на основе изучения проектов постановлений, директив, тезисов, резолюций, отчетов, докладов, информационных писем и сводок, протоколов закрытых заседаний комитетов ВКП(б), профессиональных союзов, Народного комиссариата труда, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Государственном архиве новейшей истории Саратовской области, Центре документации Волгоградской области и Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе. В статье освещены роль концессионеров в Нижнем Поволжье по восстановлению национальной экономики и социальной сферы, условия труда и быта советских концессионных рабочих² и служащих; роль иностранных рабочих и специалистов в строительстве новых и модернизации функционировавших предприятий в городе Сталинграде в 1920–1930-е гг.

К началу 1920-х гг. объемы промышленного и аграрного производства, как в стране, так и Нижневолжском крае, по сравнению с довоенным периодом резко снизились. Для преодоления всеобщего кризиса и модернизации экономики после Первой мировой и Гражданской войн, политики «военного комму-

---

¹ См.: *Брин И. Д.* Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Иркутск, 1959; *Он же.* Основные черты государственного капитализма в переходный период от капитализма к социализму. Иркутск, 1961; *Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; *Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): дококументы и материалы* / Под ред. и сост. М. М. Загорулько. М., 2005; *Хромов С. С.* Иностранные концессии в СССР: ист. очерк. док. В 2 ч. М., 2006.

² См.: *Юдина Т. В.* Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. Волгоград, 2009. С. 6.

низма», разрешения проблемы трудоустройства советского населения, улучшения его материально-бытового положения, советское правительство выработало новую систему хозяйствования, неотъемлемой частью которой явилось привлечение иностранного капитала.

Иностранцам предоставлялись концессии в основном в неосвоенных в хозяйственном отношении и разрушенных районах по решению Совета народных комиссаров. С 1921/1922 операционного года концессионные договоры с Советской Россией стали заключать Германия, Англия, США, Польша, Швеция и другие государства. Лидирующую позицию по количеству предложений на заключение концессий в период с 1921/1922 по 1928/1929 операционные годы заняла Германия.

К концессионным объектам, функционировавшим на территории Нижнего Поволжья, относились концессии «Немволбанк» с субконцессией «Друаг», «Миссия доктора Нансена» (районы Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП), Саратовской губернии), созданные в сельском хозяйстве (см. таблицу №1).

Таблица № 1

Концессии Нижнего Поволжья³

Наименование концессии	Срок концессионного договора	Территориальное расположение	Отрасль народного хозяйства
«Нансен»	1922/1923 г. – 1926/1927 г.	Балашовский уезд Саратовской губернии	Сельскохозяйственная
«Немволбанк»	1922/1923 г. (19 июня 1923 г.) – 1929/1930 г.	Федоровский, Краснокутский и Палласовский кантоны Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья	Сельскохозяйственная
«Друаг»	1922/1923 г. (25 октября 1923 г.) – 1927/1928 г.	Краснокутский и Палласовский кантоны Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья	Сельскохозяйственная

Следует отметить нерациональное ведение концессионных хозяйств и неудовлетворительное использование концессионного земельного фонда всех предприятий. Поэтому несмотря на использование концессионными предприятиями новых злаковых культур и внедрение новых технологий обработки земель, существенных результатов в сельскохозяйственном производстве Нижнего Поволжья,

³ См.: Хромов С. С. Указ. соч. Ч. I. С. 310; Ч. II. С. 80.

как и страны в целом, достигнуто не было. Действительно, на всем протяжении периода нэпа объемы валовой продукции концессионных предприятий СССР были незначительны и не превышали 1,2% валовой продукции промышленности государства.

Тем не менее, именно с помощью концессионных предприятий органы государственной власти, профессиональные союзы стремились ослабить рост безработицы в стране за счет возложения на иностранных предпринимателей обязанности трудоустройства определенного количества советских рабочих на концессии, в первую очередь членов профсоюза. Хотя численность постоянных рабочих в государственной промышленности СССР в годы нэпа увеличивалась, составив в 1923/1924 г. – 1262,8 тыс. чел., в 1924/1925 г. – 1492,9 тыс. чел.⁴, в 1926/1927 г. – 1879,7 тыс. чел.⁵, проблема занятости советского населения оставалась актуальной. Так, в 1924 г. на биржах труда было зарегистрировано 1,3 млн. безработных, из них 472,5 тыс. чел. или 35% – представители интеллигенции; 337,5 тыс. чел. или 25% – индустриальные рабочие, 351 тыс. чел. или 26% – чернорабочие; 189 тыс. чел. или 14% – представители прочих профессий⁶.

На концессионные предприятия, также как и на государственные, наем рабочих осуществлялся через биржи труда, преимущественно по месту нахождения концессий. Привлечение рабочей силы на концессии из других регионов допускалось при отсутствии местной квалифицированной рабочей силы.

Несмотря на ограничения, определенная свобода при найме советской рабочей силы концессионерам предоставлялась в определенных случаях, установленных концессионным договором. Право заключать индивидуальные и групповые найм⁷ иностранный предприниматель использовал при выполнении единственного требования о невозможности ухудшения условий коллективных договоров и только по согласованию с органами труда. Исключительно самостоятельный наем считался нарушением, к концессионеру могли быть применены меры административного воздействия.

В сельскохозяйственных концессиях, в том числе «Нансен», «Немволбанк», «Друаг» преобладали советские рабочие и нарушений по привлечению иностранной рабочей силы не наблюдалось. Соотношение советской и иностранной рабочей силы постоянно регулировалось советскими органами власти. Например, в 1923 г., в соответствии с концессионным договором, на концессии «Немволбанк» иностранных служащих могло насчитываться до 60%, иностранных рабочих – до 25% от общего числа постоянных рабочих и служащих⁸ (на практике их было меньше); в соответствии с концессионным договором на концессию «Нансен» в 1926 г. два работника из 45 прибыли из-за границы⁹. Всего в 1925/1926 г. на сельскохозяйственные концессии «Нансен», «Не-

⁴ См.: Труд в СССР: стат. справ. за 1924–1925 г. М., 1926. С. 192.

⁵ См.: Народное хозяйство СССР / под общ. ред. Н. Д. Кондратьева. М., 1928. С. 97.

⁶ См.: *Капитонов Ив.* Безработица в Советском Союзе // Большевик. М., 1924. № 5–6. С. 51–52.

⁷ Кодекс законов о труде 1922 года. М., 1922. С. 5–6.

⁸ РГАЭ, ф. 478, оп. 2, д. 865, л. 65.

⁹ РГАЭ, ф. 478, оп. 2, д. 989, л. 93, ф. 428, оп. 2, д. 1137, л. 30.

мволбанк», «Друаг», «Маньч», «Друзаг», «Голландия-Украина», «Прикумское Товарищество» было трудоустроено 572 советских рабочих¹⁰.

Таким образом, соотношение отечественной и иностранной рабочей силы в пользу первой способствовало частичному разрешению актуальной проблемы занятости советских рабочих, сокращению безработицы в Советской России, увеличению занятости советского населения на концессиях.

Не менее важной проблемой для советских концессионных рабочих и служащих оставалась оплата труда, размеры которой на концессиях устанавливались концессионерами и государством. Принципы тарифной политики, тарифная работа профсоюзов, совершенствование системы оплаты труда распространялись на все предприятия, независимо от форм собственности. Хотя система оплаты труда на концессиях не отличалась от ее организации на государственных предприятиях, однако на практике государственная политика в области зарплаты на концессионных предприятиях приводила к увеличению размеров ставки 1 разряда и, соответственно, реальной заработной платы советских концессионных рабочих. При этом органы власти и профсоюзы не проявляли заинтересованности в повышении производительности труда на концессиях в отличие от государственных предприятий.

Оплата труда рабочих определялась их квалификацией обычно по первым 10 разрядам тарифной сетки, служащих и инженерно-технических работников – по первым 14 разрядам. Размеры ставок 1 разряда на концессиях зависели от хода переговоров профсоюзов с администрациями предприятий. Они должны были быть не меньше, чем на аналогичных государственных предприятиях: такую задачу ставили перед собой профсоюзы в своей практической деятельности. Остальные ставки рабочих устанавливались в соответствии с коэффициентом разрядной сетки на основании тарифных справочников отраслевых профсоюзов.

В соответствии с государственной политикой в 1925 г. на сельскохозяйственных концессиях ставка 1 разряда была выше, чем в государственных совхозах. На концессии «Нансен» она составляла 11 руб., в совхозе – 8 руб. 25 коп.¹¹ Таким образом, ставка первого разряда на нижеволжской концессии превышала аналогичную ставку в совхозе на 25%.

Сроки выплаты заработной платы устанавливались коллективным договором. Обычно выплата осуществлялась два раза в месяц. Усиленный механизм компенсаций за задержку зарплаты делал ее невыгодным для концессионера. Но, несмотря на требования советского законодательства и компенсационные гарантии, заработная плата отечественным рабочим концессионных предприятий выплачивалась не всегда вовремя, порой с двух или трех недельными и более задержками. Подобная ситуация наблюдалась и на государственных предприятиях и учреждениях¹².

¹⁰ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и материалы ... Т. 2. С. 233.

¹¹ РГАЭ, ф. 478, оп. 2, д. 989, л. 93.

¹² ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1467, л. 686–686 об.

В целом политика советских органов власти в области организации заработной платы на концессионных предприятиях способствовала достижению более высокого уровня жизни советских концессионных рабочих. Повышение размеров ставки первого разряда, соответственно и реальной заработной платы советских концессионных рабочих, как категории уровня жизни населения, своевременность выплаты зарплаты способствовали обеспечению их основных жизненных потребностей: приобретению продуктов питания, товаров первой необходимости, содержанию детей. Регулирование трудовых отношений на концессионных предприятиях осуществлялись в русле основных принципов концессионной политики советского правительства и норм советского трудового законодательства.

Сельскохозяйственные концессии Нижнего Поволжья имели определенные достижения в социокультурной сфере. Решение задач по строительству новых зданий, помещений возлагалось не только на государственные органы, кооперативные общества, но и на концессионеров. Поэтому администрации концессий, трудоустраивая работников, должны были заботиться и об их бытовых условиях. Право на труд советского концессионного рабочего и служащего предусматривало реализацию его права на предоставление концессионерами жилья.

Так, на «Друаг» осуществлялось строительство жилых, складских и производственных помещений. На строительство свинарника, пекарни, курятника, погреба, двух складов, ледника, трех амбаров, двух конторских домов и других зданий в 1925 г. было вложено 13 тыс. 800 руб. Больше всего средств было затрачено на два конторских дома – 5 тыс. 153 руб. 22 коп., «Новогорожанку» – 1 тыс. 753 руб. 38 коп. и людскую – 1 тыс. 623 руб. 45 коп.¹³

Следует отметить, что выделение средств из государственного бюджета на решение социальных вопросов концессий не предусматривалось: концессионеры должны были решать их самостоятельно – за счет собственной прибыли. Советское правительство финансировало строительство жилья только для рабочих, занятых на государственных предприятиях. Так, на жилищное строительство СССР в 1924/1925 г. было потрачено 150,5 млн. рублей, в 1927 г. – 318 млн. руб.¹⁴, в 1928/1929 г. на строительство городского жилья было выделено 112 млн. руб., в 1926–1930 гг. – 900 млн. руб.¹⁵

Несмотря на предпринимаемые меры, проблема дефицита жилья оставалась неразрешенной. Низкие нормы жилья, его нехватка, недовольства рабочих побуждали органы государственной власти уделять больше внимание «улучшению быта рабочих». Так, в г. Сталинграде осуществлялось «широкое рабочее жилстроительство». Например, на заводе «Красный Октябрь» в 1924/1925 г. на строительство 50 квартир для рабочих было выделено 123 тыс. рублей¹⁶. Крупные суммы на жилищное строительство отчисляло управление сталинградских

¹³ ГИА НП, ф. 998, оп. 2 о/д., д. 28, л. 88.

¹⁴ См.: История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1964. С. 248.

¹⁵ См.: *Haensel P.* Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands. Tübingen, 1930. S. 140,143.

¹⁶ См.: *Волков И.* На сталинградских заводах // Охрана труда. 1925. № 4. С. 25.

лесопильных заводов, но разрешить жилищную проблему по-прежнему не удалось как в Сталинграде, Нижнем Поволжье, так и в стране в целом.

В 1920-е гг. советским правительством был разработан план увеличения объемов жилищного строительства, к выполнению которого привлекали и концессионеров. Они осуществляли строительство жилья, как минимум, по двум причинам. Первая заключалась в необходимости выполнения обязательств по концессионным и коллективным договорам. Во-вторых, предприниматели осознавали, что жилищно-бытовые условия работников влияли на их производительность труда, выполнение производственных программ, а, следовательно, и на получение прибыли. Поэтому условия для обеспечения социального благополучия советских людей, занятых на концессиях, создавались с помощью концессионеров. Бесспорно, возводимое концессионерами новое жилье частично ослабляло остроту «жилищного вопроса» в стране.

Однако жилье предоставлялось не всем концессионным рабочим. Так, на концессии «Друаг»: «Для сезонных рабочих помещения совершенно отсутствуют, и они спят где попало»¹⁷. Обследование концессии сотрудниками Главного концессионного комитета выявило, что отдельным рабочим приходилось жить в тесных, грязных разваленных хибарках, с земляным полом, с общими нарами, где ютились 15 и более чел.¹⁸ Условия проживания рабочих и администрации концессии «Друаг» явно контрастировали друг с другом: «Сравнительно с рабочими она (администрация. – Т. Ю.) живет в очень хороших условиях: чистенькие, с деревянными полами комнаты, в окнах сетки от комаров, кровати завешаны густыми сетками от тех же комаров, чистое постельное белье и пр.»¹⁹.

В условиях преодоления кризиса и восстановления разрушенного национального хозяйства администрации предприятий не в достаточной степени выполняли взятые на себя обязательства по обеспечению социально-трудовых гарантий и предоставлению льгот своим работникам. Но при этом обращения индивидуального характера по социальным и трудовым спорам в центральные комитеты отраслевых профсоюзов от рабочих и служащих концессий были редким явлением, поскольку индивидуальные и коллективные трудовые споры, касавшиеся изменений условий труда и быта, на государственных, частных и концессионных предприятиях разрешались по-разному. Например, коллективные требования рабочих государственных предприятий о повышении заработной платы не поддерживались органами власти и профсоюзами. Разногласия же между рабочими и предпринимателями на концессионных и частных предприятиях в вопросах оплаты и условий труда не только поддерживались советскими органами власти, но и должны были разрешаться с максимальным преимуществом для советских рабочих.

Как правило, сотрудники центральных комитетов профессиональных союзов требовали от низовых ячеек самостоятельности в урегулировании кон-

¹⁷ ГИА НП, ф. 849, оп. 3 о/д., д. 12, л. 90.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

фликтов. Но на местах ими не всегда проявлялись настойчивость, последовательность и целеустремленность в поиске путей выхода из кризисных ситуаций. Как замечал сотрудник Главного концессионного комитета Сапронов, обследуя концессию «Друаг», «... местным профсоюзом все эти ненормальности (в производственных и бытовых вопросах. – Т. Ю.) давно замечены (делалось несколько обследований), и принимались некоторые меры для прекращения ненормальностей. Но вследствие директивы из центра (быть «поосторожней»), профсоюзы не нажимали на субконцессионера и поэтому до сих пор все имеющиеся ненормальности не ликвидированы»²⁰.

Практика показала, что там, где руководители предприятий, в том числе и концессионеры, уделяли больше внимания социальным проблемам, вопросы с предоставлением жилья решались успешнее. В годы новой экономической политики улучшение жилищных условий советских рабочих и служащих наблюдалось на всех концессиях, хотя планы по строительству нового жилья выполнялись не полностью.

Для получения прибыли концессионеры должны были заинтересовывать рабочих и служащих в повышении производительности труда путем предоставления последним более высокой оплаты за труд, чем на аналогичных государственных предприятиях, путем сверхурочных работ. Это было бы более приемлемым решением для концессионеров, чем выделение средств на строительство школ, больниц, жилых помещений. Но именно жилищный вопрос определял социокультурные и бытовые условия советских рабочих и служащих на концессиях. А эти условия оказывали влияние на настроение и психологию работников, их физическое состояние.

Однако требования профсоюза по отношению к иностранным предпринимателям нередко были завышены и необоснованны. 2 марта 1927 г. председатель совнаркома Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (АССР НП) В. Курц в письме временно исполняющему обязанности председателя Главконцесскома при СНК СССР М. О. Рейхелю отчитывался: «Взаимоотношения субконцессионеров с профсоюзами показывают, что субконцессионер в ущерб себе в недостаточной мере обеспечивал интересы хозяйства субконцессии»²¹. В том же письме В. Курц отмечал, что профсоюз работников земли и лесного хозяйства «ведет одностороннюю политику в смысле улучшения и облегчения условий труда в хозяйстве, не принимая никакого участия в мероприятиях по поднятию производительности труда и трудовой дисциплины ... администрация не проявляла достаточной настойчивости поднятия производительности труда, считая себя не вправе возражать против требований союза и рабочкома»²². Следует особо подчеркнуть, что позиция председателя совнаркома АССР НП В. Курца была отличной от политики профсоюзов на концессионных предприятиях, определяемой государственными установками, сводившими ее только к «защите экономических интересов рабочих и их клас-

²⁰ ГИА НП, ф. 849, оп. 3 о/д., д. 12, л. 90.

²¹ Там же. Ф. 998, оп. 2 о/д., д. 28, л. 39 об.

²² Там же.

совому воспитанию». На концессиях органы власти не требовали организации производственных совещаний, не вели кампании за повышение производительности труда только потому, что концессионер воспринимался как «открытый классовый враг – капиталист, преследующего только одну цель – получить побольше прибыли ...»²³.

В то же время решение концессионерами социально-трудовых вопросов способствовало эффективному развитию концессий. Экономические и социальные результаты функционирования концессий, выразившиеся в материальном благосостоянии советских рабочих и служащих, свидетельствовали о социальной ответственности концессионеров за повышение уровня жизни советских рабочих и обеспечивались государственной политикой.

Однако советское руководство не смогло эффективно использовать преимущества концессионного капитала в целях сокращения численности безработных в стране, взяв курс в конце 1920-х гг. на ликвидацию многоукладной экономики, свертывание новой экономической политики и ее составной части – концессионной политики. В общественном сознании советского населения все более настойчиво внедрялась мысль о невозможности существования концессий в условиях обобществленного хозяйства, об их неэффективности и «вредности». В 1926/1927 г. был расторгнут концессионный договор с «Нансен», в 1927/1928 г. – с «Друаг», в 1929/1930 г. – с концессией «Немволбанк»²⁴.

Преодолеть тяжелейший кризис в отечественной промышленности в начале 1920-х гг. предполагалось различными мерами, в том числе и путем приглашения иностранных рабочих и специалистов для передачи производственных знаний, выполнения технологических и строительных проектов. Первые группы иностранных рабочих прибыли в РСФСР в 1920 г., до принятия постановлений СНК РСФСР об организации переселения в Россию квалифицированных иностранных рабочих и специалистов из Норвегии, Швеции и Германии. Однако организация трудоустройства иностранной рабочей силы не была продумана. Так, первым норвежским рабочим, приехавшим в Петроград из Норвегии 27 апреля 1920 г., до 31 июля 1920 г. не была предоставлена работа. Председатель исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев констатировал в своем письме народному комиссару финансов РСФСР Н. Н. Крестинскому: «рабочие голодны, оборваны, больны, озлоблены, хотят возвращаться на родину, чтобы там рассказать о наших советских "порядках"»²⁵.

Организованный набор иностранных рабочих и специалистов в советскую Россию начался с середины 1920-х гг. Экономические иммигранты использовались во многих отраслях народного хозяйства с целью передачи производственного опыта, поднятия производительных сил страны.

Интенсивная иностранная помощь требовалась для реализации грандиозных планов индустриализации, поскольку советские рабочие не обладали соот-

²³ Буянов В. А. О работе профсоюзов на частных и концессионных предприятиях. М., Л., 1927. С. 21–22.

²⁴ См.: Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. С. 411.

²⁵ Письмо Г. Е. Зиновьева к Н. Н. Крестинскому // Источник. 1998. № 4. С. 122–123.

ветствующей квалификацией, трудовой дисциплиной. Немецкий инженер В. Келлен в записке к заместителю торгпреда СССР в Германии С. Б. Жуковскому в 1928 г. указывал, что у советских рабочих «дисциплина чрезвычайно слаба, люди расхаживают, стоят, сидят, приходят, уходят, не зная, зачем собственно они это делают»²⁶.

В Нижнее Поволжье первые иностранные рабочие и специалисты были приглашены в конце 1920-х гг. из Соединенных Штатов Америки для строительства Сталинградского тракторного завода. Примечательно, что тракторный завод вначале был сооружен в США, размонтирован, затем перевезен в Сталинград и собран под наблюдением американских специалистов²⁷. Иностранные рабочие и специалисты трудились в Сталинграде на тракторном заводе, «Красном Октябре», «Баррикадах». Всего в начале 1930-х гг. на предприятиях Сталинграда насчитывалось более 300 иностранных рабочих и специалистов²⁸.

Формы набора иностранных рабочих на советские предприятия были различными: легальными – как правило, с заключением договоров сроком на один год; нелегальными – вербовка в качестве туристов, группами или индивидуально. Вербовали иностранных граждан не планово, однако преимущественное право для иммиграции в Советскую Россию предоставляли квалифицированным рабочим с опытом и стажем.

Большой удельный вес среди прибывающей в СССР иностранной рабочей силы составили немецкие рабочие и специалисты. Германия, как отмечалось выше, лидировала и по количеству концессионных предложений. Немецкие ученые цитировали распространенное в Германии после Первой мировой войны мнение о том, что экономические отношения с Россией будут восстановлены, несмотря ни на какие политические изменения. Российская экономика казалась прямым дополнением немецкой. Германия, небогатая собственными природными ресурсами, зависела от сырьевых стран. Новая Россия наверняка была заинтересована в продуктах немецкой промышленности и могла оплатить их экспортным сырьем, русские дети должны становиться рабочими, инженерами, техниками, используя немецкие материалы, – в этом были убеждены немецкие предприниматели, инвестировавшие свой капитал в российскую экономику. Заинтересованность Германии в сотрудничестве с СССР объяснялась традиционным убеждением в комплиментарности двух экономик. Также Германию и Советскую Россию объединяло желание выйти из внешнеполитической изоляции²⁹.

²⁶ «Виденное мной более или менее характерно для всей страны» // Источник. 1998. № 4. С. 132.

²⁷ См.: *Парамонов В. Н.* Советская индустриализация в 1920–1940-х гг.: нижевожский вариант // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения акад. Д. С. Лихачева. Волгоград, 2006. С. 165.

²⁸ ЦДНИВО, ф. 71, оп. 1, д. 4, л. 27.

²⁹ См.: *Beitel W., Nötzold J.* Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik. Baden-Baden, 1979. S. 23, 51, 55, 56.

В отличие от Сталинградского тракторного завода, «предприятия американского типа и происхождения», в оборудовании которого участвовало более 80 американских машиностроительных компаний и несколько германских фирм³⁰, на металлургических сталинградских предприятиях преобладали немецкие рабочие и специалисты³¹.

Тем не менее, передача производственно-технических знаний иностранными специалистами советским рабочим на заводах «Баррикады» и «Красный Октябрь» была организована неэффективно. «Недостаточное использование иностранных рабочих и специалистов по специальностям», «недостаточный учет и использование [их] производственных предложений», трудности в решении жилищных вопросов, недостаточное снабжение иностранных работников и членов их семей, «неправильную оплату труда» неоднократно отмечали участники заседаний Сталинградского городского комитета ВКП(б) в 1931–1932 гг.³². На Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) наблюдались несвоевременная выплата заработной платы американским рабочим и специалистам, долгое по времени рассмотрение рационализаторских предложений иностранных рабочих и специалистов. Например, в столярном цехе СТЗ предложение об экономии 30% рабочей силы изучалось цеховой администрацией шесть месяцев³³.

К тому же, условия соглашений об оплате труда и предоставлении временного жилья иностранным рабочим были неодинаковыми. Разница определялась квалификацией конкретного рабочего и его необходимостью для определенной отрасли народного хозяйства СССР.

Примечательно, что невыполнение взятых Советским правительством на себя обязательств в отношении иностранных рабочих и специалистов в вопросах оплаты труда, жилья, снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости, в том числе и на сталинградских предприятиях³⁴, игнорирования их рационализаторских предложений привело к тому, что немало число недовольных и обманутых иностранцев разочаровывалось в СССР как в государстве социальной справедливости и равенства³⁵, стремилось к возвращению на родину уже в первой половине 1930-х гг.

Таким образом, привлечение иностранного капитала в форме концессий, иностранных рабочих и специалистов в советскую Россию, ее регионы, в частности в Нижнее Поволжье, в 1920–1930-е гг. было связано с необходимостью подъема производительных сил страны и повышения благосостояния населения. При этом допущение частного капитала в национальную экономику, предоставление помощи по оздоровлению сельского хозяйства и промышленности

³⁰ См.: *Парамонов В. Н.* Указ. соч.

³¹ ЦДНИВО, ф. 71, оп. 1, д. 58, л. 4.

³² Там же. Д. 118, л. 1, д. 100, л. 42-42 об., 263 об. – 264.

³³ Там же. Д. 100, л. 75 об., 6.

³⁴ Там же. Д. 58, л. 132; д. 118, л. 1, 2; д. 100, л. 30.

³⁵ См.: *Журавлев С. В.* Указ. соч. С. 196; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998. С. 138 и др.

Нижнего Поволжья иностранными рабочими и специалистами оказались ограниченными и временными. Тем не менее, деятельность концессионеров, участие иностранных рабочих и специалистов в восстановлении и модернизации экономики Нижнего Поволжья и страны в целом способствовали обеспечению занятости советского населения, преодолению безработицы, передаче западных новейших технологий, оборудования и производственного опыта, развитию социокультурной среды как на концессионных, так и государственных предприятиях.

Учреждения военного плена в Поволжье в 1941-1954 гг.

В годы Великой Отечественной войны и после нее в Поволжье¹ была создана разветвленная сеть учреждений военного плена. Всего на территории Поволжского экономического района в разное время было создано 32 управления лагерей для военнопленных и интернированных различного назначения², 20 специальных госпиталей, пять отдельных рабочих батальонов военнопленных НКО-МВС СССР и пять рабочих батальонов интернированных иностранных граждан. Для руководства ими в составе НКВД республик и УНКВД областей были созданы отделы (Татарская АССР, Сталинградская и Саратовская области) и отделения (Башкирская АССР, Астраханская, Куйбышевская и Пензенская области) по делам о военнопленных и интернированных. Общее руководство деятельностью всеми учреждениями военного плена в Советском Союзе возлагалось на Управление (с января 1945 г. – Главное управление) НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР)³.

Первый лагерь (начальник – полковник И. П. Воронов⁴) был развернут в августе 1941 г. в г. Елабуга Татарской АССР на правом берегу Камы на территории бывшего военного городка и в бывшем монастыре⁵. В лагерь поступали захваченные в плен солдаты противника с различных участков фронта. По состоянию на 15 декабря 1941 г. в лагере содержался 1821 чел., в том числе 160 офицеров торгового флота, 1653 рядовых и унтер-офицеров и восемь человек гражданских лиц, из них 1298 немцев, 351 румын, 37 финнов, 19 венгров и 116 чел. других национальностей⁶.

13 января 1942 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия подписал циркуляр № 5 об использовании всех трудоспособных военнопленных на работах в промышленности. Согласно этому документу 1821 военнопленный Елабужского лагеря переводились в Спасо-Заводский лагерь Казахской ССР для

¹ В состав Поволжья, Поволжского экономического района в рассматриваемый период входили Астраханская (с декабря 1943 г.), Волгоградская, Куйбышевская, Пензенская, Саратовская и Ульяновская области, Башкирская, Калмыцкая (до декабря 1943 г.) и Татарская АССР. На территории Калмыкии лагерей НКВД СССР для военнопленных не существовало.

² Наряду с ними в Башкирской АССР в период с марта по ноябрь 1945 г. функционировали два лагерных отделения в г. Уфа и поселке Сорви Бирского района лагеря № 130, управление которого находилось в Челябинской области в г. Аша. Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). (См.: Путеводитель. М., Дрезден, Бонн, Кассиль, 2008. С. 78, 79).

³ Военнопленные в СССР. Т. 1. С. 120–121.

⁴ Полковник Воронов И. П. в августе 1942 г. возглавил Красногорский лагерь-распределитель для военнопленных № 27, с мая 1943 г. по апрель 1946 г. являлся заместителем начальника ГУПВИ НКВД СССР. (См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 1063).

⁵ РГВА, ф. 1п, оп. 23а, д. 1, л. 3.

⁶ Военнопленные в СССР. Т. 4. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952. Отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 237.

использования на погрузке угля в тресте Карагандауголь Наркомата угольной промышленности СССР⁷. В последующем 24 февраля 1943 г. Елабужский лагерь «как не отвечающий своему назначению» был упразднен⁸.

В 1942 г. на территории Поволжского экономического района был создан только один лагерь для военнопленных – Фроловский в Сталинградской области. До августа 1942 г. это учреждение обслуживало Южный фронт и являлось лагерем специального назначения для содержания освобожденных из плена или вышедших из окружения бывших военнослужащих Красной Армии. По распоряжению НКВД СССР от 10 августа лагерь передавался для размещения взятых в плен солдат противника. С 20 января 1943 г. лагерь, получивший № 50 и статус лагеря-распределителя Донского фронта, передислоцируется во Фролово Сталинградской области⁹. 1 марта лагерь придается войскам Южного фронта. В последующем лагерю № 50 дважды меняли профиль. В сентябре 1943 г. лагерь передается из фронтовой в тыловую сеть и становится стационарным¹⁰, а с октября 1944 г. вплоть до ликвидации в ноябре 1945 г. – оздоровительным для ослабленных военнопленных. На 1 января 1943 г. в лагере содержалось 160 чел. Основной поток военнопленных пришелся на первые дни после окончания Сталинградской битвы. По состоянию на 15 февраля 1943 г. в лагере содержалось уже 5400 чел., а всего в 1943 г. в лагерь поступило 9606 человек, из которых 8506 человек убыло, в том числе 3785 чел. в госпитали, 2255 чел. отправлены в другие лагеря, 2430 чел. умерло. К концу года в лагере оставалось 1260 чел.¹¹.

Сталинградская битва стала переломным моментом не только в ходе Великой Отечественной войны, но и в развитии учреждений военного плена. Именно с этого события взятие в плен вражеских солдат становится массовым. Если до 19 ноября 1942 г. в лагеря для военнопленных поступило всего 19782 чел., в том числе в 1942 г. 10635 чел., то на 13 февраля 1943 г. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР учло уже 282451 чел.¹².

Массовый приток военнопленных привел в начале 1943 г. к созданию новых лагерей, в первую очередь в Сталинградской области. 20 января организуется Астраханский лагерь № 60 на 10 тыс. чел. и лагерь-распределитель № 98 в с. Капустин Яр на 3 тыс. чел. для обслуживания Южного фронта¹³. В районе Сталинграда были развернуты приемные пункты, 13 лагерей-распределителей, объединенных 8 февраля Управлением Бекетовского лагеря № 108. Управление возглавил заместитель начальника УНКВД по делам военнопленных капитан

⁷ Военнопленные в СССР. Т. 1. С. 542.

⁸ Там же. С. 564.

⁹ Там же. С. 97.

¹⁰ Стационарными назывались лагеря для военнопленных, расположенные не на базе предприятий как производственные лагеря, а на собственной базе НКВД СССР. Как правило, такие лагеря не имели возможности обеспечить работой всех трудоспособных. В связи с этим в октябре 1944 г. на базе таких учреждений были созданы оздоровительные лагеря.

¹¹ Военнопленные в СССР. Т. 2. С. 171.

¹² Там же. Т. 1. С. 29, 1039.

¹³ Военнопленные в СССР. Т. 1. С. 97. Астраханская область была образована 27 декабря 1943 г.

госбезопасности Смирнов¹⁴. 24 февраля создается Саратовский лагерь производственного назначения на 8 тыс. чел. 1 марта вторично разворачивается Елабужский лагерь № 97 в Татарской АССР для содержания военнопленных офицеров. Саратовский лагерь получил наименование Покровский и № 127. Под военнопленных передается Урюпинский лагерь № 123, в котором до этого содержались бывшие военнослужащие Красной Армии, вышедшие из плена или окружения¹⁵.

Всего на 1 марта 1943 г. в СССР существовало 35 лагерей для военнопленных (четыре для офицеров, 20 для рядового и унтер-офицерского состава и 11 фронтовых приемно-пересыльных¹⁶), из них пять в Сталинградской области и по одному в Татарской АССР и Саратовской области¹⁷.

8 марта НКВД СССР издает приказ о создании в Саратовской области Вольского лагеря № 137 для обеспечения рабочей силой цементных заводов¹⁸. По мере удаления линии фронта на запад в области сокращается число действующих лагерей. В июне 1943 г. ликвидируется Астраханский лагерь № 60, в июле – фронтовой приемно-пересыльный лагерь № 98 в с. Капустин Яр. Отпала необходимость и в других фронтовых приемно-пересыльных лагерях. Лагеря № 50 и № 123 с 26 сентября становятся стационарными. Бекетовскому лагерю № 108 сменили 17 мая статус, он стал первым в области лагерем производственного назначения. Всего в трех лагерях области на 15 декабря 1943 г. находилось 5862 военнопленных¹⁹.

3 июля 1943 г. из-за высокой смертности среди военнопленных был сформирован Покровский лагерь № 127. В этот первый в Поволжье лагерь производственного назначения с 4 по 13 марта из Сталинграда поступило три эшелона военнопленных общим количеством 8007 чел., из которых в пути умерло 1526 чел. За время нахождения в лагере с 15 марта по 1 мая 1943 г. умерло еще 4663 чел. Причинами смерти последних были дистрофия (4326 чел.), обморожение (162 человек), сыпной тиф (54 человек), ранения (23 чел.), другие причины (98 чел.). В живых на 1 мая осталось только 1818 пленных²⁰. Оставшиеся в живых военнопленные были собраны в одно отделение, которое вошло в состав лагеря № 137.

Елабужский лагерь № 97 в Татарской АССР был единственным лагерем в Поволжье для военнопленных офицеров. Первая партия военнопленных офицеров прибыла 16-19 марта из лагерей Сталинградской области в количестве 1095 чел.²¹, из которых 480 чел. болели сыпным тифом и дифтерией, остальные на-

¹⁴ ГА РФ, ф.9401, оп.1а, д.132, л.168–168 об.

¹⁵ Военнопленные в СССР. Т. 1. С.104-105, 564.

¹⁶ Так стали называть лагеря-распределители.

¹⁷ Военнопленные в СССР. Т. 1. С. 103–105.

¹⁸ ГА РФ, ф. 9401, оп.1а, д. 133, л. 114.

¹⁹ РГВА, ф. 47п, оп. 14, д. 5, л. 54, 61.

²⁰ Karner, Stefan: Im Archipel GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941-1956/ Stefan Karner. Wien; Munchen, 1995. S.41.

²¹ Как отмечалось выше, из района Сталинграда в лагерь было направлено 1519 офицеров, следовательно, 424 военнопленных умерло в пути.

ходились в инкубационном периоде заболевания сыпным тифом. Все военнопленные были поражены педикулезом. Чтобы не допустить роста смертности все силы лагеря бросаются на борьбу с эпидемией. Наряду с работниками санитарного отдела лагеря к этой работе были привлечены 40 студентов Елабужской фельдшерско-акушерской школы. Ликвидация эпидемии сыпного тифа и дифтерии позволила лагерю уже с мая 1943 г. принимать другие контингенты военнопленных. Всего за время существования лагеря № 97 через него прошло 8293 бывших солдат вермахта и его союзников, в их числе 56 полковников, 83 подполковника, 395 майоров, 6833 чел. младшего офицерского состава от капитана до лейтенанта, 898 сержантов и рядовых, 19 рабочих из рабочих батальонов и девять интернированных. Они представляли 19 национальностей, из которых 7340 чел. были немцами, 374 румынами, 220 итальянцами, 155 австрийцами, 127 венграми и 77 др. Из общего числа военнопленных 629 чел. (7,6%) умерло²².

В лагере № 97 содержались не только военнопленные офицеры вермахта и его союзников, но и бывшей японской армии, которые начали поступать с декабря 1945 г. Всего к моменту ликвидации лагеря в июле 1948 г. через него прошло 9730 японцев, в том числе один генерал, 165 полковников, 130 подполковников, 373 майора, 8815 младших офицеров от капитана до прапорщика, 114 сержантов и рядовых, 132 интернированных. Смертность среди японских военнопленных была значительно ниже и составила за весь период 83 чел. (0,9%)²³.

Лагерь № 97 не был производственным. Военнопленные обслуживали главным образом себя: заготавливали и вывозили дрова из лесочастьков, работали в подсобном хозяйстве, расчищали от заносов дороги и т.п. Работа военнопленных вне лагеря осуществлялась на добровольных началах. Из наиболее значимых возводимых военнопленными объектов можно назвать железнодорожную ветку Бондюга-Сюгинск. Значительно большее внимание в лагере уделялось политической и культурно-массовой работе среди военнопленных, которая была направлена на преодоление влияния фашистской идеологии, лояльное отношение со стороны военнопленных к Советскому Союзу, рост антифашистов-активистов и прогрессивных демократов среди военнопленных немцев и японцев²⁴.

Создание новых лагерей в 1944 г. на территории Поволжья происходит лишь с лета. В июне создается Приволжский лагерь № 163 с дислокацией управления в северной части г. Сталинграда. Основная задача лагеря состояла в обеспечении рабочей силой строительных организаций (Трест № 4 Наркомавиапрома СССР, Спецтрест № 1 Наркомчермета СССР, Трест № 53 Наркомвооружения СССР, Трест Тракторострой Наркомстроя СССР), осуществляющих восстановление заводов и рабочих поселков «Красный Октябрь», Баррикады» и

²² Военнопленные в СССР. Т. 5. Региональные структуры ГУПВИ НКВД СССР. 1939-1956. Волгоград, 2005. Кн. 1. С.672–673.

²³ Там же. С. 673.

²⁴ Там же. С. 677.

СТЗ. Лимит лагеря, который в момент организации был установлен в 7 тыс. чел., к июню 1945 г. был увеличен до 18 тыс. чел.²⁵

В августе 1944 г. создается Средне-Волжский (Ульяновский) лагерь № 215 с лимитом в 8 тыс. чел.²⁶. Военнопленные этого лагеря обслуживали строительства № 40 и № 60, суконную фабрику, Барышское торфопредприятие, ОСМЧ № 18 и № 38, автомобильный завод им. Сталина, Главприволжавтострой и другие объекты.

В сентябре 1944 г. на базе лагерного отделения лагеря № 108 в г. Астрахани был организован единственный лагерь в Астраханской области № 204 с лимитом 5000 чел.²⁷. 29 октября и 2 ноября сюда прибыло два эшелона из фронтowego приемно-пересыльного лагеря № 33 (Бельцы, Румыния) с 5900 военнопленными. Для их размещения было создано семь лагерных отделений при рыбозаводах им. Трусова, Красина, Крупской, строительстве Астраханской электростанции, судостроительной верфи им. Кирова, Астраханречстрое Наркомата Речного флота и Льдосолькомбинате Волго-Каспийского Госрыбтреста. Военнопленные работали на строительстве электростанции, судостроительной верфи и в судоремонтных мастерских, на рыбозаводах, на Баскунчакских солепромыслах и др. Всего за 1944–1949 гг. военнопленные лагеря выполнили работы на сумму 37609 тыс. руб. За это же время на содержание лагеря было затрачено 45412 руб., т.е. данный лагерь был нерентабельным²⁸.

Во второй половине 1944 г., когда число взятых в плен выросло в несколько раз, в приемные пункты военнопленных и фронтвые приемно-пересыльные лагеря поступало большое число ослабленных, направлять которых в спецгоспитали не было необходимости, а в производственные лагеря – не целесообразно. Для быстреего восстановления их трудоспособности в октябре 14 стационарных лагерей НКВД СССР реорганизуются в специальные оздоровительные лагеря. В их числе были и два лагеря Сталинградской области – Фроловский № 50 и Урюпинский № 123.

В оздоровительных лагерях и лаготделениях устанавливался особый режим содержания, питания и лечения, обеспечивающие более быстрое восстановление трудоспособности человека. Теперь всех ослабленных из ФППЛ предписывалось направлять только в оздоровительные лагеря. После восстановления физического состояния пленные переводились в производственные лагеря²⁹.

В ноябре 1944 г. в Поволжье были созданы еще три лагеря: Саратовский № 238 в Саратовской области, Зеленодольский № 119 в Татарской АССР и Ин-

²⁵ ГА РФ, ф. 9401. оп. 1а, д. 160, л. 30; РГВА, ф. 1п, оп. 37а, д. 3. л. 77.

²⁶ По состоянию на 1 ноября 1944 г. в лагере содержалось 2630 чел. (См.: РГВА, ф. 1п, оп. 11а, д. 4. л. 137).

²⁷ К 1 ноября 1944 г. в лагере содержалось 584 военнопленных. К 1 января 1945 г. контингент лагеря вырос до 5604 чел., в числе которых было 2675 немцев, 2537 румын, 255 австрийцев и 137 чел. других национальностей. За период своего существования лагерь принял 17572 военнопленных.

²⁸ Военнопленные в СССР. Т. 5. Кн. 1. С. 725–739.

²⁹ ГА РФ, ф. 9401. оп. 1, д. 707, л. 295–296.

зерский № 208 в Башкирской АССР. Лагерь № 238 был организован на базе лагерного отделения № 6 лагеря № 137, который обслуживал строительство завода им. Урицкого Главвоенстроа в г. Энгельс. В декабре управление лагеря было переведено в г. Саратов (остановка «8-я Дачная»), где было создано три лагерных отделения, обслуживающих строительство сажевого завода, государственный подшипниковый завод и другие строительные организации и предприятия. К лету 1945 г. в составе лагеря значилось уже 15 лагерных отделений. Численность лагеря выросла с 3178 чел. в конце 1944 г. до 12492 чел. в июне 1945 г.³⁰.

Зеленодольский лагерь № 119 имел лагерные отделения в городах Зеленодольск, Казань, Вятские Поляны, Елабуга, с. Сюкеево. Военнопленные выполняли строительно-монтажные и эксплуатационные работы на предприятиях и стройках вышеназванных населенных пунктов. Если в январе 1945 г. в лагере содержалось 744 военнопленных, то в январе 1946 г. – 2076 чел., в сентябре – 5517 чел., в той числе 3419 офицеров, включая одного японского генерала и пятидесяти японских офицеров³¹.

Инзерский лагерь № 208 был создан в составе трех лагерных отделений с лимитом 3 тыс. чел. Контингент лагеря выполнял строительные и эксплуатационные работы на Белорецком металлургическом комбинате, строительстве Карламанского сахарного завода, Инзерском леспромхозе, ОУВС НКВД Приволжского округа и других предприятиях. Лагерь просуществовал всего три месяца и в начале марта 1945 г. был реорганизован в лагерь для содержания интернированных (арестованных) немцев группы «Б»³² под № 508. Лагерь имел семь отделений с лимитом по тысяче человек каждое³³.

³⁰ Военнопленные в СССР. Т.5. Кн. 1. С. 705.

³¹ Острый недостаток рабочих рук, постоянное давление со стороны правительства заставили НКВД изыскивать дополнительные трудовые ресурсы. В январе 1946 г. в лагерях содержалось 82 тыс. военнопленных офицеров бывшей германской армии. Лишь около 5 тыс. чел. из них добровольно работали и использовались в качестве командиров подразделений, взводов, рот, на инженерно-технических должностях и т.п. Попытка работников лагерей привлечь остальных добровольно к труду не дала желаемого результата. В связи с этим 15 января ГУПВИ внесло на имя С. Н. Круглова предложение привлечь к труду офицеров бывшей германской армии до капитана включительно. Взвесив все "за" и "против" С. Н. Круглов 19 февраля в нарушение Положения о военнопленных подписал директиву "О привлечении к труду военнопленных бывших офицеров немецкой национальности бывшей германской армии, имевших воинское звание от младшего лейтенанта до капитана включительно". Основанием для ее издания послужил приказ НКВД СССР от 2 ноября 1945 г. "О лишении права ношения знаков различия и знаков отличия военнопленных германской армии". За пленными офицерами сохранили офицерский паек, в вопросах трудового использования они были приравнены к военнопленным рядового состава. (См.: РГВА, ф. 1п, оп. 15а, д. 120, л. 28–61; *Судоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 212).

³² В соответствии с постановлением ГКО от 3 февраля 1945 г. № 7467сс в СССР были вывезены арестованные немцы из числа руководителей низовых нацистских партийных и административных органов (интернированные группы «Б»). Всего таких лиц в СССР в 1945–1946 гг. прибыло 66152 чел. (См.: РГВА, ф. 1п, оп. 01е, д. 46, л. 252–253). По состоянию на 20 января 1950 г. по данным МВД из поступивших на территорию Советского Союза 66152 интернированных группы «Б» на родину выехали 36943 чел., умерло 25732 чел. (38,9%), для дальнейшего содержания было оставлено 3468 чел. (См.: РГВА, ф. 1п, оп. 01е, д. 46, л. 253).

Положение интернированных группы «Б» в лагерях НКВД СССР мало чем отличалось от положения военнопленных. НКВД СССР существующие нормы по содержанию, материальному и санитарному обеспечению, трудовому использованию, продовольственному и вещевому снабжению военнопленных распространил на интернированных группы «Б». Беременных женщин полагалось довольствовать по норме для ослабленных военнопленных с дополнительной выдачей 400 г. молока в сутки. Специальные нормы выдачи продовольствия были установлены для детей интернированных в возрасте от года до 12 лет³⁴.

До окончания Великой Отечественной войны в Поволжье в 1945 г. было создано еще два лагеря. История обоих лагерей оказалась короткой. Так в феврале 1945 г. создан Пензенский № 161 с лимитом 5 тыс. чел. Контингент лагеря предназначался для работы на строительстве заводов № 50 НКМВ, № 807 Наркомавиапрома, суконной фабрике и тресте совхозов. Уже в сентябре 1945 г. лагерь был ликвидирован в связи с прекращением завоза военнопленных и в целях улучшения организационной структуры лагерей, расположенных в Пензенской области. Военнопленные были переданы на укомплектование созданного в июле 1945 г. Пензенского лагеря № 399³⁵.

В самом конце войны 5 мая вышел приказ НКВД СССР о создании Мелекесского лагеря № 202 в Ульяновской области с лимитом 7 тыс. чел. Однако военнопленные в этот лагерь не завозились, а в августе 1945 г. в связи с неподготовленностью жилого фонда лагерь был ликвидирован, а личный состав и имущество переданы на укомплектование Ульяновского лагеря № 215³⁶.

После окончания Великой Отечественной войны применение труда военнопленных в Советском Союзе приобрело наибольший размах. Это стало возможным в результате достигнутых договоренностей Великобритании, СССР, США и Франции по отношению к бывшим военнопленным армий противника. Декларация о поражении Германии, подписанная 5 июня 1945 г., позволяла объявлять военнопленными личный состав всех частей вооруженных сил Германии или находящихся под германским контролем. В результате миллионы военнопленных оказались в руках союзников³⁷.

4 июня 1945 г. ГКО принял постановление № 8921сс «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». НКВД СССР обязывалось направить 2100 тыс. военнопленных (с учетом ранее выделенных) для трудового использования на работах различных наркоматов и ведомств. Во исполнение постановления ГКО Л. П. Берия 15 июня 1945 г. подписал приказ № 00698, в котором были определены мероприятия по размещению военнопленных, подъему про-

---

В это число входили осужденные, находившиеся под следствием или работавшие на секретных объектах интернированные. Их возвращение на родину растянулось до 1955 г.

³³ РГВА, ф. 1п, Оп, 3 г., д. 1, л. 195 об.

³⁴ Там же. Оп. 21а, д. 7, л. 56; ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 184, л. 247–248.

³⁵ ГА РФ, ф. 9401, оп. 1 а, д. 174, л. 145–145 об., д. 180, л. 200–200 об.

³⁶ Там же. Д. 176, л. 309–309 об, д.180, Л. 53.

³⁷ См.: *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. С. 162.

изводительности их труда и максимальному выводу военнопленных на объекты работ народного хозяйства страны³⁸.

Численность военнопленных в Советском Союзе стала быстро расти. Не обошел этот процесс и Поволжье. В это время расширяются существующие, создаются новые лагеря. По сравнению с ноябрем 1944 г. число военнопленных увеличилось более чем в два раза и составило 101877 чел. Вместе с тем доля военнопленных в Поволжье за этот же период уменьшилась с 8,66% до 5,75% и практически не менялась до 1948 г. Наибольшее число военнопленных (около 35 тыс. чел.) было сосредоточено в Сталинградской области как наиболее пострадавшей от боевых действий. Существенной была доля военнопленных, поступивших в Саратовскую, Куйбышевскую и Пензенскую области (см. таблицу №1)

Таблица № 1.

Численность военнопленных в Поволжье в 1944–1948 гг.³⁹.

Республика, область	Число военнопленных на		
	01.11.1944 г.	01.04.1946 г.	10.05.1948 г.
Башкирская АССР	–	4129	7349
Татарская АССР	5008	9799	4588
Астраханская область	584	3930	2338
Куйбышевская область	3711	13060	8064
Пензенская область	-	11467	7417
Саратовская область	3975	22759	9128
Сталинградская область	27545	34734	12939
Ульяновская область	2630	1999	1798
Итого	43453	101877	53621
Всего военнопленных в СССР	501987	1770978	936974
В процентах от всех военнопленных	8,66	5,75	5,72

Всего в 1945 г. было создано 16 лагерей, столько же, сколько в 1941–1944 гг. В мае появился Черниковский лагерь № 319 в Башкирской АССР и Ртищевский № 338 в Саратовской области; в июне – Чистопольский № 373, Шеморданский № 374 и Буинский № 375 в Татарской АССР, Отваженский № 358 в Куйбышевской области, Комбайновский № 368 и № 370 в Саратовской области, Приволжский № 361 и Краснооктябрьский № 362 в Сталинградской области.

Последними в Поволжье приказом НКВД от 27 июля были созданы четыре лагеря, контингент которых должен был работать на строительстве и реконструкции автомобильных дорог: Пензенский № 399 в Пензенской области, Сызранский № 400 в Куйбышевской области, Татищевский лагерь № 408 в Саратовской области и Камышинский лагерь № 409 в Сталинградской области.

³⁸ Военнопленные в СССР. Т. 1. С. 610–612.

³⁹ Таблица составлена и подсчитана автором по данным: ГА РФ, ф. 9401, оп. 1, д. 2434, л. 30–53; РГВА. ф. 1п, оп. 11а, д. 4, л. 136–137, оп. 23, д. 4, л. 39–53.

За годы Великой Отечественной войны в СССР подорванными и разрушенными оказались 91 тыс. км шоссейных дорог, большое количество мостов. Без восстановления транспортных артерий ни о каком успешном развитии народного хозяйства страны и речи быть не могло. Поэтому реконструкции и строительству автомобильных дорог руководство СССР уделяло особое внимание⁴⁰. Постановлением ГКО от 4 июня 1945 г. № 8921сс «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных» Гушосдору НКВД СССР для строительства новых и реконструкции существующих дорог было выделено 400 тыс. чел. пленных вражеских солдат. К приему такого числа работников Гушосдор оказался не готовым. Всего к 1 ноября 1945 г. было организовано 34 лагеря Гушосдора, куда было завезено свыше 150 тыс. военнопленных, поступивших главным образом с бывших фронтов или из ликвидированных лагерей.

Содержание контингента в наспех созданных лагерях было неудовлетворительным. Для обустройства лагерей требовались строительные материалы, стекло, гвозди, автотранспорт, которые Гушосдор практически не выделял. Организация труда военнопленных находилось на самом низком уровне. Из имеющихся в лагерях 153 тыс. чел. по заявкам дорожных управлений по состоянию на 1 декабря на строительство дорог выводилось лишь 67 тыс. чел.⁴¹.

Существующая внутренняя организация военнопленных в лагерях не отвечала задачам их трудового использования, поэтому в октябре в составе отделений лагерей Гушосдора были сформированы дорожно-строительные батальоны численностью в 750-1000 чел. каждый, место дислокации которых определялось производственной необходимостью⁴². 31 декабря 1945 г. НКВД СССР издало приказ № 001557, в соответствии с которым происходит переформирование существующих управлений лагерей НКВД для военнопленных на строительстве автомобильных дорог Гушосдора по линейному принципу. Теперь каждый из вновь сформированных лагерей был закреплен за отдельным управлением строительства. Во главе лагерей встали начальники соответствующих строителей Гушосдора. Этот же принцип был распространен и на структурные подразделения. Отделения лагерей закреплялись за дорожно-строительными районами (ДСР), начальники которых одновременно являлись и руководителями лагерных отделений. В соответствии с приказом № 001557 начальники управлений строителей – начальники лагерей территориально стали подчиняться НКВД-УНКВД республик, краев или областей, на которые был возложен контроль «за размещением, трудовым использованием, охраной, режимом и оперативно-чекистским обслуживанием военнопленных».

---

⁴⁰ С 1935 г. управление автомобильным транспортом в Советском Союзе находилось в руках НКВД СССР, в состав которого входило Главное управление шоссейных дорог (Гушосдор). Оно ведало строительством и обслуживанием дорог союзного значения. Строительство, ремонт и содержание остальных дорог осуществляли республиканские наркоматы автомобильного транспорта, образованные 20 мая 1939 г.

⁴¹ РГВА, ф. 1п, оп. 15а, д. 1, л. 24.

⁴² ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 181, л. 337.

Всего на базе ранее существующих было организовано 19 управлений лагерей на 254500 чел. В их число попали и два управления лагерей, расположенных в Поволжье: Пензенский № 399 (лимит – 20 тыс. чел.) и Татищевский № 408 (лимит – 12500 чел.). Управления лагерей № 400 в Куйбышевской области и № 409 в Сталинградской области наряду с другими 14 управлениями лагерей были расформированы, а военнопленные переведены на усиление оставшихся лагерей⁴³.

В связи с освобождением на фронтах значительного количества военнопленных и невозможностью обеспечить контингентом все созданные лагеря в СССР летом 1945 г. были расформированы ряд лагерей. В их числе 30 августа были расформированы лагеря № 373, № 374 и № 375 в Татарской АССР⁴⁴. В конце сентября в связи с прекращением завоза военнопленных, а также в целях улучшения организационной структуры лагерей, расположенных на территории Пензенской области ликвидируется Пензенский лагерь № 161. Личный состав лагеря, военнопленные и имущество передано на укомплектование лагеря № 399⁴⁵.

В октябре 1945 г. после завершения проверки интернированных группы «Б» и вывоза последних расформировано управление лагеря № 508 в Башкирской АССР. Перед этим в сентябре одно отделение этого лагеря вместе с интернированными передано в состав лагеря № 319⁴⁶.

В ноябре после выполнения своей задачи ликвидируются оздоровительные лагеря № 50 и № 123 в Сталинградской области⁴⁷. Выздоровливающие военнопленные названных лагерей до момента перевода в производственные подразделения также привлекались к работам в подсобном хозяйстве, мастерских по изготовлению заказов предприятий, выполняли строительные, сельскохозяйственные и другие работы.

В декабре 1945 г. вышел приказ НКВД СССР о ликвидации управления лагеря № 358 в с. Отважное Куйбышевской области. Очевидно, по каким-то причинам лагерь не был расформирован сразу после приказа. По состоянию на 10 апреля 1946 г. в лагере продолжали содержаться 2518 чел., в том числе 15 офицеров, 984 унтер-офицеров и 1519 рядовых. Военнопленные этого лагеря работали на объектах Особстроя СССР⁴⁸.

В 1946 г. количество лагерей продолжает сокращаться. В феврале ликвидирован Энгельский лагерь № 370 в Саратовской области из-за неподготовленности последнего к содержанию военнопленных в зимних условиях. Два лагерных отделения (№ 1 и № 2) переданы в состав лагеря № 368. Военнопленные ликвидированного лагеря выполняли строительно-ремонтные, эксплуатацион-

⁴³ ГА РФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, т. 4, л. 715–715 об.

⁴⁴ РГВА, ф. 1п, оп. 3г, д. 1, л. 95, 172, 176.

⁴⁵ Там же. Оп. 37а, д. 3, л. 77, оп. 3г, д. 1, л. 224 об.

⁴⁶ Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). С. 78.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 182, л. 210.

⁴⁸ Там же. Оп. 1, д. 2434, л. 34; РГВА, ф. 1п, оп. 3г, д. 1, л. 281 об.

ные и горные работы на заводе им. Урицкого, заводе № 45, сланцевых рудниках, текстильной фабрике, ОСМУ № 23, УВСП № 261 и других предприятиях⁴⁹.

В конце апреля в связи с консервацией строительства автомобильной дороги Сталинград-Саратов-Пенза расформирован Татищевский лагерь № 408 Саратовской области. Четыре отделения лагеря располагались в с. Татищево на 2600 чел., г. Петровское на 2800 чел., г. Саратов на 2100 чел., с. Пудовкино на 2600 чел. и с. Grimm на 2600 чел. По состоянию на 10 апреля 1946 г. в лагере содержалось всего 848 чел., в том числе 31 офицер, 672 унтер-офицера и 140 рядовых⁵⁰.

Расформирование лагеря № 408 по времени совпало с созданием Особого дорожно-строительного корпуса (ОДСК) МВД СССР. На него возлагались задачи строительства важнейших автомобильных дорог и мостов по заданию МВД и подготовки квалифицированных кадров дорожного и мостового строительства. Строительство осуществлялось соединениями и частями, входящими в состав корпуса, приданной рабочей силой (воинские части, военнопленные, спецконтингент), гражданскими организациями и вольнонаемным составом на договорных началах. За качеством работ технический надзор осуществлял Гушосдор МВД СССР⁵¹.

В состав ОДСК входили четыре дорожно-строительные дивизии и центральная лесобаза. По состоянию на 10 мая 1948 г. в корпусе находилось 11423 военнопленных⁵². Первая дорожно-строительная дивизия МВД дислоцировалась в Башкирской АССР, в ней находилось 4212 военнопленных, в том числе 263 офицера и 3949 унтер-офицеров и рядовых⁵³. Дивизия осуществляла строительство дорог для нефтяной промышленности СССР.

В июне 1946 г. в целях сокращения организационных расходов в Сталинграде произведено укрупнение лагерей. Управления лагерей № 163 и № 361 ликвидированы, все десять лагерных отделений лагеря № 361 переданы в состав управления лагеря № 108, четыре лагерных отделения лагеря № 163 вошли в состав лагеря № 362⁵⁴.

В августе 1946 г. расформировано управление лагеря № 319 в Башкирской АССР. Семь лагерных отделений подчинены непосредственно УПВИ НКВД Башкирской АССР. Последнее лагерное отделение в Башкирской АССР в г. Черниковске было ликвидировано в апреле 1949 г.

В 1947–1950 гг. в связи с сокращением численности военнопленных, выполнением поставленных задач происходит дальнейшее уменьшение количества лагерей в Поволжье. В 1947 г. одним приказом в июле ликвидированы два лагеря в Саратовской области: № 338 и № 368. Военнопленные лагеря № 338 использовались главным образом на строительстве первого магистрального газопровода в СССР Саратов – Москва, трассы Саратов – Аткарск и других объ-

⁴⁹ ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 196, л. 26–26об.

⁵⁰ Там же. Д. 205, л. 260, оп. 1, д. 2434, л. 36. оп. 12. д. 205, т. 10, л. 715.

⁵¹ Там же. Д. 197, л. 119–122.

⁵² Подсчитано автором по данным: РГВА. ф. 1п, оп. 23а, д. 4, л. 40, 44, 45, 51, 57.

⁵³ Там же. Л. 45.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 9401. оп. 1а, д. 198. л. 160.

ектах. Контингент лагеря № 368 в 1946 г. выделялся для выполнения работ на предприятия и стройки 40 организаций. Наиболее крупными партиями военнопленные работали на Саратовском государственном подшипниковом заводе Минавтопрома (843 чел.), заводе «Серп и молот Минавтопрома (655 чел.), СМУ № 23 МАП (470 чел.), заводе «Крекинг» МНП (339 чел.), тресте «Сарпромстрой» Министерства строительства топливных предприятий (413 чел.), Сарлесокombинате Минлеспрома (332 чел.), заводе № 180 Минтрансп.маштр (371 чел.), заводе № 45 «Коммунист» Минтяжмаша (377 чел.), УВСП № 261 Мин.стр.воен.и в/мор.пр, (395 чел.)⁵⁵.

В апреле 1948 г. в связи с малочисленностью контингента расформировано управление Вольского лагеря № 137. Четыре лагерных отделения переданы в лагерь для военнопленных № 238. Военнопленные выполняли работы главным образом на вольских цементных заводах «Красный Октябрь», «Большевик», «Коммунар», экстрактно-дубильном заводе «Пионер» и др. предприятиях г. Вольска и области. Удельный вес военнопленных в общем балансе рабочей силы в 1947 г. составил по заводам «Красный Октябрь» – 37%, «Комсомолец» – 26%, «Металлист» – 27%, «Большевик» – 37%, «Коммунар» 40%, шиферному заводу – 24%. Этот лагерь был рентабельным. За 1943–1948 гг. валовая сумма выработки военнопленных составила 52565 тыс. руб., фактические расходы на содержание лагеря – 47 078 тыс. руб., в доход государства сдано 5487 тыс. руб.⁵⁶.

В июле 1948 г. в связи с репатриацией военнопленных расформирован офицерский лагерь № 97⁵⁷. 110 военнопленных, находившиеся в г. Казани, переданы лагерю № 119⁵⁸. В том же месяце ликвидирован Ульяновский лагерь № 215. По состоянию на 10 мая 1948 г. в лагере оставалось 1 798 чел., в том числе 18 офицеров, 1780 унтер-офицеров и рядовых⁵⁹.

Последним в 1948 г. в августе был расформирован Астраханский лагерь № 204. Всего этот лагерь принял 17572 военнопленных, из которых 3812чел. (21,7%) умерло. К моменту ликвидации лагеря в трех отделениях находилось 1340 военнопленных⁶⁰.

В августе 1948 г. лагерь № 108 был реорганизован в режимный для содержания 8 тыс. находящихся на особом учете военнопленных, труд которых использовался на строительстве Волго-Донского судоходного канала. В этот лагерь был направлен так называемый «подучетный»⁶¹ контингент из лагерей Грузии, Азербайджана, Армении, Татарской АССР, Краснодарского края, Кры-

⁵⁵ См.: ГА РФ, ф. 9401. оп. 1а, д. 178, л. 44–45; РГВА, ф. 1п, оп. 4и, д. 5.

⁵⁶ Военнопленные в СССР. Т. 5. Кн. 1. С. 698–704.

⁵⁷ По состоянию на 10 мая 1948 г. в лагере № 97 содержалось 2740 японцев, в том числе 2732 офицера.

⁵⁸ Военнопленные в СССР. Т. 5. Кн. 1. С. 680.

⁵⁹ РГВА, Оп.23а, д. 4, л. 45, оп. 3 г, д. 1, л. 14 об.

⁶⁰ Посчитано автором по данным: Военнопленные в СССР. Т. 5. Кн. 1. С. 726–728.

⁶¹ «Подучетники» – военнопленные, взятые на оперативный как лица, совершавшие зверства и другие преступления на оккупированной территории, или по формальным признакам (служба в СС, СА, СД, гестапо, членство в НСДАП, «Гитлерюгенд» и т.п.).

ма, Куйбышевской, Саратовской и других областей. Все ранее существующие отделения лагеря передавались в состав лагеря № 362, а в составе режимного лагеря № 108 было создано четыре новых отделения, два из которых на 6400 чел. находилось в Красноармейском районе Сталинградской области и два на 1600 чел. в Ростовской области в х. Жирново Тацинского района и с. Богдановка Каменского района. По состоянию на 1 февраля 1949 г. в лагере находилось 4562 осужденных военнопленных. За 1949 г. на строительство канала было дополнительно завезено 5549 чел.⁶²

В 1949 г. в июле и августе были расформированы управления лагерей № 119 в Татарской АССР и № 234 в Куйбышевской области. За время существования лагеря № 119 (1944–1949 гг.) заработок военнопленных составил 38466,5 тыс. руб. Значительно выше были результаты лагеря № 234, в котором бывшие солдаты противника заработали 130551 тыс. руб., расходы же на содержание лагеря составили 116793 тыс. руб. В доход государству сдано 13 млн. 757 тыс. руб.⁶³

В начале 1950 г. завершается репатриация иностранных военнопленных на родину. В январе в Поволжье ликвидируются три лагеря: Пензенский № 399, Саратовский № 238 и Бекетовский № 108.

Военнопленные Пензенского лагеря № 399 осуществляли главным образом строительство и реконструкцию дорог Москва – Нижний Ломов и Нижний Ломов – Куйбышев, Москва – Харьков – Симферополь. Тяжелая работа приводила к потере трудоспособности. Численность контингента лагеря сократилась с 10354 чел. на 1 марта 1947 г. до 7417 чел. (1046 офицеров, 6371 унтер-офицеров и рядовых) на 10 мая 1948 г.⁶⁴

Военнопленными лагеря № 238 был выполнен большой объем работ. Только за 1947 г., далеко по неполным данным, лагерь на строительстве газопровода «Саратов-Москва», силами военнопленных выполнил 185,5 тыс. кубических метров земляных работ, изготовил 2410 квадратных метров стройдеталей из дерева, выполнил 5400 кубических метров кирпичной и бутовой кладки, собрал 46 финских домиков. На кирпичных заводах Министерства промышленности строительных материалов РСФСР силами военнопленных было выпущено 9766 тыс. штук кирпича и 246 тыс. шт. черепицы. Саратовский государственный подшипниковый завод № 3 Министерства автотракторной промышленности СССР силами военнопленных выпустил 969 тыс. подшипников и т.д. Общая стоимость работ, выполненных военнопленными лагеря только по основным хозорганам, составила в 1947 г. сумму в 58 134 тыс. руб. За 1945–1949 гг. доходы лагеря от производственной деятельности составили 128573 тыс. руб., расходы на содержание лагеря – 103297 тыс. руб. В доход государства перечислено 25276 руб.⁶⁵

Менее эффективными в разрушенном Сталинграде оказались результаты работы военнопленных Бекетовский лагерь № 108. За период своего существо-

⁶² ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 267, л. 229–230; РГВА. ф. 1п, оп. 10и, д. 1, л. 31.

⁶³ Военнопленные в СССР. Т. 5. Кн. 1. С. 692.

⁶⁴ Там же. Т. 4. С. 136; РГВА. ф. 1п, оп. 23а, д. 4, л. 44.

⁶⁵ Военнопленные в СССР. Т. 4. С. 716–718.

вания с мая 1943 г. по январь 1950 г. производственный лагерь принял 57049 военнопленных, из которых умерло 1777 чел. Валовая сумма выработки военнопленных составила 132391 тыс. руб. Расходы на содержание лагеря на 22396 тыс. руб. превысили эту сумму и составили 154787 тыс. руб.⁶⁶.

После завершением репатриации в СССР остались главным образом осужденные военнопленные и интернированные, которые концентрируются в определенных центрах страны. Одним из центров их сосредоточения был избран Сталинград, где в составе режимного лагеря № 362 в середине 1950 г. создали четыре отделения на 5 тыс. чел. при трестах «Сталинградметаллургстрой», «Главсталинградстрой» и СМУ-53. К концу сентября 1950 г. численность лагеря увеличилась до 5635 чел.⁶⁷.

В начале 1950-х гг. рентабельность лагерей для военнопленных повысилась. Труд осужденных был организован значительно лучше, чем в предыдущие годы. В 1951 г. рентабельность лагерных отделений в Сталинграде составила 117,7%⁶⁸. Вместе с тем труд военнопленных в это время в связи со значительным уменьшением их числа перестал оказывать заметное влияние на развитие экономики города. Уже в январе 1951 г. по приказу министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова 3 тыс. чел. вывозятся из лагеря № 362 в г. Асбест Свердловской области для работы в асбестовой промышленности. Два лагерных отделения и управление лагеря № 362 расформируются, а оставшиеся действующие отделения передаются в непосредственное подчинение отделу по делам военнопленных и интернированных УМВД по Сталинградской области.

Осенью 1953 г. в Восточную Германию в числе 5380 немцев, репатрируемых из Советского Союза, из сталинградских лагерных отделений убыло на родину 1027 чел. Через три месяца в январе 1954 г. последние осужденные военнопленные и интернированные переводятся в Свердловскую область в лагерь № 476, а отделение УМВД по Сталинградской области ликвидируется⁶⁹. На этом завершается история существования лагерей для военнопленных в Поволжье.

Таким образом, в 1941–1951 гг. на территории Поволжья функционировали как фронтовые, так и тыловые лагеря НКВД СССР. Фронтовые приемно-пересыльные лагеря (№ 50, № 98, № 108, № 123) действовали в 1943 г. только в Сталинградской области, на территории которой развернулись ожесточенные бои. Тыловые лагеря были созданы во всех автономных республиках и областях Поволжья. По назначению тыловые лагеря подразделялись на стационарные (Елабужский, № 50, № 60, № 123), офицерские (№ 97), оздоровительные (№ 50, № 123) и производственные, которых было больше всего. Из 32 лагерей для военнопленных, которые были созданы в Поволжье, 27 лагерей имели производственный характер. В ходе Великой Отечественной войны отдельным лагерям

---

⁶⁶ Подсчитано автором по: Военнопленные в СССР. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954. Документы и материалы. Волгоград, 2003. С. 728.

⁶⁷ РГВА, ф. 1п, оп.10и, д. 6, л. 47, 195.

⁶⁸ Военнопленные в СССР. Т. 2. С. 1096.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а. д. 523. л. 86–87.

(№ 50, № 108, № 123) в связи с постановкой перед ними новых задач меняли статус.

Каждый из лагерей для военнопленных Поволжья имеет свою историю. У половины из них она была очень короткой и составляла менее одного года. При этом три лагеря (№ 373, № 374, № 375) просуществовали два месяца, три (№ 98, № 208, № 202) – по три месяца, два (№ 127, № 60) – по четыре месяца, три (№ 358, № 400, № 409) – по пять месяцев, два (№ 161, № 508) – по семь месяцев. Столь короткий период существования названных лагерей можно объяснить несколькими причинами: удалением линии фронта и невозможностью перепрофилировать лагерь (№ 60, № 98); прибытие с фронта значительно меньше военнопленных, чем ожидалось ранее (№ 373, № 374, № 375); перепрофилирование лагеря (№ 208); выполнение поставленных задач (№ 508); перевод военнопленных в другие лагеря для выполнения более срочного задания (№ 400, № 409); неподготовленность лагеря к содержанию военнопленных (№ 127); в целях сокращения организационных расходов на управление (№ 161, № 361, № 408). Эффективность лагерей производственного назначения с такой короткой историей была очень низкой. За несколько месяцев просто невозможно было наладить работу военнопленных на производстве. К этому были не готовы ни военнопленные, ни те, кто организовывал их работу.

16 лагерей для военнопленных, в числе которых было 13 лагерей производственного назначения, функционировали от года до семи лет. Их расформирование происходило в связи с выполнением поставленных задач и репатриацией военнопленных на родину.

Национальный состав военнопленных лагерей Поволжья не был однородным. Подавляющее большинство (80,3%) составляли лица немецкой национальности, 10,3% представляли румыны, 1,7% – венгры, 1,2% – итальянцы, еще 6,5% – лица других национальностей (см. таблицу № 2).

Таблица № 2.

Национальный состав военнопленных в лагерях Поволжья на 1 ноября 1944 г.⁷⁰

Место дислокации	Наименование лагеря	Номер лагеря	Военнопленных (всего)	По национальностям				
				немцы	румыны	венгры	итальянцы	другие
Татарская АССР	Елабужский	97	5008	4311	376	23	209	89
Сталинградская область	Фроловский	50	4487	4260	130	11	24	62
Сталинградская область	Бекетовский	108	6863	5056	958	266	129	454
Сталинградская область	Приволжский	163	7188	5625	768	53	29	713
Сталинградская область	Урюпинский	123	9007	6150	1550	303	70	934

⁷⁰ Таблица составлена автором по данным: РГВА, ф. 1п, оп. 11а, д. 4, л. 136–137.

Саратовская аол.	Вольский	137	3975	3010	653	60	65	187
Астраханская область	Астраханский	204	584	534	30	3	9	8
Куйбышевская о область	Красноглинский	234	3711	3636	2	–	1	72
Ульяновская область	Ульяновский	215	2630	2332	1	–	–	297
Итого			43453	34914	4468	719	536	2816
В процентах от всех военнопленных			100,0	80,3	10,3	1,7	1,2	6,5

Военнопленные в Советском Союзе содержались не только в лагерях, но и отдельных рабочих батальонах (ОРБ), которые подчинялись НКО-МВС СССР. Наркомат обороны СССР шел вторым за НКВД СССР по количеству выделенных для его предприятий истроек военнопленных. По состоянию на 1 января 1946 г. за НКО было закреплено 142571 военнопленный западных национальностей и 67809 военнопленных бывшей японской армии⁷¹, которые были сведены в 200 ОРБ. Часть пленных продолжала находиться на работах в действующих войсках. Численный состав военнопленных в ОРБ составлял от 500 до тысячи человек. В состав батальона входило три роты, каждая из которых подразделялась на три взвода, которые в свою очередь состояли из четырех отделений.

Военнопленные в ОРБ содержались в более тяжелых условиях, чем в лагерях. Трудовой фонд батальонов составлял 23-32%, смертность была в пять раз, побег – в семь раз выше, чем в лагерях МВД. По разным причинам (отправка ослабленного контингента на родину, выбытие больных в госпитали, переброска в лагеря МВД лиц не немецкой национальности и находящихся на особом учете) число находящихся в ведении МВС СССР пленных сократилась за 1946 г. до 127059 чел., за 1947 г. – до 61784 чел.⁷².

В Поволжье находилось лишь пять ОРБ МВС, в которых содержалось менее трех тысяч военнопленных. В ОРБ МВС № 358, находившимся в г. Уфе Башкирской АССР, содержались японские военнопленные, в остальных немецкие. К 1 апреля 1948 г. в числе действующих остался один ОБР № 358 (см. таблицу № 3).

⁷¹ Военнопленные в СССР. Т. 4. С. 614.

⁷² Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. С.208-211.

**Дислокация ОРБ МВС в Поволжье
и численность военнопленных в них в 1945–1948 гг.⁷³**

Область, край, республика	Пункт дислокации	Номера баталь- онов	Наличие военнопленных на:				
			1.10 1945	1.03 1947	1.08 1947	1.11 1947	1.04 1948
Куйбышевская об- ласть	г. Куйбышев	375	1019	950	906	300	–
	г. Сызрань	376	–	682	622	–	–
Пензенская область		376	904	–	–	–	–
Саратовская область		378	803	–	–	–	–
Сталинградская об- ласть	ст. Котлу- бань	412	–	455	299	–	–
Башкирская АССР	г. Уфа	358	–	691	567	–	706
Всего военнопленных			2726	2778	2394	300*	706

* Без сведений о контингенте ОРБ МВС № 358.

Для лечения военнопленных, находящихся в лагерях и отдельных рабочих батальонах в Поволжье были развернуты спецгоспитали, количество которых менялось в зависимости от наличия военнопленных. Максимальное число и емкость лечебных учреждений приходится на весну 1946 г. К этому времени они были развернуты во всех республиках и областях Поволжья. При этом деятельность спецгоспиталей во всех республиках и областях не сворачивалась до полной репатриации военнопленных на родину. Менялись лишь их количество и коечная мощность (см. таблицу №4).

Таблица № 4

Дислокация спецгоспиталей для военнопленных в Поволжье в 1944–1949 гг.⁷⁴

№ п/ п	Республика, край, область	Но- мер спец- гос- пита- ля	Дислокация	Коечная мощ- ность на 19.09. 1944 г.	Состоя- ло воен- ноплен- ных на 01.04.19 46 г.	Число коек по штату на 01.05.19 48 г.	Число коек на 01.02.19 49 г.
1.	Астраханская обл.	5761	Астрахань	–	503	400	–
2.	Куйбышевская обл.	3285	Кабановка	–	191	200	200
3.	Пензенская обл.	2738	Кузнецк	–	908	700	700
4.		2741	Нижний Ломов	–	745	600	–
5.		2916	Пачелма	–	511	–	–

⁷³ Таблица составлена автором по: РГВА, ф. 1п, оп. 34а, д. 8, л. 16–17, оп. 23а, д. 4, л. 23–25, оп. 10г, д. 3, л. 22–27, оп. 01е, д. 39, л. 375–379.

⁷⁴ Таблица составлена автором по данным: ГА РФ, ф. 9401, оп. 1, д. 2434, л. 54–71; РГВА, ф. 1п, оп. 23а, д. 4, л. 35–38; Военнопленные в СССР. Т. 4. С. 489–491, 502–503.

№ п/п	Республика, край, область	Но-мер спец-госпита-ля	Дислокация	Кочная мощ-ность на 19.09. 1944 г.	Состоя-ло воен-ноплен-ных на 01.04.19 46 г.	Число коек по штату на 01.05.19 48 г.	Число коек на 01.02.19 49 г.
6.		2917	Кузнецк	–	542	–	–
7.	Саратовская обл.	1691	Вольск	2000	2091	2000	1500
8.		3631	Саратов	–	883	600	–
9.		5131	Аткарск	1000	1159	–	–
10.		5134	Вольск	700	1276	–	–
11.		5138	Горное	300	–	–	–
12.	Сталинградская обл.	2102	Сталинград	200	502	400	–
13.		5770	Урюпинск	500	489	–	–
14.		5771	Урюпинск	500	473	–	–
		5771	Сталинград	–	–	500	600*
15.		5772	Камышин	–	531	–	–
16.	Башкирская АССР	5918	Дема	–	304	200	–
17.		5920	Ишимбай	–	400	–	–
18.		6918	Черниковск	–	–	–	200
19.	Татарская АССР	3655	Арск	700	327	–	–
20.		3656	Зелено-дольск	–	722	300	–
	Всего			5900	12557	5900	3200

*На 11 августа 1949 г.

Кроме военнопленных и интернированных группы «Б», которые содержались в лагерях, в Советском Союзе находились интернированные (мобилизованные) иностранные граждане группы «Г»⁷⁵. Всего за период с января по апрель 1945 г. органы НКВД завезли в СССР 205520 чел. интернированных (мо-

⁷⁵ Интернированные (мобилизованные) немцы были завезены в СССР по двум решениям ГКО. В соответствии с постановлением ГКО от 16 декабря 1944 г. № 7161сс НКВД СССР обязано было «мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте – мужчин от 17 до 45 лет, женщин от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденной Красной Армии территории Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии». При этом мобилизации подлежали все немцы, независимо от подданства. По постановлению ГКО от 3 февраля 1945 г. № 7467сс НКВД СССР было обязано «в целях пресечения попыток совершения терактов и проведения диверсионной работы со стороны немцев, оставляемых немецким командованием в тылу продвигающихся частей Красной Армии, мобилизовать и интернировать всех годных к физическому труду и способных носить оружие – немцев – мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, находившихся в тылу 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов (Верхняя Силезия и Восточная Пруссия)». На учете в НКВД данная категория гражданских лиц значилась как интернированные группы «Г». Всего по состоянию на 20 января 1950 г. по данным МВД из поступивших в СССР 205520 интернированных группы «Г» было репатрировано 164521 чел., умерло 40740 чел. (19,8%); для дальнейшего содержания были оставлены 259 чел. В это число входили осужденные, находящиеся под следствием или работавшие на секретных объектах интернированные. (См.: РГВА, ф. 1п, оп.01е, д. 46, л. 252–253).

билизированных) немцев и лиц других национальностей. Из их числа по состоянию на 1 января 1946 г. был сформирован 221 рабочий батальон.

Труд интернированных использовался на предприятия различных министерств, главным образом угольной промышленности, черной и цветной металлургии. Производственная деятельность интернированных группы «Г» была налажена значительно хуже, чем военнопленных в лагерях. Содержание батальонов (жилищно-бытовое и медицинское обслуживание, снабжение топливом, продовольствием, обмундированием, постельными принадлежностями) и трудовое использование (организация и оплата труда, соблюдение техники безопасности, обеспечение спецодеждой и инструментом) возлагалось на наркоматы, на предприятиях которых интернированные работали. Руководители предприятий не создали требуемых условий для содержания и трудового использования интернированных. Это привело к тому, что число лиц, способных трудиться, в батальонах быстро уменьшалось. За 1945 г. число трудоспособных снизилось на 74543 чел., за 1946 г. – на 35485 чел. Из-за неполного обеспечения интернированных работой, использования их не по специальности и на низкооплачиваемых работах заработок во многих батальонах не покрывал стоимости питания и оплаты коммунальных услуг. В результате имелись случаи, когда интернированные в течение 5-15 дней в месяц не имели возможности выкупать положенное им питание и вынуждены были нищенствовать или задалживать предприятиям. В 1946 г. 14475 интернированных задолжали предприятиям 5625 тыс. руб. Во многих батальонах 50% интернированных не имели одежды, обуви по сезону, 70% не имели нательного белья⁷⁶. Чтобы не допустить большой смертности среди интернированных и мобилизованных, осуществлялась постоянная их репатриация на родину. В 1945 г. было репатрировано 40070 чел., в 1946 г. – 28419 чел. Несмотря на это, в 1945 г. бежало и умерло 34473 чел., в 1946 г. – 7066 чел.⁷⁷.

Основная масса интернированных иностранных граждан поступила в Украину. В Поволжье весной 1945 г. было направлено только три рабочих батальона: в Сталинградскую область на строительство завода им. Петрова (№ 2021), в Ульяновскую область на Инзерский диатомовый завод (№ 2091) и в Башкирскую АССР для обслуживания нефтяного промысла «Гуймазнефть» (№ 1852). При этом самый большой батальон № 1852, в котором по состоянию на 1 июня 1945 г. находилось 1756 чел., вскоре был переведен в Грузинскую ССР на станцию Гумбрин для работы в тресте Грузнефтепромматериалы⁷⁸ (см. таблицу № 5).

---

⁷⁶ Военнопленные в СССР. Т. 4. С. 614–619.

⁷⁷ РГВА, ф. 1п, оп.01е, д. 46, л. 47.

⁷⁸ Военнопленные в СССР. Т.4. С. 638.

**Рабочие батальоны интернированных иностранных граждан
в Поволжье в 1945-1949 гг.⁷⁹.**

Место дислокации, обслуживаемая организа- ция	ОРБ	Численность интернированных на:						
		1.06. 1945	1.02. 1946	1.03. 1947	1.01. 1948	1.01. 1949	1.07. 1949	1.01. 1950
Башкирская АССР								
промысел «Туймазнефть» Миннефтепрома	1852	1756	Переведен в Грузинскую ССР					
г. Белорецк, Metallургиче- ский комбинат Минметал- лургпрома	1084	–	296	261	108	264	264	–
г. Октябрьск, «Центроспец- строй» Миннефтепрома	1701	Переведен из г. Грозный		537	277	468	480	–
Сталинградская обл.								
г. Сталинград, строительст- во завода им. Петрова Миннефтепрома	2021	750	261	–	–	–	–	–
Ульяновская обл.								
ст. Инза, Инзенский диато- мовый завод Миннефте- прома	2091	742	434	263	–	–	–	–
Всего батальонов в Повол- жье	5	3	3	3	2	2	2	–
Контингент		3248	991	1061	385	732	744	–
Всего батальонов в СССР	221	199	181	146	98	75	68	–
Контингент		178630	13 1836	92037	54 944	36381	36711	–

В Башкирскую АССР во второй половине 1945 г. был направлен еще один батальон № 1084 – в г. Белорецк для обслуживания металлургического комбината. В эту же республику в г. Октябрьск в 1946 г. был переведен из г. Грозный Грозненской области для работы в тресте «Центроспецстрой» рабочий батальон № 1701. Оба батальоны были расформированы во второй половине 1949 г. Самая короткая история оказалась у батальона № 2021, который обслуживал строительство завода им. Петрова в г. Сталинград. Всего через него прошло 1137 интернированных, из которых в Сталинграде половина умерла. В конце 1946 г. перед отправкой на родину в батальоне находилось лишь 182 интернированные женщины⁸⁰. Деятельность батальона интернированных № 2091 в Ульяновской области на Инзенском диатомовом заводе продолжалась на год больше. Но и здесь за три года работы численность контингента батальона сократилась с 742 до 263 чел. Остальные либо умерли, либо были отправлены на родину в связи с потерей трудоспособности. Таким образом, в общей сложно-

⁷⁹ Составлено автором по данным: РГВА, ф. 1п, оп. 3г, д. 9, л. 1–30.

⁸⁰ РГВА, ф.47п, оп. 14, д. 42, л. 46, 51, 96, 100.

сти на территории Поволжья находилось пять батальонов интернированных, в составе которых в 1945 г. находилось до 3,5 тыс. чел. В остальные годы численность интернированных была значительно меньше и составляла от 700 до тысячи человек.

Становление нефтяного комплекса на Средней Волге

В 30-е гг. XX в. в СССР был взят курс на создание новой нефтяной базы. Становление новой нефтяной базы Советского Союза было тесно связано с наращиванием оборонной мощи страны. Целесообразность шагов, предпринятых советским руководством по укреплению и расширению нефтяной отрасли страны в предвоенные годы, закладке основ новой нефтяной базы на Востоке СССР, выявилась в грозном 1941 г. В докладе В. М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) она получила символическое название «Второе Баку». Новым нефтеносным районом страны, территориально входившим в него, стала и Куйбышевская область.

Концентрация нефтедобычи и нефтепереработки в южных регионах СССР (Бакинский, Грозненский, Майкопский районы) на что указывал академик И. М. Губкин, была опасна с геополитической точки зрения. «Природа наградила нас колоссальными богатствами нефти, – подчеркивал он, – но эти колоссальные богатства сосредоточены преимущественно на окраинах нашего Союза. Богатейший Бакинский нефтяной район расположен вблизи границ нашего Союза. Сравнительно недалеко от границ находится и другая обширная нефтяная область Северного и Северо-западного Кавказа ... Подобное географическое положение наших основных нефтедобывающих районов в случае осложнений в международных отношениях ставит их под угрозу нападения...»¹.

Крайне беспокоило это обстоятельство, особенно в связи с развернувшейся индустриализацией страны, и партийно-государственное руководство СССР. Необходимо было в кратчайшие сроки изменить географию нефтедобычи и нефтепереработки, максимально сократить транспортные перевозки нефти и нефтепродуктов на большие расстояния. От поставок донецкого угля, бакинской нефти в огромной степени зависела и Куйбышевская область, промышленность которой была сориентирована на привозное топливо.

Несмотря на удорожание себестоимости добываемой нефти по сравнению с южными нефтепромыслами страны, на ее более низкое качество, стратегический курс на ускоренное развитие нефтедобычи на Востоке страны был определен и начал претворяться в жизнь. Но и нефтеразведка, и освоение запасов, несмотря на существенные сдвиги в освоение богатств второй нефтяной базы, шли недостаточно активно. В регионе «Второго Баку» месторождения были с небольшими запасами, скважины – малопродуктивны. В 1940 г. на территории Куйбышевской области разведочное бурение составило лишь 2,7% от общесоюзного. Существовал явный перекося в сторону эксплуатационного бурения в ущерб разведочному. Скважины бурились из-за твердости пород лучшими мастерами бурения от восьми месяцев до полутора лет. В результате накануне войны доля Волго-Уральского региона в общесоюзной добыче нефти составляла

---

¹ Филиал РГАНТД в г. Самаре, ф. Р-314, оп. 2-1, д. 6, л. 2.

всего около 6%. Из них 220 тыс. тонн – лишь 0,7 процента от общесоюзной добычи, приходилось на Куйбышевскую область.

Нацистская Германия, обделенная природными ресурсами нефти, вела приготовления к нападению на Советский Союз. Ее руководство исходило из того, что в Советском Союзе имелась только одна основная нефтяная база, находившаяся вблизи границ. Потенциал второй нефтяной базы СССР, которая только стала оформляться, фашистское командование при разработке планов нападения на СССР всерьез не учитывало.

В «Barbarossa Fall» – плане «Барбаросса», предусматривался быстрый захват советской нефтяной промышленности. Захват Баку, Грозного, Майкопа с самого начала входил в число основных целей фашистской Германии. Проблема горючего стояла очень остро, и немцы возлагали большие надежды на захват нефтяных месторождений Кавказа и Закавказья. В июне 1941 г., за два дня до вторжения в Россию, А. Гитлер заявил: «То, чего нам не хватает, мы должны завоевать»². Германии, для осуществления своих замыслов, не хватало нефти.

Нефтяники Куйбышевской области в последний предвоенный год стремились ликвидировать отставание в выполнении плановых заданий, выйти из прорыва, в котором они оказались в 1940 г. Трест «Сызраньнефть» по итогам последнего мирного года оказался в числе четырех предприятий области, выполнивших план «от 50 до 59%». Из 16 новых заводов, строившихся накануне войны в области, три – нефтеперегонный, долотный, газомотокомпрессорный – возводились для обслуживания нефтяной отрасли, но работы разворачивались на них крайне медленно. Существенные перемены по укреплению материально-технической базы, увеличению объемов добываемой нефти, проведению геолого-разведочных работ, улучшению жилищно-бытовых условий работающих намечались в тресте «Сызраньнефть» на следующий, 1941 г.: сдать в промышленную разработку Ставропольское месторождение, форсировать разведки Заборовской и Троекуровской структур с целью окончательного выявления их нефтеносности, разработать и внедрить методы, обеспечивающие эффективную борьбу с обводнением скважин, перевести на электрическую энергию все глубоконасосные установки.

На предприятиях треста «Сызраньнефть» весной 1941 г. был проведен общественный смотр оборудования. По инициативе комсомольцев треста, поддержавших почин сталинградцев, развернулась борьба за экономию и рациональное использование топлива, горюче – смазочных материалов, металла, электроэнергии. Совет жен – общественниц Сызранского нефтепромысла начал поход против грязи и захламленности в цехах, за повышение культуры производства, улучшение обслуживания рабочих. С руководителями контор и промкома велись переговоры о посадке весной молодых деревьев вокруг жилищ и промышленных зданий промысла. Через три месяца вопрос о посадке саженцев больше не поднимался. Он останется в той мирной жизни, которая у граждан нашей Родины закончится 22 июня 1941 г.

---

² Цит. по: *Экономидес Майкл, Рональд Олини. Цвет нефти. Крупнейший мировой бизнес: история, деньги и политика.* М., 2004. С. 96.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием на прочность Советского государства. В грандиозной борьбе с фашистскими захватчиками весомый вкладнесли и нефтяники нашей страны. Фронт и тыл, несмотря на все сложности военной обстановки, бесперебойно обеспечивались нефтью и нефтепродуктами. Исторически сложившаяся география размещения нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности страны к началу Великой Отечественной войны изменила, хотя и не столь существенно, свои границы. Открытие крупных месторождений нефти на Востоке страны, в частности в Башкирии, в Поволжье, позволило заложить здесь еще в довоенный период основы новой перспективной нефтяной базы, потенциал которой был в значительной мере использован в тяжелые годы войны. Природные богатства, поставленные на службу государству, сыграли свою особую роль в разгроме агрессора. «Даже в самые тяжелые дни войны, – писал в предисловии к книге «Нефтяной фронт» Н. К. Байбаков, – когда враг захватил ряд важных нефтедобывающих районов страны или находился на подступах к ним, благодаря небывалой воле к победе и устремленности в будущее, страна нашла в себе силы для открытия и освоения новых нефтяных месторождений, создав знаменитое Второе Баку в глубоком тылу. И это было совершено в самые короткие сроки»³.

Весомой частью «Второго Баку» стала Куйбышевская (ныне Самарская) область. В военные годы здесь происходило быстрое развитие нефтяной промышленности, возникли новые отрасли – нефтеперерабатывающая и газовая. Они стали играть огромную роль в усилении мощи военно-промышленного комплекса, созданного в годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской области.

В 1941 г. Куйбышевская область, находившаяся вдалеке от границ, на Востоке страны, в глубоком тылу, являлась одной из немногих территорий СССР, где велась нефтедобыча. Единственным крупным предприятием, осуществлявшим комплекс работ по разведке и добыче нефти, был трест «Сызраньнефть». Накануне нападения Германии на СССР трест «Сызраньнефть» входил в состав Главного управления нефтедобывающей промышленности Волжских районов (Главнефтедобыча Волжских районов) Наркомата нефтяной промышленности СССР. К числу ведущих нефтедобывающих предприятий отрасли он не относился. Ускорение его развитию придала начавшаяся война.

30 июня 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял решение об увеличении добычи и переработки нефти в восточных районах и Туркмении. Руководствуясь им, бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) в своем постановлении от 20 августа 1941 г. определило ряд конкретных мер по увеличению добычи и переработки нефти в области. Суточную добычу нефти намечалось довести до 1100 тонн⁴.

В августе 1941 г. было принято постановление «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». Оно предусматривало существенное

³ Байбаков Н. К. Нефтяной фронт. М., 2006. С. 3–4.

⁴ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 5, д. 89, л. 4.

увеличение объемов эксплуатационного и разведочного бурения в восточных регионах, форсированное строительство в них НПЗ.

Эвакуированные предприятия (Одесский и Херсонский крекинг-заводы) принимала Сызрань. Сюда же эвакуировались специалисты — нефтепереработчики, прибывали южане-нефтяники. В Сызрань и Куйбышев, наряду с Уфой, была эвакуирована часть аппарата Наркомнефти. В конце июля 1941 г. Главное управление нефтедобывающей промышленности Волжских районов (Главнефтедобыча Волжских районов) Наркомнефти перебазировалось из Москвы в г. Сызрань⁵. 15 октября небольшая оставшаяся в Москве группа работников Наркомнефти во главе с наркомом И. К. Сединым переехала в Куйбышев. Как вспоминал начальник финансового отдела Наркомнефти И. М. Бройде «15 октября 1941 г. группе предложили переехать в Куйбышев, куда во главе с В. М. Молотовым эвакуировался Совнарком»⁶. В конце 1941 г. группа И. К. Седина вернулась в Москву.

В г. Куйбышев и г. Саратов в июле 1941 г. началась эвакуация Ленинградской комплексной геофизической экспедиции. В соответствии с условиями и требованиями военного времени Государственный союзный геофизический трест (ГСГТ) перенес центр тяжести геофизической разведки в районы Волго-Уральской провинции, куда направлялись люди и оборудование из западных областей СССР. Куйбышев принял Нефтяной геолого-разведочный институт (НГРИ), эвакуированный сюда из Ленинграда. Он стал с 1942 г. основным местом базирования института.

26 февраля 1943 г. на основании решения СНК на базе НГРИ создан Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский институт (ВНИИ). 1 октября того же года организуется Восточное отделение ВНИИ в г. Куйбышеве. В 1944 г., ко времени реэвакуации института, его структура выглядела следующим образом: дирекция находилась в Москве и имелись два отделения института — Восточное в г. Куйбышеве и Ленинградское, расположившееся по старому месту прописки НГРИ, в Ленинграде. «Работы охватили небольшое количество районов, — отмечал директор института Ф. А. Алексеев, — количество тем было сокращено, произведена была концентрация научных кадров на разрешение вопросов связанных в основном с увеличением добычи нефти, что потребовало переквалификации и самих научных работников»⁷. Общее количество тем, выполнявшихся в институте, было сокращено более чем наполовину, а выделяемые ассигнования увеличились на 15%. Основной объем проводившихся в военное время работ падал на районы «Второго Баку».

Первыми повышенное задание получили нефтяники треста «Сызрань-нефть». С перестройкой его работы на военный лад в первые месяцы войны не все ладилось. Осенью 1941 г. был «снят наркоматом» управляющий трестом К. И. Астафьев. Обязанности возложили на Г. М. Рыжова, но и под его руково-

⁵ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 35, л. 1.

⁶ Бройде И. М. Деятельность штаба нефтяной промышленности в годы Великой Отечественной войны // Из истории нефтяной и газовой промышленности СССР (воспоминания ветеранов войны и труда). Спец. вып. М., 1995. С. 9.

⁷ Филиал РГАНТД в г. Самаре, ф. Р-314, оп. 2-1, д. 132, л. 5.

дством повышенные плановые задания оказались невыполненными. В 1941 г. фактическая добыча нефти «составила 278958,6 тонны или 94%, план бурения выполнен на 63,2%»⁸. Несмотря на эти цифры, увеличение добычи нефти в 1941 г. по сравнению с предыдущим годом на 34% необходимо признать действительно успехом. Это был самый высокий уровень добычи нефти в тресте «Сызраньнефть» за военные годы.

В нефтяной промышленности с первых дней войны, что отразилось и на тресте «Сызраньнефть», резко обострилось положение с рабочей силой. Нефтяники уходили защищать Родину. Занятых в нефтяной промышленности перестанут направлять на фронт только после выхода постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 22 сентября 1942 г. № 2327 «О переводе на время войны рабочих, служащих и инженерно-технических работников предприятий нефтяной промышленности на положение мобилизованных». На места ушедших в армию пришли женщины и молодежь. Женщины смогли практически освоить все «мужские» профессии. Далеко за пределами треста стали известны имена бурового мастера А. Парышневой, навалоотбойщиц З. Боровиковой, Е. Евтишеевой, А. Афоной, награжденных за свой нелегкий труд орденами и медалями. Так, в коллективе треста «Сызраньнефть» удельный вес женщин вырос в два раза. В 1944 г. он составил 42%⁹. До такой же цифры поднялась планка новых рабочих. В основном это были женщины и подростки.

На основании приказа Народного комиссара нефтяной промышленности СССР от 3 июня 1942 г. руководителям нефтяной промышленности разрешалось «на период военного времени, принимать для индивидуального и бригадного обучения и последующей работы на предприятия лиц, достигших 14-летнего возраста при наличии у них медицинского заключения о состоянии здоровья»¹⁰. Подготовка квалифицированных кадров рабочих осуществлялась через учебный комбинат, открытый в г. Сызрани в 1940 г. Более широко практиковалось индивидуально-бригадное обучение, ставшее в период Великой Отечественной войны основной формой подготовки кадров. Специалистов нефтяников продолжал готовить Сызранский горно-нефтяной техникум, который в 1945 г. стал называться нефтяным.

За годы Великой Отечественной войны, несмотря на колоссальные трудности, в Куйбышевской области в основном была реализована политика насыщения нефтяной отрасли квалифицированными рабочими кадрами. Так, на предприятиях нефтяной промышленности за пять лет было подготовлено, главным образом за счет местного населения, около 5 тыс. новых квалифицированных бурильщиков, операторов, слесарей, плотников, каменщиков и рабочих других профессий. Кроме того, «получили квалификацию» почти шесть тыс. человек, большинство из которых пришло на нефтяные промыслы во время

---

⁸ СОГАСПИ», ф. 656, оп. 6, д. 29, л. 40.

⁹ См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Сб. ст. М., 1990. С. 5.

¹⁰ ГАОО, ф. Р-838, оп. 2, д. 1, л. 35.

войны¹¹. Общая численность занятых в нефтяной промышленности области возросла с 3281 чел. в феврале 1941 г. до 13500 чел. – в июле 1944 г.

Существенно пополнился коллектив нефтяников Куйбышевской области в годы войны за счет эвакуированных производственных коллективов из южных и западных областей СССР. Первая волна эвакуированных связана с 1941 г., вторая – с 1942 г.

22 сентября 1942 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление «О мероприятиях по всемерному увеличению добычи нефти на Востоке». Придавая особое значение интенсивному развитию нефтяной промышленности на Востоке страны было решено в сжатые до предела сроки создать в районах Второго Баку – в Башкирии, Куйбышевской, Оренбургской и Пермской областях, в районах Средней Азии и Казахстана – новые нефтяные промыслы, нефтеперерабатывающие заводы, чтобы возместить потери из-за временного прекращения деятельности украинских и кавказских нефтяных районов. Уполномоченным ГКО по перебазированию нефтяной промышленности кавказских районов на Восток был назначен Н. К. Байбаков.

До 15 октября 1942 г. в районы Волги, Урала, Средней Азии и Казахстана должны были перебазировать из Азнефти, Грознефти, Майкопнефти большую часть рабочих и служащих, доставить буровое и эксплуатационное оборудование. В полном составе из Баку на Восток страны были перебазированы все девять контор бурения, рабочие, инженерно-технический персонал, буровое оборудование, инструменты, строительные механизмы, нефтеразведочные и нефтестроительные тресты. Кроме того, из нефтедобывающих трестов эвакуировалось несколько сот инженерно-технических работников, направлялось оборудование, станки, трубы, краны. О том насколько мощной была вторая волна эвакуации можно судить исходя из приведенной таблицы.

Таблица

Распределение прибывающей рабочей силы по регионам на конец 1942 г.¹².

Наименование нефтекомбинатов	Прибывают			
	с Кавказа	мобилизованные	прочие	итого
Куйбышевнефтекомбинат	3000	–	5500	8500
Молотовнефтекомбинат	1010	–	4000	5100
Башнефтекомбинат	3000	–	4500	7500
Итого	7010	–	14000	21000

Люди, непривыкшие к суровому северному климату, снимались с родных мест и двигались навстречу трудностям. На нескончаемых дорогах они мерзли, болели и иногда умирали. В воспоминаниях Я. М. Агарунова, Н. К. Байбакова по – разному описывается их экипировка и продвижение на Восток. И в научной литературе, и в воспоминаниях фигурирует цифра в 10 тыс. бакинцев –

¹¹ *Томашпольский Л. М.* Куйбышевская нефть. Огиз. Куйб. обл. изд-во, 1947. С. 76.

¹² РГАЭ, ф. 4372, оп. 42, д. 493, л. 219.

нефтяников, переброшенных на Восток. Около половины всех кадров, перебазированных из Азербайджана, были направлены в Куйбышевскую область¹³.

«Куйбышевнефтекомбинат» качественно преобразился за счет эвакуированных инженерно-технических и партийных работников, направленных сюда из «Азнефтекомбината», «Грознефтекомбината» и «Майкопнефтекомбината». Всего, по состоянию на 10 ноября 1942 г. в «Куйбышевнефтекомбинат» прибыло 278 инженерно-технических работников, в том числе в Бугуруслан 199, в Сызрань – 69¹⁴. Они стали играть ключевую роль в развитии нефтяной промышленности двух областей – Куйбышевской и Оренбургской, – получив назначение на ответственные должности.

Управляющим трестом «Сызраньнефть» на основании приказа Народного Комиссара Нефтяной промышленности СССР от 15 сентября 1942 г. был назначен Анисимов Николай Владимирович, эвакуированный из треста «Хадыженефть» Майкопнефтекомбината. В 1945 г. он первым возглавит вновь созданное объединение «Куйбышевнефть»¹⁵.

Основная тяжесть работы по наращиванию нефтедобычи в Куйбышевской и Оренбургской областях в годы войны легла на плечи руководителей «Куйбышевнефтекомбината», который был организован на основании постановления СНК СССР за № 446 от 8 апреля 1942 г. «Об организации нефтяных комбинатов в районах «Второго Баку» и частичном изменении организационной структуры Наркомата нефтяной промышленности» и приказа Народного комиссара нефтяной промышленности от 9 апреля 1942 г. Созданные в Урало-Поволжье нефтяные комбинаты, в том числе «Куйбышевнефтекомбинат» повысили эффективность геолого-поисковых, буровых и промысловых работ, оказали положительное воздействие на деятельность нефтеперерабатывающих заводов, повысили оперативное руководство предприятиями нефтяной сферы. На них были возложены задачи ускоренного развития нефтедобычи и нефтепереработки, создания материально-технической и энергетической баз, кадрового обеспечения предприятий ИТР.

1943 г. стал самым тяжелым для нефтедобывающей промышленности СССР. Добыча нефти снизилась с 22 млн. тонн в 1942 г. до 18 млн. тонн в 1943 г., а в 1940 г. было добыто 31,1 млн. тонн. Как видно из приведенных цифр, в 1943 г. положение с нефтедобычей в стране оставалось крайне тревожным: нефтедобывающая промышленность в целом не увеличила, а снизила добычу нефти. Для быстреего восстановления и расширения мощности нефтяной промышленности директивами ГКО была обозначена четкая линия: все основные материально-технические средства, а также наиболее квалифицированные кадры – геологов, бурильщиков, строителей – концентрировать в первую очередь в районах, где с минимальными затратами можно было достигнуть быстрого роста добычи нефти. К ним, в 1942–1943 гг. относился район деятельности «Куйбышевнефтекомбината». Добыча нефти в Куйбышевской области су-

¹³ Будков А. Д., Будков Л. А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 70.

¹⁴ РГАЭ, ф. 4372, оп. 43, д. 429, л. 14.

¹⁵ Ведомственный архив ОАО «Самаранефтегаз». Личные дела на «А». Д. 36, л. 170.

щественно возросла: с 511 тыс. тонн в 1942 г. до 724 тыс. тонн в 1943 г.¹⁶. Ее производство выросло в 1,5 раза. По сравнению с 1941 г., когда добыча нефти в Куйбышевской области составила 382 тыс. тонн, она поднялась почти в два раза, а если сравнивать с 1940 г. (220 тыс. тонн) – более чем в три раза. Для сравнения. В 1943 г. в Башкирии было добыто на 24% меньше, чем годом раньше. В целом Волго-Уральский район в 1943 г. произвел лишь на 153 тыс. тонн больше, чем в 1942 г.

Война поставила перед куйбышевскими нефтяниками и такую неотложную задачу, как увеличение производительности действующего фонда нефтяных скважин без больших капитальных затрат. С этой целью особое внимание уделялось продлению срока службы действующих и максимальному сокращению количества бездействующих скважин. Исключительное значение придавалось обеспечению стабильности дебитов скважин и компенсации их естественного падения. Это достигалось путем ввода в действие простаивающих скважин, а также внедрения таких технических мероприятий в области бурения новых скважин, которые гарантировали быстрый прирост добычи нефти. Большое внимание уделялось капитальному и текущему ремонту бурового и эксплуатационного оборудования промыслов, энергетического хозяйства.

Буровики в военное время научились бурить скважины скоростными методами; применяли способ осадки скважин сварными колоннами из старых обсадных труб; первыми в стране применили трехшарошечные долота, начали осваивать наклонно-направленное бурение. Была разработана упрощенная конструкция фундамента для бурового оборудования, применен новый способ перетаскивания вышек, что позволило значительно сократить время передвижки вышек.

Промысловики стали обрабатывать забои скважин соляной кислотой с целью интенсификации нефтедобычи, использовали земляные нефтехранилища, научились ремонтировать днища резервуаров без применения металла, передвигать собранные резервуары на большие расстояния и т.д.

Заметный перелом в работе нефтяников области произошел летом 1943 г. В соответствии с решением Государственного Комитета Оборона от 8 июля 1943 г. и постановлением бюро Куйбышевского обкома ВКП (б) от 28 июля 1943 г. «О добыче нефти и выработке нефтепродуктов по Куйбышевнефтекомбинату в третьем квартале» был значительно увеличен объем эксплуатационного бурения. В августе промыслы Куйбышевского нефтекомбината достигли рекордных показателей по валовой добыче нефти, заняв второе место в Союзе¹⁷. 1943 г. вошел в историю нефтяной промышленности СССР как самый кризисный по нефтедобыче за весь период Великой Отечественной войны. Основной упор был сделан на увеличение добычи нефти в Волго-Уральском районе. Куйбышевский нефтяной комбинат шел в первых рядах из месяца в месяц, наращивая добычу.

---

¹⁶ *Иголкин А.* Новая «столица» советской нефтедобычи // Нефть России. 2007. № 7. С. 120; СОГАСПИ, ф. 656, оп. 8, д. 9, л. 240 об.

¹⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. М., 1961. С. 156.

В конце июля 1942 г. в докладной записке Куйбышевского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) констатировалось, что «по своим богатствам месторождения Самарской Луки занимают одно из первых мест в системе «Второго Баку» <...> Разведанный фонд скважино-точек по состоянию на 1 мая 1942 г. полностью обеспечивает разворот буровых работ на протяжении второй половины 1942 г. и всего 1943 г. <...> наиболее рентабельным является бурение на Ставропольском нефтепромысле, где начальные суточные дебиты скважин составляют 35 т и выше»¹⁸. Месторождения, расположенные в районе Самарской Луки, занимали 130-ти километровую полосу и тянулись от г. Сызрани к Ставрополю и далее на восток. Из 15-ти обнаруженных в 1944 г. структур промышленная нефтеносность была установлена на 5 площадях: Сызранской, Ставропольской, Заборовской, Губинской и Зольненской. Эти месторождения считались сравнительно малодебитными и однопластовыми. Разрабатывалась лишь угленосная свита. Дебиты скважин, с точки зрения нефтяников той эпохи, были небольшими и составляли 15-30 тонн в сутки.

В первой половине 1944 г., в результате разведочных работ, проведенных «в Ставропольском – Зольненском районах, – напишет в одной из справок Я. М. Агарунов, курировавший в Куйбышевском обкоме ВКП(б) нефтяную отрасль, – получены новые данные, коренным образом изменившие представления о месторождениях Поволжья.

Установлено, что месторождения, расположенные к Востоку от Сызрани, отличаются нарастанием мощности песчаных коллекторов и увеличением этажа нефтеносности с 15 метров в Сызранском районе до 35 метров в Зольненском. С этими особенностями коллекторов связан рост продуктивности скважин нефтяных месторождений восточной части Самарской Луки. По горизонту Б₂ в районах Сызрани дебиты составляют до 15 тонн нефти в сутки, по мере продвижения на восток в районах Ставрополя — дебиты возрастают до 50-60 тонн и наконец в Зольном – до 200 тонн нефти в сутки. Эти выводы подтверждены введенными в эксплуатацию разведочными скважинами на Зольненском месторождении, по которым с глубины 1100-1150 метров получены фонтаны с дебитами 180-200 тонн чистой нефти в сутки»¹⁹. Кроме уже известного нефтяного горизонта Б₂, разработка которого на Сызранском нефтепромысле началась еще в 1937 г., на Зольненском месторождении нефть нашли в верейских отложениях, нефтеносность которых ранее не была известна.

Открытие Зольненского месторождения неразрывно связано с историей разведочной скважины № 1. В декабре 1943 г. она была введена в эксплуатацию. Об открытии Зольненского месторождения, об исторической скважине № 1 31 мая 1946 г. в газете «Волжская коммуна» появилось небольшое сообщение. В нем говорилось: «В конце 1943 года в Жигулевских горах, в Зольном овраге, было открыто новое богатейшее месторождение. За это открытие коллективу была присуждена государственная премия в 500 тысяч рублей. О богатых

¹⁸ Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы. Изд-во Самарского научно-го центра РАН, 2000. С. 361.

¹⁹ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 26, д. 36, л. 68.

источниках нефти на этом месторождении говорит такой факт: только одна скважина № 1 за два последних года дала 160 тысяч тонн нефти».

Ставропольский нефтепромисел в 1944 г. отличился еще раз, вписав свое имя в историю нефтяной промышленности страны открытием девонской нефти. Фонтанная нефть из девонских отложений была получена здесь впервые в Советском Союзе. Это открытие стало эпохальным событием, которое отодвинуло на второй план нефть Зольненского месторождения, полученную из угленосной свиты.

1944 г. стал первым годом за время Великой Отечественной войны, когда было предотвращено падение добычи нефти, имевшее место в СССР течение трех лет. Получен незначительный прирост по сравнению с 1943 г. Он выражался всего в 1,5%, но эти скромные цифры зафиксировали самое главное – увеличение добычи! Нефтяная промышленность Куйбышевской области (без результатов деятельности Сызранского НПЗ) также не только выполнила, но на 2,6% перевыполнила план 1944 г. Его перевыполнение стало возможным за счет перекрытия плановых показателей Ставропольским нефтепромыслом, выполнившим план на 128,6% и сдавшим в «фонд Главного Командования сверхплановой продукции на 1185 тыс. рубл.»²⁰. Разработка девонских отложений на нефтепромыслах Волго-Уральской нефтегазоносной провинции станет мощным фактором ускоренного развития нефтяной промышленности страны.

Проблема обнаружения девонской нефти возникла с первых шагов по освоению нефтяных месторождений Урало-Поволжья. На Самарской Луке первая разведочная скважина бурилась под Сызранью в 1931–1934 гг. с целью освещения нефтеносности девона и явилась первой скважиной, вскрывшей девон в платформенной части «Второго Баку». Эта скважина вскрыла лишь верхнедевонские отложения, встретив в них по всему разрезу признаки нефтеносности в виде включения битумов, нефтяного запаха и проч. Были отмечены нефтепроявления в верхнедевонских отложениях не только в скважине № 401, но и в № 402. Однако отсутствие в верхнем девоне промышленных скоплений нефти наряду с открытием залежей в более высоких стратиграфических горизонтах палеозоя «Второго Баку» обусловило ориентирование дальнейшей разведки в основном на эти последние. При этом проблема поисков нефти в девоне никогда не снималась.

В 1940 г. была закончена бурением разведочная скважина №49 в районе г. Сызрани, впервые на платформе прошедшая всю толщу девона и вскрывшая на глубине 1570 метров кристаллический фундамент. В интервале 1520-1530 метров на поверхность был поднят керн, среди которого оказался кусочек песчаника объемом 5 см, сильно и равномерно пропитанный нефтью. Инженер-геолог Сызранской конторы бурения Н. Бабкин сделал вывод: «Вопрос о наличии нефти в девоне можно считать решенным – нефть в девоне есть»²¹. И все же о промышленном значении девонской нефти на основании достаточно скудного материала судить было невозможно. Были только прогнозы. Г. М. Рыжов писал:

²⁰ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 24, д. 33, л. 112.

²¹ Бабкин Н. Девонская нефть // Сызранский нефтяник. 1940. 19 июля.

«Неудача на скважине № 49 не может предопределять дальнейшую судьбу нефти в отложениях девонского возраста. Нефть в девоне есть, ее нужно быстрее разведать и заставить новые мощные горизонты легкой нефти служить на благо нашей Родины ...»²² Ее поиски не прекращались. С 1939 г. по первое полугодие 1943 г. на Сызранской и соседней Заборовской площадях треста «Сызраньнефть» было пробурено девять разведочных скважин на девон. В связи со слабыми проявлениями нефтеносности три скважины, которые вскрыли кристаллический фундамент, не были даже испытаны. И вновь ожидания не оправдались.

29 февраля 1944 г. Бюро Куйбышевского обкома ВКП(б), обсуждая вопрос о подготовке новых нефтяных площадей, в том числе по Ставропольскому нефтепромыслу, приняло историческое решение: «пробурить в Яблоновом овраге скв. № 41 на девонские отложения и в первом полугодии проверить наличие промышленной нефтеносности в девоне по этой скважине»²³. Девонскую нефть открыла разведочная скважина №41. Ее бурила бригада известного мастера В. А. Ракова. Первая в СССР девонская фонтанная скважина № 41 «вошла в эксплуатацию из нижнего 13-ти метрового пласта с фонтаном до 250 тонн чистой нефти в сутки»²⁴. Произошло это историческое событие 9 июня 1944 г. Открытое месторождение оказалось многопластовым. Скважина №41 вскрыла три нефтяных пласта общей мощностью 25 метров 31 августа 1944 г. вторая эксплуатационная скважина № 36, которую пробурил мастер А. Сабирзянов, также вступила в эксплуатацию с суточным дебитом 160 тонн девонской нефти. Затем была углублена на девон еще одна эксплуатационная скважина № 57 (буровой мастер Вальков) и вошла в фонд действующих.

С открытием девонской нефти начинается новый качественный скачок в развитии нефтяной промышленности Куйбышевской области. Вскоре последует череда открытий девонской нефти в Башкирии, а несколько позже – в Татарии. Волго-Уральская НГП начнет стремительно вырываться по запасам в лидеры страны.

Мощные фонтаны нефти, полученные из горизонта Б₂ в Зольном и девонского горизонта в Яблоновом Овраге стали основной предпосылкой для преобразования Ставропольского укрупненного нефтепромысла в трест «Ставропольнефть» в марте 1945 г. Его управляющим был назначен В. Раков (однофамилец знатного бурового мастера). В 1945 г. трест вышел на лидирующие позиции, а «его удельный вес в общей добыче нефти возрос к концу года до 44,3%, а в марте 1946 г. до 54,8%»²⁵. Нефтяники освоили прогрессивные методы бурения – турбинный, направленный, кустовой. Куйбышевские мастера скоростного бурения В. А. Раков, А. К. Сабирзянов, Г. Д. Толстоухов, И. В. Кузнецов и другие добились высоких показателей (более 900 м на станок в месяц при средней скорости 120-250 м). Применение новых способов бурения

²² Цит по: *Курашев А.* Куйбышевская нефть. Из истории развития нефтяной промышленности области. Куйбыш. кн. изд-во, 1969. С. 37.

²³ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 8, д. 9, л. 241 об.

²⁴ Там же. Оп. 23, д. 31, л. 132.

²⁵ Там же. Оп. 25, д. 8, л. 76.

стало одним из решающих факторов ускорения разработки девонских месторождений, расположенных в Жигулевских горах.

В 1944 г. начался процесс разукрупнения Куйбышевского нефтяного комбината – из его состава выведен трест «Бугурусланнефть».

Сложное положение в последние годы войны сложилось в «Куйбышев-нефтекомбинате». И люди, и оборудование работали на физический износ. Те нагрузки, которые выдерживали люди, были не под силу механизмам, которые требовали ремонта. Так, например, из 84 буровых станков, имевшихся в «Куйбышев-нефтекомбинате» в июле 1944 г., пригодными к работе оставались лишь 24; 33 станка требовали капитального ремонта, 27 – разукрупнены. Вопрос о восстановлении и ремонте бурового оборудования в нефтяной промышленности подвергся специальному рассмотрению на заседании бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) от 14 июля 1944 г. На нем констатировалось, что большая часть буровых станков и оборудования пришли в негодность, а имевшиеся механические мастерские на полную мощность не использовались. Прозвучала критика и в адрес Сызранского ремонтно-механического завода, введенного в эксплуатацию в сентябре 1943 г. Он за это время так и не смог наладить серийный выпуск запасных частей для ремонта бурового оборудования²⁶. Начало становлению завода было положено постановлением ГКО, увидевшему свет в ноябре 1942 г. Перед коллективом ремонтно-механического завода ставится задача: изготовление запасных частей для бурового и промыслового оборудования нефтяных предприятий Востока. Первым директором РМЗ был назначен Исмаил Абульфатович Султанов. Главная задача, поставленная перед коллективом – освоение выпуска задвижек различного диаметра для промыслов. На 1 января 1944 г. численность персонала завода достигла 201 чел., из них – 154 женщины. Несмотря на все трудности, к этому времени коллектив уже сумел освоить производство более ста наименований запасных частей. В сравнительно короткое время удалось освоить серийный выпуск технологически сложного для тех условий изделий. Подействовала и критика со стороны Куйбышевского обкома. В декабре сорок четвертого коллектив рапортовал о досрочном выполнении годового плана²⁷. На протяжении всех военных лет завод изготавливал и поставлял предприятиям бурения и нефтедобычи запасные части к буровому и нефтепромысловому оборудованию. Он стал первым предприятием нефтяного машиностроения, созданным в нашей области.

1942 г., один из самых критических в истории Великой Отечественной войны, ознаменовался появлением в Куйбышевской области новой, стратегически важной отрасли промышленности – нефтепере-рабатывающей. Ее первенцем стал Сызранский нефтеперерабатывающий (нефтеперегонный) завод. В его сооружение коррективы внесла начавшаяся война. В июне 1941 г. направление строительства завода было изменено. Первоначальный проект сооружения НПЗ в течение второго полугодия 1941 г. менялся пять раз, что отразилось на ходе

²⁶ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 8, д. 70, л. 14.

²⁷ *Усинцев Ю.* Начинался завод с мастерской // До и после Победы. К 60-летию ОАО «Нефтемаш». Сызрань, 2003. С. 16–17.

проектирования и строительства завода. Строительство форсировалось на базе оборудования, вывезенного с заводов Херсона и Одессы. В «Справке о восстановлении эвакуированных предприятий за 1941 г. и 1942 г. по Наркомнефти» говорится о «крекинг-заводе г. Херсон», восстановленном в г. Сызрани. О том, на какой базе восстановлен, ответ дается достаточно четкий: «На площадях, подготовлявшихся для нефтезавода другой конструкции»²⁸. Крекинг-завод был восстановлен в течение 8 месяцев вместо положенных для мирного времени 2,5 лет.

С 15 июля 1942 г. Сызранский нефтеперерабатывающий завод приступил к выпуску продукции. Строительные работы были осуществлены трестом «Востокнефтестрой». 20 июля 1942 г. с крупными недоделками в промышленной аппаратуре и сооружениях завод вступил в промышленную эксплуатацию. В докладной записке, направленной 25 июля того же года в ЦК ВКП(б) и СНК СССР секретарем Куйбышевского обкома ВКП(б) Никитиным В. Д., ставился вопрос об ориентации завода на переработку сызранской нефти, так как завод работал на привозном сырье. Осенью 1942 г. в кратчайшие сроки к новому заводу был проложен нефтепровод с Сызранского и Ставропольского нефтяных месторождений.

С октября 1942 г., когда резко сократился подвоз бакинского мазута, на заводе стали крекировать местную сернистую нефть с большим содержанием солей. Разработанного технологического режима не было, а это приводило к массе нарушений и ошибок, кончавшихся выведением аппаратуры из строя. В июне 1943 г. была пущена в эксплуатацию шестикубовая батарея, смонтированная из оборудования Туапсинского, Херсонского и Одесского заводов.

В июне 1945 г. заместитель секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) Я. М. Агарунов отмечал, что завод вступил в эксплуатацию в августе 1942 г. с месячной выработкой 4 тыс. тонн бензина увеличив выработку бензина «на 30% больше проектной мощности»²⁹. Всего с момента пуска завода и до июня 1945 г. на Сызранском НПЗ было переработано 965 тыс. тонн сырья; получено бензина 281 тыс. тонн, мазута – 564 тыс. тонн, пиролизного сырья 58 тыс. тонн. Среднемесячная выработка бензина поднялась с 3672 тонн в 1942 г. до 9266 тонн в 1945 г., т. е. на 252%. В годы войны завод был засекречен. Больше известен как номерной № 418, однако до 22 июня 1943 г. значился как завод № 96.

Свой вклад в укрепление нефтеперерабатывающей отрасли Куйбышевской области внесли и США, направившие в годы Великой Отечественной войны оборудование и технологические установки с одного из демонтированных в своей стране заводов в г. Куйбышев. Поставки осуществлялись по ленд-лизу. 21 августа 1943 г. на основании Постановления ГКО № 3961 Наркоматом нефтяной промышленности СССР издан приказ о начале строительства крекинг-завода в районе г. Куйбышева. С сентября того же года развернулось сооруже-

²⁸ РГАЭ, ф. 4372, оп. 42, д. 493, л. 227.

²⁹ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 24, д. 33, л. 343.

ние завода № 443. 8 сентября 1945 г. пущены первые установки ЭЛОУ-1 и ККУ-1, получен первый бензин А-56.

Если 1942 г. положил начало нефтеперерабатывающей промышленности, то следующий, 1943 г. стал временем зарождения в Куйбышевской области газовой промышленности. Она уверенно заявила о себе после сооружения в 1942–1943 гг. газопровода Бугуруслан-Куйбышев, который дал предприятиям г. Куйбышева дешевое, экологически чистое топливо. В первую очередь тем из них, которые выполняли заказы фронта, приближали день Победы. За его сооружение отвечал наркомат Нефтяной промышленности СССР.

Широкое использование газа для нужд промышленности началось в СССР только в годы Великой Отечественной войны. Первыми городами Советского Союза, в которых природный газ стал широко использоваться в промышленных целях, стали Куйбышев и Саратов.

О богатейших запасах природного газа в Бугурусланском районе Чкаловской области, граничащим с Куйбышевской областью, было известно еще до войны. Проект газопровода Бугуруслан – Куйбышев появился в 1940 г., но он остался на бумаге. В 1942 г. недалеко от Бугуруслана под руководством В. П. Савченко и В. М. Алешинского было открыто крупное месторождение с запасом, оценивающимся в сотни миллионов кубометров газа. 7 апреля того же года ГКО СССР принял решение о строительстве газопровода Бугуруслан — Куйбышев. В соответствии с ним на основании приказа народного комиссара нефтяной промышленности от 10 апреля 1942 г., газопровод планировалось «закончить строительством» в декабре того же года.

В мае 1942 г. было организовано управление строительством газопровода Бугуруслан – Куйбышев. Необходимо было построить газосборную сеть протяженностью 45,5 км, головные сооружения, проложить основную магистраль газопровода длиной в 144 км. Работы по газосборной сети и головным сооружениям вел трест «Азнефтегазстрой».

При планировании прокладки газопровода Бугуруслан – Куйбышев исходили из того, что более 60 процентов труб будут асбоцементными, остальные – металлическими. Срок поставки асбоцементных труб Наркоматом стройматериалов, установленный ГКО СССР (май-июнь 1942 г.), был сорван.

Руководили строительством газопровода Н. В. Черский, Д. А. Коган и И. Н. Дарчиев. Трест «Азнефтегазстрой» возглавлял М. Г. Данилов. Они разрешали многочисленные организационные вопросы и делали все, чтобы завершить строительство газопровода в установленные сроки. Основной исполнитель работ, стройуправление № 11, имело в своем составе четыре линейных конторы. Из 1900 чел., занятых в них на 20 октября 1942 г., 1400 являлись заключенными³⁰. К осени 1942 г. стало очевидно, что задание ГКО по окончанию строительства газопровода Бугуруслан – Куйбышев находится под угрозой срыва.

В сентябре 1943 г. газопровод Бугуруслан – Куйбышев был сдан в эксплуатацию. В одной из справок, датированной 10 ноября 1943 г., говорилось:

---

³⁰ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 20, д. 6, л. 9 об.

«Газопровод Похвистнево – Безымянка, протяжением 165 км. пущен в эксплуатацию в сентябре месяце т. г. и в настоящее время подает газ потребителям в количестве до 220 тыс. куб. м. в сутки или 9 тыс. куб. м. в час»³¹. В первую очередь, газ был подан на Безымянскую ТЭЦ. В общем топливном балансе БТЭЦ доля газа поднялась с 9,4 процента в сентябре 1943 г. до 52,5 процентов в июне 1944 г.

Магистральный газопровод Бугуруслан – Куйбышев с многочисленными недоделками был принят в эксплуатацию комиссией Управления газопередачи 15 января 1944 г.

Необходимо подчеркнуть исключительную сложность проведенных работ. В тяжелых условиях военного времени строители ввели в строй компрессорный блок, сепараторные высокого и низкого давления, химводоочистку, водозабор, газосборный коллектор, четыре дюкера через реки, три – через магистральные пути, три – через озера и болота с 16 колодцами, газораспределительный пункт и другие сооружения. Впервые в СССР на 21 километровой отрезке были использованы асбоцементные трубы вместо металлических.

Государственный план добычи газа, установленный тресту «Куйбышевгаз» на 1944 г. «в количестве 200 миллионов кубометров», был выполнен 11 декабря 1944 г. В том же году за счет применения газа было сэкономлено до 200 тыс. тонн привозного угля. Почти полностью было снято потребление угля и мазута на 18 заводах Куйбышева и частично на Безымянской ТЭЦ. В январе 1945 г. были газифицированы уже больше сотни предприятий, примыкающих к трассе газопровода. В 1945 г. природный газ пришел на Куйбышевскую ГРЭС.

История сооружения газопровода Бугуруслан — Куйбышев со временем обросла рядом мифов. Первый из них – «о всенародной стройке» (на самом деле использовался в значительной мере труд заключенных, колхозников, горожан, привлеченных в порядке исполнения трудовых обязанностей). Второй – об использовании для прокладки газопровода асбоцементных труб на последнем участке трассы, как удачно найденном выходе из сложившейся ситуации в обеспечении стройки трубами (в самом начале строительства планировалось применить до 60 процентов асбоцементных труб от их общего количества, но их не смогли вовремя выпустить и поставить на стройку). Третий — об открытии газового месторождения под Бугурусланом в 1942 г. (нефтегазовые месторождения были обнаружены под Бугурусланом в 1939–1940 гг.). Не были до настоящего времени обнародованы и данные о разработке проекта газопровода Бугуруслан — Куйбышев в 1940 г. Соответственно, складывалось мнение, что работа над ним началась с чистого листа бумаги в годы войны.

Мифы появляются тогда, когда искажаются или не обнародуются факты реальной истории. «Газопровод Бугуруслан – Куйбышев, – был уверен известный специалист газовой отрасли Ю. И. Боксерман, – можно считать началом бурного развития нашей газовой промышленности»³².

³¹ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 35, д. 154, л. 4.

³² Боксерман Ю. И. Невидимые магистрали // Знамя. 1975. № 7. С. 81.

Шла война, но продолжалась и жизнь. Те, кто трудился во имя Победы, занимались и будничными, мирными делами. В ноябре 1942 г. бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) одобрило инициативу коллективов Сызранского и Ставропольского нефтепромыслов Куйбышевского нефтекомбината «по выработке соли из буровых вод». На декабрь суточный план выработки соли должен был составить на Сызранском нефтепромысле две тонны, на Ставропольском – 0,4 тонны³³. Соль также являлась «стратегическим» продуктом для тех, кто находился в тылу.

В марте 1943 г. руководство Куйбышевского нефтекомбината, в связи с увеличением количества рабочих, занятых в нефтяной промышленности до 14 тыс. чел., обратилось в ВЦСПС с просьбой создать областной комитет профсоюза рабочих нефтяной промышленности Востока, «с местонахождением в г. Куйбышеве».

В феврале 1943 г. в г. Сызрани открыт Дом нефтяников. Весной того же года около 4000 семей нефтяников получили землю под огороды. Им было выделено свыше 450 гектар. Возобновился выход газеты «Сызранский нефтяник». В конце того же года был открыт в Промышленном районе г. Сызрани детсад для детей фронтовиков. Одним из его шефов стала транспортная контора треста «Сызраньнефть».

1944 и 1945 г. стали победными и для нефтяной промышленности Куйбышевской области. Был досрочно выполнен план 1944 г. Прирост, по сравнению с 1943 г, составил 22,1%. Свой вклад в наращивание производительности труда внесли социалистическое соревнование, стахановское движение. Эти формы воздействия на массы, управления ими в годы Великой Отечественной войны наполнились более глубоким содержанием.

Нефтяники в годы войны работали в тяжелейших условиях. Особенно это касалось «спецконтингента» – тех, кто пришел на промыслы не по своей воле.

В 1945 г. завершит свою историю Куйбышевский нефтяной комбинат. Переход страны на мирные рельсы повлек за собой и реорганизацию управления нефтяной промышленностью. На смену Куйбышевскому нефтяному комбинату придет объединение «Куйбышевнефть».

В мае 1945 г. закончится Великая Отечественная война. В развитии нефтяной промышленности Куйбышевской области произойдут качественные изменения. Добыча нефти в 1945 г. против 1940 г. увеличится в 4,7 раза. В области будут вновь созданы два нефтедобывающих треста «Кинельнефть» и «Ставропольнефть»; четыре новых нефтяных промысла: Заборовский, Зольненский, Губинский, Похвистневский; два нефтеперерабатывающих завода – Сызранский и Куйбышевский, два ремонтно-механических завода. В нефтяную промышленность области за годы войны будет вложено около 250 млн. руб. Резко вырастет численность занятых в нефтяной отрасли. В военные годы в области родится и газовая индустрия. В 1942–1943 гг. по решению правительства будет построен самый крупный для того времени и первый в стране дальний магистральный газопровод Бугуруслан – Куйбышев.

³³ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 6, д. 101, л. 69.

За сухой констатацией фактов – напряженный труд нефтяников Куйбышевской области, рабочих и инженерно-технических работников, прибывших в Поволжье с эвакуированными предприятиями с юга и из западных областей СССР, отраслевых, партийных и советских руководителей. Их усилиями в 1945 г. Куйбышевский нефтяной комбинат займет второе место после Башкирского по нефтедобыче в России.

Нефтяной комплекс, созданный в годы Великой Отечественной войны, станет главным итогом развития нефтяной отрасли в 1941–1945 гг. Успехи, достигнутые в военные годы, будут закреплены и намного превзойдены в послевоенные десятилетия.

Армяне – профессора саратовских вузов

Настоящая статья открывает научное издание о жизни и деятельности известных в Саратовском Поволжье армян. Среди них особого внимания заслуживает многочисленный отряд профессоров и докторов наук, работавших и работающих в вузах Саратова. Автор изучает биографию, основные этапы жизненного и научного пути некоторых профессоров армян на Саратовской земле. Зарождение юридического образования в Саратове связано с созданием в 1917 г. юридического факультета в Саратовском университете. К осени 1917 г. факультет был укомплектован квалифицированными преподавателями, преимущественно приглашенными из Москвы и Петрограда. Среди них оказался и Степан Федорович Кечекьян (12 марта 1890 г. – 26 июня 1967 г.).

Профессор Кечекьян С. Ф. принадлежит к числу тех выдающихся ученых, с именами которых связано становление и развитие ряда отраслей советской юридической науки. Он родился 12 марта 1890 г. в армянском городе Нахичевань-на-Дону в семье врача. Старший брат его, Константин Федорович Кечекьян, закончил медицинский институт в Германии, участвовал в Первой мировой войне в качестве военно-полевого врача и в дальнейшем всю свою жизнь посвятил хирургии в Нахичевани-на-Дону и Ростове-на-Дону¹.

В 1912 г., по окончании юридического факультета Московского университета, Кечекьян С. Ф. был оставлен в вузе для подготовки к профессорскому званию. Первой научной работой молодого ученого стала монография «Этическое мирозерцание Спинозы», опубликованная в 1914 г. В исследовании рассматривались не только проблемы этики в произведениях выдающегося голландского философа-материалиста XVII в., но и его правовая доктрина, учение о государстве, политическом идеале, т. е. все общественно-политическое и правовое мировоззрение в целом, взятое к тому же в сопоставлении со взглядами И. Канта, Т. Гоббса и других политических мыслителей².

Кечекьян С. Ф. стремился найти объективный подход к изучению истории политико-правовых идей и ответить на вопрос, поставленный еще Кантом – возможна ли юриспруденция как наука. По этому поводу автор писал: «Вместо того, чтобы подражать приемам построения естественных наук и черпать истины из логики естествознания, юристы должны озаботиться выработкой собственной логики юридических наук». И далее – «... логика юридических наук должна строиться в связи с логикой других учений, как часть более обширной науки ... Однако проблема логики правоведения не совпадает с проблемой построения логики социальных наук, хотя имеет с ней много родственных черт и точек соприкосновения»³.

¹ Багдыков М. Г. Нахичеванские портреты. Ростов-на-Дону, 1991. С. 30.

² Кечекьян С. Ф. Этическое мирозерцание Спинозы. М., 1914.

³ Там же. С. 333–336.

В 1915 г. Кечекьян С. Ф. получил ученое звание приват-доцента и с этого времени начинается его преподавательская деятельность. В 1918–1919 гг. он работает в Саратове, избирается профессором Саратовского университета, а затем деканом факультета общественных наук, ведет занятия в Экономическом институте и Институте народного образования.

В 1920–1921 гг. в связи с переездом в свой родной город С. Ф. Кечекьян становится профессором Донского университета и Донского института народного хозяйства. В Донском университете его избирают деканом факультета общественных наук.

В 1922 г. ученый возвращается в Москву, где преподает в Московском Пречистинском практическом институте и Институте слова. В 1928 г. он уезжает в Баку, где помогает в организации юридического факультета на базе правового отделения восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина. Его избирают профессором по кафедре международного права. Годы работы в Баку были особенно плодотворными. В это время публикуются такие интересные исследования, как «Международно-правовая защита национальных меньшинств» (1929 г.) и «Мандаты Лиги Наций в странах Арабского Востока» (1930 г.).

В 1931 г. Кечекьян С. Ф. окончательно возвращается в Москву и постоянно работает в вузах столицы. Лишь один учебный год (1937–1938) С. Ф. Кечекьян преподавал в Свердловском юридическом институте.

Уже в 1920-е гг., активно занимаясь преподавательской и научно-исследовательской деятельностью, С. Ф. Кечекьян включился в практическую работу советских государственных учреждений. В 1922–1928 гг. он работал юрисконсультантом правления Московско-Курской железной дороги, сотрудничая одновременно в отделе международных расчетов Наркомфина СССР, а после возвращения из Баку в течение трех лет возглавлял правовую группу Всесоюзного объединения искусственного волокна Наркомтяжпрома СССР.

Непосредственная связь с юридической практикой нашла отражение в работах ученого по общей теории права, в частности, в 1927–1929 гг. им были написаны статьи «О толковании законов судом», «Понятие юридического лица и область его применения» и др.⁴ Использование конкретного законодательного материала и практики, его применения стало с этого времени постоянной характерной чертой теоретико-правовых исследований С. Ф. Кечекьяна.

С 1934 г. научно-исследовательская и педагогическая деятельность Степана Федоровича протекала в крупнейших юридических вузах и научно-исследовательских учреждениях Москвы. Будучи профессором Московского юридического института (1934–1947 гг.), он продолжал руководить подготовкой аспирантов по всеобщей истории государства и права и истории политических учений до 1954 г., когда институт объединился с юридическим факультетом МГУ. В 1939 г. он защитил докторскую диссертацию по теме: «Общественно-политические воззрения Аристотеля».

---

⁴ Право и жизнь. 1928. № 1. Известия правового факультета Азербайджанского государственного университета. 1929. Вып. 4.

В 1937–1940 гг. С. Ф. Кечекьян работал во Всесоюзной правовой академии и Всесоюзном институте юридических наук, затем в течение двух лет – в Историко-архивном институте НКВД, а в 1942–1944 гг. – во Всесоюзном юридическом заочном институте, где заведовал кафедрой. В 1946 г. С. Ф. Кечекьян назначается профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС, где работал до 1954 г. С 1948 по 1953 гг. он преподавал также в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР (а с 1949 г. заведовал кафедрой).

Особую страницу биографии ученого составляет двадцатилетний период работы в Институте Государства и права Академии наук СССР (с 1940 г. по 1959 г.). Многие годы С. Ф. Кечекьян заведовал здесь сектором истории государства и права. Целый ряд важнейших научных исследований он завершил, работая в этом крупнейшем исследовательском центре юридической науки. В 1942 г., когда в Московском университете вновь открылся юридический факультет, С. Ф. Кечекьян возвращается в свою alma mater, возглавляя с 1953 г. и до последних лет жизни кафедру истории государства и права.

Тысячи студентов прослушали курс лекций, участвовали в семинарах у профессора С. Ф. Кечекьяна по теории государства и права, истории политических учений и истории государства и права зарубежных стран. Его лекции всегда были насыщены интересным фактическим материалом, четкими и ясными теоретическими выводами и обобщениями. Яркие и темпераментные лекции, с одной стороны, содержали богатый фактический материал, а, с другой, обеспечивали студентам возможность записать основное содержание.

С. Ф. Кечекьян – автор более 160 работ, в числе которых: «Этическое мирозерцание Спинозы» (1914 г.), «Политическое учение Бенжамена Констана» (1938 г.), «Политическая идеология накануне французской буржуазной революции XVIII в.» (1940 г.), «Всеобщая история государства и права. Древний Восток и Древняя Греция» Вып. 1 (1944 г.), «Учение Аристотеля о государстве и праве» (1947 г.), «Правоотношения в социалистическом обществе» (1958 г.), «Государство и право Древней Греции» (1963 г.). Многие его работы были переведены на иностранные языки и языки народов СССР.

Исследование профессора С. Ф. Кечекьяна об Аристотеле остается непревзойденным в юридической литературе. Такой же характер носят и многие его научные работы о политических и правовых взглядах Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, О. Канта и других выдающихся политических мыслителей прошлого.

С. Ф. Кечекьян создал свою научную школу, воспитал большой отряд советских ученых. Более 50 человек проходили под его руководством аспирантуру или докторантуру. Многие из них стали ведущими учеными. Это профессора М. Ф. Мелиошва, Ф. М. Бурлацкий, Г. З. Инцкирвели, О. А. Жидков и др. За заслуги в области научно-педагогической и общественной деятельности профессору С. Ф. Кечекьяну было присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, он был награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Среди основателей историко-филологического факультета Саратовского университета можно выделить доктора классической филологии, экстраординарного профессора кафедры классической филологии Саратовского универси-

тета с октября 1917 г. по декабрь 1920 г. Меликову (Меликянц) Софью Венедиктовну.

Меликова С. В. родилась в 1885 г. в дворянской семье. После окончания гимназии в 1903 г. она поступила на историко-филологический факультет Бестужевских высших женских курсов, которые окончила в 1909 г. с правом заграничной командировки и была оставлена при курсах для дальнейшей научной деятельности. Стажировка в Берлинском университете у видных филологов-классиков, Дильса и Виламовиц-Меллендорфа, определила основное направление ее научных интересов – греческая диалектология. По возвращении в Петербург С. В. Меликова с 1911 г. преподавала древние языки на Бестужевских высших женских курсах. В 1912 г. она поступила на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и одновременно преподавала на курсах древних языков и в Женском педагогическом институте.

С 1917 г. С. В. Меликова работала экстраординарным профессором классической филологии Саратовского государственного университета, читала курс истории античной литературы. По возвращении в Петроград в 1921 г., С. В. Меликова работала в Богословском институте, затем преподавала греческий язык в Первом Высшем педагогическом институте (ныне Педагогический университет им. Герцена). Одновременно, до 1927 г., она являлась старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ).

С 1932 г. и до начала Великой Отечественной войны Меликова С. В. работала доцентом кафедры классических языков в Ленинградском Институте философии, литературы и истории, а с 1936 г. преподавала латынь на историческом факультете Ленинградского Государственного университета. В 1942 г. эвакуировалась из Ленинграда в Казань, где умерла от последствий блокады.

Большой вклад в развитие здравоохранения Саратовского Поволжья внесла семья Поповьян. Иван Минаевич Поповьян родился 13 мая 1901 г. в г. Баку в семье учителя. В 1926 г. после окончания медицинского факультета 1-го Московского университета он был зачислен в клиническую ординатуру под руководством известного хирурга профессора Н. Н. Бурденко. В 1939 г. Поповьян И. М. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Клиника и хирургия лечения абсцессов легких».

Во время Великой Отечественной войны И. М. Поповьян был назначен на должность главного хирурга пятой армии, которая вела бои под Смоленском и Москвой⁵. После войны он вернулся в клинику факультетской хирургии Первого Московского медицинского института им. Сеченова, а в 1946 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Хирургическое обеспечение войск при освобождении Крыма и штурме Севастополя».

С 1948 г. по 1953 г. И. М. Поповьян являлся ректором Саратовского медицинского института. В 1949 г. он был избран заведующим кафедрой факультетской хирургии. Пристальное внимание профессор И. М. Поповьян уделял

---

⁵ Военные врачи – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краткий биографический справочник. Часть вторая. СПб., 1995. С. 245.

изучению проблем желудочной хирургии, хирургического лечения язвенной болезни и злокачественных образований, развитию легочной хирургии.

В трудные послевоенные годы И. М. Поповьян отдал много сил и энергии организации научной и лечебной работы клиник, улучшению подготовки кадров специалистов, укреплению материально-технической базы института. Под руководством профессора И. М. Поповьяна разрабатывались вопросы обезболивания и реанимации, готовились первые кадры анестезиологов области, создано урологическое отделение и начато преподавание курса урологии.

Немало сил профессор И. М. Поповьян отдавал педагогической работе, подготовив и воспитав целую плеяду хирургов и научных работников. Его перу принадлежит более 50 научных работ, посвященных различным разделам хирургии. Под руководством И. М. Поповьяна выполнено более 200 научных работ, защищено 14 кандидатских диссертаций. Правительство СССР высоко оценило заслуги И. М. Поповьяна – в его семейном архиве насчитывается девять правительственных наград⁶.

Другой профессор медицины, Парсамов Оганес Смбатович родился в Армении, в г. Александрополь (в советское время – Ленинакан, ныне – Гюмри) в 1885 г. После окончания гимназии в Тифлисе в 1904 г., поступил на медицинский факультет Московского университета, который с отличием окончил в 1910 г. со званием «лекаря». С 1910 г. по 1914 г. работал в качестве сверхштатного ординарного лаборанта факультета акушерской гинекологии клиники Женского медицинского института в Петербурге. В 1912 г. сдал экзамены на ученую степень доктора медицины при Военно-медицинской академии и начал работать над диссертационной темой в Институте экспериментальной медицины в Петербурге у профессора Е. С. Лондона. Диссертацию он защитить не смог, ввиду начала военных действий и отправки на фронт, где работал ординатором госпиталя Красного Креста до 1916 г. За работу в военные годы награжден орденом Святой Анны третьей степени.

В 1916 г. О. С. Парсамов подал документы на конкурс в молодой Саратовский университет, и с 1917 г. он в Саратове: сначала – ассистент, затем становится приват-доцентом. В 1925 г. защитил диссертацию «Беременная женщина и ее плод под влиянием пережитых условий жизни во время войны и революции». С 1926 г. по 1930 г. О. С. Парсамов, являясь доцентом этой же клиники, заведовал акушерско-гинекологической лечебницей. В 1930 г. он был назначен заведующим кафедрой акушерства и гинекологии.

В 1935 г. О. С. Парсамову была присуждена степень доктора медицинских наук и звание профессора. Им опубликовано более 40 научных работ. За годы его заведывания на кафедре защищено пять кандидатских диссертаций; четыре ассистента получили степень кандидата без защиты диссертации; один — степень доктора без защиты. На протяжении 15 лет О. С. Парсамов был бессменным председателем акушерско-гинекологического общества, консультантом городского и областного отделов здравоохранения по вопросам органи-

---

⁶ Хирургия. 2000. С. 17.

зации акушерско-гинекологической службы. С 1945 г. являлся главным акушером-гинекологом Саратова.

В годы Великой Отечественной войны О. С. Парсамов организовал курсы войсковых гинекологов, являлся консультантом эвакогоспиталя. Под руководством О. С. Парсамова в акушерских и гинекологических клиниках города внедрялось массовое обезболивание родов. В клинике проводились уникальные по сложности операции по пересадке мочеточника в кишку, созданию искусственного влагалища из кишки и др.

По предложению профессора О. С. Парсамова акушерско-гинекологическая больница здравотдела на Коммунарной улице была расширена за счет расположенного по соседству с больницей помещения санпроса. В результате выросла новая клиника на 50 акушерских и 50 гинекологических коек с аудиторией, вмещающей до 150-200 слушателей. До 1953 г., до самой смерти от инфаркта, он возглавлял акушерско-гинекологическую клинику на Коммунарной (Соборной) улице, которая в народе называлась «Парсамовским роддомом».

По воспоминаниям его внука, доктора исторических наук, профессора Парсамова Вадима Суреновича, «дед, как человек, он, судя по всему, был очень осторожный. Его молодость совпала с эпохой относительной политической свободы и революционной нестабильности, а затем он жил в атмосфере террора и репрессий. О. С. Парсамов был фигурой заметной, принадлежал к тому слою интеллигенции, который активно уничтожался в 1930-е и последующие годы. И если он уцелел, то, конечно, не благодаря своей осторожности, а благодаря своей профессии. Говорят, на зоне врачи неплохо устраиваются, а поскольку Советский Союз был большой зоной, то и дед устроился хорошо. Хорошие гинекологи всегда нужны, и это не только спасло жизнь ему, но и дало возможность моему отцу расти в благополучной, и в материальном плане в том числе, обстановке и получить хорошее образование»⁷.

Профессор Парсамов Вадим Суренович – внук известного врача, фамилия которого на долгие годы закрепились в народном сознании в названии клиники на улице Соборной (Коммунарной), где он проработал много лет, и где, по неофициальным данным, родилось, как минимум, четверть населения Саратова старше двадцати лет. Он ученик великого Лотмана, известного во всем мире, выпускник филологического факультета Тартуского университета; доктор исторических наук, профессор исторического факультета СГУ в 2002–2010 гг., в настоящее время работает в Москве в РГГУ.

Парсамов Вадим Суренович родился 21 ноября 1960 г. в Саратове. Большую роль в его воспитании, помимо рассказов отца, сыграли книги. От деда осталась большая библиотека. Отец много и постоянно читал и, видя это, юный Вадим тоже незаметным образом приистрастился к чтению. Родители никогда не принуждали его стать врачом. Отец очень переживал, что не может полностью реализовать себя в медицине из-за контузии. Его это очень угнетало. Врач должен быть сам физически здоров, в противном случае больные ему не будут ве-

⁷ Общественное мнение. 2011, 24 марта.

ритель: если врач не может вылечить себя, как он может вылечить другого? У него с детства были бронхиальная астма и хроническая пневмония, и отец, видимо, не очень хотел, чтобы сын связывал свою жизнь с профессией, где многое зависит от здоровья. Да и сам Вадим к медицине особенно не стремился. Его больше тянуло в университет.

Перед поступлением в университет у В. С. Парсамова были некоторые колебания: что выбрать – филологический или исторический. Но история тогда была не наука, а идеология, что-то узнать правдивое в этой сфере, как казалось молодому Вадиму, не представлялось возможным. Филология в этом отношении была посвободнее от идеологических догм. Поэтому он выбрал филологический факультет Саратовского государственного университета, на который поступил в 1978 г. Уже на первом курсе на него сильное впечатление произвели лекции по истории СССР профессора Владимира Владимировича Пугачева. «Он развеял мои прежние представления об истории как несвободной науке. Пугачев В. В. читал 19-й век, очень свободно говорил, импровизировал, а его способность рассуждать перед аудиторией буквально завораживала. Казалось, что мысль рождается на наших глазах»⁸, – так описывает Парсамов В. С. свои впечатления от лекций профессора В. В. Пугачева, с которым у него сложились хорошие отношения. Именно он очень помог В. С. Парсамову в 1981 г., когда его отчислили из университета: посоветовал ехать в Тарту и поступать заново на первый курс. У В. В. Пугачева были хорошие отношения с Ю. М. Лотманом, и он снабдил юношу рекомендательным письмом.

Эстонский период своей жизни В. С. Парсамов вспоминает с особой теплотой, отмечая неповторимую атмосферу старейшего университета в Тарту с его мощными традициями и научной школой – «tartu vaim» (тартуский дух)⁹. В 1987 г. Парсамов В. С. закончил университет и, хотя была возможность остаться в Тарту, он вернулся в родной Саратов, где в 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Идея национальной самобытности в преобразовательных проектах П. И. Пестеля». В 2002 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII–начала XIX вв.».

Филологическое прошлое и историческое настоящее определяют и сферу его научных интересов – история русской общественной мысли и русско-французских отношений XVIII–начала XX вв, древнерусская литература, декабристы и, в целом, пушкинская эпоха. Филология и история как науки, в его понимании, неотделимы друг от друга. Автор трех монографий и более 80 публикаций по истории русской общественной мысли и русско-французских отношений XVIII–начала XX вв.

Лев Александрович Варшамов, будучи приват-доцентом, в 1936 г. возглавил кафедру пропедевтики внутренних болезней Саратовского медицинского института, в 1940 г. был утвержден в звании профессора, а с 1944 по 1964 гг. возглавлял кафедру факультетской терапии лечебного факультета Саратовского

⁸ Общественное мнение. 2011, 24 марта.

⁹ Там же.

мединститута, руководил обществом терапевтов. Яркий лектор, блестящий клиницист, он проводил заседания общества на высоком научном уровне. На протяжении ряда лет профессор Л. А. Варшамов являлся членом правления Всесоюзного общества терапевтов, членом редколлегии журнала «Терапевтический архив», членом ученого совета Минздрава РСФСР¹⁰.

Капрелов Роберт Иванович – известный в Саратове ученый-медик, врачоториноларинголог (специалист по лечению заболеваний уха, горла, носа), родился 23 сентября 1937 г. в небольшом шахтерском городке Алчевске Луганской области (Украина) в армянской семье, в которой строго соблюдались армянские национальные традиции. Обманчивость фамилии объясняется просто. Дед, Авак Габриелян, при получении паспорта в России по ошибке чиновника был записан под фамилией Капрелов. Так произошла трансформация армянской фамилии в русский вариант.

Предки Р. И. Капрелова по отцовской линии были выходцами из Персии. Во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. они переехали в Зангезур и обосновались в селе Азадек. Тяготы жизни подвигли Авака Габриеляна с несколькими родственниками податься на заработки в Донбасс. Здесь у него родились четыре сына и две дочери. Один из сыновей – Ованес и стал впоследствии отцом Р. И. Капрелова. Мать, Тамара Карповна Рогонянц, была истинной хранительницей домашнего очага, полностью отдавая себя детям, воспитанию сына и дочери. Годы фашистской оккупации, голодный послевоенный период были серьезными испытаниями для семьи, которые они выдержали с честью. В столь тяжелых условиях военного и послевоенного лихолетья происходило становление характера молодого Роберта.

Через год после окончания средней школы, Роберт Иванович приехал в Саратов и поступил в 1956 г. на лечебный факультет Саратовского медицинского института. Учеба в стенах этого учебного заведения окончательно определила будущую специальность студента – хирургия.

В 1962 г. Р. И. Капрелов после окончания медицинского института прошел первичную специализацию по общей хирургии и поехал по распределению работать главным врачом в Красный Яр в районную больницу.

В 1967–1970 гг. он обучался в аспирантуре по специальности госпитальная челюстно-лицевая хирургия. Кандидатская диссертация Р. И. Капрелова была посвящена актуальной проблеме челюстно-лицевой травматологии. Ее блестящая защита состоялась в 1971 г. в Перми. Разработанные соискателем оригинальные способы лечения обеспечивали надежную фиксацию костных отломков нижней челюсти.

Следующий этап жизни Р. И. Капрелова связан с кафедрой уха, горла, носа Саратовского медицинского института, где он прошел путь от ассистента до доцента. С 1980 г. он является ведущим доцентом на кафедре лор болезней Саратовского медицинского института.

Высокая работоспособность и требовательность к себе позволили Капрелову Р. И. зарекомендовать себя одним из лучших профессионалов данной об-

¹⁰ Терапевтический архив. 1962. № 3. С. 17.

ласти. Впервые в Саратове были внедрены новые виды пластических операций на лице и челюсти. Он первым в городе применил при лечении больных с опухолями гортани полный объем специализированной помощи, получив при этом хорошие ближайшие и отдаленные результаты; выполнял уникальные хирургические вмешательства по восстановлению голоса после удаления гортани. С его именем связано внедрение в практику саратовского здравоохранения способа введения антибиотиков в сонную артерию для лечения тяжелых гнойных заболеваний в области головы и шеи. Им разработано около двух десятков различных способов и устройств для лечения больных.

Под руководством доцента Р. И. Капрелова прошли первичную специализацию около 400 врачей и более 1600 прошли переподготовку по специальности оторино-ларингология, а также более 30 ординаторов, работающих в различных городах России и зарубежом.

Р. И. Капрелов чрезвычайно отзывчивый человек. Он всегда готов прийти на помощь нуждающемуся в этом больному. Землетрясение в Армении в 1988 г. он воспринял как собственное горе и добровольно поехал в составе медицинской роты Саратовского полка Гражданской обороны в Ленинакан. Три месяца, изо дня в день, он вместе с несколькими десятками преданными долгу врача специалистами-медиками оказывал высококвалифицированную врачебную помощь больным и раненым. Ему пришлось проявить принципиальность, чтобы добиться «молчаливого согласия» полкового начальства на оказание медицинской помощи гражданскому населению. Бесспорно и то, что последовательность действий в реализации плана участия медицинской роты в работе городской больницы г. Ленинакана усиливалось и поддерживалось чувством любви к своему народу¹¹.

Профессор Пучиньян Даниил Миронович родился 7 февраля 1948 г. в г. Саратове в семье служащих. Формирование его личности проходило в условиях демократичности семейной среды под влиянием бабушки Февроньи Павловны (Пепрон Погосовны) и родителей Мирона Даниловича и Елизаветы Эмануиловны (Манвеловны).

В 1966 г. Д. М. Пучиньян с серебряной медалью окончил 11-й класс 37 средней школы и поступил на лечебный факультет Саратовского медицинского института. Выбору специальности молодой человек был обязан, с одной стороны, популярной медицинской литературе, в которой особое место уделялось вопросам физиологии – единственной научной дисциплине в медицине, и, с другой, тем, что среди выдающихся физиологов, внесших существенный вклад в развитие мировой и российской физиологической науки, были ученые-армяне Л. А. Орбели, Э. А. Асратян, Х. С. Коштоянц. Последний фактор пробуждал национальную гордость.

С отличием окончивший в 1972 г. институт Д. М. Пучиньян работал врачом-хирургом в Дорожной клинической больнице Приволжской железной дороги, а затем, в 1976 г., поступил в аспирантуру к профессору С. А. Георгиевой. В 1979 г. после завершения учебы в аспирантуре он занимает должность ассис-

¹¹ Матенадаран. 1998. № 7.

стента кафедры нормальной физиологии, а 14 октября 1981 г. успешно защитил в Ленинграде в стенах всемирно известного Института физиологии имени И. П. Павлова АН СССР кандидатскую диссертацию на тему: «Влияние инсулина на функциональную активность тромбоцитов и процесс свертывания крови».

С декабря 1983 г. Д. М. Пучиньян работает в Саратовском НИИ травматологии и ортопедии, где проходит его творческий и карьерный рост. Старший научный сотрудник лаборатории патофизиологии, руководитель этой лаборатории, ведущий научный сотрудник группы патофизиологии, а с июня 1995 г. заместитель директора по научной работе. Решением ВАК при Совете Министров СССР от 1 июня 1988 г. Д. М. Пучиньяну было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Физиология человека и животных».

В биографии Даниила Мироновича есть и такой эпизод, продиктованный велением сердца. Землетрясение в Армении в декабре 1988 г. отозвалось болью в его сердце. Добровольцами он вместе со своим другом и соотечественником Р. И. Капреловым в составе полка гражданской обороны Саратовской области участвовали в ликвидации последствий стихийного бедствия.

18 июня 1996 г. Д. М. Пучиньян успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Физиологическое обоснование принципов профилактики послеоперационных гемокоагуляционных осложнений» в диссертационном совете Российского университета Дружбы народов (г. Москва). В диссертации были заложены основы нового направления в физиологии системы гемостаза – адаптивной коагулологии, целью которой определено выявление и использование резервных возможностей системы для повышения эффективности профилактики гемокоагуляционных осложнений у больных. Решением ВАК РФ от 6 декабря 1996 г. ему была присуждена ученая степень доктора медицинских наук, а решением ВАК от 21 октября 2003 г. присвоено ученое звание профессора по специальности «Физиология».

Под руководством Д. М. Пучиньяна выполнены две докторские и пять кандидатских диссертаций. Им осуществлялось также консультативное руководство кандидатских и докторских диссертаций. Он является автором более 300 печатных работ, в том числе четырех монографий, более 20 методических разработок и 16 изобретений. Сфера его научных интересов – физиология и патофизиология системы гемостаза, пути повышения эффективности профилактики гемокоагуляционных осложнений в клинической практике. Он успешно развивает вместе со своим творческим коллективом новое направление в гемостазиологии – адаптивную коагулологию.

Профессор Д. М. Пучиньян активно занимается и общественной деятельностью. Он является старостой религиозной организации «Церковь Святого Саркиса», членом Совета армянской общины «Крунк» Саратовской области.

Атоян Вазген Рубенович (1940–2010 гг.) – доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и управление в машиностроении» СГТУ, академик, член президиума Саратовского отделения Российской Экологической академии, академик и вице-президент Российской академии проблем качества,

академик Международной академии экономических наук, научный руководитель Саратовского филиала республиканского научно-консультационного центра экспертизы, член головного совета НТП Минобразования РФ «Государственная поддержка региональной научно-технической политики ВШ и развитие ее научного потенциала».

В. Р. Атоян родился в Саратове в 1940 г. В 1962 г. окончил энергетический факультет Саратовского политехнического института (СГТУ), получив специальность инженера-промтеплоэнергетика. За период своей трудовой деятельности в СГТУ В. Р. Атоян занимал должности инженера НИСа, старшего преподавателя, доцента, декана энергетического факультета, заместителя проректора по научной работе, с 1989 г. по 1998 г. – проректор по научной работе, с 1998 г. по 2008 г. – первый проректор, директор департамента науки и инноваций СГТУ. С 2008 г.–2010 гг. – заведующий кафедрой «Экономика и управление в машиностроении» СГТУ.

В 1973 г. В. Р. Атоян защитил кандидатскую диссертацию, а в 1998 г. – докторскую диссертацию в Санкт-Петербурге. Областью научных интересов Вазгена Рубеновича являлись промышленная энергетика и инновационная экономика, в развитие которых он внес значительный вклад. В. Р. Атоян являлся одним из основателей инновационной деятельности вузов России, занимаясь этими проблемами около 20 лет.

В конце 1980-х гг. под руководством В. Р. Атояна в СГТУ началось формирование научной школы «Разработка теоретических основ и перспектив развития инновационной экономики», что нашло поддержку со стороны Министерства образования и науки. Вуз был назначен головным по разделам «Машиностроение» таких крупных инновационных программ, как «Мелкосерийное малотоннажная наукоемкая продукция» и «Трансферные технологии, комплексы и оборудование». В число исполнителей по этим разделам входило более 50 вузов страны, начиная от Владивостока и заканчивая Санкт-Петербургом.

Большой вклад внес В. Р. Атоян в создание Российского отделения международной исследовательской сети «Глобеликс» в виде некоммерческого партнерства «Научно-исследовательская организация «Академия инноватики ГЛОБЕЛИКС-Р». С 2009 г. академик В. Р. Атояна являлся президентом Академии Инноватики как отделения GLOBELICS и принимал активное участие в создании евразийской инновационной системы. Атоян В. Р. опубликовал более 200 научных работ. Под его руководством защищены более 15 докторских и кандидатских диссертаций.

За плодотворную деятельность в сфере высшего образования и науки В. Р. Атоян награжден медалью «За трудовое отличие», являлся Почетным работником высшего профессионального образования, Заслуженным работником высшей школы, Лауреатом премии Президента РФ в области образования и Лауреатом премии им. С. И. Мосина за значительный вклад в развитие науки и техники, а также обладателем Почетного знака губернатора Саратовской области «За любовь к родной земле».

Вартанов Сергей Яковлевич – профессор кафедры специального фортепиано исполнительского факультета Саратовской государственной консервато-

рии им. Л. В. Собинова, родился в 1947 г. в г. Одессе. Профессиональное образование получил в Академии музыки, г. Кишинев (класс Л. Ваверко, окончил в 1970 г.) и в аспирантуре Российской Академии Музыки им. Гнесиных, г. Москва (руководитель стажировки М. Гринберг, руководитель диссертации А. Алексеев; окончил в 1976 г.). Регулярно выступает с концертами в городах России и за рубежом как солист, так и в сопровождении оркестра. Постоянный участник музыкальных фестивалей, член жюри конкурсов, фортепиано-педагогических и теоретических симпозиумов: XIII конференция ЕРГА (Москва–1991), им. Н. Рославца и Н. Габо (Брянск–2000), «Музыкальное приношение Альфреду Шнитке» (Москва–2004), «Скрябинские чтения» (Москва–2005), «Рахманинов: национальная память России» (Тамбов–2008), «Исполнительское искусство и музыковедение», «Проблемы художественной интерпретации» (Москва–2009).

В Саратовской консерватории С. Я. Вартанов преподает с 1976 г.: ведет класс специального фортепиано – подготовил свыше 40 дипломников, работающих в музыкальных вузах, колледжах, школах в России и в зарубежных странах. Студенты его класса успешно участвуют в региональных и международных конкурсах, играют в концертах класса, выступают с сольными концертами. Параллельно С. Я. Вартанов читает теоретический курс «История фортепианного искусства». Опубликовал более 40 научных статей в московских и региональных академических изданиях.

В 1980 г. С. Я. Вартанов защитил кандидатскую диссертацию в Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, а в 2013 г. – докторскую диссертацию, посвященную сюжетности и программности в фортепианной интерпретации.

Развитие здравоохранения в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Поволжья)

В 1948 г. в СССР завершается третья демографическая катастрофа. Однако естественный прирост населения продолжает сокращаться и в начале 1950-х гг., в том числе и по причине неудовлетворительного развития здравоохранения. Поэтому пришедшее в 1953 г. к власти в СССР новое руководство во главе с Н. Хрущевым в своей реформаторской деятельности стало гораздо больше внимания уделять проблемам медицинского обслуживания населения, как и всему социальному блоку в целом. В этом правительстве усматривало один из эффективных рычагов смягчения абсолютной бедности населения, являвшейся нормой жизни в первые послевоенные годы. Поэтому исследование проблем развития медицины представляет несомненный интерес как для специалистов по социальной истории, так и для демографов, занимающихся вопросами исторической демографии России и СССР. В свою очередь создать целостную и объективную картину развития здравоохранения в масштабе страны возможно только посредством обращения к региональному материалу. Но развитие здравоохранения на провинциальном уровне еще не получило должного освещения, хотя относительно Саратовской области уже появились интересные разработки¹. С их учетом в данной работе будут проанализированы так называемый «хрущевский этап» (1953–1964) и эпоха «застоя» (1964–1985) в развитии советской системы здравоохранения на материалах Волгоградской, Саратовской, Куйбышевской (ныне Самарская), Пензенской, Астраханской, Ульяновской областей, Калмыцкой и Татарской АССР. Рассмотрим первый из обозначенных этапов.

К началу 1950-х гг. демографическая ситуация в Нижнем Поволжье оставалась тревожной. Продолжали сказываться последствия голода 1947 г. В 1948 г. число умерших в нижневолжских областях превысило соответствующий показатель 1946 г. на 4,6% (1677 чел.). В 1949 г. смертность в регионе упала ниже отметки 1946 г. и примерно соответствовала уровню 1945 г.² В 1953 г. только в одной Саратовской области число смертей выросло по сравнению с 1950 г. на 654³, причем больше умирало именно в сельской местности (9145 смертей в селах и 4154 смерти в городах)⁴. Во многом это было следствием зна-

¹ См.: Гуменюк А. А. Развитие здравоохранения в Саратовской области (1953–1985) // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. Саратов, 2007. Вып. 2; Гуменюк А. А., Гуменюк О. И. Развитие стоматологической службы в СССР в 1953–1985 гг. (на материалах Саратовской области) // История стоматологии. Доклады и тезисы I Всероссийской конференции (с международным участием). М., 2007; Глыбочко П. В., Гуменюк А. А., Гуменюк О. И. Саратовская медицинская наука и здравоохранение в 1953–1985 гг.: некоторые наблюдения // Саратовский научно-медицинский журнал. 2008. №1 (19) и другие.

² Кузнецова Н. В. Население Нижнего Поволжья в условиях продовольственного кризиса (1946–1947 гг.) // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 341.

³ Подсчитано по данным: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 3052, л. 86.

⁴ Там же.

чительной нехватки лечебных учреждений и врачей. Так, в Астрахани на полу-миллионное население города приходилось лишь 3140 больничных коек⁵. В 22 МТС и 12 совхозах Саратовской области, в которых работало от 200 до 500 чел., не считая членов их семей, не было никаких лечебных учреждений. В 13 районах этой области не было акушеров-гинекологов, в семи районах не хватало детских врачей, в трех районах не доставало даже хирургов, население 82 совхозах (от тысячи до двух тысяч человек) обслуживались одним фельдшером. Многие медицинские учреждения располагались в ветхих непригодных помещениях. В новом, образованном в 1946 г., Ленинском районе г. Саратова имелось только одно больнично-поликлиническое объединение, располагавшееся в здании барачного типа⁶. Низкой была техническая оснащенность здравоохранения⁷.

Имеющийся штат медицинских работников работал главным образом в городах⁸, и редко посещал районы региона, что существенно снижало качество медицинского обслуживания на селе. Работники сельских медпунктов «варились в собственном соку», врачам районных специализированных больниц не оказывалось никакой помощи в повышении деловой квалификации, их не снабжали даже медицинской литературой. Не налажено было их обеспечение промышленными товарами, нормы снабжения продовольствием были пониженные. Сельские медработники иногда по нескольку месяцев не получали зарплаты. Вот как изображали состояние сельского здравоохранения Саратовской области ее жители⁹. Приведенные документальные и обывательские свидетельства неопровержимо доказывают, что выделенных на развитие здравоохранения области в 1954 г. средств (121 млн. рублей) было явно недостаточно, хотя эта сумма превысила уровень 1940 г. в три раза¹⁰.

⁵ История Астраханского края. Астрахань, 2000. С. 800.

⁶ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 2888, л. 12; *Динес В. А., Фролкин П. П.* История Саратовского края. Саратов, 2010. С. 9.

⁷ Так, в 30 районах Саратовской области отсутствовали рентгеновские аппараты. (См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 2888, л. 12).

⁸ Например, в городах Саратовской области работало 926 врачей, а в сельской местности только 369 (См.: Там же. Д. 3334, л. 240).

⁹ Жители с. Шиловка Екатерининского района негодовали: «... фельдшерский пункт с работой не справляется. Вдобавок вот уже два месяца фельдшер болеет и его никто не заменяет». В районной больнице Свердловского района была «... худая крыша, нет электроосвещения, нет санпропускника, душевой, туалета (хорошего). Больных направляют в Баланду (за 45 км.) или Саратов (150 км.)»; в больнице поселка Пушкино Советского района имелось «... всего лишь 10 больничных коек. Амбулатория по существу занимает всего 1 комнату. В ней проводится прием больных терапевтом и зубным врачом. Здесь же проводят различные лечебные процедуры. Больница не имеет санпропускника, надводных хозяйственных построек ... здания больницы и амбулатории находятся в аварийном состоянии и требуют капитального ремонта»; в Больше-Капенской больнице Широко-Камышенского района не доставало зубного и некоторых других специалистов. В Ивантеевском, Краснопартизанском, Питерском районах Саратовской области из-за отсутствия квалифицированной медицинской помощи населению имели место смертельные случаи среди больных (См.: *Коммунист* 1954. 3, 25 сент., 15 окт., 1957 2 апр.; ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 2888, л. 13.)

¹⁰ *Коммунист* 1955. 19 янв.

Новые лечебные учреждения строились очень медленно. Возведение отдельных зданий поликлиник в первой половине 1950-х гг., учитывая архитектурные традиции, требовало значительных затрат. Поэтому, например, в Саратове за первую половину 1950-х гг. было построено всего лишь две больницы и три поликлиники, в Ульяновске – пять больниц и три амбулатории¹¹. Поэтому большому количеству волжан часто отказывали в госпитализации. В частности 1626 жителям Ленинского района г. Саратова так и не нашлось места в больницах города¹². Плохо было поставлено дело с урологической помощью больным¹³. Большинство больных вынуждены были лечиться на дому. Не хватало коек также для хирургических, нервных и терапевтических больных¹⁴.

Обеспечение населения лекарствами также было не на высоте¹⁵. Горожане жаловались на трудности в приобретении отдельных лекарств, в частности, инсулина. Вызывала нарекания волжан также работа Саратовского территориального управления санаториев, объединявшего в начале 1950-х гг. 30 здравниц четырех областей Поволжья (Саратовской, Сталинградской, Астраханкой и Пензенской)¹⁶. Так группа отдыхающих в саратовском санатории «Пады» жаловалась: «Врач ... грубо обращается с больными, на их запросы не реагирует. Выход из строя парового котла лишил нас возможности принимать хвойные ванны»¹⁷. На плохую организацию культурного обслуживания и питания также сетовали отдыхающие в санаториях Черемшаны-1, 2 и однодневном доме отдыха «Ударник»¹⁸.

Родильные дома по числу коек были не в состоянии обеспечить потребностей горожан, поэтому, по словам главного акушера-гинеколога Саратовского облздравотдела А. М. Фоя, 15-20% и более коек руководители родильных стационаров вынуждены были располагать в коридорах и иных непригодных помещениях. По этой же причине роженицы после родов находились в стационарах вместо положенных девяти дней всего семь-восемь. В городе к то-

¹¹ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 3636, л. 103, 271; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть. 2. Саратов, 1972. С. 296.

¹² Подсчитано по данным: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4093, л. 4.

¹³ Например, для городского населения в Саратове существовало урологическое отделение при клинической больнице № 1 всего лишь на 20 коек, а для населения области – того меньше – на 12 коек при клинической больнице № 3. Но даже эти отделения неудовлетворительно обеспечивались оборудованием и кадрами (См.: Коммунист. 1954 14 июля).

¹⁴ Так, жители г. Петровска писали: «В ожидании приема терапевта больные теснятся в крошечном проходном коридорчике, около входной двери. С большими трудностями сопряжено лечение уха, горда и носа. Этот кабинет не работает иногда по несколько недель» (См.: Местное самоуправление Саратова: история и современность / Под ред. В. Н. Данилова. Саратов, 2005. С. 170; Коммунист. 1959. 16 февр.).

¹⁵ Рабочий заволжского совхоза «Комсомольский» Саратовской области в своем письме сообщал: «Хотя есть больница, а лекарств почти никаких нет. Чтобы получить лекарство больной должен совершить прогулку в районную аптеку за 60 км. Администрация совхоза дает помещение под аптеку, но ее не могут открыть, так как нет фармацевта» (См.: Коммунист. 1955. 10 дек.)

¹⁶ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4095, л. 2.

¹⁷ Коммунист 1958. 16 янв.

¹⁸ Там же. 1954. 8 июля.

му же недоставало более 400 акушерско-генекологических коек¹⁹. На самотек было пущено строительство детских садов и яслей. К сентябрю 1953 г. в Саратовском районе города с 1945 по 1953 гг. не только не было построено ни одного детского сада²⁰. Медленно строились они в МТС, а те, которые уже функционировали, не имели в достаточном количестве мебели, белья, посуды, игрушек, ощущался дефицит квалифицированных воспитателей. Следствием этого были нарушения режима дня ребенка, слабо проводилась воспитательная работа. Родители жаловались на то, что их дети питались черствым хлебом, пили не сладкий чай, не получали овощей и фруктов, не могли в отведенное расписанием дня время принять душ, поскольку с ведома заведующих в душевых купались посторонние люди. В семи районах Саратовской области детские учреждения располагались в неблагоустроенных помещениях, они не были обеспечены специальным оборудованием и медицинскими работниками. Поэтому организации отдельных саратовских предприятий, не дожидаясь указаний Министерства, возводили детские учреждения на собственные средства²¹. Однако, это, видимо, были единичные случаи, поскольку в Саратове за 1951–1955 гг. было построено всего лишь 14 детских садов и шесть яслей. Более широкое распространение эта практика получила в Ульяновске, где за те же годы было возведено 24 детских сада и яслей²². Тем не менее, немалое количество детей волжан находилось вне детских садов. Так, в Саратове даже в 1958 г. таковых насчитывалось 2830²³.

Первыми результаты от преобразований сферы здравоохранения, проводимых командой Н. Хрущева, волжане стали постепенно ощущать уже к концу 1950-х гг., в том числе за счет организации амбулаторно-поликлинических заведений в первых этажах новых жилых зданий²⁴. Так, в Саратовской области в 1958 г. сеть лечебных учреждений в сравнении с 1953 г. возросла на 16%, количество врачей к этому времени увеличилось на 273 человека, средний медицинский персонал – на 2663 человека²⁵. В Пензенской области число врачей (без зубных) с 1950 г. по 1955 г. возросло на 141²⁶. В Куйбышевской области в 1958 г. на 10 тыс. жителей приходилось 80,8 больничных койки против 65,7 в

¹⁹ *Гуменюк А. А.* Развитие службы родовспоможения в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) // Музей в региональном пространстве: презентации исторического наследия, культурная и общественная миссия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию СОМК. Саратов, 2011. С. 343.

²⁰ ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 2713, л. 81, 90.

²¹ Коммунист. 1954 12 марта, 19 июня, 1 июля, 1956 26 мая, 19 июня, 1957 11 апр.

²² См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 3636, л. 271; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть. 2. С. 296.

²³ ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4093, л. 6.

²⁴ *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003. С. 240.

²⁵ Коммунист. 1958. 18 февр.

²⁶ Подсчитано по данным: Пензенская область за сорок лет Советской власти (1917–1957). Пенза, 1957. С. 497, 498.

1950 г., обеспеченность врачами возросла на 48%²⁷. Число больничных учреждений в Калмыцкой АССР в 1958 г. составляло 47 единиц против 40 в 1955 г. Число больничных коек увеличилось с 655 до 975. Число врачей и среднего медперсонала возросло с 666 в 1956 г. до 798 в 1958 г.²⁸. Многие изменилось и в медицинском обслуживании жителей Балашова, являвшегося с 6 января 1954 г. по 19 ноября 1957 г. центром Балашовской области. В частности, в этом городе в эти годы было закончено строительство третьей областной больницы, открыты новая городская больница, неврологическое и травматологическое отделения, областная санитарно-авиационная станция, станция скорой помощи²⁹. К этому времени улучшения в сфере здравоохранения стали ощутимы также в Татарской АССР³⁰.

С конца 1950-х гг. постепенно стало возрастать финансирование медицинских учреждений. Так, в Пензенской области расходы на нужды здравоохранения выросли с 18,4 млн. руб. в 1958 г. до 30,5 млн. рублей в 1965 г.; в Калмыцкой АССР – с 1,6 млн. до 6,5 млн. руб.³¹. В Саратовской области к 1965 г. они увеличились по сравнению с 1960 г. на 15133 руб.³², позволив к середине 1960-х гг. улучшить медицинское обслуживание населения (см. таблицу).

Таблица

Количественные характеристики улучшения медицинского обслуживания населения Поволжья³³.

Область, республика региона	Сущность проводимых мероприятий
Саратовская область	Благодаря увеличению в сравнении с 1940 г. в восемь раз областного бюджета здравоохранения количество больниц в области к середине 1960 г. удалось довести до 340. В них работало 4400 врачей разных специальностей и почти 13 тыс. средних медицинских работников. К середине 1960 г. в области было в наличии 258 рентгеновских кабинетов,

²⁷ Очерки Куйбышевской области (1917–1980) Саратов, 1981. С. 164.

²⁸ Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970. С. 358.

²⁹ *Иванова Л. П.* Балашов – областной центр // Балашовский край. Альманах. 2001. №1(2). URL: [http // ruscities.ru/sarovskayaobl/balashov.html](http://ruscities.ru/sarovskayaobl/balashov.html) (дата обращения 1.03.2010 г.)

³⁰ История Татарской АССР. Казань, 1980. С. 195.

³¹ См.: Пензенская область за 50 лет Советской власти. С. 356 (средства, выделенные на здравоохранение здесь суммированы со средствами, выделенными на развитие физкультуры и спорта); Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 373.

³² Подсчитано по данным: Коммунист 1965 11 июля.

³³ См.: Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 419; Коммунист. 1960. 12 февр. 10 июля. 1962. 30 окт.; ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4522, л. 131; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть 2. С. 389; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1983. С. 386; Пензенская область за сорок лет Советской власти (1917–1957). С. 497; *Вулло И. И.* Роль областной больницы в развитии здравоохранения Пензенской области. Автореферат дис. ... к.м.н. Рязань, 1965. С. 22; Пензенская область за 50 лет Советской власти. Саратов-Пенза, 1967. С. 285, 356; Пензенский край 1917–1977: документы и материалы. Саратов, 1982. С. 241; *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. М., 1969. С. 406, 418; История Астраханского края. С. 834; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 391; *Наминов Л. В.* История организации здравоохранения и лечебной помощи в Калмыцкой АССР. Автореферат дис. ... к.м.н. Ростов-на-Дону, 1968. С. 15; *Сусеев П. Я.* Достижения здравоохранения Калмыкии за годы Советской власти // Здравоохранение Российской Федерации. 1978. № 11. С. 8.

	270 клиничко-диагностических лабораторий, 139 физиотерапевтических кабинетов, оснащенных новейшим оборудованием. Только за 1958–1960 гг. было построено 18 аптек, капитально отремонтировано 54 аптеки, они получили новое оборудование на 1,5 млн. рублей. В Саратове было создано аптечное бюро справок, где можно было получить любую консультацию по лекарственным препаратам и узнать, где их приобрести. Многие обращались в бюро справок по телефону. В Саратове с сентября 1962 г. начался переход от административного к поликлиническому или участковому принципу медицинского обслуживания по четырем основным специальностям (терапия, педиатрия, акушерство и гинекология, фтизиатрия). Это существенно улучшило организацию медицинской помощи населению: при посещении больницы на дому врачи стали тратить меньше времени на поездки и смогли проводить осмотр больного на должном уровне
Ульяновская область	За 1959–1965 гг. количество больничных коек увеличилось более чем на две тыс., число медработников – на 2117 чел., в том числе врачей на 515. В это время в области работало 119 больниц, 13 амбулаторно-поликлинических учреждений.
Пензенская область	Если в 1956 г. в области имелось 1415 врачей и 6217 средних медицинских работников, то в 1960 г. – уже 1837 врачей и 7445 человек среднего медперсонала; к 1965 г. на десять тысяч населения приходилось 13 врачей. Важное место в организации медицинского обслуживания населения этой области играла областная больница. Благодаря усилиям ее сотрудников в 1961 г. на 11% снизились потери рабочих дней из-за временной нетрудоспособности у животноводов области. Неслучайно ведь еще 25 октября 1956 г. Пензенской областной больнице Указом Президиума Верховного Совета РСФСР было присвоено имя Н. Н. Бурденко. В области уже к 1957 г. повсеместно имелись рентгеновские аппараты, для лечения различных заболеваний было создано четыре специальных рентгеновских терапевтических кабинета, началось оснащение ими участковых сельских больниц. Широко стал применяться метод флюорографического исследования. В 1957 г. в области работало восемь флюорографов (четыре в Пензе и по одному в Кузнецке, Сердобске, Каменке и Нижнем Ломове)
Волгоградская область	Лечебная сеть Волгограда выросла с 86 в 1959 г. до 125 в 1965 г. На десять тысяч жителей города приходилось 38 врачей. Возросло производство медикаментов. Например, Волгоградский завод горчичников – единственное в то время предприятие в СССР – в 1960 г. выпустило около 0,5 млн. медицинских горчичников, пользующихся спросом и за границей
Астраханская область	В медицинских учреждениях Астраханской области в начале 1960-х гг. трудилось 2254 врача, 6685 средних медицинских работников. Уже в 1960 г. на 408 населения области приходился один врач.
Калмыцкая АССР	В 1959 г. было завершено строительство первой типовой больницы в Калмыцкой АССР (поселок Комсомольский). К 1964 г. на десять тысяч населения этой республики приходилось уже 144 больничных койки. С этого же времени началось массовое обследование населения республики на туберкулез. Шире стал внедряться диспансерный метод наблюдения за работниками ведущих профессий. Например, в Калмыцкой АССР, на диспансерное обследование в 1963 г. было взято 2560 чабанов, механизаторов и специалистов сельского хозяйства. Аптечная сеть в АССР с 1958 г. по 1967 г. расширилась на 39 пунктов

Изложенные в таблице количественные показатели улучшения медицинского обслуживания населения привели к качественным изменениям в жизни волжан: снизилась заболеваемость³⁴, смертность населения³⁵, особенно младенческая³⁶,

³⁴ Так, в Пензенской области в 1956 г. уровень заболеваемости туберкулезом снизился относительно 1954 г. в 1,7 раза, а трахомой в пять раз относительно 1951 г. В Волгограде уровень заболеваемости костно-суставным туберкулезом снизился с 2,4% в 1953 г. до 1,4%

увеличилась рождаемость и естественный прирост. Так, если в 1956 г. в Калмыцкой АССР число родившихся на тысячу человек составляло 26, то в 1958 г. оно возросло до 36,1. Естественный прирост в республике вырос соответственно с 20,5 до 26,4. Население АССР к 1965 г. выросло почти на 38%, ежегодный прирост составил примерно девять тысяч человек. Средняя продолжительность жизни людей возросла до 70 лет³⁷. В Саратовской области уровень рождаемости возрос с 18‰ в 1953 г. до 20,1‰ в 1960 г.³⁸. Волгоград в первой половине 1960-х гг. также имел высокий естественный прирост – ежегодно рождается 14-15 тыс. детей. В целом же по стране продолжительность жизни населения возросла в два раза³⁹.

Поправить свое здоровье население области имело возможность также в санаториях и домах отдыха. Они оборудовались пищеблоками, купальнями, лечебными корпусами с современным медицинским оборудованием, что позволяло в лечебной работе применять более совершенные методы обследования и лечения больных. Территория украшалась скульптурными экспозициями, зелеными насаждениями, оборудовалась танцевальными и спортивными площадками, к санаториям и турбазам прокладывались асфальтовые магистрали, что вносило в быт отдыхающих больше удобств и уюта. С 1955 г. по 1965 г. в 19 саратовских санаториях число мест выросло с 3050 до 3625⁴⁰. Благодаря дотациям предприятий и общественных организаций население этой области получило больше возможностей в приобретении путевок. Так, в 1961 г. по сравнению с 1960 г. расходы на их покупку увеличились на 4,5%, ежегодно в санаториях и домах отдыха поправляло свое здоровье более 40 тыс. чел.⁴¹. Наиболее популярными у населения области и других регионов страны были Хвалынский («Черемшаны-1,2,3»⁴², «Просвещенец») здравницы, саратовский специализиро-

---

в 1955 г. В Саратовской области за один только 1958 г. общая заболеваемость снизилась на 13%, заболеваемость трахомой за этот год была снижена на 50%. За 1960–1964 гг. в этой области в 3,5 раза снизилась заболеваемость дифтерией, был практически ликвидирован полиомиелит (См.: Пензенская область за сорок лет Советской власти (1917–1957). С. 496; *Комочков А. В.* Анализ заболеваемости костно-суставным туберкулезом в г. Волгограде // *Здравоохранение в Волгоградской области.* Волгоград, 1963. С. 4; *Удинцов Е. И.* К дальнейшему подъему сельского здравоохранения // *Развитие советского здравоохранения в Саратовской области.* Саратов, 1959. С. 8; *Коммунист* 1964. 19 марта).

³⁵ Так, в Пензенской области с 1940 г. по 1965 г. смертность населения уменьшилась в два раза (См.: Пензенская область за 50 лет Советской власти. С. 356).

³⁶ См.: В Саратовской области уже к 1 мая 1962 г. было зафиксировано снижение смертности среди детей до одного года (ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4914, л. 38).

³⁷ См.: *Очерки истории Калмыцкой АССР.* С. 358, 373.

³⁸ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 3052, л. 86; *Уставщикова С. В.* Комплексная характеристика населения Саратовской области. СГУ, 1992. С. 4.

³⁹ См.: *Водолагин М. А.* Указ. соч. С. 418; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 11. С. 318.

⁴⁰ Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет. Саратов, 1967. С. 424.

⁴¹ *Гуменюк А. А.* Развитие здравоохранения в Саратовской области (1953–1985). С. 347.

⁴² Одним из лучших санаториев РФ считался санаторий «Черемшаны-3». Он был награжден почетной грамотой Министерства здравоохранения. В нем имелись также специализированные дачи для детей (См.: *Коммунист* 1959. 20 июня).

ванный кардиологический санаторий ВЦСПС «Октябрьское ущелье» (за смену обслуживал 125 чел.), Летяжевский, Падовский, Чапаевский⁴³, Песчанская кумысолечебница, в которой в начале 1960-х гг. ежегодно поправляли свое здоровье 330 человек⁴⁴. Особым спросом у саратовцев, ленинградцев, москвичей, горьковчан, жителей Мурманска, Алма-Аты, Камчатки, Сахалина и других районов страны пользовалась открытая еще в 1946 г. в Саратове на базе соколовогорских минеральных вод бальнеологическая лечебница «Серые ванны». К 1961 г. в ней прошли курс лечения 25 тыс. человек. В 1962 г. в Саратовской области насчитывалось 20 санаториев: 11 детских и восемь домов отдыха⁴⁵.

Значительная роль в организации санаторно-курортного лечения принадлежала профсоюзам. В начале 1960-х гг. на территории Нижнего Поволжья (Саратовская, Сталинградская, Астраханская, Пензенская области) насчитывалось шесть санаториев и 20 домов отдыха профсоюзов. Только профсоюзными организациями Пензенской области за 1955 г. населению было выдано 4121 путевка⁴⁶. В Куйбышевской области к 1956 г. по путевкам профсоюзных организаций в домах отдыха, санаториях и туристических походах побывало более 144 тыс. человек. В Калмыкии в 1958 г. насчитывалось 216 лечебно-профилактических учреждений, в 1963 г. санитарным лечением пользовалось 539 человек⁴⁷.

Большое внимание в 1953–1964 гг. уделялось проблемам материнства и детства. К началу 1955 г. в Саратовской области насчитывалось более 200 детских садов, многие из них уже имели удобные помещения, улучшилась их общая материальная база. А спустя семь лет в области действовало уже 839 детских садов и яслей, в которых воспитывалось свыше 63,5 тыс. детей⁴⁸. В Пензенской области только в 1955 г. в постоянных детских яслях насчитывалось 3885 мест. В Куйбышевской области в 1958 г. на тысячу жителей приходилось 20,2 места в детских садах и яслях (в 1950 г. только 12,6)⁴⁹. В Ульяновской области за 1959–1965 гг. за счет ввода в эксплуатацию детских дошкольных учреждений на 11917 мест, число детей, находящихся в них, возросло в 2,5 раза.

---

⁴³ Житель совхоза Шиповский Западно-Казахстанской области так отзывался о посещении Чапаевской здравницы: «Несколько лет назад я заболел хроническим бруцеллезом. Приехал по путевке в санаторий, где принял 18 сероводородных ванны, и уехал домой почти совершенно здоровым. В суровую зиму 1956 г. болезнь моя возобновилась ... Мне представилась возможность побывать вновь в Чапаевском санатории. Я принял 14 ванн, опять чувствую себя хорошо и думаю, что скоро буду в состоянии приступить к работе» (Коммунист. 1956. 14 июля)

⁴⁴ См.: Саратовская область за 50 лет. С. 422; Коммунист. 1955. 3 марта. 1961. 5 июня

⁴⁵ См.: Коммунист. 1954 10 февр. 14 мая. 1955 1 апр. 1961 26 янв.; ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4909, л. 62.

⁴⁶ См.: Коммунист 1961 6 марта; Пензенская область за сорок лет Советской власти (1917–1957). С. 498.

⁴⁷ См.: Очерки Куйбышевской области (1917–1980). С. 164; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 391.

⁴⁸ См.: Коммунист. 1955 8 янв. 1963. 6 дек.

⁴⁹ См.: Пензенская область за сорок лет Советской власти (1917–1957). С. 498; Очерки Куйбышевской области (1917–1980). С. 164.

Детские учреждения пользовались вниманием и городских властей Волгограда. За 1959–1965 гг. их количественная сеть возросла на 170, число детей – до 20 тыс.⁵⁰.

Выросло число родовспомогательных учреждений. В Пензенской области уже к 1955 г. медицинская помощь при родах оказывалась в 82,1% случаях⁵¹. К 1964 г. в Саратовской области насчитывалось десять родильных домов и отделений. Количество фельдшерско-акушерских пунктов за десять лет (с 1955 г. по 1965 г.) в этой области выросло на 215 штук⁵². В Калмыцкой АССР с 1959 по 1965 гг. было открыто 150 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, в Ульяновской области за тот же период – 625 таких пунктов, 102 женских и детских консультаций⁵³. Для питания новорожденных в городах регионах открывалась молочные кухни, которые оказывали большую поддержку матерям. Например, в Волжском, Октябрьском и Фрунзенском районах г. Саратова уже в 1955 г. функционировало три таких кухни.

Однако непоследовательность, а порой и явная противоречивость многих начинаний Хрущева не могли не сказаться на состоянии здравоохранения. Во многих городах Поволжья сохранялось немалое количество мелких, маломощных больниц. Так, в Саратовской области в 11 больницах, обслуживающих взрослое городское население, имелось по 50 и менее коек. Коечный фонд в районных больницах был значительно перегружен. Из-за длительного ремонта больниц больничные койки не использовались по 40–50 дней. В Саратове в 1962 г. фактическая обеспеченность населения больничными койками на тысячу населения составляла 7,5, при норме 11,2⁵⁴. Пензенская область по числу больничных коек к 1960 г. отставала от среднереспубликанского и союзного уровней⁵⁵. Но даже во вновь построенных больницах был высоким процент недоделок, что существенно осложняло их функционирование (например, станция переливания крови, Вторая клиническая больница в Саратове). Серьезные проблемы в медицинском обслуживании населения этой области признавал даже ее руководитель А. И. Шibaев, выступая на ноябрьском 1962 г. пленуме ЦК КПСС⁵⁶. ЦК КПСС и Совмин СССР в своем постановлении от 5 июля 1968 г. признавал, что средства, выделяемые на строительство медицинских учреждений, распылялись по мелким объектам, использовались не полностью, качество строительства было низким, многие учреждения здравоохранения не отвечали современным требованиям медицинской науки и техники⁵⁷.

⁵⁰ См.: Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть. 2. С. 385; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1983. С. 427; *Водолагин М. А.* Указ. соч. С. 418.

⁵¹ Пензенская область за сорок лет Советской власти (1917–1957). С. 498.

⁵² См.: ГАСО, ф. Р-1738, оп. 7, д. 613, л. 19; Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет. С. 419.

⁵³ См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 391; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть. 2. С. 389.

⁵⁴ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4915, л. 184; Коммунист. 1964 19 марта. 1965 26 дек.

⁵⁵ Очерки истории Пензенской организации КПСС. Саратов, 1983. С. 340.

⁵⁶ См.: ГАСО, ф. Р-1738, оп. 7, д. 613, л. 8; Коммунист. 1963 9 янв. 13 июня

⁵⁷ КПСС в резолюциях ... Т. 11. С. 319.

В регионе существовали серьезные проблемы с оказанием специализированной медицинской помощи городскому и сельскому населению, особенно онкологической, хирургической, терапевтической, неврологической, больным туберкулезом. Такая же ситуация складывалась и в районах освоения целины⁵⁸. Приволжский совнархоз ощущал острую нехватку денежных средств. Поэтому в работе лечебных учреждений имелось множество недостатков, бросавшихся в глаза даже пациентам. Так, один из них летом 1962 г. в своем письме указывал на «... крупные недостатки в деятельности инъекционного кабинета поликлиники № 1 [г. Саратова – Г. А.], на факты нарушения гигиенических требований»⁵⁹. Там же, как и в Энгельсе, Балашове, Петровске не хватало аптек⁶⁰. Многие сельские медицинские пункты ютились вообще в старых избах, на частных квартирах. Работой существующих поликлиник и аптек население было недовольно⁶¹. Не удовлетворяла возраставшие потребности населения стоматологическая служба⁶².

Хотя число врачей и среднего медицинского персонала в Пензенской области к 1960 г. по сравнению с довоенным уровнем возросло в 3,3 раза, тем не менее, область в этом отношении отставала от республиканского и союзного уровней. В г. Энгельсе Саратовской области, судя по корреспонденции его жителей, особенно не хватало специалистов по нервным болезням⁶³. На слабую профилактическую работу жаловались жители поселка «Красный Текстильщик» Саратовского района: «... велика текучесть медицинских кадров. За последние один-два года от нас уехали или прекратили работать [11 – Г. А.] специалистов. При этом шесть из уехавших имели у нас хорошую жилплощадь. В данное время у нас недостает пять врачей»⁶⁴. Аналогичная ситуация была в Ртищевском, Ровенском районах этой области⁶⁵. Из-за неудовлетворительных условий труда и быта значительное число врачей Астраханской области также мигрировало в город, поэтому их численность в сельской местности практически не росла. В астраханских деревнях работала лишь четвертая часть от всех имевшихся в области врачей⁶⁶. В целом сеть лечебных учреждений в сельской местности была очень мелкой. Отдельные районные, участковые больницы, а также фельдшерско-акушерские пункты находились в старых, непригодных

⁵⁸ Об организации медицинского обслуживания целинников Саратовской области см.: Глыбочко П. В., Гуменюк А. А., Гуменюк О. И. Указ. соч. С. 11. См. также: Коммунист. 1954 21 ноября.

⁵⁹ Коммунист. 1962 9 авг.

⁶⁰ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 7, д. 613, л. 7.

⁶¹ В адрес Саратовского областного аптекоуправления поступали жалобы: «В саратовских аптеках, к сожалению, не всегда найдешь нужное лекарство или минеральную воду», в частности, «Боржоми»; «В аптеках города Калининска продолжительное время отсутствует в продаже настойка йода – крайне необходимый для населения медикамент» (См.: Коммунист. 1961 18 июня. 1964 18 ноября).

⁶² Об этом подробнее см.: Гуменюк А. А., Гуменюк О. И. Указ. соч. С. 41.

⁶³ См.: Очерки Пензенской организации КПСС. С. 340; Коммунист. 1961 21 дек.

⁶⁴ Коммунист. 1963 18 авг.

⁶⁵ См.: Коммунист. 1962 7 сент. 1965. 24 ноября.

⁶⁶ См.: История Астраханского края. С. 834, 837.

ных помещениях. Отсутствие среднего медицинского персонала на селе восполняли буквально санитарки. Поэтому село резко отставало по качеству медицинских услуг, и сельские жители не имели возможности получать необходимую помощь на местах. Даже ЦК КПСС и Совмин СССР вынуждены были констатировать значительное отставание качества и объема медицинского обслуживания сельского населения от объема медицинской помощи городскому населению⁶⁷.

Хотя в конце 1950-х – начале 1960-х гг. сеть детских учреждений в Поволжье постоянно расширялась, в них ощущалась острая нужда. Так, в городах Саратовской области в 1964 г. вне яслей находилось 21 тыс. детей, детские сады вводились в строй с многочисленными недоделками. В областном центре ощущалась острая потребность в акушерско-генекологических койках, родильных домах. Городу для достижения общесоюзного уровня рождаемости⁶⁸ требовалось как минимум три таких дома⁶⁹. Хотя питание в сезонных яслях было двухразовым, однако наблюдалась нехватка зелени, сухофруктов, сливочного масла и молока, которые часто заменялись маргарином. Из-за нехватки молочных кухонь сохранялись проблемы в организации питания грудных детей. Детские санатории требовали капитального ремонта.

Определенные перемены в лучшую сторону в сфере здравоохранения наметились лишь со сменой руководства страны в октябре 1964 г. Именно с этого времени начинается следующий этап в развитии здравоохранения страны. Новое советское руководство увеличивает финансирование медицины. В Калмыцкой АССР только в 1966 г. лечебные учреждения получили новейшее оборудование на 176,8 тыс. руб.⁷⁰. В Пензенской области за 1966–1970 гг. на строительство лечебных учреждений было израсходовано свыше 6,5 млн., а в 1981–1985 гг. – свыше 17 млн. руб.⁷¹. В Куйбышевской области расходы на здравоохранение с 1971 г. по 1975 г. возросли на 21 млн. руб.⁷². В Татарской АССР на капитальное строительство республиканских учреждений здравоохранения в 1976–1979 гг. было израсходовано 52,7 млн. руб. В 1980 г. на нужды здравоохранения этого субъекта Поволжского региона было выделено более 144 млн. руб., а в 1981–1985 гг. – около 780 млн. руб., т. е. на 150 млн. больше, чем в 1976–1980 гг.⁷³. В результате число лечебных учреждений в регионе стало воз-

⁶⁷ КПСС в резолюциях ... Т. 11. С. 319.

⁶⁸ В 1962 г. в Саратове на тысячу жителей приходилось всего 17 рождений, в то время как в стране 24-25 (См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4914, л. 38).

⁶⁹ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4914, л. 36, 38; ГАСО, ф. Р-1738, оп. 7, д. 613, л. 21; Коммунист. 1960 4, 18 авг.

⁷⁰ В 1971–1975 гг. лечебные учреждения этой республики получили оборудование и аппараты уже на сумму два млн. рублей (См.: *Сусеев П. Я.* Указ. соч. С. 9.)

⁷¹ См.: Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 408; *Матвеев М. Н.* Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977–1993 гг. Самара, 2005. С. 94.

⁷² Подсчитано по данным: Очерки Куйбышевской области (1917–1980). С. 204.

⁷³ См.: *Мухудзинов И. З.* Здравоохранение Советской Татарии на подъеме // Казанский медицинский журнал. 1980. № 3. С. 1, 2; *Кириллов В. К.* Состояние и перспективы развития здравоохранения Татарской АССР // Здравоохранение Российской Федерации. 1986. № 8. С. 3.

растать. Так, в Куйбышевской области за 1966–1970 гг. было построено больниц на 3370 коек. В Ульяновской области были введены в строй Новоульяновская и Майкопская больницы, шесть поликлиник, 56 медицинских пунктов и ряд других объектов. В Татарской АССР за те же годы развернуто 4950 больничных коек, из них 2968 во вновь выстроенных больницах, были открыты крупные больницы в Альметьевске, Зеленодольске, рабочих поселках Узнакаево, Лаишево, Муслумово и др. На средства колхозов и совхозов было построено больниц на 760 коек. Обеспеченность больничными койками возросла с 8,6 в 1966 г. до 10,1 в 1970 г. на тысячу населения. В Калмыцкой АССР амбулаторно-поликлиническая помощь населению за 1957–1967 гг. возросла в десять раз⁷⁴. В Саратове в 1967 г. функционировало четыре специализированных стоматологических поликлиники с новейшим медицинским оборудованием, 80 стоматологических и зубоврачебных кабинетов. В целом к этому времени 750 тыс. население областного центра обслуживало 55 поликлиник. Они, как и стационары (Вторая и Восьмая городские больницы, больнично-поликлиническое объединение Саратовского химкомбината), служба скорой помощи) и поликлиники Балаково, Балашова, Маркса саратовским объединением «Медтехника» обеспечивались новейшим оборудованием⁷⁵. Успехи в области здравоохранения были заметны и простым обывателям⁷⁶.

Во многом достичь этих высот здравоохранение Поволжье смогло благодаря реализации в жизнь мер по расширению сети лечебных учреждений и укреплению их материально-технической базы, прописанных в постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» от 5 июля 1968 г. В этом же документе большое внимание уделялось обеспечению сельского населения специализированной медицинской помощью, укрупнению и специализации сети медицинских учреждений на селе, оснащению их современным оборудованием, строительству крупных больниц на 600-1000 и более коек, специализированных больниц на 300-600 коек, центральных районных больниц (ЦРБ) на 100-130 коек, развитию сети амбулаторно-поликлинических учреждений, санитарно-эпидемических и других служб⁷⁷. К 1975 г. в Саратовской области на ЦРБ приходилось 219 коек, в Волгоградской области – 156. Снижению заболеваемости на селе способствовало функционирование межрайонных специализированных центров, созданных при крупных ЦРБ. В Пензенской области такие

⁷⁴ См.: *Наминов Л. В.* Указ. соч. С. 11; *Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть. 2.* С. 474; *Мухудзинов И. З.* Перспективы развития здравоохранения в Татарской АССР // *Материалы научно-практической конференции врачей Татарской АССР.* Казань, 1974. С. 3; *Очерки Куйбышевской области (1917–1980).* С. 190.

⁷⁵ См.: *Резников Б. Д.* Этапы советского здравоохранения в Саратове // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. С. 12; *Михайлова Т. А.* Медицинское обслуживание рабочих промышленных предприятий // Там же. С. 33; *Коммунист.* 1970. 25.11. Л. 4.

⁷⁶ Так, жители Саратова сообщали в редакцию областной газеты «Коммунист» «о хорошем медицинском обслуживании во 2-ой областной больнице, в детском отделении глазной клиники и других медицинских учреждениях города и области ...» (См.: *Коммунист.* 1970 5 авг. 9 сент. 1971 5 янв.)

⁷⁷ См.: *КПСС в резолюциях ...* Т. 11. С. 318–330.

центры возникли еще в 1958 г. при Нижне-Ломовской, Башмаковской, Сердобской, Каменской, Сердобской и других больницах, которые обслуживали по четыре–шесть районов. В Саратовской области к середине мая 1976 г. их насчитывалось уже 29. С 64,2 на десять тысяч населения до 66,3 повысилась за 1965–1975 гг. обеспеченность больничными койками сельского населения Астраханской области⁷⁸. Многопрофильными стали ЦРБ в Татарской АССР: сельская больница достигала в среднем десяти профилей, а городская – от 13 до 17⁷⁹. Обеспеченность врачами сельской местности выросла с 1965 г. по 1975 г. в Астраханской области с 4,1 до 5,6, средним медицинским персоналом – с 51 до 60,3; в Волгоградской области – соответственно с 3,9 до 4,9 и с 36,4 до 44,5. Но, несмотря на значительное увеличение медицинского персонала, обеспеченность им сельского населения по месту жительства было ниже, чем городского. Жители сел и деревень в три раза реже горожан посещали врачей, особенно удаленных на расстояние более десяти километров от участковых больниц населенных пунктов. В Саратовской области с 1965 г. по 1975 г. число врачей на 10 тыс. сельских жителей даже сократилось с 5,1 до 4,0⁸⁰.

Для преодоления отставания сельской сети лечебно-профилактических учреждений от потребностей населения постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» от 22 сентября 1977 г. рекомендовалось расширить в 1978–1985 гг. коечный фонд ЦРБ до 250–400 и более коек, усилив при этом контроль за предоставлением квартир медицинским работникам, обслуживающим сельское население⁸¹. Реализация этого документа привела к тому, что, в частности, в Татарской АССР число посещений в год одним сельским жителем врача с 1975 г. по 1980 г. выросло с 2,7 до 3,7. В 1975–1981 гг. мощность центральных районных больниц, расположенных в селах возросла с 151 до 162 коек, участковых больниц – с 42 до 47 (в РСФСР в 1979 г. – 32). Объем стационарной помощи сельским жителям этой республики сравнялся с аналогичными показателями в городах. В поликлиниках ЦРБ, расположенных в татарских селах прием осуществлялся по 9–13 специальностям. В Альметьевске, Бугульме, Нижнекамске, Зеленодольске и других городах были созданы межрайонные центры по неврологии, урологии, детской хирургии, офтальмологии⁸². В Куйбышевской области за 1976–1980 гг. было сдано в эксплуатацию больниц на 2 тыс. коек и поликлиник на 10 тыс. посещений, в том числе в сельской местности больниц – на 508 коек и поликлиник на 900 посещений⁸³. В Пензенской области в эти же годы действовало бо-

⁷⁸ См.: Вулло И. И. Указ. соч. С. 12; Петрова В. Я. Проблемы сельского быта в деятельности партийных организаций Нижнего Поволжья (1965–1975). Дис. к. и. н. Саратов, 1988. С. 133, 136; ГАНИСО, ф. 6164, оп. 8, д. 728, л. 20.

⁷⁹ Мухудзинов И. З. Перспективы развития здравоохранения в Татарской АССР. С. 4.

⁸⁰ Петрова В. Я. Указ. соч. С. 147, 148.

⁸¹ КПСС в резолюциях ... М., 1987. Т. 13. С. 215.

⁸² См.: Мухудзинов И. З. Задачи по дальнейшему совершенствованию здравоохранения Татарской АССР в свете решений XXVI съезда КПСС // Казанский медицинский журнал. 1981. № 6. С. 2, 3; *Его же*. Развитие сельского здравоохранения в ТАССР // Казанский медицинский журнал. 1982. № 6. С. 2.

⁸³ Очерки Куйбышевской области (1917–1980). С. 217–218.

лее 150 больниц, открытая в 1975 г. пензенская областная многопрофильная больница получила высокую оценку Министерства здравоохранения РСФСР: во Всесоюзном социалистическом соревновании лечебных учреждений в 1978 г. ее коллектив завоевал первое место. Всего в этой области в 1980 г. насчитывалось 3889 врачей (в 1976 г. их было 2988), количество среднего медицинского персонала с 1976 г. по 1980 г. выросло с 78,4 до 83,5⁸⁴.

За состоянием здоровья детей и подростков в Татарской АССР к началу 1980-х гг. следили, в частности, врачи трех детских санаториев на 360 мест, девяти типовых больниц и 32 отделений на 7014 коек, в том числе в гг. Ленингорска, Брежнева, Нижнекамска и Азнакаева. Обеспеченность детскими койками на 10 тыс. населения в этой республике повысилась с 15 в 1975 г. до 16,3 в 1981 г. Одним педиатрическим участком в 1981 г. обслуживалось 880 детей (в 1975 г. 1024). В результате свыше 85% татарских детей имели средние и высокие показатели физического развития, детская смертность с 1975 г. по 1981 г. упала на 22,3%. Это был самый высокий показатель по РСФСР. Общая смертность по республике в 1977 г. была ниже среднереспубликанской в 25 районах и пяти городах ТАССР⁸⁵.

За счет постоянного роста медицинских кадров⁸⁶ лучше и квалифицированное стала оказываться медицинская помощь населению других областей Поволжья. Так, в Ульяновской области уже в 1970 г. в системе здравоохранения работало более двух тыс. врачей, восемь тысяч среднего медперсонала и фармацевтических работников. В Саратовской области к этому времени на 10 тыс. чел. приходилось 31,7 врачей и 102 больничной койки. В Кубышевской области в 1975 г. на страже здоровья стояло восемь тыс. врачей и 26 тыс. среднего медперсонала⁸⁷. В Калмыкии в 1976 г. на 10 тыс. населения приходилось 27 врачей (в 1967 г. 16), 99,8 средних медицинских работников (в 1967 г. 56). Неуклонно росло число медработников, расширялась сеть медицинских учреждений в Астраханской области. К началу 1980-х гг. укомплектованность участковыми терапевтами и педиатрами в этой области была близка к 100%⁸⁸.

⁸⁴ Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 461.

⁸⁵ См.: *Мухудзинов И. З.* Здравоохранение Советской Татарии на подъеме. С. 3; *Его же.* Перспективы развития здравоохранения в Татарской АССР. С. 6; *Его же.* Развитие сельского здравоохранения в ТАССР. С. 4, 5; *Хасанов М. Х.* О задачах органов и учреждений здравоохранения Татарской АССР по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 сентября 1977 г. «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» // Казанский медицинский журнал 1978. № 5. С. 3, 9.

⁸⁶ Важную роль в усилении заинтересованности врачей в выполнении задач, поставленных в области практического здравоохранения сыграло постановление ЦК КПСС. Совмина СССР и ВЦСПС «О повышении с 1 сентября 1972 года ставок и должностях окладов врачей, учителей и воспитателей детских дошкольных учреждений» от 13 июля 1972 г. (См.: КПСС в резолюциях ... Т. 12. М., 1986. С. 253–254).

⁸⁷ См.: Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть. 2. С. 474; Очерки Куйбышевской области (1917–1980). С. 204; Здравоохранение Саратовской губернии в двадцатом веке. Саратов, 2006. С. 11.

⁸⁸ См.: *Наминов Л. В.* Указ. соч. С. 11; *Сусеев П. Я.* Указ. соч. С. 9; История Астраханского края. С. 839.

Повысилась обеспеченность населения лекарствами. Так, в Пензенской области к 1980 г. имелось 165 аптек и 800 аптечных пунктов, а в Татарской АССР к 1985 г. – 361 аптека и 1746 аптечных пунктов. Обеспеченность аптеками населения было выше среднереспубликанского уровня⁸⁹. В результате в регионе окончательно была побеждена дифтерия, туляремия, малярия, сибирская язва, полиомиелит, в десятки раз снизилась заболеваемость дизентерией, корью, коклюшем, бруцеллезом, столбняком.

В первой половине 1980-х гг. продолжился рост числа медицинских учреждений в Поволжье. Так, к 1982 г. в Саратове были возведены больничные корпуса на 1113 коек, амбулаторные поликлинические учреждения на 1180 посещений в день. К концу же 1984 г. в этом городе число коек выросло на 1050, имелось 33 больницы, 31 поликлиника, семь клиник СМИ, пять диспансеров⁹⁰. Крупные поликлиники в 1981–1985 гг. появились в Пензе и Кузнецке. Областная поликлиника была рассчитана на 600 посещений в смену. В этой области за счет колхозов и совхозов были построены семь участковых больниц, три поликлиники, 15 врачебных амбулаторий и 137 фельдшерско-акушерских пунктов. Обеспеченность врачами в Пензенской области возросла с 25,1 до 30,3 на 10 тыс. населения⁹¹. Улучшения были налицо и в развитии здравоохранения ТАССР⁹².

Улучшилась материальная база санаторно-курортного лечения: к 1976 г. в Саратовской области насчитывалось 11 здравниц на 5202 койки, способных на одну смену принять до 5,5 тыс. человек. Если в 1976 г. в них отдыхало 45,8 тыс. человек, то за 1977–1979 гг. уже 49 тыс. человек. Лечение по курсовкам и путевкам получало 1,2 тыс. и 1,5 тыс. человек соответственно⁹³. Два санатория было построено в 1966–1970 гг. и девять санаториев на 1050 мест возведено в 1976–1980 гг. в Татарской АССР, в том числе санаторий «Айболит» в г. Брежнев этой республики. На базе 15 профилакториев были организованы смены «мать и дитя», где за вторую половину 1970-х гг. прошли оздоровительный курс лечения 950 детей вместе с матерями. В 1981–1985 гг. население Татарии получило десять санаториев на 1800 мест, санаторных корпусов на 900 мест, 152 колхозных и совхозных профилактория⁹⁴. В Ульяновской области к 1970 г. имелось четыре дома отдыха. В Пензенской области за 1976–1980 гг. было построено санаториев и диспансеров на 20 тыс. коек. В их числе и санаторий «Тарханы», открытый на средства одного из колхозов Новорчатского района

⁸⁹ См.: Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 461; Кириллов В. К. Указ. соч. С. 6.

⁹⁰ См.: Коммунист. 1983 24 марта. 1984. 30 ноября.

⁹¹ Матвеев М. Н. Указ. соч. С. 94–95.

⁹² Обеспеченность населения койками с 1981 по 1985 гг. возросла с 118,9 до 124,2 на 10 тыс. жителей, врачами – с 32,2 до 36,4, средним медперсоналом – с 101,2 до 116,3. (См.: Кириллов В. К. Указ. соч. С. 3).

⁹³ См.: Коммунист. 1974 4 авг. 1977 28 янв. 1979 24 янв.; ГАНИСО, ф. 6164, оп. 8, д. 728. л. 22.

⁹⁴ См.: Мухудзинов И. З. Перспективы развития здравоохранения в Татарской АССР. С. 3; Его же. Здравоохранение Советской Татарии на подъеме. С. 4; Его же. Развитие сельского здравоохранения в ТАССР. С. 4; Кириллов В. К. Указ. соч. С. 3.

области в первой половине 1970-х гг. в г. Пятигорске. За это пятилетие в нем отдохнуло более 200 колхозников. К 1980 г. ежегодно десятки тысяч пензенцев и жителей области лечилось и отдыхало в санаториях и созданных при промышленных предприятиях профилакториях⁹⁵. Позитивные перемены в работе здравниц были заметны и обывателям. Позитивные отклики об организации отдыха и лечения поступали от отдохнувших, в частности, в саратовских санаториях им. В. И. Ленина и «Хопер», базе отдыха «Сазанка»⁹⁶.

К 1980 г. количество фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов в Саратовской области составило 1114, а к концу 1984 г. только в Саратове появилось еще четыре родильных дома⁹⁷. Число коек в них соответствовало нормам Министерства здравоохранения СССР. В Татарской АССР за 1966–1985 гг. было возведено около 2223 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 548 таких пунктов было капитально отремонтировано. К 1978 г. в республике функционировало 25 родильных домов и 29 акушерско-гинекологических отделений с общим количеством коек 4796. К середине 1980-х гг. в Татарии насчитывалось 206 женских консультаций, при 17 из которых были организованы специализированные приемы женщин по лечению и профилактике недонашивания беременности, по лечению бесплодия и гинекологии детского возраста, контрацепции и онкологии⁹⁸. Поэтому детская смертность в этой республике была ниже среднереспубликанских показателей⁹⁹. В Пензенской области в 1976–1980 гг. действовало около тысячи фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов. Охват стационарным родовспоможением в Калмыцкой АССР в 1976 г. составлял 99,5%, рождаемость в республике равнялась 22,2‰, а естественный прирост – 14,3‰¹⁰⁰.

1979 г. был объявлен Международным городом ребенка. Обсуждение его итогов повлияло и на развитие дошкольных учреждений (яслей и детских садов). Этот важный в решении проблем материнства и детства аспект долгое время был одним из больных мест социального развития региона. С началом косыгинских реформ ситуация стала постепенно улучшаться. Так, в Пензенской области за 1965–1975 гг. количество детсадов и яслей выросло на 192 и составило 512, из которых 247 находилось в сельской местности. В Куйбышевской области за 1966–1970 гг. было построено детских дошкольных учреждений на

⁹⁵ См.: Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 408, 461, 462; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть. 2. С. 474.

⁹⁶ См.: Коммунист. 1970 3 июня. 1979. 3 авг.

⁹⁷ См.: Народное хозяйство Саратовской области: (Краткий статистический сборник). Саратов. 1987. С. 56; Коммунист. 1984 30 ноября

⁹⁸ Подсчитано по данным: Мухудзинов И. З. Перспективы развития здравоохранения в Татарской АССР. С. 3; *Его же*. Здравоохранение Советской Татарии на подъеме. С. 6; *Его же*. Развитие сельского здравоохранения в ТАССР. С. 2; Хасанов М. Х. Указ. соч. С. 9; Кириллов В. К. Указ. соч. С. 3.

⁹⁹ В Татарской АССР детская смертность в 1978 г. составила лишь 19,7‰, а по РСФСР – 24,1. За 1976–1979 гг. она сократилась на 10% (См. Хасанов М. Х. Указ. соч. С. 9; Мухудзинов И. З. Здравоохранение Советской Татарии на подъеме. С. 6).

¹⁰⁰ См.: Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 461; Сусеев П. Я. Указ. соч. С. 9.

20 тыс. мест. В Татарской АССР в 1980 г. детские дошкольные учреждения посещало 52% детей до семи лет, 17 тыс. новорожденных детей питанием обеспечивали 33 молочных кухни. Крупнейшими детскими комбинатами (ясли-сад) в городах Саратовской области являлись «Солнышко», «Радость» (первый в области детсад с плавательным бассейном), «Родничек» и «Сказка», «Звездочка», «Березка» и «Золотой петушок». В ноябре 1984 г. в Саратове вошло в строй дошкольное учреждение «Кристаллик». Оно было первым в областном центре учреждением, имевшем кинофизкультурный зал, бассейн, зимний сад¹⁰¹. Однако волжане ощущали нехватку детских садов и яслей, жаловались на недостатки в их работе (нехватка педагогов, медицинских работников, упущения в организации питания)¹⁰².

Рос процент долгостроя санаториев и домов отдыха. Даже здравницы ВЦСПС стали хуже снабжаться материально-техническими ресурсами, транспортом, медицинской техникой, мебелью, ковровыми изделиями, посудой, продовольствием, отмечалось в постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему улучшению санаторно-курортного лечения и отдыха трудящихся и развитию сети здравниц профсоюзов» от 7 января 1982 г.¹⁰³. Значительно сузился ассортимент бытовых услуг, предоставляемых отдыхающим, дальнейшего благоустройства требовали пляжи, спортивные сооружения, лодочные станции. Все это не могло не вызывать недовольства отдыхающих¹⁰⁴, поэтому в санаториях из года в год лечилось и отдыхало все меньше и меньше жителей Поволжья.

Не лучше была ситуация с лечебными учреждениями. Все вышеизложенные достижения касались главным образом городов и районных центров. В сельской же местности, особенно в отдаленных районах число медработников не росло, сеть медицинских учреждений не расширялась, а наоборот, сокращалась в ходе выполнения программы реконструкции поселенческой структуры. Так, в Татарской АССР мощность участковых больниц к 1980 г. составляла в среднем 40-70 посещений вместо оптимальных 70-100. Сельские больницы Агрызского, Алексеевского, Анастовского, Тукаевского, Сармановского, Черемшанского и других районов республики были маломощными (всего 20-25 коек) и не укомплектованные врачами и необходимым оборудованием (рентгенокабинеты, лаборатории, физиотерапевтические кабинеты и т.д.). Плохо эксплуатировались

¹⁰¹ См.: Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 408; Очерки Куйбышевской области (1917–1980). С. 160; *Мухудзинов И. З.* Здравоохранение Советской Татарии на подъеме. С. 4; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000 16 июня.

¹⁰² См., например: Коммунист. 1971 29 июня. 1973 31 мая. 1980 5 дек.

¹⁰³ См.: КПСС в резолюциях ... Т. 14. С. 232–240.

¹⁰⁴ Отдыхавший летом 1980 г. в санатории «Летяжевский» житель Саратовской области отписывал свои впечатления так: «На грустные размышления наводит состояние этой здравницы. Корпуса давно обветшали, а строительство нового здания заброшено. Плохо обеспечивается лечебное учреждение овощами и фруктами. Больные совсем перестали получать кумыс ...» (См.: Коммунист. 1981 1 февр.)

ровалась и койка в городских больницах – всего 317 дней (сельская – 286)¹⁰⁵. В Куйбышеве в 1985 г. из-за затянувшегося ремонта ежедневно не функционировало более 300 больничных коек. Более 10 лет ремонтировался один из корпусов 6-й городской больницы, более пяти лет – 10 городская больница¹⁰⁶. Жители Дергачевского, Татищевского и Самойловского районов Саратовской области в 1971 г. и 1973 г. в адресованных властям наказах просили укомплектовать сельские и районные больницы врачами, а в 1982 г. жители одного из сел последнего из перечисленных районов негодовали: «Вот уже год, как жители нашего села из-за пустяка, таблетки, должны идти за 5 км., отпрашиваться с работы и терять уйму времени»¹⁰⁷.

В ряде городов и районов Поволжья в амбулаторно-поликлинических учреждениях отсутствовали графики приема больных, предварительная запись к врачам-специалистам, поэтому больные теряли много времени в ожидании приема. Качество диспансеризации было невысоким. Так, проведенные проверки в городах Татарской АССР выявили, что значительная часть больных ишемической болезнью сердца, гипертонической болезнью, ревматизмом и др. хроническими заболеваниями наблюдаются нерегулярно. Детская смертность в Чистополе, Казани, Дрежжановском, Лениногорском, Алькеевском, Нижнекамском и Алексеевском районах республики на протяжении ряда лет держалась на высоком уровне, превышая среднереспубликанский уровень. Заболеваемость рахитом в республике к 1980 г. равнялась в городах 1,6%, в селах 1,3%, расстройством питания в городах страдало 1,1% детей до одного года, в селах – 1,6%¹⁰⁸.

Обозначились проблемы в функционировании аптек. Более 40 татарских аптек в конце 1970-х гг. размещались в малопригодных зданиях. Высокой была нагрузка на одну аптеку в Казани, Нижних Челнах, Нижнекамске. Из-за плохих условий хранения ежегодно большое количество медикаментов списывалось. К 1980 г. недоставки в оказании медпомощи населению имелись и в Пензенской области¹⁰⁹. Поэтому на протяжении ряда лет заболеваемость острыми кишечными инфекциями в регионе держалась на высоком уровне. 95% населения Татарии умирало из-за болезней сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, травм и злокачественных новообразований.

В Саратовской области уровень смертности с 1960 г. по 1980 г. вырос с 7,5‰ до 11,5‰ (по области) и с 7,1‰ до 10,3‰ (по Саратову). К концу 1970-

¹⁰⁵ См.: Мухудзинов И. З. Развитие сельского здравоохранения в ТАССР. С. 3, 4; *Его же*. Задачи по дальнейшему совершенствованию здравоохранения Татарской АССР в свете решений XXVI съезда КПСС. С. 4.

¹⁰⁶ Матвеев М. Н. Указ. соч. С. 95.

¹⁰⁷ См.: ГАСО, ф. Р-1738, оп. 8, д. 783, л. 209; ГАНИСО, ф. 594, оп. 27, д. 149, л. 17 об.–18; Коммунист. 1971 21 дек. 1975 18 дек.

¹⁰⁸ В ряде районов республики не полностью и нерационально использовались средства на бесплатное питание детей до одного года. Так, 1977 г. в Арском районе было использовано лишь 89,7% выделенных средств, в Альметьевском – 88,5%, в Октябрьском – 88%, в Набережных Челнах – 86%, в Лаишевском – 64,7% (См.: Хасанов М. Х. Указ. соч. С. 9).

¹⁰⁹ См.: Хасанов М. Х. Указ. соч. С. 10; Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 461.

х гг. в этой области практически не было здоровых детей. Большое количество ребят имели тяжелые отклонения, в частности, в нервной системе. Саратовские школьники часто болели острыми респираторными заболеваниями. В 1960 г. показатель естественного прироста в Астраханской области составлял 10,7‰ в городе и 23,9 на селе, в 1970 г. соответственно 3,9 и 8,6‰¹¹⁰. Все это свидетельствовало о постепенном ухудшении положения в сфере здравоохранения и в целом слабости социальных программ в области медицины.

---

¹¹⁰ См.: Мухудзинов И. З. Развитие сельского здравоохранения в ТАССР. С. 2; Уставщикова С. В. Указ. соч. С. 4; ГАНИСО, ф. 6164, оп. 8(пр.), д. 727, л. 49–50, д. 871, лл. 61, 63; История Астраханского края. С. 841.

Возвращение Самары: Воспоминания очевидца и участника

25 января 2011 г. исполнилось 20 лет изданию Указа Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании г. Куйбышева в г. Самару и переименовании Куйбышевской области в Самарскую область. указ был подписан председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным¹. О перипетиях деятельности общественного объединения «Комитет Самары» и о том как десятки тысяч представителей городского общества выступали за возвращение исторического имени городскому центру рассказывается в очерке профессора П. С. Кабытова.

Я хотел бы рассказать об истории возвращения нашему городу его исторического имени, о становлении общественного движения, которое добивалось этой цели и в котором участвовал я сам.

Это был конец 1980-х гг. Время правления так называемых «великих старцев» – генеральных секретарей сталинско-хрущевского призыва – неизбежно пришло к концу. Умер один из последних «великих старцев», Константин Устинович Черненко, и вдруг неожиданно для всех генеральным секретарем был избран Михаил Сергеевич Горбачев. Поначалу Горбачев воспринимался всеми в качестве какого-то необычного явления: не заунывно и занудно читает какие-то тексты, написанные спичрайтерами, а выступает без бумажки, и вообще заготовленные тексты выступлений у него часто как таковые отсутствовали. Восхищало и то, что во время своих поездок по Москве и по другим регионам Горбачев вдруг неожиданно мог остановить автомобиль и начать общаться с людьми с улицы. Лишь потом я понял, что люди с улицы – это все-таки на самом деле подготовленные люди из ближнего окружения или из партийных комитетов, что это все было шито белыми нитками. Тем не менее какие-то новые сценарии взаимодействия власти и общества вносили веяние жизни.

Я никогда не забуду одну забавную примету времени. Когда я приехал в 1986 г. в Казань, то возле трамвайно-троллейбусной остановки «Ленинский садик», по пути к Казанскому университету, по фасаду двухэтажного здания постройки XIX века с вывеской «Блинная» висел большой плакат с лозунгом, и под каждым словом лозунга были проведены черты. Первое слово – «Перестройка» – и длинная такая черта. «Ускорение» – и линия, которая подчеркивала вот это слово, уже была значительно меньше. И под третьим словом – «Гласность» – эта черта была еле заметна. На самом деле все эти лозунги – «ускорение, перестройка, гласность, демократизация» – шли под флагом возврата к Ленину, к ленинским принципам. Казалось, что нужно что-то немножко подлатать, подштопать, заменить износившиеся детали машины социалистической, и придать новый импульс развитию советского общества.

---

¹ См.: Кабытов П. С., Павлов А. Е. Возвращение Самары. Самара, 1992.

Но в те годы меня – да и не только меня – восхищало такое явление: когда в магазинах было пусто, когда выдавали множество талонов на продукты, когда нарастал товарный кризис и кризис политики, самой идеологии, - в то же самое время мы внезапно получили доступ к информации. Та информация, которая обрушилась на нас с экранов телевизоров, со страниц газет, стала значительно более широкой, интересной, захватывающей, будоражила сознание людей. И вот в 1986 г. я впервые увидел, как к киоскам выстраивалась очередь за газетами. Что покупали? Покупали не столько «Правду», сколько такие газеты, как «Московские новости», «Комсомолка», «Советская Россия», журнал «Огонек», пользовались большим спросом толстые художественные журналы. То есть это время было интересно тем, что информационный вал вызывал массовый интерес, формировалось общественное мнение, появилось достаточно большое число новых публицистов, которые пытались донести до народа свои мысли и чаяния, выдвигали проекты переустройства общества.

Меня же в большей степени волновали проблемы, связанные с моей профессиональной деятельностью. Я знал, что Самара, к сожалению, в 1935 г. была переименована, и город вплоть до начала 1990-х гг. носил имя одного из сподвижников Сталина – Валериана Владимировича Куйбышева. Я, конечно, знал, что еще в начале 1960-х гг. старые большевики написали открытое письмо, которое было опубликовано в «Литературной газете», о том, что надо вернуть городу старое, традиционное название, потому что роль В. В. Куйбышева в годы Великой Октябрьской революции была не столь уж значимой. Меня удивляло и то, что, куда бы я ни ехал или откуда бы ни возвращался – даже когда возвращался с военной службы из Читы, будучи солдатом, – я обращал внимание, что жители Куйбышевской области продолжают называть областной центр Самарой. Спрашиваешь: «Вы москвичка?» – «Нет». – «А откуда вы?» – «Я из Самары». То есть это название, этот топоним по-прежнему жил в толще народа, люди сроднились с ним и не могли от него отказаться. И вот в 1987 г. в ход истории вмешался субъективный фактор...

Как известно, обычно жены генеральных секретарей вели замкнутую жизнь, они иногда могли ездить вместе со своими высокопоставленными мужьями за границу, но обычно их мир ограничивался кругом хозяйственных, семейных хлопот, и в политической жизни жены генсеков не принимали сколько-нибудь значимого участия. И вдруг в прессе проходит сообщение о том, что жена Горбачева, Раиса Максимовна, основывает журнал «Бурда моден» – русскую версию немецкого журнала мод. Все советские женщины тут же стали выписывать этот журнал. Сама она была очень интересной персоной в том плане, что пыталась выступать в качестве законодательницы моды, за что испытывала на себе глубокое презрение рядовых советских тружениц. Но тем не менее, постоянное присутствие Раисы Максимовны рядом с Горбачевым тоже было новым, необычным политическим сценарием. Она всегда сопровождала его, их фото вместе появлялись на страницах газет, в информационных программах.

И вот в 1987 г. Р. М. Горбачева становится главой Советского фонда культуры. Надо отметить, что Советский фонд культуры создавался именно «под нее», потому что ее надо было чем-нибудь занять, она была очень энер-

гичной, экспансивной женщиной... Да и сама культура нуждалась в таком попечительстве. Конечно, на тот момент существовало много профессиональных объединений: и Союз театральных деятелей, и Союз деятелей киноискусства, и художников, и, допустим, Общество охраны памятников истории и культуры; но такого фонда, который бы занимался попечительством культуры в целом, выдвигал бы новые комплексные проекты, – до сих пор такого общественного объединения не было.

Однажды мне звонят из обкома партии (я тогда был председателем областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры), и говорят, что в доме театральных деятелей будет организационное собрание регионального отделения Советского фонда культуры, и что я должен там выступить. Вот это пожелание, чтобы я выступил, вначале несколько поставило меня в тупик. Я пришел на это высокое собрание, где оказалось очень много журналистов, артистов, была представлена самая разнообразная – я бы даже употребил слово XIX в.: разночинная самарская интеллигенция. Сел я в самом конце зала и думаю: что бы такое сказать? Начал выступать Борис Иванович Шаркунов, который в то время возглавлял департамент культуры. Он сообщил о том, что создается этот фонд, каковы его цели и задачи, и так далее.

Что случилось дальше? У меня все волнение исчезло, и я, наоборот, стал как-то закипать внутренне. Почему? Потому что начались самоотчеты: театралы отчитывались о своей деятельности, художники – о своей, писатели и журналисты – о своей... То есть ничего не изменилось по сравнению с брежневскими временами, не появилось никаких новых идей. И все говорят только о том, что им нужно оказать помощь, что нужны деньги на такие-то цели. Я понял, что в это болото нужно бросить маленькую бомбу. И, когда очередь выступать дошла до меня, я сказал: «Вы знаете, уважаемые коллеги, все, что вы говорите, очень интересно, мы давно не собирались вместе и не обсуждали этих проблем, как глобальных, так и тактических. Но я хотел бы вести речь не об этом, а о том, что есть одна задача, которую нам надо решить вместе. Надо вернуть городу его историческое имя». И дальше я подвел под эту идею такую базу: Владимир Ильич начинал свою революционную деятельность в Самаре, а не в Куйбышеве; да и Валериан Владимирович, если бы он внезапно ожил, то тоже был бы безмерно счастлив пройти по улицам старой Самары.

Что там началось! Стали выступать другие – уже забыли о создании Советского фонда культуры, и стали критиковать меня. Мол, что он тут вообще выдумал, и зачем все это нужно... Говорили, что Куйбышев был единственным из всех революционеров того периода, который ничем не был запятнан, что переименование выглядит очень некрасиво по отношению к Валериану Владимировичу. Я думаю – ну все, приехали. Приезжаю домой, на улицу Фадеева, выпил спокойно чаю... И где-то в половине восьмого или даже в девять – раздастся звонок. Звонил мне Александр Никифорович Завальный: он тогда, как и сейчас, был главным библиографом областной научной библиотеки. «Я выслушал ваше выступление, – сказал Александр Никифорович, – и есть люди, которые готовы поддержать эту идею». Он сослался, в частности, на Владислава Князева – он тогда был одним из выдающихся куйбышевских журналистов, много

писал по проблемам культуры, у него было очень легкое перо, - в том числе он проявлял заинтересованность в том, чтобы в городской топонимике сохранялись какие-то следы традиционной культуры. На следующий день мы собрались в областной библиотеке и приняли решение создать общественный комитет «Самара».

Буквально через два дня, в здании другой библиотеки – политической книги, на улице Куйбышева, – такой комитет был создан. В него вошли писатель Павлов Андрей Евгеньевич, который возглавил этот комитет, затем Завальный Александр Никифорович; в составе комитета был и архиепископ Иоанн – будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский; Рассохина Галина Николаевна, Князев Владислав, которого я уже называл, Кузьмина Людмила Гавриловна – директор библиотеки политической книги, и еще несколько человек. У комитета «Самара» было два штаба: библиографический отдел областной библиотеки и библиотека политической книги.

Если говорить о роли Людмилы Гавриловны Кузьминой, то она превратила библиотеку политической книги в центр нашей работы с общественностью. Нам важно было общественное мнение. Люди могли приносить свои письма в эту библиотеку, оставлять нам свои отзывы, для которых была заведена особая книга большая. Там были собраны десятки отзывов: в одних обосновывалась необходимость возвращения городу исторического имени, в других, напротив, писали о том, что ничего менять не нужно. Значительная часть этих материалов была позднее опубликована в книге «Возвращение Самары»². Кроме того, в адрес комитета приходили и письма по почте.

Затем мы с Павловым и Завальным пошли в исполком городского совета народных депутатов, и попросили секретаря исполкома Симонова разрешить нам сбор подписей за возвращение городу исторического имени. В результате на улице Ленинградской появились два пикета: один был возле магазина «Военторг», другой – возле детского универмага «Юность». Там были установлены транспаранты, маленькие столики, и люди, которые нам помогали, собирали подписи под воззванием, которое написали мы втроем: Павлов, Завальный и я. Кроме воззваний, мы написали письма в несколько адресов. Эти письма содержали требование вернуть историческое имя городу, и далее шло обоснование этого. Одно из них, написанное уже в 1988 г. или 1989 г., было адресовано Б. Н. Ельцину, другое – в Верховный Совет РСФСР, несколько – наиболее значимым деятелям культуры. Писали мы письма и в адрес и городского совета, и областного совета... Мы считали, что наивысшим авторитетом в делах культуры в то время, безусловно, был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Кстати, он оказал нам очень мощную поддержку от Советского фонда культуры.

Далее, мы провели несколько топонимических конференций, которые получились очень удачными и интересными. В одной из них принимал участие помощник Д. С. Лихачева, доктор филологических наук В. П. Нерознак. На конференциях был поднят широкий круг вопросов. Говорили о том, что есть несколько городов, которым, по большому счету, можно было бы вернуть их

² См.: Кабытов П. С., Павлов А. Е. Возвращение Самары. Самара, 1992.

исторические названия. Например, город Чапаевск – бывшее село Иващенко, которое было названо по имени строителя завода взрывчатых веществ, или порохового завода – генерала Иващенко. После 1917 г. этот город назывался Красная Москва, потом – Троцк, и только потом, в 1929 г., стал Чапаевском. Или взять город Новокуйбышевск: у меня было такое мнение, что, может быть, стоило назвать его Липяги, по названию ближайшей железнодорожной станции. Но самые большие дискуссии вызывал, конечно, Ставрополь-на-Волге, которому в 1964 г. было присвоено имя итальянского деятеля компартии Тольятти. С одной стороны, исторический Ставрополь-на-Волге вообще исчез с лица земли после строительства Волжской ГЭС; с другой стороны, и Пальмиро Тольятти там никогда не бывал. Нас обнадеживало то, что уже были примеры возвращения городам исторических имен. Был, например, город Лиски в Воронежской области, который после смерти лидера румынской компартии Георге Георгиу-Деж в 1965 г. стал вдруг называться Георгиу-Деж – и милые моему сердцу Лиски исчезли с географической карты. И вдруг, в 1991 г., они вновь появляются под прежним названием! Я радовался, как будто встретил вдруг близкого человека.

Наше движение прирастало людьми. К нам присоединялись медики, инженеры, студенты... Здесь, в университете, нам очень помогал Николай Федорович Волкодаев, участник Великой Отечественной войны, кандидат юридических наук; когда-то он работал деканом Всесоюзного заочного юридического института. Я не могу забыть ту исключительную активность, которую проявляла Аннэта Яковлевна Басс, директор Куйбышевского художественного музея. Эта маленькая дама с горящими глазами была пламенной патриоткой Самары. Когда я видел Аннэту Басс на заседаниях областного или городского совета, я знал, что мы победим. Она обладала каким-то необычным даром – не только убеждать людей, но и привлекать их на нашу сторону. Люди, которые находились в оппозиции к нашим идеям, после общения с ней начинали задумываться.

Можно назвать десятки имен преподавателей университета, которые так или иначе включались в это движение и относились к нему очень позитивно. С другой стороны, когда я появлялся в обкоме партии, то помощник нового секретаря Куйбышевского обкома партии В. Г. Афонина мне говорил: «Вот ты сегодня выступаешь против Куйбышева – а завтра будешь против Ленина выступать?». Я на это отвечал, что нет, против Ленина я не выступаю, я за то, чтобы город носил замечательное имя Самара.

А что на самом деле в этом названии? В нем очень много поэтики, в нем история. Здесь можно провести множество параллелей. Ведь Самара – это не только русское имя, оно имеет общекультурное значение, вызывает множество ассоциаций: Самария на Ближнем Востоке, Самарканд в Центральной Азии... В результате нашей деятельности расширилось поле работы и для тех, кто занимался топонимикой, историей Самарского края. Именно тогда у нас вышли или

были задуманы книги «История Самарского Поволжья с древнейших времен», «Земля Самарская», и, наконец, «Самарская летопись» в трех томах³.

В конечном итоге, мы собрали около 80 тыс. подписей за возвращение городу имени Самара. Восемьдесят тысяч – на миллион двести тысяч жителей города – это, конечно, капля в море. Противников возвращения исторического имени Самара было значительно больше, и у них были свои аргументы, свои суждения, почему этого не следует делать. Говорили, что это лишние затраты, что нужно будет менять карты, бланки, печати и т.д. И потом в ход шел коронный аргумент: «колбасы нет, а вы тут задумали возвращать городу имя! Водки не хватает – а вы меняете имя!». В обыденном сознании многих жителей города наше дело воспринималось как интеллигентская блажь, забава – вот, мол, тешатся эти странные люди в очках и шляпах, умствуют зачем-то, хотя сейчас другие проблемы, не до этого. Такое обыденное сознание большинства жителей города, на мой взгляд, было вызвано теми глубинными переменами, которые произошли в жизни нашего общества, начиная с 1917 г.

Давайте приведем немного статистики – ничто не убеждает лучше, чем цифры. В 1917 г. в Самаре было 200 тыс. жителей вместе с солдатским гарнизоном, численность которого составляла 60 тыс. То есть по сути дела, численность населения города составляла 140 тыс. человек, из которых большое количество приходилось на людей, которых сюда занесла первая мировая война.

В 1940 г., накануне войны, в Куйбышеве было 400 тыс. жителей. И здесь тоже львиную долю составляли люди пришлые, переехавшие сюда в 1930-е гг. из деревень, из других регионов страны, потому что здесь в то время возводились заводы, начиналась социалистическая индустриализация, выросли два промышленных гиганта – завод клапанов, завод им. Тарасова, мощно развивался трубочный завод им. Масленникова. В годы Великой Отечественной войны население города быстро росло, но удельный вес коренных местных жителей стал сокращаться катастрофическими темпами. Поэтому, вообще-то, на самом деле это чудо, что нам удалось собрать 80 тыс. подписей.

Я думаю, что мы, может быть, успели в конце 1980-х гг. выполнить важнейшую миссию, которую несет историк перед обществом. Что такое, в конце концов, историческое название? Это историческая память. Мы апеллировали к тому, что если у человека нет исторической памяти, он становится манкуртом, перекасти-полем. До каких пор мы будем катиться по этой бескрайней русской равнине, а потом по заснеженным таежным лесам, и ни за что не цепляться? Тем не менее, нам было сложно убедить и жителей города, и депутатов, в том, что возвращение исторической памяти необходимо.

Я хотел бы добавить, что мы с самого начала не хотели заниматься критикой личности самого В. В. Куйбышева. Мы считали, – хотя, возможно, это и было интеллигентство, – что не надо ворошить биографию человека, потому что, когда начинаешь копать глубоко, то наряду со светлыми страницами обя-

³ См.: Земля Самарская. Куйбышев, 1990; Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Самара, 1993; Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней. В 3 кн. Самара, 1997; 2-е изд. – Самара, 1998; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 3 кн. М., 2000.

зательно обнаруживается нечто такое, к чему не хотелось бы прикасаться. И когда волей-неволей я стал заниматься изучением биографии В. В. Куйбышева, то, конечно, увидел, что она была очень сильно мифологизирована. В создании мифа о Куйбышеве участвовал и он сам, и его семья, и ближайшее окружение. В одной из первых передач местного телевидения о Куйбышеве мы с А. Н. Завальным попытались об этом рассказать, а потом я опубликовал статью «Валериан Куйбышев: мифы и легенды»⁴. На самом деле, если поглядеть источники, то мы увидим, что В. В. Куйбышев до апреля 1917 г. не занимал каких-либо постов в партии, был обычным рядовым функционером. Он выдвинулся на передовые позиции только после того, как побывал на Апрельской конференции и VI съезде РСДРП. Лишь к осени 1917 г. он возглавил не только городскую, но и губернскую организацию большевиков. Зато колоссальной энергией обладал председатель Самарского городского Совета Александр Масленников. Он был оратором, революционным трибуном, обладал неизъяснимым даром притягивать людей. И провозглашение Советской власти в Самаре, – это, конечно, целиком заслуга Масленникова. Именно он 26 октября 1917 г. выступил в здании театра «Олимп» с зажигательной речью, и после его выступления В. В. Куйбышев поставил резолюцию о переходе всей власти в руки Советов на голосование, которое показало, что за большевистскую резолюцию проголосовало большинство присутствующих. После этого В. В. Куйбышеву осталось только встать и подвести итоги: на основе этой резолюции власть переходит в руки Советов. Таким образом, установление Советской власти в Самаре – это дело рук не одного В. В. Куйбышева, а всей массы людей, за это проголосовавших. На том этапе, конечно, для нас важно было не развенчать В. В. Куйбышева, а показать, каков в действительности был его вклад в революционные события.

Переломным этапом в борьбе за возвращение городу исторического имени стал 1990 г., когда прошли новые выборы и в городской, и в областной Совет народных депутатов. Осенью 1990 г. городской совет проголосовал за возвращение городу имени Самара. Затем состоялось заседание областного совета, где выступал ректор Куйбышевского университета, историк Ленар Васильевич Храмков, затем с исключительно яркой речью выступила Аннэта Яковлевна Басс – ей не давали слова, но она рванулась к президиуму, заняла кафедру, и в конце концов Совет проголосовал «за». Я часто задумываюсь о тех случаях, когда в жизни бывают повторы, когда вдруг происходят совпадения. Поглядите: 25 января 1935 г., в Татьянин день, городу присваивают имя Куйбышева. А потом, 25 января 1991 г., снова в Татьянин день, Б. Н. Ельцин – тогда еще Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР – подписывает указ о возвращении городу исторического имени. Не знаю: совпадение ли это, или случайность, или судьба?..

Для меня участие в тех событиях стало значимым опытом. Такие периоды, какими были для нашей страны 1980-е – 1990-е гг., когда происходит страшнейшая катастрофа, когда с исторической арены уходит гигантская дер-

---

⁴ См.: *Кабытов П. С.* Валериан Куйбышев: Мифы и реальность // *Голос Земли Самарской. Куйбышев, 1990.*

жава и сама прежняя политическая система, – это трагедия. И вот в такие тяжелейшие годы, в годы смуты, начинаешь по-новому оценивать деятельность общественных объединений, которые создаются не по подсказке сверху, не по команде, не по приказу; когда люди собираются, обсуждают, принимают какие-то конкретные решения и пытаются воплотить их в жизнь, и при этом у них нет никаких финансов, никаких ресурсов – только энтузиазм и вера в то, что историческая правда должна восторжествовать. Такие общественные объединения, на самом деле, показали свою жизненность. Может быть, потомки будут как-то иначе оценивать то, чем мы занимались, – но 1980-е гг. показали, на мой взгляд, в каком направлении может развиваться гражданская инициатива. Я вместе с коллегами интуитивно пришел к выводу, что, если мы в критических ситуациях не будем биться головой об стену и искать виновных, а будем объединяться и делать что-то конкретное, – мы обязательно найдем единомышленников. И это обнадеживает.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГААО	Государственный архив Астраханской области
ГАНИСО	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАОО	Государственный архив Оренбургской области
ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ГАУО	Государственный архив Ульяновской области
ГИА НП	Государственный исторический архив немцев Поволжья
ЛЗАК	
МАМЮ	
НА РТ	Национальный архив Республики Татарстан
ПЗС	Полное собрание законов
РГАНТД	Российский государственный архив научно-технической документации
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГБ ОР	Российская государственная библиотека. Отдел рукописей
РГВА	Российский государственный военный архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РНБ ОР	
СЗН	Саратовская земская неделя
СОГАСПИ	Самарский областной государственный архив социально-политической истории
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
СУАК	Саратовская архивная ученая комиссия
ЦГАСО	Центральный государственный архив Самарской области
ЦДНИВО	Центр документации новейшей истории Волгоградской области
ЧОИДР	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ардабацкий Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, доцент
Барина Екатерина Петровна – доктор исторических наук, профессор
Самарского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Браташова Светлана Александровна – соискатель кафедры геоэкологии
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Булывев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент ка-
федры историографии, региональной истории и археологии Института истории
и международных отношений Саратовского государственного университета им.
Н. Г. Чернышевского.

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент ка-
федры историографии, региональной истории и археологии Института истории
и международных отношений Саратовского государственного университета им.
Н. Г. Чернышевского.

Гусакова Зоя Емельяновна – историк-архивист, заслуженный работник
культуры РФ.

Кабытов Петр Серафимович – доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой Российской истории Самарского государственного университета.

Кабытова Надежда Николаевна – доктор исторических наук, профессор
кафедры Российской истории СамГУ.

Курятников Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профес-
сор кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского госу-
дарственного технического университета.

Морозова Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор ка-
федры Отечественной истории в новейшее время Института истории и между-
народных отношений Саратовского государственного университета им.
Н. Г. Чернышевского.

Пиреев Артур Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного уни-
верситета (СГАУ) им. Н. И. Вавилова.

Рашитов Фрид Айниевич – доктор исторических наук, профессор Сара-
товского института (филиал) Российского государственного торговко-
экономического университета.

Рабинович Яков Николаевич – кандидат исторических наук, ассистент ка-
федры истории России Института истории и международных отношений Сара-
товского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Сидоров Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор,
проректор Волгоградского государственного университета

Степанов Юрий Геннадиевич – доцент кафедры «Социально-
гуманитарные науки», Саратовского государственного аграрного университета
(СГАУ) им. Н. И. Вавилова.

Чолахян Вачаган Альбертович – доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой Российской цивилизации и методики преподавания ис-

тории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Юдина Таисия Васильевна – доктор исторических наук, профессор, проректор Волгоградского государственного университета

Яковлев Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Браташова С. А.</i> К проблеме возврата Увекского городища.....	3
<i>Рабинович Я. Н.</i> Основание Саратова и «Новая Саратовская летопись» (1590–1599).....	14
<i>Ардабацкий Е. Н.</i> Саратов в российском законодательстве (вторая половина XVII – первая четверть XVIII вв.).....	37

ИСТОРИЯ

<i>Рашитов Ф. А.</i> Татары в истории России.....	50
<i>Булычев М. В.</i> Аграрная эволюция в регионе рискованного земледелия: Нижнее Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX в.....	70
<i>Морозова Е. Н.</i> Становление земского либерализма в провинции: на примере Саратовского земства (1870-е – 1890-е гг.).....	93
<i>Пиреев А. И., Степанов Ю. Г.</i> «Саратовские страдания» (П. А. Столыпин и земские либералы накануне Первой русской революции 1905–1907 гг.).....	105
<i>Назаров В. В.</i> Из истории первой русской революции: эсеры Саратовского Поволжья в 1905–1907 гг.....	113
<i>Баринова Е. П.</i> Губернский земельный рынок в начале XX века: проблемы, пути решения.....	118
<i>Яковлев С. А.</i> Роль Крестьянского банка в решении вопроса землевладения и землепользования в начале XX в. (на материалах Саратовского Поволжья).....	128
<i>Гусакова З. Е.</i> Информация о И. А. Зеленском в документах Государственного архива Саратовской област.....	135
<i>Кабытова Н. Н.</i> Власть и общество Поволжских губерний в революции 1917 г.: от демократии к диктатуре.....	141
<i>Юдина Т. В.</i> Иностранцы предприниматели, специалисты и рабочие в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: на примере Нижнего Поволжья.....	155
<i>Сидоров С. Г.</i> Учреждения военного плена в Поволжье в 1941-1954 гг.....	166
<i>Курятников В. Н.</i> Становление нефтяного комплекса на Средней Волге.....	187
<i>Чолахян В. А.</i> Армяне – профессора саратовских вузов.....	204
<i>Гуменюк А. А.</i> Развитие здравоохранения в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Поволжья).....	216
<i>Кабытов П. С.</i> Возвращение Самары: Воспоминания очевидца и участника.....	235
Принятые сокращения.....	243
Сведения об авторах.....	244

Научное издание
ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Основан в 1972 году

ВЫПУСК 14

Ответственный за выпуск В. Н. Данилов.
Редактор
Технический редактор
Корректор
Оригинал макет подготовил А. А. Гуменюк